

ОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ им. Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО

ПРАВОПРИМЕНЕНИЕ

2024

Том 8 № 3

Dostoevsky Omsk State University

LAW ENFORCEMENT REVIEW

2024

Vol. 8 no. 3

ПРАВООПРИМЕНЕНИЕ

Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского

Основан в 2016 году

Т. 8, № 3 • 2024

Выходит четыре раза в год

УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ

ФГАОУ ВО «Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского»

Главный редактор – А.Н. Костюков, заведующий кафедрой государственного и муниципального права Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского, д-р юрид. наук, профессор, Заслуженный юрист Российской Федерации (г. Омск, Россия)

Заместитель главного редактора – К.В. Маслов, доцент кафедры государственного и муниципального права Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского, д-р юрид. наук, доцент (г. Омск, Россия)

Заместитель главного редактора – К.А. Пономарева, профессор кафедры государственного и муниципального права Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского, д-р юрид. наук, доцент (г. Омск, Россия)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

В.А. Азаров – заведующий кафедрой уголовного процесса и криминалистики Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского, д-р юрид. наук, проф., Заслуженный юрист Российской Федерации (г. Омск, Россия)

С.Н. Бабурин – главный научный сотрудник Института государства и права РАН, Президент Ассоциации юридических вузов России, д-р юрид. наук, проф., Заслуженный деятель науки Российской Федерации (г. Москва, Россия)

А.В. Габош – член-корреспондент РАН, главный научный сотрудник Института государства и права РАН, д-р юрид. наук, Заслуженный юрист Российской Федерации, научный руководитель юридического института Белгородского государственного национального исследовательского университета (г. Москва, Россия)

Е.В. Гриценко – профессор кафедры конституционного права Санкт-Петербургского государственного университета, д-р юрид. наук, проф. (г. Санкт-Петербург, Россия)

Л.В. Зайцева – заведующая кафедрой гражданско-правовых дисциплин Тюменского государственного университета, д-р юрид. наук, доц. (г. Тюмень, Россия)

И.А. Исаев – заведующий кафедрой истории государства и права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), д-р юрид. наук, проф., Заслуженный деятель науки Российской Федерации (г. Москва, Россия)

М.П. Клейменов – заведующий кафедрой уголовного права и криминологии Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского, д-р юрид. наук, проф., Заслуженный деятель науки Российской Федерации (г. Омск, Россия)

С.Д. Князев – профессор кафедры административного и финансового права Санкт-Петербургского государственного университета, судья Конституционного Суда Российской Федерации, д-р юрид. наук, проф., Заслуженный юрист Российской Федерации, Заслуженный деятель науки Российской Федерации (г. Санкт-Петербург, Россия)

С.А. Авакьян – заведующий кафедрой конституционного и муниципального права МГУ им. М.В. Ломоносова, д-р юрид. наук, проф., Заслуженный деятель науки Российской Федерации, Заслуженный юрист Российской Федерации, лауреат премии имени А.Ф. Кони Российской академии наук (г. Москва, Россия)

К.В. Арановский – судья Конституционного Суда Российской Федерации в отставке, д-р юрид. наук, доцент, Заслуженный юрист Российской Федерации (г. Санкт-Петербург, Россия)

А.В. Бутаков – профессор кафедры теории и истории государства и права Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского, д-р юрид. наук, проф., Заслуженный юрист Российской Федерации (г. Омск, Россия)

В.В. Векленко – профессор кафедры уголовного права Санкт-Петербургского государственного университета, д-р юрид. наук, проф., Заслуженный юрист Российской Федерации (г. Санкт-Петербург, Россия)

Ю.В. Голик – профессор кафедры юриспруденции Елецкого государственного университета им. И.А. Бунина, д-р юрид. наук, проф., академик Международной Славянской Академии, академик Сербской академии наук и образования (г. Елец, Россия)

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

В.Б. Исаков – ординарный профессор Департамента теории права и сравнительного правоведения Высшей школы экономики, д-р юрид. наук, проф., Заслуженный юрист Российской Федерации, академик МАН ИПТ (г. Москва, Россия)

А.Д. Керимов – главный научный сотрудник Института государства и права РАН, главный редактор научного журнала «Российский журнал правовых исследований», д-р юрид. наук, проф. (г. Москва, Россия)

А.И. Коробеев – заведующий кафедрой уголовного права и криминологии Дальневосточного федерального университета, д-р юрид. наук, проф., Заслуженный деятель науки Российской Федерации (г. Владивосток, Россия)

С.Э. Несмелюва – профессор кафедры конституционного права Уральского государственного юридического университета имени В.Ф. Яковлева, директор института дополнительного образования, д-р юрид. наук, проф. (г. Екатеринбург, Россия)

В.В. Сонин – научный сотрудник кафедры конституционного и административного права Дальневосточного федерального университета, канд. юрид. наук (г. Владивосток, Россия)

Е.С. Шугрина – профессор кафедры государственного и муниципального права Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского, д-р юрид. наук, проф., член Совета при Президенте РФ по развитию местного самоуправления (г. Москва, Россия)

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ЧЛЕНЫ РЕДАКЦИОННОГО СОВЕТА

Г.А. Василевич – член-корреспондент Национальной академии наук Беларуси, заведующий кафедрой конституционного права Белорусского государственного университета, д-р юрид. наук, проф., Заслуженный юрист Республики Беларусь (г. Минск, Беларусь)

Стефания Карневале – ассоциированный профессор кафедры уголовного процесса Университета Феррары, д-р юрид. наук (г. Феррара, Италия)

Мария Карфикова – профессор кафедры финансового права и финансовой науки Карлова университета, д-р юрид. наук, проф. (г. Прага, Чехия)

В.А. Малиновский – член Конституционного Совета Республики Казахстан, д-р юрид. наук, проф. (г. Астана, Казахстан)

Горазд Мешко – директор института уголовного правосудия и безопасности Университета Марибора, д-р юрид. наук, проф., Президент Европейского общества кримиологов (г. Марибор, Словения)

Махеш Налла – профессор Школы уголовного правосудия Мичиганского государственного университета, д-р юрид. наук, проф. (г. Лансинг, США)

Срето Ного – профессор факультета права, государственного управления и безопасности Университета Джона Несбитта, доктор права, президент Сербской королевской академии наук и искусств, генеральный секретарь Международной ассоциации международного уголовного права (г. Белград, Сербия)

Славомир Преснарлович – судья Высшего административного суда, д-р юрид. наук, проф. (г. Варшава, Польша)

Элизабетта Сильвестри – профессор кафедры гражданского процессуального права Университета Павии, д-р юрид. наук, член Комитета Министерства юстиции Италии по реформе гражданского процесса (г. Павия, Италия)

Бронюс Судавичюс – профессор кафедры публичного права Вильнюсского университета, д-р юрид. наук, проф. (г. Вильнюс, Литва)

Лю Сянвэнь – заведующий Центром российского права Института права Чжэнчжоуского университета, д-р юрид. наук, проф. (г. Чжэнчжоу, Китай)

Серена Форлати – директор Центра европейских правовых исследований международной организованной преступности, профессор факультета права Университета Феррары, д-р юрид. наук (г. Феррара, Италия)

Лю Хунянь – заведующий Исследовательским центром экологического права Института права Академии общественных наук КНР, д-р юрид. наук, проф. (г. Пекин, Китай)

Андреас Штайнингер – профессор экономического права в Университете г. Висмара, д-р юрид. наук (г. Висмар, Германия)

Адрес редакции: 644065, Россия, Омская область, г. Омск, ул. 50 лет Профсоюзозов, д. 100/1, каб. 311. E-mail: omsk.ier@gmail.com

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.

Регистрационный номер ПИ № ФС 77-73726 от 21 сентября 2018 года.

Журнал включен в перечень ВАК.

Объединенный подписной каталог «Пресса России». Индекс 41286. Свободная цена.

Журнал имеет полнотекстовую электронную версию на сайте <http://enforcement.omsu.ru>.

Авторы несут полную ответственность за подбор и изложение фактов, содержащихся в статьях; высказываемые ими взгляды могут не отражать точку зрения редакции.

Рукописи, присланные в журнал, не возвращаются.

Перепечатка материалов журнала допускается только по согласованию с редакцией. Любые нарушения авторских прав преследуются по закону.

Дата выхода: 19.09.2024. Ризографическая печать. Формат 60x84 1/8. Заказ 247. Тираж 25 экз.

Редактор Д.С. Нерозник. Технический редактор Е.В. Лозовая. Дизайн обложки З.Н. Образова.

Отпечатано в типографии Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского.

Адрес издателя и типографии: 644077, Россия, Омская область, г. Омск, пр. Мира, д. 55-А

LAW ENFORCEMENT REVIEW

Dostoevsky Omsk State University

Founded in 2016

Vol. 8, no. 3 • 2024

Published four times a year

FOUNDER AND PUBLISHER

Dostoevsky Omsk State University

Chief editor – Alexander N. Kostyukov, Head, Department of State and Municipal Law, Dostoevsky Omsk State University, Doctor of Law, Professor, Honoured Lawyer of the Russian Federation (Omsk, Russia)

Deputy chief editor – Kirill V. Maslov, Associate Professor, Department of State and Municipal Law, Dostoevsky Omsk State University, Doctor of Law (Omsk, Russia)

Deputy chief editor – Karina A. Ponomareva, Professor, Department of State and Municipal Law, Dostoevsky Omsk State University, Doctor of Law (Omsk, Russia)

EDITORIAL BOARD

Vladimir A. Azarov – Head, Department of Criminal Process and Criminalistics, Dostoevsky Omsk State University, Doctor of Law, Professor, Honoured Lawyer of the Russian Federation (Omsk, Russia)

Sergey N. Baburin – Chief Researcher, Institute of State and Law, Russian Academy of Sciences, President, Association of Law Universities of Russia, Doctor of Law, Professor, Honoured Scientist of the Russian Federation (Moscow, Russia)

Sergey Yu. Chucha – Chief Researcher, Sector of Procedural Law, Institute of State and Law, Russian Academy of Sciences, retired President of Moscow Arbitration Court, Doctor of Law, Professor (Moscow, Russia)

Andrey V. Gabov – Corresponding member, Russian Academy of Sciences, Chief Researcher, Institute of State and Law, Russian Academy of Sciences, Academic Director, Law Institute of Belgorod State University, Doctor of Law, Honoured Lawyer of the Russian Federation (Moscow, Russia)

Elena V. Gritsenko – Professor, Department of Constitutional Law, St. Petersburg University, Doctor of Law, Professor (St. Petersburg, Russia)

Igor A. Isaev – Head, Department of History of State and Law, Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Doctor of Law, Professor, Honoured Scientist of the Russian Federation (Moscow, Russia)

Mikhail P. Kleymenov – Head, Department of Criminal Law and Criminology, Dostoevsky Omsk State University, Doctor of Law, Professor, Honoured Scientist of the Russian Federation (Omsk, Russia)

Sergey D. Knyazev – Professor, Department of Administrative and Financial Law, St. Petersburg University, Judge, Constitutional Court of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor, Honoured Lawyer of the Russian Federation, Honoured Scientist of the Russian Federation (St. Petersburg, Russia)

Marina V. Sentsova (Karaseva) – Head, Department of Finance Law, Voronezh State University, Doctor of Law, Professor, Honoured Worker of Higher School of Russia (Voronezh, Russia)

Elena G. Shablova – Head, Academic Department of Legal Regulation of Economic Activities, Ural Federal University, Doctor of Law, Professor, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation (Yekaterinburg, Russia)

Vladimir L. Slesarev – Head, Contract Law Department, Private Law Research Centre under the President of the Russian Federation named after S.S. Alexeev, Doctor of Law, Professor, Honoured Lawyer of the Russian Federation (Moscow, Russia)

Lydia A. Terekhova – Head, Department of Civil and Arbitration Process, Dostoevsky Omsk State University, Doctor of Law, Professor, Honorary Worker of Higher School (Omsk, Russia)

Tatyana F. Yashchuk – Head, Department of Theory and History of State and Law, Dostoevsky Omsk State University, Doctor of Law, member of Russian Higher Qualification Collegium of Judges, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation (Omsk, Russia)

Larisa V. Zaitseva – Head, Department of Civil Law Disciplines, University of Tyumen, Doctor of Law, Associate Professor (Tyumen, Russia)

EDITORIAL COUNCIL

Konstantin V. Aranovsky – Retired Judge of the Constitutional Court of the Russian Federation, Doctor of Law, Associate Professor, Honoured Lawyer of the Russian Federation (St. Petersburg, Russia)

Suren A. Avakyan – Head, Department of Constitutional and Municipal Law, Lomonosov Moscow State University, Doctor of Law, Professor, Honoured Scientist of the Russian Federation, Honoured Lawyer of the Russian Federation, Russian Academy of Science Award (Koni Prize) winner (Moscow, Russia)

Alexander V. Butakov – Professor, Department of Theory and History of State and Law, Dostoevsky Omsk State University, Doctor of Law, Professor, Honoured Lawyer of the Russian Federation (Omsk, Russia)

Yuriy V. Golik – Professor, Department of Jurisprudence, Bunin Yelets State University, Doctor of Law, academician of International Slavic Academy, academician of Serbian Academy of Science and Education (Elets, Russia)

Vladimir B. Isakov – Distinguished Professor, Department of Theory of Law and Comparative Law, Higher School of Economics, Doctor of Law, Professor, Honoured Lawyer of the Russian Federation, academician of International Academy of Science, Information and Information Technologies (Moscow, Russia)

Alexander D. Kerimov – Chief Researcher, Institute of State and Law, Russian Academy of Sciences, chief editor, scientific journal "Russian journal of legal studies", Doctor of Law, Professor (Moscow, Russia)

Alexander I. Korobeev – Head, Department of Criminal Law and Criminology, Far Eastern Federal University, Doctor of Law, Professor, Honoured Scientist of the Russian Federation (Vladivostok, Russia)

Svetlana E. Nesmeyanova – Professor, Department of Constitutional Law, Ural State Law University, Director of the Institute of Further Education, Doctor of Law, Professor (Yekaterinburg, Russia)

Ekaterina S. Shugrina – Professor, Department of State and Municipal Law, Dostoevsky Omsk State University, Doctor of Law, Professor, member of Presidential Council on Local Self-Government Development (Moscow, Russia)

Victor V. Sonin – Researcher, Department of Constitutional and Administrative Law, Far Eastern Federal University, PhD in Law (Vladivostok, Russia)

Vasily V. Veklenko – Professor, Department of Criminal Law, St. Petersburg University, Doctor of Law, Professor, Honoured Lawyer of the Russian Federation (St. Petersburg, Russia)

INTERNATIONAL MEMBERS OF EDITORIAL COUNCIL

Stefania Carnevale – Associate Professor, Department of Criminal Procedure, University of Ferrara, PhD (Ferrara, Italy)

Serena Forlati – Director, Centre for European Legal Studies on Macro-Crime, Department of Law, University of Ferrara, Professor, PhD (Ferrara, Italy)

Liu Hongyan – Head, Environmental Law Research Center, Institute of Law, Chinese Academy of Social Sciences, Doctor of Law, Professor (Beijing, China)

Marie Karfikova – Professor, Department of Financial Law and Financial Science, Charles University in Prague, Doctor of Law, Professor (Prague, Czech Republic)

Victor A. Malinowskiy – member of the Constitutional Council of the Republic of Kazakhstan, Doctor of Law, Professor (Astana, Kazakhstan)

Gorazd Mesko – Director, Institute of Criminal Justice and Security, University of Maribor, Doctor of Law, Professor, President of the European Society of Criminology (Maribor, Slovenia)

Mahesh Nalla – Professor, School of Criminal Justice, Michigan State University, PhD, Professor (Lansing, USA)

Sreto Nogo – Professor, Faculty of Law, Public Administration and Security, John Naisbitt University, PhD (Belgrade, Serbia)

Slawomir Presnarowicz – Judge, Supreme Administrative Court, Doctor of Law, Professor (Warsaw, Poland)

Liu Xiangwen – Head, Centre of Russian Law, Law School, Zhengzhou University, Doctor of Law, Professor (Zhengzhou, China)

Elisabetta Silvestri – Professor, Department of Civil Procedural Law, University of Pavia, PhD, Professor, member of Italian Ministry of Justice Committee for the reform of Italian civil procedure (Pavia, Italy)

Andreas Steininger – Professor of business law, University of Wismar, Doctor of Law (Wismar, Germany)

Bronius Sudavičius – Professor, Department of Public Law, Vilnius University, Doctor of Law (Vilnius, Lithuania)

Grigoriy A. Vasilevich – Corresponding member, National Academy of Sciences of Belarus, Head, Department of Constitutional Law, Belarusian State University, Doctor of Law, Professor, Honoured Lawyer of the Republic of Belarus (Minsk, Belarus)

Address of editorial board: off. 311, 100/1, 50 let Profsoyuzov ul., Omsk, Omsk Oblast, 644065, Russia. E-mail: omsk.ler@gmail.com

Registered by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media.

Registration number ПИ № ФС 77-73726 of September 21, 2018.

Included in HAC list.

United subscription catalog "The Russian Press". Index 41286. Free price.

Full text version of the Journal is available at its website <http://enforcement.omsu.ru>.

The authors are fully responsible for the compilation and presentation of information contained in their papers; their views may not reflect the Editorial Board's point of view.

Manuscripts are not returned to the authors.

No part of the Journal materials can be reprinted without permission from the Editors.

Copyright. All rights protected.

Date of publication: September 19, 2024. Risograph printing. Format 60×84 1/8. Order 247. Circulation of 25 copies.

Editor D.S. Neroznik. Technical editor E.V. Lozovaya. Design of cover Z.N. Obrazova.

Published by Dostoevsky Omsk State University.

Address of publisher and printing house: 55-A, Mira pr., Omsk, Omsk Oblast, 644077, Russia

ПРАВОПРИМЕНЕНИЕ

Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского

Основан в 2016 году

Т. 8, № 3 • 2024

Выходит четыре раза в год

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ

Ящук Т.Ф. Этапы кодификации общесоюзного уголовно-процессуального законодательства в советский период	5
Ореховский П.А., Разумов В.И., Сапунков А.А. Понятие закона в социальных науках и конструирование реальности: философия, экономика, право	15
Воронин Б.А., Стожко К.П., Стожко Д.К. О соотношении законности и социальной справедливости в правоприменительной практике (к 180-летию со дня рождения А.Ф. Кони)	25
Шумакова Н.И. Швеция: мультикультурализм и особенности реализации свободы вероисповедания в секулярном государстве	34

ПРИМЕНЕНИЕ НОРМ ПРАВА ОРГАНАМИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ

Чуча С.Ю. Занятость, труд и социальная защита в режиме гибридного правоприменения	44
Дитятковский М.Ю., Беляцкая А.М. О совершенствовании процедуры взаимодействия Уполномоченного по правам человека в РФ и органов публичной власти	53
Миронова С.М. Правовое обеспечение социальных гарантий для лиц, занятых в гиг-экономике: российский и зарубежный опыт	62
Цинделиани И.А., Садовская Т.Д., Васильева Е.Г., Полкова Ж.Г. Налогообложение в процедурах несостоятельности (банкротства) юридических лиц	72
Липчанская М.А., Чаннов С.Е., Чурикова А.Ю. Риски использования цифровых технологий в деятельности органов местного самоуправления	82
Дмитрикова Е.А. Влияние законодательства о государственном контроле (надзоре) на практику применения законодательства об административных правонарушениях	92
Спиридонов П.Е. Регулятивно-охранительный характер административно-процессуальных правоотношений	102
Симонов А.О. Правовая природа криптоактивов и ее отражение в гражданском и налоговом законодательстве Российской Федерации	112

ПРИМЕНЕНИЕ НОРМ ПРАВА СУДЕБНЫМИ ОРГАНАМИ

Белов С.А., Ревазов М.А. Неверное толкование закона судом	122
Платонова Н.В. К вопросу о стандартах доказывания в практике Верховного Суда РФ по делам о банкротстве	132

ПРИМЕНЕНИЕ НОРМ ПРАВА ОРГАНАМИ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО СЛЕДСТВИЯ И ДОЗНАНИЯ

Степашин В.М. Уголовный кодекс Монголии. Общая часть. Преступление	142
--	-----

ПРАВОПРИМЕНЕНИЕ В ЧАСТНОМ ПРАВЕ

Щенникова Л.В. Сервитуты: правоприменение и перспективы гражданско-правового регулирования	152
--	-----

Правила для авторов	162
---------------------------	-----

LAW ENFORCEMENT REVIEW

Dostoevsky Omsk State University

Founded in 2016

Vol. 8, no. 3 • 2024

Published four times a year

CONTENTS

THEORY AND HISTORY OF LAW ENFORCEMENT

<i>Yashchuk T.F.</i> Stages of codification of All-Union criminal procedural legislation in the Soviet period.....	5
<i>Orekhovsky P.A., Razumov V.I., Sapunkov A.A.</i> The concept of law in the social sciences and the construction of reality: philosophy, economics, law	15
<i>Voronin B.A., Stozhko K.P., Stozhko D.K.</i> On the relationship of legality and social justice in law enforcement practice (to the 180th anniversary of the birth of A.F. Koni)	25
<i>Shumakova N.I.</i> Sweden: multiculturalism and specifics of religious freedom's realization in secular state	34

THE LAW ENFORCEMENT BY PUBLIC AUTHORITIES

<i>Chucha S.Yu.</i> Employment, labor and social protection in a hybrid enforcement regime.....	44
<i>Dityatkovsky M.Yu., Belyatskaya A.M.</i> On improving the procedure for interaction of the High Commissioner for Human Rights in the Russian Federation and public authorities	53
<i>Mironova S.M.</i> Legal support of social guarantees for persons employed in the gig economy: Russian and foreign experience.....	62
<i>Tsindeliani I.A., Sadovskaya T.D., Vasilyeva E.G., Popkova Zh.G.</i> Taxation in insolvency (bankruptcy) procedures of legal entities	72
<i>Lipchanskaya M.A., Channov S.E., Churikova A.Yu.</i> Risks of using digital technologies in the activities of local government bodies	82
<i>Dmitrikova E.A.</i> The influence of legislation on state control (supervision) on the practice of applying legislation on administrative offenses	92
<i>Spiridonov P.E.</i> The regulatory and protective nature of administrative and procedural legal relations	102
<i>Simonov A.O.</i> The legal nature of crypto assets and its reflection in the civil and tax legislation of the Russian Federation	112

THE LAW ENFORCEMENT BY THE JUDGES

<i>Belov S.A., Revazov M.A.</i> Incorrect interpretation of the law by the court.....	122
<i>Platonova N.V.</i> On the issue of standards of proof in the practice of the Supreme Court of the Russian Federation in bankruptcy cases.....	132

THE LAW ENFORCEMENT BY THE BODIES OF PRELIMINARY INVESTIGATION AND INQUIRY

<i>Stepashin V.M.</i> The Criminal Code of Mongolia. The General Part. Crime	142
--	-----

THE LAW ENFORCEMENT IN PRIVATE LAW

<i>Schennikova L.V.</i> Easements: law enforcement and prospects of civil law regulation	152
Author guidelines	162

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ

THEORY AND HISTORY OF LAW ENFORCEMENT

УДК 340.158

DOI 10.52468/2542-1514.2024.8(3).5-14

ЭТАПЫ КОДИФИКАЦИИ ОБЩЕСОЮЗНОГО УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В СОВЕТСКИЙ ПЕРИОД*

Т.Ф. Ящук

Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского, г. Омск, Россия

Информация о статье

Дата поступления –

27 марта 2024 г.

Дата принятия в печать –

20 июня 2024 г.

Дата онлайн-размещения –

20 сентября 2024 г.

Ключевые слова

История права, история законодательства, советское законодательство, правотворчество, структура законодательства, источники права, кодификация, уголовно-процессуальный кодекс

Используется понятие вертикальной структуры законодательства. Показаны особенности построения вертикальной структуры законодательства в условиях советского федеративного государства, где в ряде отраслей вертикальная структура включала кодифицированный общесоюзный акт и республиканский кодекс. Выделены два этапа кодификации советского уголовно-процессуального законодательства. Обоснованы хронологические рамки этапов. Дана характеристика кодификационных работ каждого этапа. Указаны причины реформирования уголовно-процессуального законодательства. Проведен анализ Основ уголовного судопроизводства СССР и союзных республик 1924 и 1958 гг. Рассмотрены проекты Уголовно-процессуального кодекса СССР. Выявлена преемственность и новизна в структуре и содержании основных кодифицированных актов по уголовному судопроизводству.

STAGES OF CODIFICATION OF ALL-UNION CRIMINAL PROCEDURAL LEGISLATION IN THE SOVIET PERIOD**

Tatyana F. Yashchuk

Dostoevsky Omsk State University, Omsk, Russia

Article info

Received –

2024 March 27

Accepted –

2024 June 20

Available online –

2024 September 20

Keywords

History of law, history of legislation, Soviet legislation, lawmaking, structure of legislation, sources of law, codification, Code of Criminal Procedure

The subject of the study is the criminal procedural legislation of the Soviet period. The purpose of the article is to highlight and characterize the stages of codification of all-Union criminal procedure legislation. The stages are highlighted taking into account changes within the two-level structure of sectoral legislation, which reflect the evolution of the Soviet state and law. All-Union codified acts were designated by the term Fundamentals. The article proves that in the conditions of a federal state, the optimal structure for criminal procedural legislation included the all-Union Fundamentals and the Republican Code. Attempts to compile a Criminal Procedure Code of the USSR were unsuccessful. The main research methods are the comparative legal method and the formal legal method. They were used to analyze and compare regulations and proposed projects. The chronological method was used to highlight the stages of codification of the all-Union criminal procedural legislation. The institutional method made it possible to consider criminal proceedings as an independent branch related to public law. Based on published and archival sources, the reasons, conditions, stages and results of codification are explored. For the first time, projects of the USSR Code of Criminal Procedure were identified and analyzed.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РНФ, проект № 24-28-01257 «Кодификация общесоюзного законодательства в советский период: проекты, акты, последствия».

** The research was supported by RSF, project No. 24-28-01257 "The Codification of All-Union Legislation in the Soviet Period: Projects, Acts, Consequences".

Two stages of codification activity are identified, the border between them being the Constitution of the USSR of 1936. At the first stage, the Fundamentals of Criminal Proceedings of the USSR and Union Republics of 1924 were approved. The foundations were based on the provisions of the Code of Criminal Procedure of the RSFSR of 1922. At the second stage, significant efforts were spent on drawing up the Code of Criminal Procedure of the USSR. The activities of special commissions involved in the preparation of the USSR Code of Criminal Procedure in the 1930-50s are considered. The termination of the development of the USSR Code of Criminal Procedure had political reasons not related to the quality of the projects. Positive results of codification activities are shown. The drafting of the USSR Code of Criminal Procedure contributed to the development of the theory of codification and the doctrine of criminal procedure legislation. Project materials were used in the preparation of the Fundamentals of Criminal Procedure of the USSR and Union Republics of 1958 and the Code of Criminal Procedure of the RSFSR of 1960.

A conclusion is made about the high continuity of basic norms and institutions in the codified acts on criminal proceedings of the Soviet period. The study provides an example of the construction and development of the vertical structure of legislation in a federal state.

1. Введение

В современных условиях возрастает научный интерес к советскому периоду истории российского государства и права. На протяжении большей части этого периода формой государственного устройства являлась сложная федерация – Союз Советских Социалистических Республик, что оказывало непосредственное воздействие на состояние законодательства. В теории права при изучении системы законодательства выделяется «структурный аспект» [1, с. 328], который позволяет дифференцировать нормативные правовые акты в рамках вертикальной и горизонтальной структуры законодательства. Вертикальная структура отражает федеративную природу современного российского и советского государства; горизонтальная – указывает на отрасли права. Один из первых актов союзного государства, Договор об образовании СССР заложил основы вертикальной структуры законодательства, установив в ст. 1 предметы ведения СССР, в том числе в законодательной сфере. Уголовно-процессуальное законодательство, относясь к отраслям публичного права, сразу же попало в сферу общесоюзного регулирования, приобретая в итоге, как и ряд других отраслей, двухуровневую внутреннюю структуру, предусматривающую наличие и общесоюзного, и республиканского закона.

Заявленная к исследованию тема, касающаяся одной отрасли права, только на первый взгляд имеет локальный характер; объективно в научном отношении она связана с рядом актуальных проблем теории и истории государства и права. Во-первых, она способствует пониманию юридической природы отечественной федерации в дихотомии «централизации–децентрализации», учитывая, что многие политические процессы в современной Российской Федера-

ции имеют истоки в советском прошлом. Во-вторых, советское законодательство общесоюзного уровня остается недостаточно исследованным в историко-правовой науке. В советский период оно не успело получить должного рассмотрения, поскольку многие крупные акты, особенно изданные в конце 1950-х – 1980-е гг., являлись действующими и поэтому входили в предмет отраслевых наук. С обретением суверенной российской государственности приоритетным стало изучение актов РСФСР, а не СССР. В-третьих, уголовно-процессуальное законодательство кодифицировалось по типу других системообразующих отраслей советского права (уголовного, гражданского и гражданского процессуального и др.), что позволяет выявить общие принципы, методики, применяемые в процессе составления общесоюзных актов. Хотя тема предлагаемой статьи имеет историко-правовую направленность, но представляет интерес для специалистов отраслевых юридических наук, поскольку отражает эволюцию источников права, динамику отдельных правовых норм и институтов.

Целью исследования является установление и характеристика этапов кодификации общесоюзного уголовно-процессуального законодательства с учетом изменений внутри двухуровневой отраслевой структуры и в контексте эволюции советского государства и права. Исследование позволит определить влияние различных факторов на выбор форм кодификации, полученные результаты могут быть учтены при планировании кодификационных работ в современных условиях.

В качестве исходной позиции, основываясь на утвердившейся в учебной и научной литературе периодизации истории российского государства и права, а также учитывая эволюцию конституционных

норм о распределении законодательных полномочий между уровнями власти в советском государстве, презюмируется выделение двух этапов кодификации общесоюзного уголовно-процессуального законодательства. Первый этап начинается после образования СССР в 1922 г. и характеризует становление общесоюзного уголовно-процессуального законодательства. Переход ко второму этапу открывает принятие Конституции СССР 1936 г., расширившей законодательные полномочия Союза ССР. В соответствии с конституционным требованием ведется подготовка Уголовно-процессуального кодекса (далее – УПК) СССР, которая была прекращена в начале 1950-х гг. Ключевым событием этапа стало утверждение Основ уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик 1958 г. Работа по кодификации общесоюзного законодательства имеет признаки дискретности, поскольку неоднократно прерывалась, что учитывалось при выделении этапов, но в целом характеризуется высокой степенью преемственности в организационных формах и содержанииготавливаемых актов.

К проблеме кодификации советского законодательства обращался широкий круг ученых. В рамках исследуемой проблематики наибольшее значение имеют работы, касающиеся источников права [2; 3], теоретических основ кодификации [4–6], развития кодификации в советский период [7; 8], юридической природы общесоюзных кодифицированных актов [9–11], проектов кодексов СССР [12; 13], кодификации советского уголовно-процессуального законодательства [14].

Источниковая база исследования включает широкий круг опубликованных и архивных документов. Использовались конституции, действовавшие кодифицированные акты, а также проекты уголовно-процессуального содержания советского периода.

2. Кодификации общесоюзного уголовно-процессуального законодательства в 1920-е гг.

Формирование советского уголовно-процессуального законодательства представляло сложный процесс, во многом производный от серьезных трансформаций судебных органов в период революции и гражданской войны. УПК РСФСР наряду с Уголовным кодексом (далее – УК) РСФСР стали первыми кодексами, принятыми после перехода к новой экономической политике. Симптоматично их синхронное вступление в действие – с 1 июля 1922 г. Взаимосвязанная разработка материального и процессуального закона в уголовно-правовой сфере стала отли-

чительной чертой законотворческой деятельности советского периода.

Образование СССР наряду с пересмотром судебной системы согласно Положению о судостроительстве РСФСР от 11 ноября 1922 г. потребовало корректировки УПК. Предметы ведения Союза ССР закреплялись в ст. 1 Договора об образовании СССР 1922 г., что указывало на особую важность этих положений. При обозначении законодательных полномочий Союза ССР использовались разные лексические конструкции: «общие начала» (о землеустройстве и землепользовании); «общее союзное законодательство» (о переселенцах); «основные законы» (о труде) и др. В п. «о» ст. 1 говорилось об установлении основ судостроительства и судопроизводства.

Актуализированный текст УПК РСФСР был утвержден Постановлением ВЦИК от 15 февраля 1923 г. Справедлива оценка С.Б. Росинского, который пишет, что «первый УПК РСФСР и УПК РСФСР 1923 г. уже давно перестали представляться как два самостоятельных кодекса: в настоящее время они воспринимаются как некий единый феномен, как две редакции одного и того же законодательного акта» [14, с. 234–235]. В качестве важного с точки зрения исследования изменения укажем, что, в отличие от редакции 1922 г., где все шесть выделенных в структуре отделов кодекса не именовались, в редакции 1923 г. большая часть разделов названия получила (отдел третий «Производство в народном суде», отдел четвертый «Производство в губернских судах и трибуналах», отдел пятый «Производство в Верховном Суде»). Фиксация судебных инстанций в структуре уголовно-процессуального закона стала общим приемом юридической техники при последующих кодификациях.

СССР развивался «как конституционная федерация» [15, с. 60], именно в конституциях закреплялись пределы полномочий союзной власти. Конституция СССР 1924 г. уточнила и расширила компетенцию верховных органов СССР, в ст. 1, которая ранее входила в Договор об образовании СССР, ставший теперь составной частью Конституции, появились новые пункты, поэтому установление основ судостроительства и судопроизводства переместилось в п. «п». Таким образом, на конституционном уровне был закреплен новый вид актов общесоюзного происхождения, в отношении которых стал использоваться собирательный термин – «Основы». В теории права отмечается особое значение данных актов, поскольку они выступали «формой кодификации об-

щесоюзного законодательства» [16, с. 248], «закладывали фундамент большинства отраслей права» [17, с. 266].

Для выполнения конституционного требования Президиум ЦИК СССР образовал Конституционную комиссию по разработке Основ законодательства Союза ССР и союзных республик и 15 февраля 1924 г. утвердил ее состав. Руководителем Комиссии был назначен член Президиума ЦИК Союза ССР, нарком юстиции РСФСР Д.И. Курский¹. Непосредственная подготовка проектов Основ по отдельным отраслям возлагалась на профильные подкомиссии [18, с. 170]. К составлению проекта Основ уголовного судопроизводства СССР и союзных республик были привлечены известные юристы П.И. Стучка и Н.В. Крыленко. Данный проект вместе с Основами судопроизводства Союза ССР и союзных республик и Основными началами уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик был внесен на рассмотрение Второй сессии ЦИК СССР 2-го созыва, проходившей в конце октября 1924 г. Окончательной доработкой проектов уже на самой сессии занималась специально созданная согласительная комиссия, куда вошли представители союзных и автономных республик².

Впоследствии Н.В. Крыленко писал, что, в отличие от двух других проектов, Основы уголовного судопроизводства не вызвали «при своем прохождении в отдельных законодательных инстанциях ни особо жарких прений, ни особо острых разногласий; возникавшие споры по поводу тех или других судопроизводственных норм вращались главным образом вокруг норм, ограничивающих, или, наоборот, расширявших в той или иной степени компетенцию Союза или союзных республик» [19, с. 3].

В окончательной редакции Основы уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик были утверждены Постановлением Президиума ЦИК 31 октября 1924 г. Они широко публиковались и вошли в официальное хронологическое издание – Собрание законов и распоряжений Рабоче-Крестьянского правительства СССР³. Основы отличались краткостью (включали 32 статьи), их текст не был структурирован. Большая часть статей представляла заимствования из УПК РСФСР 1922 г., который в исходной редакции насчитывал 481 статью.

Лаконичность Основ отчасти объяснялась в ст. 1, где указывались источники общесоюзного уголовно-процессуального законодательства: а) настоящий акт (названный почему-то Положением об основах уголовного судопроизводства); б) издаваемые в порядке общесоюзного законодательства особые положения о Верховном суде Союза ССР и издаваемые в порядке общесоюзного законодательства специальные положения, определяющие особенности производства в военно-судебных учреждениях; в) уголовно-процессуальные законы союзных республик.

Несмотря на краткость документа, в нем были отражены принципиальные положения советского уголовного процесса, определяющие полномочия прокурора, следователя, судьи и органов дознания, порядок возбуждения дел, стадии уголовного процесса, процедуру судебного заседания, кассационно-ревизионный порядок пересмотра приговоров. Все эти положения уже присутствовали в УПК РСФСР, поэтому его переделка не требовалась. При разработке кодексов в других союзных республиках следовало опираться на содержание Основ.

В результате нормы уголовного судопроизводства были кодифицированы в рамках иерархической структуры законодательства, включающей общесоюзные Основы и республиканский кодекс. Такая модель кодификации была применена впервые именно в отношении публичных отраслей (уголовного права и уголовного процесса), но по итогам апробации могла быть экстраполирована и на другие отрасли.

Для понимания логики следующего этапа кодификации общесоюзного законодательства необходимо рассмотреть процессы, которые складывались в сфере применения уголовно-процессуальных норм. Неизбежные недостатки, которые обнаруживались в ходе судебных разбирательств по уголовным делам, стали объяснять сохранением в уголовном процессе буржуазных принципов состязательности, непосредственности, гласности и устности, в то время как революционной эпохе нужен «процесс, который бы гарантировал возможность быстрой и в случае необходимости жесткой репрессии со стороны пролетарской власти в отношении своих классовых врагов»⁴.

¹ Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. Р-3316. Оп. 16. Д. 5. Л. 34, 42.

² Вторая сессия ЦИК СССР 2-го созыва: бюл. М., 1924. № 11. С. 599.

³ Собрание законов и распоряжений Рабоче-Крестьянского правительства СССР. Отд. первый. 1924. № 24. Ст. 206.

⁴ Тезисы о реформе УПК // Еженедельник советской юстиции. 1927. № 47. С. 1471.

Наркоматом юстиции была предложена крупная реформа уголовно-процессуального законодательства, как объявлялось, с целью достижения «его большей эластичности, гибкости и чуткости по отношению к требованиям опыта» [20, с. 1457], а фактически – существенно упрощавшая уголовное судопроизводство. Однако на данном этапе она «почти никем поддержана не была» [21, с. 781]. Сама необходимость подготовки нового закона не оспаривалась, напротив, проект УПК РСФСР, выдвинутый Наркоматом юстиции в 1928 г.⁵, продолжал редактироваться, в 1931 г. он был опубликован с обращением исполняющего обязанности наркома юстиции А.Я. Вышинского⁶. Остановка его дальнейшего продвижения связана с подготовкой Конституции СССР 1936 г.

3. От проектов УПК СССР к Основам уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик 1960 г.

Возобновление законопроектной деятельности в конце 1930-х гг. проходило в существенно иных политико-правовых реалиях. Конституция СССР 1936 г. еще больше расширила сферу кодификационных полномочий Союза ССР: согласно п. «х» ст. 14 в виде общесоюзных актов следовало принять законы о судостроительстве и судопроизводстве, а также уголовный и гражданский кодексы. Закон о судостроительстве СССР, союзных и автономных республик был утвержден Верховным Советом СССР 16 августа 1938 г. Составление общесоюзных кодексов оказалось более сложной задачей.

Для ее выполнения были предприняты серьезные организационные действия. Во-первых, повышен статус Наркомата юстиции: согласно Конституции СССР 1936 г. он стал союзно-республиканским наркоматом. Во-вторых, в 1936 г. на базе ранее действовавших научных учреждений создан Всесоюзный институт юридических наук (далее – ВИЮН), подчиненный Наркомату юстиции СССР, который стал научным центром кодификационных работ. Исследователи истории ВИЮН пишут, что комиссия по составлению УПК СССР работала под общим руководством Б.С. Ошеровича [22, с. 130]. В-третьих, усиливается

внимание к теоретическим вопросам кодификации. Е.Н. Трикоз отмечает, что «в 1930–1960-е гг. начался следующий этап в эволюции советской доктрины кодификации и ее юридико-технического направления в виде разработки легистики кодекса» [23, с. 913]. Поэтому составление проектов кодексов планировалось завершить к созыву Первой научной сессии ВИЮН, чтобы обсудить доктринальные и практические вопросы в среде юридической общественности. 19 января 1939 г. проект УПК СССР был подписан в печать⁷, 27 января открылась Первая научная сессия ВИЮН. С пленарным докладом «Основные проблемы науки советского социалистического права» выступил председатель Верховного суда СССР, директор института И.Т. Голяков, далее работа продолжалась по секциям. На секции уголовного процесса первым был заслушан доклад Б.Я. Арсеньева «Основные принципы проекта Уголовно-процессуального кодекса СССР»⁸.

Наиболее заметные новации проекта были обусловлены принятием в 1938 г. нового Закона о судостроительстве. К ним относились положения об изменении порядка рассмотрения дел по жалобам и протестам, об ограничении числа надзорных инстанций. Обсуждаемыми были вопросы об участии и роли в судебном процесс прокурора и защитника. По поводу полномочий прокурора существенных разногласий не обнаружилось, предложение допущения защиты на стадии предварительного следствия было отклонено, защита вступала в дело только с момента предъявления обвинения. По итогам сессии проект УПК СССР был доработан с учетом поступивших замечаний и предложений и опубликован в новой редакции⁹. Проект УПК 1939 г. хотя и готовился изначально как общесоюзный закон, демонстрировал высокую степень преемственности с проектами УПК РСФСР 1928 и 1931 гг.: в структуре не было крупных разделов, имелись только главы; практически совпадает число глав (в обоих проектах УПК РСФСР – 18, в проекте УПК СССР – 17), несущественно менялось их расположение и наименование.

Сравнение двух редакций УПК 1939 г. также свидетельствует об их тождественности по основ-

⁵ Проект Уголовно-процессуального кодекса РСФСР (принят коллегией НКЮ 7 декабря 1928 г.) // Еженедельник советской юстиции. 1928. № 46/47. С. 1180–1194.

⁶ Проект уголовно-процессуального кодекса РСФСР. М.: Совет. изд-во, 1931. 40 с.

⁷ Проект уголовно-процессуального кодекса СССР: разработан Всесоюз. ин-том юрид. наук НКЮ СССР. М.: Юрид. изд-во НКЮ СССР, 1939.

⁸ Первая научная сессия Всесоюзного института юридических наук // Проблемы социалистического права. 1939. № 2. С. 134.

⁹ Проект уголовно-процессуального кодекса СССР: переработ. Всесоюз. ин-том юрид. наук НКЮ СССР. М.: Юрид. изд-во НКЮ СССР, 1939.

ным позициям. Практически не изменилась структура кодекса, в переработанном варианте она имела следующий вид: Гл. I. Основные положения; Гл. II. Доказательства; Гл. III. Возбуждение уголовного дела; Гл. IV. Общие условия расследования; Гл. V. Привлечение и допрос обвиняемого; Гл. VI. Меры пресечения; Гл. VII. Следственные действия; Гл. VIII. Приостановление и окончание расследования; Гл. IX. Подсудность; Гл. X. Состав суда и стороны; Гл. XI. Предание суду и подготовительные к судебному заседанию действия; Гл. XII. Судебное заседание; Гл. XIII. Вынесение приговора; Гл. XIV. Пересмотр приговоров и определений, не вступивших в законную силу; Гл. XV. Исполнение приговоров; Гл. XVI. Пересмотр приговоров и определений, вступивших в законную силу; Гл. XVII. Возобновление дел по вновь открывшимся обстоятельствам¹⁰. На три статьи увеличился объем проекта.

В период Великой Отечественной войны законопроектные работы были приостановлены. Возобновление кодификационной деятельности предусматривало Постановление Совета Министров СССР от 12 июня 1946 г. «О подготовке проектов Уголовного и Уголовно-процессуального кодексов СССР». Создавалась специальная Правительственная комиссия во главе с министром юстиции СССР Н.М. Рычковым, которой поручалось представить оба проекта в Совет Министров не позднее 15 апреля 1947 г.¹¹ Однако к намеченному сроку Комиссия с поручением не справилась. Причем проект УК, хоть и с опозданием, но был составлен. После смены руководства Наркомата юстиции СССР комиссия прекратила работу.

Установка на продолжение кодификации была подтверждена в Постановлении Совета Министров СССР от 6 марта 1948 г. «О проектах Уголовного и Уголовно-процессуального кодексов СССР». Комиссию возглавил вновь назначенный министр юстиции К.П. Горшенин. В данном случае комиссия завершила проект. В августе 1948 г. он был опубликован в виде отдельной книги и разослан для обсуждения. В принципиальных положениях новый проект не отличался от того, на котором остановились в довоенный период. Изменения заметны в приемах систематизации нормативного материала и в юридической технике. Перестроена структура кодекса: в ней впервые

выделялись и именовались разделы. Их было немного: I. Общие положения; II. Возбуждение уголовного дела, дознание и предварительное следствие; III. Производство в суде первой инстанции; IV. Производство в суде второй инстанции; V. Исполнение приговоров; VI. Пересмотр приговоров и определений, вступивших в законную силу¹².

Итоговый проект УПК СССР вместе с проектом УК СССР был передан Правительством в Комиссии законодательных предположений Совета Союза и Совета Национальностей при Верховном Совете СССР. В законотворческом механизме СССР прохождение Комиссий законодательных предположений Совета Союза и Совета Национальностей было обязательной ступенью перед утверждением высшим законодательным органом – Верховным Советом СССР. Однако смерть Сталина, соперничество в руководстве государства, первые действия по гуманизации уголовно-правовой сферы, как, например, издание Указа «Об амнистии» 1953 г., потребовали изменений в содержании проекта УПК СССР.

Постановлением ЦК КПСС в декабре 1953 г. была образована новая комиссия, за которой закрепилось неофициальное название «Комиссия Горшенина». Именно ей поручалось завершить проекты УК и УПК и внести их на рассмотрение в ЦК КПСС¹³. В итоге 21 июня 1955 г. проект УПК СССР вместе с объяснительной запиской и справочными материалами, как и проект УК СССР, был направлен Председателем Президиума Верховного Совета СССР К.Е. Ворошиловым в Президиум ЦК КПСС¹⁴. На данном этапе заметно активное включение в кодификационный процесс высшего партийного органа, что, возможно, связано с личной позицией и заинтересованностью Н.С. Хрущева, занявшего пост Первого секретаря ЦК КПСС.

Однако на уровне ЦК КПСС продвижение проектов общесоюзных кодексов было остановлено. Ю.А. Тихомиров отмечает, что в организации государственной власти «с 1956 г. начинается новый период децентрализации» [24, с. 99], кардинально меняется идеологическая парадигма об иерархии источников советского права, распределении законодательных полномочий между общесоюзным центром и союзными республиками.

¹⁰ Проект уголовно-процессуального кодекса СССР: переработ. Всесоюз. ин-ом юрид. наук НКЮ СССР.

¹¹ ГА РФ. Ф. Р-7523. Оп. 45а. Д. 14. Л. 94, 98.

¹² Уголовно-процессуальный кодекс Союза Советских Социалистических Республик. М., 1948. С. 2.

¹³ ГА РФ. Ф. Р-7523. Оп. 45а. Д. 14. Л. 96.

¹⁴ Там же. Л. 97.

Шестая сессия Верховного Совета СССР 4-го созыва (5–12 февраля 1957 г.) внесла изменение в п. «х» ст. 14 Конституции СССР 1936 г. Принятие гражданского, уголовного и процессуальных кодексов переходило в ведение союзных республик¹⁵. Ранее, в 1956 г., было упразднено Министерство юстиции СССР, кодификационные полномочия в сфере общесоюзного законодательства были переданы Юридической комиссии при Совете Министров СССР. Публично заявлялось о нецелесообразности наличия кодексов СССР, напротив, доказывалась необходимость сохранения и совершенствования двухуровневой структуры отраслевого законодательства. Первые проекты общесоюзных актов, составленные Юридической комиссией СССР, касались уголовного материального и процессуального права. Для Основ уголовного судопроизводства в качестве исходных источников использовались Основы 1924 г., УПК РСФСР 1922 г., проекты общесоюзных кодексов. Кроме того, предметно изучалось закрепление ключевых институтов «в действующем уголовно-процессуальном законодательстве зарубежных социалистических и некоторых капиталистических стран» [25, с. 326].

25 декабря 1958 г. Верховный Совет СССР утвердил Основы уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик¹⁶. Они включали шесть разделов: I. Общие положения; II. Участники процесса, их права и обязанности; III. Дознание и предварительное следствие; IV. Производство в суде первой инстанции; V. Производство дел в кассационной и надзорной инстанциях; VI. Исполнение приговоров.

Очевидно существенное повторение структуры, впервые зафиксированной в проекте УПК СССР 1948 г. и закрепляющей инстанционность советского суда. Наиболее существенным отличием является включение второго раздела, который подчеркивал состязательность процесса, защиту прав граждан, устанавливал нормативное препятствие применению необоснованных репрессий. Принятые с учетом Основ республиканские кодексы в целом повторяли структуру общесоюзного закона, но не содержали специальный раздел об участниках процесса, их статус описывался в отдельных главах и статьях, вошедших в первый раздел.

В современной Российской Федерации Основы в совокупности с УПК РСФСР сохраняли юридиче-

скую силу до 1 июля 2002 г., т. е. до введения в действие УПК РФ.

4. Заключение

Этапы кодификации уголовно-процессуального законодательства в исследуемый период отражали эволюцию советской федерации. На первом этапе в соответствии с конституционными требованиями была разработана и апробирована модель двухуровневой структуры отраслевого законодательства, включающая общесоюзные Основы и республиканский кодекс. Основы уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик 1924 г. реципировали многие принципы и нормы ранее принятого УПК РСФСР 1922 г. Выявившиеся недостатки уголовно-процессуального законодательства могли быть преодолены путем доработки обоих актов. Однако в процессе централизации государственной власти кодификация уголовно-процессуального законодательства была передана на общесоюзный уровень.

На втором этапе общесоюзная кодификация выступает как способ укрепления социалистической законности, обеспечения единства правового пространства. Большой научный интерес представляет вопрос о перспективах принятия кодексов СССР, однако его рассмотрение выходит за рамки данной статьи. Отметим, что отказ от общесоюзной кодификации уголовно-процессуального законодательства имел политические, а не формально-юридические причины, обусловленные внутренним состоянием данной отрасли законодательства.

Необходимо указать на продуктивность и полезность результатов кодификационной деятельности конца 1930-х – начала 1950-х гг., хотя УПК СССР, как и иные проекты (УК СССР, Гражданского кодекса СССР, Гражданского процессуального кодекса СССР), не состоялся в качестве закона. Во-первых, получила развитие общая теория кодификации и доктрина уголовно-процессуального права. Во-вторых, накопленный материал широко использовался при составлении Основ уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик 1958 г. и УПК РСФСР 1960 г. Без серьезного законопроектного задела в сжатые сроки подготовить и утвердить такие крупные акты было просто невозможно.

Проведенное исследование показывает пример построения и развития вертикальной структуры

¹⁵ Заседания Верховного Совета СССР 4-го созыва, шестая сессия (5–12 февраля 1957 г.): стеногр. отчет. М.: Верхов. Совет СССР, 1957. С. 735.

¹⁶ Ведомости Верховного Совета СССР. 1959. № 1. Ст. 15.

законодательства, которая характерна для федеративного государства. Оно восполняет ряд пробелов в историко-правовой науке (о проектах УПК СССР, о степени преемственности в структуре и содержании

основных кодифицированных актов по уголовному судопроизводству), позволяет полнее реконструировать противоречивый процесс эволюции советского права и законодательства.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Проблемы общей теории государства и права / под ред. В. С. Нерсисянца. – М. : Инфра-М, 2004. – 832 с.
2. Марченко М. Н. Источники права / М. Н. Марченко. – М. : Проспект, 2005. – 760 с.
3. Тихомиров Ю. А. Теория закона / Ю. А. Тихомиров. – М. : Наука, 1982. – 257 с.
4. Керимов Д. А. Кодификация и законодательная техника / Д. А. Керимов. – М. : Госюриздат, 1962. – 104 с.
5. Рахманина Т. Н. Кодификация законодательства / Т. Н. Рахманина. – М. : Юристъ, 2005. – 141 с.
6. Кабрияк Р. Кодификации / Р. Кабрияк ; пер. и вступ. ст. Л. В. Головкин. – Самара : Статут, 2007. – 474 с.
7. Развитие кодификации советского законодательства / отв. ред. С. Н. Братусь. – М. : Юридическая литература, 1968. – 247 с.
8. Поленина С. В. Научные основы типологии нормативных правовых актов в СССР / С. В. Поленина, Н. В. Сильченко. – М. : Наука, 1987. – 151 с.
9. Понтович Э. Кодификация общесоюзного законодательства / Э. Понтович // Советское строительство. – 1930. – № 2. – С. 25–36.
10. Петров А. А. Основы законодательства СССР и союзных республик в контексте развития идеи формального приоритета кодифицированных актов / А. А. Петров // Ленинградский юридический журнал. – 2016. – № 2. – С. 19–28.
11. Кодан С. В. Основы законодательства Союза ССР и союзных республик в централизации и образовании единого правового пространства СССР (вторая половина 1950-х – 1970-е гг.) / С. В. Кодан // Юридические исследования. – 2023. – № 1. – С. 22–33. – DOI: 10.25136/2409-7136.2023.1.39510.
12. Сорокина А. В. Проект Уголовного кодекса СССР 1939 г.: общая характеристика особенной части / А. В. Сорокина // Вестник Томского государственного университета. Право. – 2018. – № 27. – С. 94–108. – DOI: 10.17223/22253513/27/10.
13. Ящук Т. Ф. Кодификационные проекты советского уголовного законодательства в конце 1920-х – начале 1930-х гг. / Т. Ф. Ящук // Вестник Томского государственного университета. – 2023. – № 492. – С. 210–219.
14. Россинский С. Б. УПК РСФСР 1922 года – первый кодифицированный источник советского уголовно-процессуального права (к 100-летию с момента принятия) / С. Б. Россинский // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. – 2022. – № 3 (23). – С. 234–235. – DOI: 10.55001/2587-9820.2022.80.35.022.
15. Костюков А. Н. Союз Советских Социалистических Республик: к столетию образования / А. Н. Костюков // Правоприменение. – 2022. – Т. 6, № 2. – С. 57–64. – DOI: 10.52468/2542-1514.2022.6(2).57-64.
16. Правотворчество в СССР / под ред. А. В. Мицкевича. – М. : Юридическая литература, 1974. – 319 с.
17. Бошно С. В. Формы российского права / С. В. Бошно. – М. : Право и закон, 2004. – 320 с.
18. Максимова О. Д. Законотворчество в СССР в 1922–1936 годах / О. Д. Максимова. – М. : Зерцало-М, 2014. – 400 с.
19. Крыленко Н. В. Основы уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик / Н. В. Крыленко. – М. ; Л. : Гос. изд-во, 1928. – 157 с.
20. Крыленко Н. В. К проекту нового УПК / Н. В. Крыленко // Ежедневник советской юстиции. – 1927. – № 47. – С. 1457–1474.
21. Йодковский А. Проект Уголовно-процессуального кодекса / А. Йодковский // Ежедневник советской юстиции. – 1928. – № 28. – С. 781–784.
22. Пашенцев Д. А. Вековая история развития научной школы правотворчества Института / Д. А. Пашенцев, М. В. Залоило, Н. В. Путило // Журнал российского права. – 2023. – Т. 27, № 11. – С. 127–139.
23. Трикоз Е. Н. Модель советской уголовно-правовой кодификации: методологические и юридико-технические особенности / Е. Н. Трикоз // RUDN Journal of Law. – 2022. – Т. 26, № 4. – С. 890–920. – DOI: 10.22363/2313-2337-2022-26-4-890-920.

24. Тихомиров Ю. А. Централизация и децентрализация: динамика соотношения / Ю. А. Тихомиров // Журнал российского права. – 2007. – № 2. – С. 99–105.

25. Ящук Т. Ф. Систематизация российского законодательства в советский период / Т. Ф. Ящук. – Омск : Изд-во ОмГУ, 2021. – 414 с.

REFERENCES

1. Nersesyants V.S. (ed.). *Problems of the general theory of law and state*. Moscow, Infra-M Publ., 2004. 832 p. (In Russ.).
2. Marchenko M.N. *Sources of law*. Moscow, Prospekt Publ., 2005. 760 p. (In Russ.).
3. Tikhomirov Yu.A. *Theory of law*. Moscow, Nauka Publ., 1982. 257 p. (In Russ.).
4. Kerimov D.A. *Codification and legislative technique*. Moscow, State Legal Publishing House, 1962. 104 p. (In Russ.).
5. Rakhmanina T.N. *Codification of legislation*. Moscow, Yurist Publ., 2005. 141 p. (In Russ.).
6. Cabrillac R. *Les codifications* [Codifications], trans. and introduction by L.V. Golovko. Samara, Statut Publ., 2007. 474 p. (In Russ.).
7. Bratus' S.N. (ed.). *Development of codification of Soviet legislation*. Moscow, Yuridicheskaya literatura Publ., 1968. 247 p. (In Russ.).
8. Polenina S.V., Sil'chenko N.V. *Scientific foundations of the typology of normative legal acts in the USSR*. Moscow, Nauka Publ., 1987. 151 p. (In Russ.).
9. Pontovich E. Codification of the all-Union legislation. *Sovetskoe stroitel'stvo*, 1930, no. 2, pp. 25–36. (In Russ.).
10. Petrov A.A. Bases of the legislation of the USSR and federal republics in the context of development of idea of the codified acts formal priority. *Leningradskii yuridicheskii zhurnal = Leningrad Legal Journal*, 2016, no. 2, pp. 19–28. (In Russ.).
11. Kodan S.V. Fundamentals of the Legislation of the Union SSR and the Union Republics in the Centralization of the Legislative Space of the USSR (the Second Half of the 1950s - 1970s). *Yuridicheskie issledovaniya = Legal Studies*, 2023, no. 1, pp. 22–33. DOI: 10.25136/2409-7136.2023.1.39510. (In Russ.).
12. Sorokina A.V. The Draft Criminal Code of the USSR in 1939: General Characteristics Special Parts. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo = Tomsk State University Journal of Law*, 2018, no. 27, pp. 94–108. DOI: 10.17223/22253513/27/10. (In Russ.).
13. Yashchuk T.F. Codification projects of the Soviet criminal legislation in the late 1920s and early 1930s. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta = Tomsk State University Journal*, 2023, no. 492, pp. 210–219. (In Russ.).
14. Rossinsky S.B. Code of Criminal Procedure of the RSFSR of 1922 – the first codified source of soviet criminal procedure law (the 100th anniversary of adoption). *Kriminalistika: vchera, segodnya, zavtra = Forensics: yesterday, today, tomorrow*, 2022, no. 3 (23), pp. 229–238. DOI: 10.55001/2587-9820.2022.80.35.022. (In Russ.).
15. Kostyukov A.N. Soviet Union: to the centenary of formation. *Pravoprimenenie = Law Enforcement Review*, 2022, vol. 6, no. 2, pp. 57–64. DOI: 10.52468/2542-1514.2022.6(2).57-64.
16. Mitskevich A.V. (ed.). *Lawmaking in the USSR*. Moscow, Yuridicheskaya literatura Publ., 1974. 248 p. (In Russ.).
17. Boshno S.V. *Forms of Russian law*. Moscow, Pravo i zakon Publ., 2004. 320 p. (In Russ.).
18. Maksimova O.D. *Lawmaking in the USSR in 1922-1936*. Moscow, Zertsalo-M Publ., 2014. 400 p. (In Russ.).
19. Krylenko N.V. *Fundamentals of criminal proceedings of the USSR and the Union Republics*. Moscow, Leningrad, State Publishing House, 1928. 157 p. (In Russ.).
20. Krylenko N.V. To the draft of the new CPC. *Ezhenedel'nik Sovetskoi yustitsii*, 1927, no. 47, pp. 1457–1474. (In Russ.).
21. Iodkovskii A. Draft Code of Criminal Procedure. *Ezhenedel'nik Sovetskoi yustitsii*, 1928, no. 28, pp. 781–784. (In Russ.).
22. Pashentsev D.A., Zaloilo M.V., Putilo N.V. The Century-Old History of the Development of Institute's Law-Making Scientific School. *Zhurnal rossiiskogo prava = Journal of Russian Law*, 2023, vol. 27, no. 11, pp. 127–139. (In Russ.).

23. Trikoz E.N. Model of the Soviet criminal law codification: methodological, legal and technical features. *RUDN Journal of Law*, 2022, vol. 26, no. 4, pp. 890–920. DOI: 10.22363/2313-2337-2022-26-4-890-920.

24. Tikhomirov Yu.A. Centralization and decentralization: dynamics of correlation. *Zhurnal rossiiskogo prava = Journal of Russian Law*, 2007, no. 2, pp. 99–105. (In Russ.).

25. Yashchuk T.F. *Systematization of Russian legislation in the Soviet period*. Omsk, Omsk State University Publ., 2021. 414 p. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Ящук Татьяна Федоровна – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой теории и истории государства и права
Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского
644077, Россия, г. Омск, пр. Мира, 55а
E-mail: yashukomsu@mail.ru
ResearcherID: ABA-1529-2021
ORCID: 0000-0002-3930-8557
SPIN-код РИНЦ: 5320-8909; AuthorID: 490627

INFORMATION ABOUT AUTHOR

Tatyana F. Yashchuk – Doctor of Law, Professor; Head, Department of Theory and History of State and Law
Dostoevsky Omsk State University
55a, Mira pr., Omsk, 644077, Russia
E-mail: yashukomsu@mail.ru
ResearcherID: ABA-1529-2021
ORCID 0000-0002-3930-8557
RSCI SPIN-code: 5320-8909; AuthorID: 490627

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Ящук Т.Ф. Этапы кодификации общесоюзного уголовно-процессуального законодательства в советский период / Т.Ф. Ящук // *Правоприменение*. – 2024. – Т. 8, № 3. – С. 5–14. – DOI: 10.52468/2542-1514.2024.8(3).5-14.

BIBLIOGRAPHIC DESCRIPTION

Yashchuk T.F. Stages of codification of All-Union criminal procedural legislation in the Soviet period. *Pravoprimerenie = Law Enforcement Review*, 2024, vol. 8, no. 3, pp. 5–14. DOI: 10.52468/2542-1514.2024.8(3).5-14. (In Russ.).

ПОНЯТИЕ ЗАКОНА В СОЦИАЛЬНЫХ НАУКАХ И КОНСТРУИРОВАНИЕ РЕАЛЬНОСТИ: ФИЛОСОФИЯ, ЭКОНОМИКА, ПРАВО

П.А. Ореховский¹, В.И. Разумов², А.А. Сапунков²

¹ *Институт экономики Российской академии наук, г. Москва, Россия*

² *Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского, г. Омск, Россия*

Информация о статье

Дата поступления –

02 мая 2024 г.

Дата принятия в печать –

20 июня 2024 г.

Дата онлайн-размещения –

20 сентября 2024 г.

Ключевые слова

Детерминизм, стохастика,
устойчивость, императив,
«эконометриковерие»,
нарратив, неправовой закон,
кризис государства, миф,
социальное конструирование

На фоне продолжающейся фрагментации науки, смены образов науки и ученых в сознании человека и общества вновь становятся актуальными дискуссии вокруг категорий, обладающих большим потенциалом интеграции разнообразных знаний. К таковым относятся понятия науки и закона. В работе рассматривается кризис прежнего понимания закона как устойчивой причинно-следственной связи в социальных и гуманитарных науках. Продуктивным является смещение акцента обсуждения с законов соответствующих дисциплин к правилам коммуникации ученых в этих дисциплинах. Именно гуманитарии и обществоведы оказывают решающее влияние на процесс легитимации новых законов, вне зависимости от личных мотивов собственной деятельности.

Разделы 3, 4 подготовлены П.А. Ореховским, разделы 1, 2 – В.И. Разумовым, раздел 5 – В.И. Разумовым и А.А. Сапунковым совместно. Во всем остальном авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

THE CONCEPT OF LAW IN THE SOCIAL SCIENCES AND THE CONSTRUCTION OF REALITY: PHILOSOPHY, ECONOMICS, LAW

Pyotr A. Orekhovsky¹, Vladimir I. Razumov², Andrey A. Sapunkov²

¹ *Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia*

² *Dostoevsky Omsk State University, Omsk, Russia*

Article info

Received –

2024 May 02

Accepted –

2024 June 20

Available online –

2024 September 20

Keywords

Determinism, stochastics, stability,
imperative, "econometrictrust",
narrative, non-legal law, crisis of
the state, myth, social
construction

Introduction. Against the background of the ongoing fragmentation of science, the changing images of science and scientists in the minds of man and society, discussions around categories with great potential for integrating diverse knowledge are becoming relevant again. These include the concepts of "science" and "law".

Purpose. The purpose of this article is to consider the crisis of the previous understanding of the law as a stable causal relationship in the social sciences and humanities.

Methodology. The following methods were used: discourse analysis, realistic and nominalistic approaches in philosophy, dialectics, determinism and stochastics in economics, interdisciplinary research, systemic legal and comparative legal approaches, system analysis.

Results. Results. The paper presents examples of the gradual disappearance of "laws" from philosophical and economic discourses, despite the previous orientation of social and humanitarian sciences to natural science and exact sciences as "reference". However, the complexity and variability of economic phenomena leads to the destruction of the previous clear functional dependencies. In turn, the ontology of modern economics is beginning to include an increasing use of various narratives. The opposite direction, which contains an attempt to preserve the previous understanding of the "law", is "econometricianism". The main area of use of the "law" remains the legal sciences, but here too the paradox of the "non-legal law" appears. Law, as a historical phenomenon, is directly related to ethical imperatives and the problem of legitimation. Social changes lead to the fact that the scope of "illegal laws" is expanding and threatens the existence of the institution of the state.

Conclusion. In conclusion, the kinship of the previous concepts of the "myth" is noted. The topic of law is discussed together with the concept of myth with a social construct, and social reform with myth—making. Humanitarians working in their fields do not discover,

but create laws, influencing the forms of society: legal regimes, methods of economic exchange, forms of social communication. Thus, it is productive to shift the focus of the discussion from the laws of the relevant disciplines to the rules of communication of scientists in these disciplines. It is the humanities and social scientists who have a decisive influence on the process of legitimizing new laws, regardless of the personal motives of their own activities.

Authors' contributions. Sections 3, 4 prepared by P.A. Orekhovsky; sections 1, 2 prepared by V.I. Razumov, section 5 prepared by V.I. Razumov and A.A. Sapunkov jointly. In all other respects, authors made equivalent contributions to the publication.

1. Введение: контуры проблемы

Наука – занятие, в рамках которого ученые пытаются найти основания причинно-следственных связей, управляющих природой, человеком, обществом. Эти основы и принято было называть законами. Как пример можно привести десять заповедей, переданных Моисею на горе Синай. Среди прочего нарушение закона вызывало для поставивших себя вне его субъектов негативные последствия. С древности и до XVII в. законы науки понимались как механизмы, которые управляются божествами, а их знание помогало человеку адаптироваться к среде обитания и быть более эффективным. На этом отрезке истории знанием законов обладали священнослужители разных конфессий.

Вера в существование законов как императивов поведения человека, а также процессов, протекающих в природе, в обществе, сверхъестественного происхождения, долгое время сопровождала прогресс (собственно, и сам «прогресс» долгое время тоже считался законом, определяющим историю человечества). Появление новых образцов техники, избавление от преследовавших людей болезней – всё это наглядно демонстрировало людям полезность деятельности ученых. Наука получает мощное мировоззренческое обоснование в пантеизме, придающем природе статус субстанции как самопричинной сущности. Это открывает горизонты для естествознания с его предметом – Природой. Формируется новое понимание законов как емких и обобщенных описаний механизмов, лежащих в основе распространенных физических процессов. С поиском законов природы идентификация образа ученого осуществляется уже с XVIII в.

С другой стороны, поиск законов, управляющих обществом, всегда настораживал людей, которые находились у власти. Претензии самозванцев, которые предъявляли публике «законы», которые нельзя нарушать начальству без негативных для всех последствий, были опасны для исследователей, специализировавшихся в социальных науках. Причем

сами ученые много спорили о содержании таких законов и даже о том, можно ли их называть «законами», объявляя своих оппонентов в лучшем случае интеллектуально неполноценными, в худшем – врагами государства. Особо среди социальных мыслителей следует выделить последователей К. Маркса – и как радикалов-теоретиков, уверенных в существовании законов общества, и как практиков – социальных инженеров, строивших социализм на основании созданной ими теории. Распад СССР во многом уничтожил это «твердое ядро» исследовательской программы социальных оптимистов.

В свою очередь, на Западе кризис социальных наук начался еще раньше, в конце 1960-х гг., с переходом к постмодерну, который мы интерпретируем как «нарциссическую культуру» [1]. Всё большее число исследователей стало отказываться от поисков «законов», а те, кто всё же продолжают искать основания причинно-следственных связей, всё реже обозначают их этим словом. Аналитическая философия и постмодернистские установки в целом лишают понятие закона онтологического статуса.

2. Философия как часть гуманитарного знания

По-видимому, одними из первых, кто стал «нарушать законы», избегая при этом негативных последствий, были исследователи сферы художественного – искусствоведы, филологи, архитекторы... Следствием этого явилось появление гуманитарных наук (помимо точных, естественных, общественных – последние в западной классификации получили определение «социальных»). В этой сфере пока доминирует феноменология. Характеристика объектов как «умопостигаемых», ноуменов, в этой сфере еще не совсем исчезла, но занимает всё меньшее место.

Недолго колебались и историки. Одна из самых старых научных дисциплин теперь почти не пользуется понятием «закона». Среди историков периодически вспыхивают споры – считать ли историю наукой? (Отметим, правда, что никто из спорщиков не отказывается от ранее полученных ученых степеней и званий.)

Наконец, процесс постепенно стал захватывать и другие «поля», такие как экономика, политология и социология, право. Проблема, которая возникает в связи с этим, – можно ли считать дисциплины, которые не используют категорию «закона» в построении своих теоретических конструкций, «науками»? И если мы продолжаем, несмотря на отказ от поисков «законов», считать деятельность в этой сфере «научной», то какие критерии должны к ней предъявляться? Что здесь можно считать «научным достижением», кроме индексов цитирования и престижных премий, присуждаемых определенной персоне другими симпатизирующими ей индивидами? Находится ли в этих обсуждениях место философам? И если да, то в какой роли они выступают: как равноправные участники обсуждений, эксперты или сторонние резонеры, мнение которых мало чем отличается от мнения «публики»?

Является ли философия наукой? Длительность существования философии объяснима тем, что она удовлетворяет фундаментальные потребности человека: (1) в абстрактном, проявляясь в стремлении мыслить обобщениями, интересоваться сущностями высокой степени общности; (2) в трансцендентном, через установление человеком границ бытия и стремлений выйти за эти границы; (3) в экзистенциальном, посредством поиска человеком своего предназначения, смысла существования. Три перечисленные потребности, удовлетворяемые философией, предполагают, что философствование можно развернуть относительно любого предмета при условии, если данный предмет станет осмысленным в следующих аспектах: в отнесении к космосу; в проекции на вечность; в особенностях связи с абсолютным.

Самым убедительным в отказе относить философию к множеству наук выступает кардинальное различие научных и философских проблем. Так, научные проблемы нацелены на то, чтобы в перспективе найти им решение. Ценность философских проблем – в их принципиальной неразрешимости при сохраняющейся важности для обсуждения [2]. «Ненаучность» философских проблем, по-видимому, сказывается на отсутствии «законов», как бы не формулировали отдельные «философские правила» те или иные направления¹. Но этот «недостаток» перевешивает участие философии в интеграции наук и культуры в целом [3].

Согласно Н. Талебу, к закону можно применить свойство Антихрупкости, поскольку закон существует значительное время в сравнении с множеством когда-то изобретенных, но давно забытых понятий [4]. Согласно Талебу, только антихрупкие предметы и следует изучать. Другими словами, «хрупким предметам» отказывается в соответствующем онтологическом статусе: они как бы есть, но их уже «почти нет».

Иное отношение, и его уместно применить к закону, выражает М. Эпштейн. Он отмечает, что надевание предметов статусами особо важных не превращает их автоматически в области исследовательских интересов [5]. Легко заметить, что здесь сохраняется традиционное уважительное отношение к реальности как включающей в себя все наблюдаемые феномены.

Еще один дискурс обсуждения законов связан с введением концепта сложности. Неявно предполагается, что раньше причинно-следственные связи были проще, соответственно, это переносится и на основания таких связей. К примеру, парадокс Эйнштейна – Подольского – Розена сам по себе сложен для понимания, и еще более сложным оказывается объяснение физических процессов, которые его поддерживают. Этот же способ обсуждения связывает сложность с прогрессом. Так, падение внимания к закону со стороны представителей фундаментальных наук обусловлено кардинальным усложнением реальности и ее объектов [1]. Это наблюдается с переходом от классической к неклассической и постнеклассической науке. В самом общем виде закон выражает конкретизацию детерминизма: как одна или несколько причин, при наличии подходящих условий, вызывают одно или несколько следствий. Каузальность классической науки нацеливает исследователя на переход от феномена – «явления причинно-следственных связей», к сущности, к закону. Постнеклассическая наука вместе с постмодерном такой переход вообще не рассматривают. Проблема игнорирования концепта закона, причем как в реалистической, так и в номиналистической традициях, заключается в том, что, за исключением стохастики, классическая наука описывала обратимые процессы. А в эволюции общества, природы, человека, большую, а иногда определяющую роль играет стохастичность.

¹ Так, в рамках диалектики принято считать законами известные способы построения риторики: перехода количества в качество, единства и борьбы противоположностей,

отрицания отрицания. В других направлениях законами можно считать «бриту Оккама», деконструкцию, чистую экзистенцию и т. д.

В науке второй половины XX – начала XXI в. меняется научный дискурс, сам концепт «закон» используется всё реже. Кризис в понимании законов связан и с их избыточной антропоцентричностью, и это происходит в условиях, когда в предметную область науки попадает всё больше явлений, не отвечающих критериям человекосоразмерности.

Тем самым указанная проблема применения критериев научности к исследователям, отрицающим существование законов в сфере изучения разных объектов, снимается: они просто занимаются теперь «неклассической и постнеклассической наукой». Как вариант ослабления жесткости формулировок закона сюда можно добавить и различие между детерминизмом и стохастикой. В таком случае в любом наблюдаемом феномене можно выделить две группы факторов, влияющих на рефлексию, – дескриптивные и прескриптивные. Дескрипции выстраиваются относительно норм, этики и в них преобладает детерминизм; прескрипции лежат в области действий, решений, а в силу их субъективности здесь доминирует стохастика [6]. В такой онтологии роль «антихрупких» феноменов выполняют дескрипции, а «хрупких» – прескрипции. И это могло бы даже вернуть представителей гуманитарных наук в лоно общественных, если бы не многозначность и внутренняя противоречивость этики. Различия между справедливым и несправедливым, благородным и низким философы интерпретируют очень по-разному, но в каждом конкретном случае ориентируясь на определенную онтологию, не говоря уже об интерпретациях таких понятий, как «свобода» и «рабство».

3. Экономика: нарративы и «эконометриковедение»

Экономика является дисциплиной, в которой исследователи долгое время пытались прибли-

зиться к идеалу естественных наук, причем, как ни странно, это влияние, видимо, было взаимным. Так, именно теория Т. Мальтуса повлияла на формирование взглядов на естественный отбор у Ч. Дарвина [7]. В свою очередь, на представления об Общем равновесии Л. Вальраса, по мнению Ф. Майровски, сильно повлияла формировавшаяся в то время теория термодинамики [8]. Математическая формализация экономических выражений, которая была предпринята аспирантом В. Леонтьева П. Самуэльсоном, вошла в ставший популярным учебник [9]. После этого, во второй половине XX в., едва ли не в большинстве научных статей, так или иначе затрагивавших количественные взаимосвязи в экономической системе, использовались многочисленные математические выражения самого разного вида.

Несмотря на (или, если угодно, благодаря) свою(ей) приверженность(и) диалектическому методу, были уверены в существовании экономических законов и многие советские политэкономы. Время от времени возобновлялись те или иные дискуссии, в основном они шли вокруг противоречивого взаимодействия законов «планового развития» и «стоимости»². Однако, например, в отношении законов распределения по труду и/или денежного обращения не возникало особых разногласий.

Крах советского социализма и распад СССР привели к тому, что представления об «экономических законах социализма» неявно стали признаваться неверными. Естественно, никаких публичных признаний политэкономов, да и других обществоведов на эту тему не последовало (собственно, нам неизвестны даже сколько-нибудь представительные дискуссии 1990-х гг. философов, экономистов, социологов («научных коммунистов»), историков, ранее

² Дискуссии начались еще в начале 1950-х гг. Приведем характерное высказывание И.В. Сталина: «Некоторые товарищи отрицают объективный характер законов науки, особенно законов политической экономии при социализме. Они отрицают, что законы политической экономии отражают закономерности процессов, совершающихся независимо от воли людей. Они считают, что ввиду особой роли, предоставленной историей Советскому государству, Советское государство, его руководители могут отменить существующие законы политической экономии, могут “сформировать” новые законы, “создать” новые законы. Эти товарищи глубоко ошибаются. Они, как видно, смешивают законы науки, отражающие объективные процессы в природе или обществе, происходящие независимо от воли людей, с теми законами, которые издаются прави-

тельствами, создаются по воле людей и имеют лишь юридическую силу. Но их смешивать никак нельзя. Марксизм понимает законы науки, – всё равно идет ли речь о законах естествознания или о законах политической экономии, – как отражение объективных процессов, происходящих независимо от воли людей. Люди могут открыть эти законы, познать их, изучить их, учитывать их в своих действиях, использовать их в интересах общества, но они не могут изменить или отменить их. Тем более они не могут сформировать или создать новые законы науки» (Сталин И.В. Экономические проблемы социализма в СССР. М.: Госполитиздат, 1952. С. 3–4). Несмотря на это мнение, политэкономы возвращались к темам экономических законов вновь и вновь (см.: [10–13] и пр.).

составлявших «блок идеологического воспитания» в советской высшей школе, на эту тему). Экономисты просто перестали использовать прежний марксистский дискурс, хотя это далось им не просто. А. Кламер указывает: «...меня интересовало, каково всем тем, кто всю жизнь преподавал марксистскую политическую экономию и проводил исследования, используя в качестве главного источника “Капитал”, ведь им пришлось столь внезапно и столь безвозвратно овладеть другим экономическим языком. Как я узнал от коллег, преподававших в те времена в странах Восточного блока, им пришлось выкинуть все свои конспекты лекций и в сжатые сроки освоить неоклассическую экономическую теорию, которой суждено было стать их новой парадигмой. Не могу себе представить, что чувствовал бы я, если бы был вынужден совершить такую трансформацию. А как же моя честность? Как можно отречься от теории, которую я провозглашал истинной? Можно ли мне доверять после этого? Даже если бы я смог преодолеть эти моральные мучения, как мне освоить совершенно новый для меня подход с новыми концепциями, новыми методами и новыми моделями? Как это повлияло бы на мое чувство правды, мое чувство значимости и мое чувство самоуважения?» [14, с. XXIII].

Марксизм-то действительно был отвергнут, но вера в «объективный характер» экономических законов, конечно, сохранялась. Энтузиазм в отношении неоклассики привел к тому, что концепт закона теперь широко использовался в преподавании теорий спроса, фирмы, экономического роста, финансовых рынков и т. д. Проблема, однако, заключалась в том, что к 1990-м гг. основное течение экономической теории (мейнстрим) стало редко использовать концепт «закона», так как прежде, казалось бы, однозначные причинно-следственные связи всё реже стали наблюдаться на практике. Так, пресловутый «закон спроса» предполагает простую функциональную закономерность между ценой и объемом спроса: цена снижается – объем увеличивается, и наоборот. Экономистам хорошо известны были возражения Т. Веблена, который указывал на эффекты демонстративного расточительства и праздности, которые приводили к «нарушениям» закона спроса – цена могла расти, но спрос мог оставаться прежним или даже увеличиваться [15]. Такого рода эффекты было принято рассматривать как *исключения*, которые относятся к «товарам и услугам роскоши». Однако по мере роста дохода всё большее количество товаров, которые, как раньше считали, удовлетворяют только «первичные потребности», включая про-

дукты питания – хлеб, молоко, овощи, мясо, – стали подчиняться «вебленовским эффектам». Если раньше черный хлеб стоил дешевле белого в силу меньшей своей калорийности, то теперь именно в связи с этим свойством он стоит либо столько же, либо дороже – маркетологи и рекламщики об этом позаботились. Функциональная зависимость между спросом и ценой разрушена, о чем писал еще Ж. Бодрийяр в одной из своих ранних работ [16], она сохраняет свое значение только в отношении сравнительно небольшого круга товаров (прежде всего, комплектующих и производственных полуфабрикатов).

Естественно, что об этих особенностях действия «закона спроса» ни в западных, ни в российских учебниках обычно не говорится, хотя, конечно, специальные оговорки в отношении «исключений» и «вебленовских эффектов», естественно, присутствуют. Таковы общие особенности «дисциплинарного знания», позволяющие выделять «законы» и «исключения из них». Однако общая логика разрушения знания об основаниях прежних причинно-следственных зависимостей привела к подъему критики мейнстрима. Последняя быстро стала хорошим тоном для многих авторов, и вскоре уже эта критика сама стала частью мейнстрима, который теперь включает не только неоклассику и кейнсианство, но и большинство различных направлений институционализма. Для того чтобы убедиться в этом, достаточно посмотреть принятую на Западе классификацию экономической литературы (последняя имеет аббревиатуру *JEL*, от *Journal of Economic Literature* – журнала, посвященного обзорам монографий, диссертаций, других изданий по экономике). Среди прочего эта классификация включает в себя и марксизм (B24), и австрийскую школу (B25) – направления, которые принято относить к гетеродоксальным.

4. Нарративная экономика и правдоподобность

Такая всеядность не прошла даром. Известный экономист Д. Родрик пишет: «Экономические модели похожи на басни... Эта аналогия не ускользнула от внимания лучших представителей экономической науки. В моменты раздумий о своем деле они готовы признать, что создаваемые ими абстрактные модели подобны басням. Как отмечает известный экономист-теоретик Ариэль Рубинштейн, “слово ‘модель’ звучит более научно, чем ‘басня’ или ‘сказка’, однако я не вижу особой разницы между ними”. Как писали философ Аллан Гиббард и экономист Хал Варриан, “[экономическая] модель всегда рассказывает какую-то историю”. Философ науки Нэнси Картрайт

использует термин “басня” применительно к экономическим и физическим моделям, хотя и считает, что экономические модели больше похожи на притчи. По словам Картрайт, в отличие от басен, где мораль очевидна, в экономических моделях необходимо порядком потрудиться, чтобы объяснить результаты и прийти к выводам относительно государственной политики. Такая сложность обусловлена тем, что каждая модель верна лишь в определенном контексте и выводы из нее применимы лишь в определенных обстоятельствах» [17, с. 32–34].

В результате часть экономистов, и среди них – лауреат Нобелевской премии Р. Шиллер, стали говорить о «нарративной экономике» [18–21]. Концепт закона в рассказе о безработице, инфляции и/или финансовых пузырях оказался лишним: всё зависит от контекста, и, соответственно, делается акцент именно на обстоятельствах, в которых действуют экономические акторы. Это лишает получаемые экономистами результаты претензии на универсальность, но делает их намного более *правдоподобными*.

В свою очередь, оценка *правдоподобия* достигается с помощью эконометрики. Р.И. Капелюшников, критикуя коллег за игнорирование, как он полагает, теоретических оснований, подобных «закону спроса», в которые продолжает верить он сам, вводит иронический неологизм «эконометриковерие» [22]. Легко заметить, однако, что и этот достойный экономист в большинстве своих логических умозаключений, посвященных российскому рынку труда, полагается как раз на эконометрику [23].

Описывать подобные примеры можно очень долго; как известно философам, индукция ничего не доказывает, но риторика убеждает. Общий же тренд очевиден – экономисты, претендовавшие на присвоение своей науке статуса если не «точной», то естественной, в XXI в. стали похожи на нормальных гуманитариев, отличающихся повышенным уровнем апломба. Они создают для публики свои «миры», причем иногда это миры сравнительно небольшие, связанные с формированием отдельных городских гетто, а иногда претендующие на осмысление типов всех существующих ныне государственных устройств [24; 25]. Их отличием от обычных литераторов является использование достаточно изощренного математического аппарата. По мнению уже цитировавшегося нами Н. Талеба, это зачастую позволяет им просто маскировать свою некомпетентность. Желющие могут верить в цифровую экономику, четвертую промышленную революцию, прогрессивность социальных порядков открытого общества, комму-

низм, посткапитализм или что-то еще. Но экономисты, которые конструируют соответствующие онтологии, апеллируя при этом к тем или иным трендам, более не используют концепт «законов, независимых от воли и сознания людей» [4].

Заметим, что к «объективным законам в экономике» часто апеллируют «системщики», уподобляя их механизмам управления в различных системах, которые включают в себя и отдельных людей. Прелесть такого «системного мировоззрения» заключается в том, что сам исследователь, естественно, помещает себя вне таких систем, что позволяет ему сохранять свою личную свободу воли и заниматься социальным конструированием, в то время как обычные индивиды становятся послушными марионетками, объектами манипуляции. Однако стоит признать нормальным, что ученые в сфере социальных наук, как и их гуманитарные коллеги, апеллируют к чувству бессознательного публики, используя свою символическую власть и прибегая к авторитетному дискурсу. Нарративы и эконометрика как раз для этого и предназначены.

С другой стороны, часть публики по-прежнему предпочитает архаику, рассуждая о производительных силах, производственных отношениях и неминуемом торжестве рабочего класса. Что ж, почему бы и нет – труды современных неомарксистов удовлетворяют запрос и на такие истории.

5. Заключение. Социальная реальность и новая роль законов

Как мы полагаем, современное понимание «нарратива» вполне адекватно приведенной выше интерпретации «мифа», а «социальное реформирование», включающее в себя необходимые изменения общественного сознания, во многом равносильно мифотворчеству. В таком случае законы в социальных науках выполняют важнейшую роль легитимации новых правовых режимов, способов обмена, выстраивания необходимых коммуникаций. Если законы как утверждения должного состояния дел можно соотнести с научно-теоретическим уровнем понимания состояния и изменений в обществе, то законность в таком случае есть конкретно-историческая практика социальных субъектов, стремящихся соответствовать / противодействовать законам.

Исходя из этой позиции, новое понимание социальных (и гуманитарных) законов по сравнению с прежней «индустриальной» эпохой заключается в том, что эти законы не столько «открываются», сколько «создаются». Вне зависимости от мотивов ученых, которые специализируются на исследова-

ниях в социальных и гуманитарных дисциплинах, их работы оказывают существенное влияние на формы нынешней «реальности». Если это признать, то следовало бы обсудить не столько «законы» философии, экономики и права, о которых время от вре-

мени возникают большие дискуссии, сколько правила коммуникации в сообществах гуманитариев. Иначе «новый дивный мир», который возникает, среди прочего, благодаря нашим общим интеллектуальным усилиям, может оказаться весьма дегуманизированным.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ореховский П. А. Наступление нарциссической культуры: последствия для образования, науки и политики / П. А. Ореховский, В. И. Разумов // Идеи и идеалы. – 2021. – Т. 13, № 3. – Ч. 1. – С. 84–102. – DOI: 10.17212/2075-0862-2021-13.3.1-84-102.
2. Розов Н. С. Причины долговременной значимости философских проблем (Что делает философскую проблему великой?) / Н. С. Розов // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Философия и право. – 2003. – Т. 1, № 1. – С. 5–21.
3. Разумов В. И. Проблемы философии: прошлое, настоящее, будущее / В. И. Разумов // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. – 2017. – № 40. – С. 89–97. – DOI: 10.17223/1998863X/40/9.
4. Талеб Н. Н. Антихрупкость: как извлечь выгоду из хаоса / Н. Н. Талеб ; пер. с англ. Н. Караев. – М. : КоЛибри : Азбука-Аттикус, 2015. – 762 с.
5. Эпштейн М. Предлог «В» как философема. Частотный словарь и основной вопрос философии / М. Эпштейн // Вопросы философии. – 2003. – № 6. – С. 86–95.
6. Разумов В. И. Законы: историческая трансформация, современное понимание, классификация / В. И. Разумов // Сибирский философский журнал. – 2022. – Т. 20, № 4. – С. 56–66. – DOI: 10.25205/2541-7517-2022-20-4-56-66.
7. Ruse M. The Darwinian revolution: science red in tooth and claw / M. Ruse. – University of Chicago Press, 1979. – 346 p.
8. Майровски Ф. Физика и «маржиналистская революция» / Ф. Майровски // Terra Economicus. – 2012. – Т. 10, № 1. – С. 100–116.
9. Самуэльсон П. А. Экономика: вводный курс / П. А. Самуэльсон ; общ. ред. А. С. Кудрявцева. – М. : Прогресс, 1964. – 843 с.
10. Бреев М. В. Закон планомерного, пропорционального развития и планирования народного хозяйства / М. В. Бреев. – М. : Госпланиздат, 1961. – 84 с.
11. Закон стоимости и его роль при социализме : сб. материалов / вступ. ст. и ред. проф. Н. А. Цаголова. – М. : Госпланиздат, 1959. – 336 с.
12. Кронрод Я. А. Законы политической экономии социализма : очерки методологии и теории / Я. А. Кронрод. – М. : Мысль, 1966. – 581 с.
13. Черковец В. Н. Основной экономический закон и высшая цель общественного производства при социализме / В. Н. Черковец. – М. : О-во Знание РСФСР, 1974. – 46 с.
14. Кламер А. Странная наука экономика: приглашение к разговору / А. Кламер ; пер. с англ. И. Дягилевой. – М. : Изд-во Ин-та Гайдара ; СПб. : Фак. свобод. искусств и наук СПбГУ, 2015. – XXVI, 311 с.
15. Веблен Т. Б. Теория праздного класса / Т. Б. Веблен ; пер. с англ. С. Г. Сорокиной. – М. : Прогресс, 1984. – 367 с.
16. Бодрийяр Ж. К критике политической экономии знака / Ж. Бодрийяр ; пер. с фр. Д. Кралечкин. – М. : Академический проект, 2007. – 335 с.
17. Родрик Д. Экономика решает: сила и слабость «мрачной науки» / Д. Родрик ; пер. с англ. Е. Головляницыной. – М. : Изд. Ин-та Гайдара, 2016. – 249 с.
18. Вольчик В. В. К вопросу о теории и методологии нарративной экономики / В. В. Вольчик // Вопросы теоретической экономики. – 2022. – № 3 (16). – С. 31–46. – DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2022_3_31_46.

19. Вольчик В. В. Возможности нарративной экономики в исследованиях российской инновационной системы / В. В. Вольчик, Е. В. Маслюкова // *Terra Economicus*. – 2021. – Т. 19, № 4. – С. 36–50. – DOI: 10.18522/2073-6606-2021-19-4-36-50.
20. Shiller R. J. Narrative Economics and Neuroeconomics / R. J. Shiller // *Finance: Theory and Practice*. – 2018. – Vol. 22, no. 1 (103). – P. 64–91. – DOI: 10.26794/2587-5671-2018-22-1-64-91.
21. Shiller R. J. Narrative Economics: How Stories Go Viral and Drive Major Economic Events / R. J. Shiller. – Princeton : Princeton University Press, 2019. – 400 p.
22. Капелюшников Р. И. О современном состоянии экономической науки: полусоциологические наблюдения / Р. И. Капелюшников // *Вопросы экономики*. – 2018. – № 5. – С. 110–128. – DOI: 10.32609/0042-8736-2018-5-110-128.
23. Капелюшников Р. И. Российский рынок труда: статистический портрет на фоне кризисов / Р. И. Капелюшников // *Вопросы экономики*. – 2023. – № 8. – С. 5–37. – DOI: 10.32609/0042-8736-2023-8-5-37.
24. Аджемоглу Д. Почему одни страны богатые, а другие бедные: происхождение власти, процветания и нищеты / Д. Аджемоглу, Д. А. Робинсон ; пер. с англ. Д. Литвинов, П. Миронов, С. Санович. – М. : АСТ, 2015. – 692 с.
25. Сагден Р. Правдоподобные миры: статус теоретических моделей в экономической науке / Р. Сагден ; пер. с англ. Ю. Каптуревского // *Философия экономики : антология* / под ред. Д. Хаусмана. – М. : Изд. Ин-та Гайдара, 2012. – С. 475–518.

REFERENCES

1. Orekhovsky P.A., Razumov V.I. The onset of narcissistic culture: consequences for education, science and politics. *Idey i idealy = Ideas and ideals*, 2021, vol. 13, no. 3, pt. 1, pp. 84–102. DOI: 10.17212/2075-0862-2021-13.3.1-84-102. (In Russ.).
2. Rozov N.S. The reasons for the long-term significance of philosophical problems (What makes a philosophical problem great?). *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filosofiya i pravo = Bulletin of Novosibirsk State University. Series: Philosophy and Law*, 2003, vol. 1, no. 1, pp. 5–21. (In Russ.).
3. Razumov V.I. Problems of philosophy: past, present, future. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya = Bulletin of Tomsk State University. Philosophy. Sociology. Political science*, 2017, no. 40, pp. 89–97. DOI: 10.17223/1998863X/40/9. (In Russ.).
4. Taleb N.N. *Antifragile: Things That Gain from Disorder*. Random House, 2012. 519 p.
5. Epstein M. The preposition “In” as a philosophism. *Voprosy filosofii*, 2003, no. 6, pp. 86–95. (In Russ.).
6. Razumov V.I. Laws: historical transformation, modern understanding, classification. *Sibirskii filosofskii zhurnal = Siberian Philosophical Journal*, 2022, vol. 20, no. 4, pp. 56–66. DOI: 10.25205/2541-7517-2022-20-4-56-66. (In Russ.).
7. Ruse M. *The Darwinian revolution: science red in tooth and claw*. Chicago, University of Chicago Press, 1979. 346 p.
8. Mairowski F. Physics and the “Marginalist revolution”. *Terra Economicus*, 2012, vol. 10, no. 1, pp. 100–116. (In Russ.).
9. Samuelson P.A. *Economics: An Introductory Analysis*, 5th ed. New York, Toronto, London, McGraw-Hill Book Company, 1961. 853 p.
10. Breev M.V. *The law of planned, proportional development and planning of the national economy*. Moscow, State Publishing House of Economic, Planning and Accounting and Statistical Literature, 1961. 84 p. (In Russ.).
11. Tsagolov N.A. (ed.). *The law of value and its role in socialism*, Collection of materials. Moscow, State Publishing House of Economic, Planning and Accounting and Statistical Literature, 1959. 336 p. (In Russ.).
12. Kronrod Ya.A. *The laws of the political economy of socialism*, Essays on methodology and theory. Moscow, Mysl’ Publ., 1966. 581 p. (In Russ.).
13. Cherkovets V.N. *The basic economic law and the highest goal of social production under socialism*. Moscow, Znanie Publ., 1974. 46 p. (In Russ.).
14. Klammer A. *Speaking of Economics. How to get in the conversation*. London, New York, Routledge publ., 2007. xxii + 199 p.

15. Veblen T.B. *Theory of the leisure class*, trans. from the English by S.G. Sorokina. Moscow, Progress publ., 1984. 367 p. (In Russ.).
16. Baudrillard J. *On the criticism of the political economy of the sign*, trans. from French by D. Kralechkin. Moscow, Akademicheskii proekt Publ., 2007. 335 p. (In Russ.).
17. Rodrik D. *Economics Rules*, translated from English by E. Golovyanitsyna. Moscow, Gaidar Institute Publ., 2016. 249 p. (In Russ.).
18. Volchik V. To the issue of the theory and methodology of narrative economics. *Voprosy teoreticheskoi ekonomiki = Issues of Economic Theory*, 2022, no. 3 (16), pp. 31–46. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2022_3_31_46. (In Russ.).
19. Volchik V.V., Maslyukova E.V. The possibilities of narrative economics in the research of the Russian innovation system. *Terra Economicus*, 2021, vol. 19, no. 4, pp. 36–50. DOI: 10.18522/2073-6606-2021-19-4-36-50. (In Russ.).
20. Shiller R.J. Narrative Economics and Neuroeconomics. *Finance: Theory and Practice*, 2018, vol. 22, no. 1 (103), pp. 64–91. DOI: 10.26794/2587-5671-2018-22-1-64-91.
21. Shiller R.J. *Narrative Economics: How Stories Go Viral and Drive Major Economic Events*. Princeton, Princeton University Press, 2019. 400 p.
22. Kapelyushnikov R.I. On current state of economics: Subjective semi-sociological observations. *Voprosy Ekonomiki*, 2018, no. 5, pp. 110–128. DOI: 10.32609/0042-8736-2018-5-110-128. (In Russ.).
23. Kapelyushnikov R.I. The Russian labor market: A statistical portrait on the crises background. *Voprosy Ekonomiki*, 2023, no. 8, pp. 5–37. DOI: 10.32609/0042-8736-2023-8-5-37. (In Russ.).
24. Acemoglu D., Robinson J.A. *Why Nations Fail: The Origins of Power, Prosperity, and Poverty*, trans. from English by D. Litvinov, P. Mironov, S. Sanovich. Moscow, AST Publ., 2015. 692 p. (In Russ.).
25. Sugden R. Credible worlds: the status of theoretical models in economics. *Journal of Economic Methodology*, 2000, vol. 7, no. 1, pp. 1–31.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Ореховский Петр Александрович – доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник
Институт экономики Российской академии наук
117218, Россия, г. Москва, Нахимовский пр., 32
E-mail: orekhovskypa@mail.ru
ORCID: 0000-0003-2816-1298
SPIN-код РИНЦ: 8489-2102; AuthorID: 72288

Разумов Владимир Ильич – доктор философских наук, профессор, профессор кафедры теологии, философии и культурологии
Омский государственный университет
им. Ф.М. Достоевского
644077, Россия, г. Омск, пр. Мира, 55а
E-mail: RazumovVI@omsu.ru
ORCID: 0000-0002-6904-9764
SPIN-код РИНЦ: 6418-9748; AuthorID: 8985

Сапунков Андрей Анатольевич – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры теории и истории государства и права
Омский государственный университет
им. Ф.М. Достоевского
644077, Россия, г. Омск, пр. Мира, 55а
E-mail: Sapunkovy@mail.ru

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Pyotr A. Orekhovsky – Doctor of Economics, Professor; Chief Researcher
Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences
32, Nakhimovskii pr., Moscow, 117218, Russia
E-mail: orekhovskypa@mail.ru
ORCID: 0000-0003-2816-1298
RSCI SPIN-code: 8489-2102; AuthorID: 72288

Vladimir I. Razumov – Doctor of Philosophy, Professor; Professor, Department of Theology, Philosophy and Cultural Studies
Dostoevsky Omsk State University
55a, Mira pr., Omsk, 644077, Russia
E-mail: RazumovVI@omsu.ru
ORCID: 0000-0002-6904-9764
RSCI SPIN-code: 6418-9748; AuthorID: 8985

Andrey A. Sapunkov – PhD in Law, Associate Professor; Associate Professor, Department of Theory and History of State and Law
Dostoevsky Omsk State University
55a, Mira pr., Omsk, 644077, Russia
E-mail: Sapunkovy@mail.ru
ORCID: 0000-0001-9719-0899

ORCID: 0000-0001-9719-0899
SPIN-код РИНЦ: 3418-8415; AuthorID: 701672

RSCI SPIN-code: 3418-8415; AuthorID: 701672

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Ореховский П.А. Понятие закона в социальных науках и конструирование реальности: философия, экономика, право / П.А. Ореховский, В.И. Разумов, А.А. Сапунков // Правоприменение. – 2024. – Т. 8, № 3. – С. 15–24. – DOI: 10.52468/2542-1514.2024.8(3).15-24.

BIBLIOGRAPHIC DESCRIPTION

Orekhovsky P.A., Razumov V.I., Sapunkov A.A. The concept of law in the social sciences and the construction of reality: philosophy, economics, law. *Pravoprimenenie = Law Enforcement Review*, 2024, vol. 8, no. 3, pp. 15–24. DOI: 10.52468/2542-1514.2024.8(3).15-24. (In Russ.).

О СООТНОШЕНИИ ЗАКОННОСТИ И СОЦИАЛЬНОЙ СПРАВЕДЛИВОСТИ В ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ ПРАКТИКЕ (К 180-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ А.Ф. КОНИ)

Б.А. Воронин¹, К.П. Стожко¹, Д.К. Стожко²

¹ Уральский государственный аграрный университет, г. Екатеринбург, Россия

² Уральский государственный экономический университет, г. Екатеринбург, Россия

Информация о статье

Дата поступления –

08 апреля 2024 г.

Дата принятия в печать –

20 июня 2024 г.

Дата онлайн-размещения –

20 сентября 2024 г.

Ключевые слова

Гласность, законность,
идеология, нравственность,
право, соразмерность,
социальная справедливость,
ценности

Дана оценка проблемного поля в соотношении законности и социальной справедливости в отечественной правоприменительной практике и обоснована ключевая роль принципа социальной справедливости в ее развитии. На основе сопоставления разных теоретико-методологических подходов к определению законности и социальной справедливости раскрыта диалектика данных понятий, их содержание и роль. Представлен вклад А.Ф. Кони в развитие правовой нравственности и судебной этики. Сформулировано положение о необходимости формирования единого идеологического подхода в определении социально справедливого правового контента. Выявлены основные тенденции в развитии научных представлений о соотношении идеологии и права. Аргументирован тезис о ключевом значении социальной справедливости в развитии права и законности.

ON THE RELATIONSHIP OF LEGALITY AND SOCIAL JUSTICE IN LAW ENFORCEMENT PRACTICE (TO THE 180th ANNIVERSARY OF THE BIRTH OF A.F. KONI)

Boris A. Voronin¹, Konstantin P. Stozhko¹, Dmitriy K. Stozhko²

¹ Ural State Agrarian University, Yekaterinburg, Russia

² Ural State University of Economics, Yekaterinburg, Russia

Article info

Received –

2024 April 08

Accepted –

2024 June 20

Available online –

2024 September 20

Keywords

Publicity, legality, ideology,
morality, law, proportionality,
social justice, values

The problem of the relationship between law, legality and social justice is one of the fundamental problems of legal theory and law enforcement practice.

The purpose of the study is to assess the problem field in the relationship between the principles of legality and social justice in domestic law enforcement practice and to substantiate the key role of the principle of social justice in its further development. The authors proceed from the position that the theoretical and practical experience of posing and interpreting this problem, accumulated in the history of world and Russian legal science, is an epistemological and worldview resource that has not only theoretical, but also quite practical significance.

Methodology. Analytical methods were used to study the relationship between legality and social justice, historical-retrospective and hermeneutical methods in revealing the semantic meaning of these concepts, as well as a dialectical method in interpreting existing contradictions in their law enforcement practice.

Results. The article, taking into account the current two main trends - on the one hand, towards "de-ideologization" and, on the other hand, towards "re-ideologization" of legal science - examines the relationship and interpretation of such concepts as "legality", "law", "legal proceedings", "social justice" in modern scientific (legal) discourse and in law enforcement practice. The development of the semantic content of the principle of social justice is shown through the concepts of "justice" (Aristotle), "moral perfection" (B.A. Kistyakovsky), "decent human existence" (P.I. Novgorodtsev), "proportionality" (A.F. Koni) etc. Based on a comparison of different theoretical and methodological approaches to defining these concepts, their content and role in law enforcement practice are revealed. A provision has been formulated on the need to expand openness and public principles in improving legal proceedings, since the encountered practice of closed legal proceedings does not correspond to the principles of openness and publicity. The problematic issues of the comprehend the-

ory of law associated with the blurring of the concepts of “legality” and “social justice” in the context of existing ideological pluralism are revealed. In connection with the anniversary – the 180th anniversary of the birth of the outstanding Russian lawyer A.F. Koni, his contribution to the development of ideas about legal morality and judicial ethics is shown. In particular, his idea about the “spirit of legality”, that the “truth of life” should be higher than the “legal truth”.

Conclusion. Taking into account the influence that ideology has on the law, a position has been formulated on the need to form a unified ideological view in determining socially fair legal content and its clear legislative codification. The main trends in the development of modern scientific ideas about the relationship between ideology and law have been identified. The thesis about the key importance of social justice in the development of law and legality is substantiated.

1. Введение

В условиях современного глобального геополитического кризиса всё более острой и актуальной становится проблема соблюдения принципа социальной справедливости в жизни общества в целом и каждого конкретного человека в частности. На фоне растущей террористической и военной угрозы перед современным российским обществом как никогда прежде встала задача укрепления своего единства, сплоченности и согласия. Без соблюдения принципа социальной справедливости такая задача вряд ли решаема. Именно поэтому обращение к проблеме соотношения социальной справедливости и законности и их взаимного укрепления является теоретически и практически значимой задачей современной науки. Целью исследования является анализ и оценка проблемного поля данной темы и обоснование ключевой роли социальной справедливости в развитии правовой науки и правоприменительной практики.

2. Результаты

Соотношение законности и справедливости является одним из наиболее актуальных вопросов не только в истории и философии права, но и в реальной жизни. Право является волей, возведенной в закон. Вместе с тем, как отмечал еще в начале XX в. известный отечественный юрист Б.А. Кистяковский (1868–1920), «право не может быть поставлено рядом с такими духовными ценностями, как научная истина, нравственное совершенство, личная святость. Значение его более относительно, его содержание создается отчасти изменчивыми экономическими и социальными условиями» [1, с. 109]. Относительное значение и ценность права, а соответственно, законности, правопорядка, правоприменительной практики обусловлено их соотношением с принципом социальной справедливости.

2.1. Принцип социальной справедливости – *est legum*

Принцип социальной справедливости существует с момента появления человеческого общества. О многомерности этого принципа и его соотношении с законом написаны сотни работ. Еще Аристотель отмечал, что «справедливое бывает двух видов» и один из них – это соответствие закону. «Справедливое то, что приказывает закон». Другим видом справедливости греческий философ считал равенство, соблюдение которого рассматривалась им как добродетель [2, с. 310–311]. Из этой логики можно было бы сделать вывод о том, что справедливый закон – это когда все равны перед законом. Но, как показывает реальная практика, во-первых, далеко не все, по факту, перед законом оказываются равными, а во-вторых, сами законы и устанавливаемые ими нормы далеко не всегда даже четко прописаны, не говоря уже об уровне их справедливости. Об этом также писал Аристотель, отмечавший, что «всё установленное законом в известном смысле справедливо, ибо всё, что положено законодателем, законно, и каждое отдельное его постановление мы называем правосудным» [2, с. 133]. Здесь термин «*правосудность*» выступает своеобразным синонимом термина «справедливость», но в определенных границах. Так что понятия «справедливость» и «правосудие» – это все-таки понятия разные, хотя и взаимосвязанные. «Понятие законность тесно связано с понятием справедливость. Справедливость означает законное, а несправедливость – незаконное отношение к людям» [3, с. 219].

И здесь уместно отметить, что в современном научном дискурсе принцип социальной справедливости имеет разные трактовки, далеко выходящие за те две, о которых писал Аристотель [4]. Пытаясь осмыслить соотношение закона и права, с одной стороны, и принципа социальной справедливости, с

другой, еще один известный российский ученый – правовед П.И. Новгородцев (1866–1924) пришел к мысли о том, что право может быть разным, но справедливое право и справедливый закон – это те, которые соответствуют принципу «достойного человеческого существования» или, иначе говоря, «отрицают те условия, которые совершенно исключают возможность достойной человеческой жизни» [5, с. 321]. По существу, отождествляя понятия «социальная справедливость» и «достойное человеческое существование», П.И. Новгородцев задался вопросом: «может ли право взять на себя эту задачу, столь обширную и сложную?» И он отвечал утвердительно: «право должно избавлять человека от гнета таких условий жизни, которые убивают человека физически и нравственно» [5, с. 322].

При всей привлекательности такого понимания диалектики закона и справедливости необходимо заметить, что несправедливый закон – это тоже закон. И он вполне реален, хотя и является результатом не достижения компромисса интересов между разными социальными силами в обществе, но одностороннего решения в пользу тех социальных сил, которые обладают реальной властью. «Диктатура закона» может быть диктатурой как социального большинства, так и социального меньшинства.

Иначе к данному вопросу подходил выдающийся отечественный юрист, государственный и общественный деятель А.Ф. Кони (1844–1927). Сравнивая исторический опыт прошлых веков и свое время, он полагал, что в российской судебной-правовой системе «прочно установились справедливые процессуальные стандарты» [6, с. 33–34]. Это можно объяснить не какой-то наивностью или склонностью к экзальтации, а тем, что для А.Ф. Кони закон как таковой – это *нравственный закон, естественный закон*, требования которого необходимо соблюдать [7, с. 78]. Иное – произвол и беззаконие, даже если они облечены в правовые формы. Соблюдение закона как нравственного начала осуществляется, по мысли ученого, в суде, в процессе судопроизводства. Суд – это «школа для народа, из которого помимо служения закону он должен выносить уроки служения правде и уважения к человеческому достоинству» [6, с. 66]. В своих работах «Приемы и задачи прокуратуры», «Нравственные начала в уголовном процессе» и других сочинениях он много писал и рассуждал о «совершенности судей и адвокатов» (об отсутствии озлобленности, раздражительности, лицедейства, простоте языка и т. д.) [8, с. 18], о необходимости гласности в судопроизводстве, подчеркивал, что правосудие достигается «не *согласием* суда с до-

водами обвинителя, а не переменным *выслушиванием их*», а сам судья – это «*публично говорящий судья*» [6, с. 60–66].

Не случайно поэтому А.Ф. Кони считается одним из родоначальников судебной этики. Он следовал правилу, согласно которому высокие цели правосудия должны достигаться только нравственными средствами: «Совесть должна указать судебному оратору, насколько нравственно пользоваться тем или другим освещением обстоятельств дела и возможным из их сопоставления выводом» [7, с. 12]. Он призывал к спокойствию, отсутствию личного озлобления против подсудимого, порядочности приемов обвинения. «Мерилом дозволенности могло бы служить то соображение, что цель не может оправдывать средства и что высокие цели правосудного ограждения общества и вместе с тем защиты личности от несправедливого обвинения должны быть достигаемы только нравственными способами и приемами. Кроме того, деятели судебного состязания не должны забывать, что суд в известном отношении есть школа для народа, из которой, помимо уважения к закону, должны выноситься уроки служения правде и уважения к человеческому достоинству» [7, с. 12].

2.2. Законность vs социальная справедливость

В настоящее время среди исследователей нет общего мнения по вопросу о соотношении законности и справедливости. «Вопросу соотношения категорий справедливости и законности в разное время было посвящено множество научных работ, однако к единому мнению юридическое сообщество до сих пор не пришло» [9, с. 48]. Одни авторы считают принцип социальной справедливости «ключевым системообразующим элементом» в системе правовых принципов, другие – «одним из важнейших, но все-таки вспомогательных элементов» [9, с. 55]. При этом признаётся, что «в настоящее время роль справедливости в отношениях между государством и личностью становится всё острее и значимее» [3, с. 219].

Сложность адекватной оценки соотношения социальной справедливости и права обусловлена тем, что сам принцип социальной справедливости не кодифицирован в действующих законодательных актах и трактуется по-разному.

«Очевидно, что для оценки справедливости приговора необходима дальнейшая разработка критериев.

Уголовный процесс Российской Федерации признаёт право на справедливое судебное разбирательство, поэтому данный принцип необходимо закрепить в общих положениях Уголовно-процессуального кодекса. Однако такого основания для от-

мены приговора, как нарушение права на справедливое судебное разбирательство – нет» [10, с. 120].

Важен также субъективный фактор, а именно уровень профессионализма, правосознания, культуры и нравственности субъектов судебного процесса, в котором рассматриваются конкретные ситуации. Мнение о том, что «обеспечение принципа справедливости в уголовном процессе зависит от морально-деловых качеств судей» [11, с. 29], детерминировано не только состоянием внутренней профессиональной среды, в которой работают судьи, но и внешней социальной средой, которая в настоящее время находится в фазе турбулентности. Это проявляется в трансформации прежних традиционных ценностей и установок и появлении новых, обусловленных вызовами времени. И в такой нестабильной геополитической, социально-экономической и культурно-правовой ситуации крайне трудно обеспечить конкретные требования справедливости: открытость судебных разбирательств, объективность в сборе и оценке доказательной базы, соразмерность правонарушений (преступлений) и санкций (приговоров) и др. Но понятно, что «юридическая справедливость заключается в соразмерности санкции со стороны государства действиям субъектов права. Так, если какой-либо индивид совершает правонарушение, наносящее ущерб правам и свободам другого индивида, то будет логичным применить к нему наказание для сохранения правопорядка, однако каким именно оно должно быть, не ясно» [11, с. 29].

Особым фактором, осложняющим адекватное соотношение законности и социальной справедливости, является идеологический плюрализм, предусмотренный ст. 13 Конституции РФ, в которой записано: «В Российской Федерации признается идеологическое многообразие. Никакая идеология не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной».

Имеющиеся многочисленные исследования о тесном соотношении идеологии и права свидетельствуют о двух основных тенденциях в постановке данной проблемы: одни авторы стремятся «деидеологизировать» правовую науку и правоприменительную практику, другие, наоборот, их «реидеологизировать». Можно согласиться с мнением о том, что «тщетны попытки позитивистов создать “чистую”, свободную от идеологии политическую науку и юриспруденцию», прежде всего потому, что «позитивизм исключает из науки ценностные и сущностные проблемы» [12, с. 168]. Точно так же он поступает и с другими гуманитарными науками (историей,

политической экономией, социологией и др.), превращая их в «чистые» социальные инженерии. Например, когда утверждается тезис о том, что «экономическая наука аполитична или неapolитична», «она абсолютно нейтральна по отношению к любым ценностным суждениям и субъективным оценкам, так как она всегда относится к средствам, и никогда – к выбору конечных целей» [13, с. 829].

Эта практика идеологического плюрализма представляется вредной потому, что она «размывает» ценностную основу науки и культуры, девальвирует главные ценности, в том числе и правовые ценности, среди которых действительно ключевым является принцип социальной справедливости. Именно ему служит и должны служить закон и право, а не наоборот.

Тем не менее «в последнее время получила распространение компрехендная теория права, согласно которой право является сложным и многоаспектным философско-правовым явлением, которое необходимо рассматривать всеобъемлюще, без господства како-либо одной концепции» [14, с. 110]. Отношение к этой теории права в ряде случаев весьма либеральное. Считается, что «учет данной теории, на наш взгляд, необходим для того, чтобы выйти на более глубокий уровень понимания права и, как следствие этого, категорий законности и справедливости» [14, с. 110]. Однако, учитывая разные, порой противоположные идеологические концепты на практике оказывается крайне трудным занятием, если вообще возможным. Сколько копий, например, было обломано в дискуссиях о том, что первично и что вторично: право народов на самоопределение или принцип территориальной целостности государства. Или в вопросе о мере необходимой самообороны. Или в вопросе о защите прав добросовестных потребителей в случаях, когда они приобретали товары и услуги ненадлежащего качества и даже с обременениями, о чем никак не могли знать. Когда заложенный в банке автомобиль продается заемщиком другому потребителю, а соответствующие службы даже не изымают технический паспорт транспортного средства, возникает коллизия не только в жизни, но и в трактовках разных ситуаций разными юридическими документами. Растущее число пересмотров вынесенных судебных решений и составления апелляций, кассационных жалоб и иных претензий как раз и свидетельствует о конкретных случаях отсутствия социальной справедливости в правоприменительной практике.

При этом вроде бы ясно, что «справедливость раскрывается через соответствие наказания и иных уголовно-правовых мер степени общественной опасности совершенного виновным лицом деяния, а также запрет привлекать к ответственности дважды за одно и то же преступление» [14, с. 110]. Но если тяжесть наказания оценивается разными судьями исходя из их различных идеологических пристрастий или в суде присяжных людьми с разными идеологическими представлениями, то речь идет уже не столько о соответствии «преступления и наказания», сколько о мере соответствия разных идеологических установок разных субъектов судебной практики.

Здесь «необходимо отметить, что влияние, оказываемое на содержание законности со стороны справедливости, не носит одностороннего характера: претворяясь в жизнь, законность становится гарантией обеспечения справедливости». Но, если исходить из понимания ключевого значения принципа справедливости в правоприменительной практике, то представляется возможным выстроить определенную взаимосвязь следующего характера: «справедливость – право – законность – правопорядок» [15, с. 19].

2.3. Справедливость ergo открытость

Важной характеристикой принципа социальной справедливости наряду с требованиями соразмерности правонарушения и санкции, равенства всех граждан перед законом является и признак открытости судопроизводства (гласности). Но, как справедливо отмечается некоторыми авторами, «особые порядки рассмотрения уголовных дел (гл. 40, 40.1 УПК РФ) не отвечают вовсе принципам гласности, непосредственности и свободной оценки доказательств... Наш законодатель, к сожалению, копирует квази-правосудие...» [16, с. 107]. Принцип гласности имеет свою долгую историю [17]. Важную роль этому принципу отводил и А.Ф. Кони, полагавший, что «правда жизни» должна быть выше «правды юридической», а открытость и гласность как раз и позволяют обнаружить эту «правду жизни». Соответственно, «мерилом дозвоительности приемов судебного разбирательства должно служить то соображение, что цель не может оправдывать средства». И это судебное разбирательство должно заключаться, прежде всего, в объяснении (разъяснении) участникам судопроизводства их прав и обязанностей, а также грозящего подсудимому наказания [18]. Кстати, сам А.Ф. Кони обладал особым красноречием и его выступления были всегда направлены не просто на поиск истины, но на поиск справедливого решения [19].

3. Выводы

Сегодня вопросы, связанные с нравственными задачами, стоящими в области судопроизводства (гражданского, административного, уголовного) активно поднимаются многими учеными [20–24]. Важнейшей среди этих задач является укрепление принципа социальной справедливости и его практическое применение в качестве ключевого принципа в системе действующих на текущий момент правовых принципов. «Без справедливости законность превращается в формальный акт, который не содержит в себе социальный и гуманистический аспекты» [25, с. 162]. Считается, что «закон может быть правовым только в том случае, если отражает принципы социальной обоснованности, определенности, действительности, формального равенства» [26, с. 19]. И это действительно так.

Для успешного решения задачи приведения законности в соответствие с социальной справедливостью представляется своевременным и рациональным, во-первых, четко кодифицировать содержание и смысл принципа социальной справедливости в качестве правовой нормы и внести общепринятое (консенсусное) его определение в необходимые законодательные и нормативные акты. Во-вторых, представляется назревшим устранение из законодательной (конституционной) лексики положений об идеологическом многообразии и отказе от общей государственной идеологии, поскольку влияние различной, порой противоречивой идеологии на сферу права и законодательства является триггером для девальвации принципа социальной справедливости, дегуманизации правовых отношений и правовой культуры в обществе. В-третьих, требуется более глубокое изучение в системе высшего гуманитарного образования исторического опыта российской и мировой правовой науки, для чего было бы полезным включить в учебные программы высших учебных заведений страны по всем гуманитарным специальностям учебные курсы по истории и философии права, правовой этике, правовой культуре и психологии права (либо в качестве отдельных спецкурсов, либо в качестве одной из базовых учебных дисциплин).

Поскольку вопрос о соотношении законности и справедливости все еще остается спорным, а «норма права – это не законность, а предпосылка, условие ее существования» [27, с. 410], то укрепление и реализация принципа социальной справедливости в правоприменительной практике оказывается первичным для совершенствования законов и их осуществления (соблюдения).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Кистяковский Б. А. В защиту права / Б. А. Кистяковский // Вехи. Интеллигенция в России. 1909–1910. – М. : Молодая гвардия, 1991. – С. 109–135.
2. Аристотель. Этика / Аристотель. – М. : АСТ, 2010. – 492 с.
3. Журсимбаев С. К. Законность, справедливость и целесообразность: соотношение понятий / С. К. Журсимбаев, Е. С. Кемали // Вестник Института законодательства и правовой информации Республики Казахстан. – 2020. – № 1 (59). – С. 216–220.
4. Стожко Д. К. Социальная справедливость в контексте хозяйственного развития общества / Д. К. Стожко // Вестник Вятского государственного университета. – 2018. – № 3. – С. 40–48. – DOI: 10.25730/VSU.7606.18.022.
5. Новгородцев П. И. Право на достойное человеческое существование / П. И. Новгородцев // Новгородцев П. И. Соч. / П. И. Новгородцев. – М. : Раритет, 1995. – С. 321–327.
6. Кони А. Ф. Собр. соч. : в 8 т. / А. Ф. Кони. – М., 1967. – Т. 4. – 543 с.
7. Кони А. Ф. Нравственные начала в уголовном процессе : избр. работы / А. Ф. Кони. – М. : Юрайт, 2019. – 152 с.
8. Кони А. Ф. Приемы и задачи прокуратуры (Из воспоминаний судебного деятеля) / А. Ф. Кони. – Петроград : Изд-во П. П. Сойкина, 1923. – 116 с.
9. Рундквист А. Н. Соотношение принципов справедливости и законности. Критерии несправедливости закона / А. Н. Рундквист // Юридические исследования. – 2020. – № 1. – С. 47–60. – DOI: 10.25136/2409-7136.2020.1.30309.
10. Довбня В. А. Соотношение законности и справедливости в уголовном процессе / В. А. Довбня // Colloquium-journal. – 2019. – № 26-11 (50). – С. 119–121.
11. Болдарев В. А. Соотношение правопорядка и справедливости в современном правовом дискурсе / В. А. Болдарев, А. С. Мельник // Advances in Law Studies. – 2022. – Т. 10. – № 1. – С. 26–30. – DOI: 10.29039/2409-5087-2022-10-1-26-30.
12. Руденко Д. А. Проблемы соотношения политической идеологии и правопонимания в позитивистской теории права / Д. А. Руденко // Известия РГПУ им. А. И. Герцена. – 2007. – № 39. – С. 167–172.
13. Мизес Л. Человеческая деятельность : трактат по эконом. теории / Л. Мизес. – Челябинск : Социум, 2005. – 878 с.
14. Чукин Д. С. Соотношение понятий «законность» и «справедливость» в юридических науках / Д. С. Чукин // Известия Саратовского военного института войск национальной гвардии. – 2022. – № 2 (7). – С. 108–113.
15. Сайфуллин А. И. Законность и справедливость как основа устойчивого развития общества и государства / А. И. Сайфуллин // Стратегии устойчивого развития: экономические, юридические и социальные аспекты : моногр. / гл. ред. Е. А. Астраханцева. – Чебоксары : Среда, 2022. – С. 16–23. – DOI: 10.31483/r-103562.
16. Васильев О. Л. Мысли А. Ф. Кони о нравственных началах уголовного процесса: исторический анахронизм или ориентир для реформ? / О. Л. Васильев // Вестник Московского университета. Серия 11: Право. – 2019. – № 2. – С. 104–115.
17. Нечаева Л. А. Эволюция принципа гласности судопроизводства в России и зарубежных странах / Л. А. Нечаева // Вестник МИЭП. – 2014. – № 3 (16). – С. 27–34.
18. Кони А. Ф. Разрешение объяснять присяжным заседателям угрожающее подсудимому наказание / А. Ф. Кони // Кони А. Ф. На жизненном пути : в 5 т. / А. Ф. Кони. – СПб., 1912. – Т. 2. – С. 677–687.
19. Козинцев А. Я. Вклад Анатолия Федоровича Кони в развитие уголовного процесса в начале XX века / А. Я. Козинцев // Сибирское юридическое обозрение. – 2022. – Т. 19, № 1. – С. 6–22. – DOI: 10.19073/2658-7602-2022-19-1-6-22.
20. Зашляпин Л. А. Некоторые направления этизации уголовного процесса / Л. А. Зашляпин // Бюллетень Международной ассоциации содействия правосудию. – 2009. – № 2 (2). – С. 28–34.
21. Золотарев А. С. Об этических аспектах производства в суде с участием присяжных заседателей: достижима ли справедливость в «суде народной справедливости» / А. С. Золотарев // Бюллетень Международной ассоциации содействия правосудию. – 2009. – № 2 (2). – С. 35–40.

22. Колмаков П. А. Этический взгляд на формы уголовного судопроизводства / П. А. Колмаков // Человек. Культура. Образование. – 2018. – № 2 (28). – С. 97–102.
23. Комаров И. М. О судебной этике и нравственных началах судебного допроса / И. М. Комаров // Природа. Человек. Культура : материалы Первого Междунар. науч.-просветит. форума. – Кисловодск, 2018. – С. 189–192.
24. Серков П. П. Правоотношение. Нравственность современного правового регулирования / П. П. Серков. – М. : Норма, 2020. – 688 с.
25. Сафин Ф. Ю. Соотношение принципов законности и справедливости в правоприменительной практике / Ф. Ю. Сафин // Закон. Право. Государство. – 2021. – № 4 (32). – С. 161–164.
26. Алейников Б. Н. Правоотношение и нравственность: современное осмысление и новые подходы / Б. Н. Алейников, А. Б. Алейникова // Правоприменение. – 2022. – Т. 6, № 1. – С. 18–32. – DOI: 10.52468/2542-1514.2022.6(1).18-32.
27. Хвостова А. В. Проблема соотношения законности с категориями справедливости, целесообразности и правомерности в правоприменительной практике / А. В. Хвостова // Вестник Казанского юридического института МВД России. – 2021. – № 3 (45). – С. 408–414. – DOI: 10.37973/KUI.2021.54.12.020.

REFERENCES

1. Kistyakovsky B.A. In defense of the right, in: *Vekhi. Intelligentsiya v Rossii. 1909–1910*, Moscow, Molodaya gvardiya Publ., 1991, pp. 109–135. (In Russ.).
2. Aristotle. *Ethics*. Moscow, AST Publ., 2010. 492 p. (In Russ.).
3. Zhursimbaev S.K., Kemnali E.S. Legality, justice and expediency: the relationship of concepts. *Vestnik Instituta zakonodatel'stva i pravovoi informatsii Respubliki Kazakhstan = Bulletin of the Institute of Legislation and Legal Information of the Republic of Kazakhstan*, 2020, no. 1 (59), pp. 216–220. (In Russ.).
4. Stozhko D.K. Social justice in the context of economic development of society. *Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of the Vyatka State University*, 2018, no. 3, pp. 40–48. DOI: 10.25730/VSU.7606.18.022. (In Russ.).
5. Novgorodtsev P.I. The right to a decent human existence, in: Novgorodtsev P.I. *Works*, Moscow, Raritet Publ., 1995, pp. 321–327. (In Russ.).
6. Koni A.F. *Collected Works*, in 8 volumes. Moscow, 1967. Vol. 4. 543 p. (In Russ.).
7. Koni A.F. *Moral principles in criminal proceedings*, Selected works. Moscow, Yurait Publ, 2019. 152 p. (In Russ.).
8. Koni A.F. *Techniques and tasks of the prosecutor's office*, From the memoirs of a judicial figure. Petrograd, P.P. Soikin Publ., 1923. 116 p. (In Russ.).
9. Rundkvist A.N. Correlation of principles of justice and legality. Criteria for the injustice of the law. *Yuridicheskie issledovaniya = Legal studies*, 2020, no. 1, pp. 47–60. DOI: 10.25136/2409-7136.2020.1.30309. (In Russ.).
10. Dovbnya V.A. The relationship between legality and justice in criminal proceedings. *Colloquium-journal*, 2019, no. 26-11 (50), pp. 119–121. (In Russ.).
11. Boldarev V.A., Melnik A.S. The relationship between law and order and justice in modern legal discourse. *Advances in Law Studies*, 2022, vol. 10, no. 1, pp. 26–30. DOI: 10.29039/2409-5087-2022-10-1-26-30. (In Russ.).
12. Rudenko D.A. Problems of the relationship between political ideology and legal understanding in the positivist theory of law. *Izvestiya RGPU im. A.I. Gertsena = News of the Russian State Pedagogical University named by A.I. Herzen*, 2007, no. 39, pp. 167–172. (In Russ.).
13. Mises L. *Human activity*, a treatise on economic theory. Chelyabinsk, Sotsium Publ., 2005. 878 p. (In Russ.).
14. Chukin D.S. Correlation of the concepts of “legality” and “justice” in legal sciences. *Izvestiya Saratovskogo voennogo instituta voisk natsional'noi gvardii = News of the Saratov Military Institute of National Guard Troops*, 2022, no. 2 (7), pp. 108–113. (In Russ.).
15. Saifullin A.I. Legality and justice as the basis for sustainable development of society and the state, in: As-trakhantseva E.A. (ed.). *Strategies of Sustainable Development: External-economic, Law and Social Aspects*, Monograph, Cheboksary, Sreda Publ., 2022, pp. 16–23. DOI: 10.31483/r-103562. (In Russ.).

16. Vasiliev O.L. Thoughts of A.F. Koni on the moral principles of the criminal process: historical anachronism or guideline for reforms?. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 11: Pravo = Bulletin of Moscow University. Series 11: Law*, 2019, no. 2, pp. 104–115. (In Russ.).
17. Nechaeva L.A. Evolution of the principle of openness of legal proceedings in Russia and foreign countries. *Vestnik MIEP = Bulletin of MIEP*, 2014, no. 3 (16), pp. 27–34. (In Russ.).
18. Koni A.F. Permission to explain to jurors the punishment threatening the defendant, in: Koni A.F. *Na zhiznennom puti*, in 5 volumes, St. Petersburg, 1912, vol. 2, pp. 677–687. (In Russ.).
19. Kodintsev A.Ya. Contribution of Anatoly Fedorovich Koni to the development of the criminal process at the beginning of the twentieth century. *Sibirskoe yuridicheskoe obozrenie = Siberian Legal Review*, 2022, vol. 19, no. 1, pp. 6–22. DOI: 10.19073/2658-7602-2022-19-1-6-22. (In Russ.).
20. Zashlyapin L.A. Some directions of ethicalization of the criminal process. *Byulleten' Mezhdunarodnoi assotsiatsii sodeistviya pravosudiyu = Bulletin of the International Association for the Assistance to Justice*, 2009, no. 2 (2), pp. 28–34. (In Russ.).
21. Zolotarev A.S. On the ethical aspects of proceedings in court with the participation of jurors: is justice achievable in the “court of people's justice”. *Byulleten' Mezhdunarodnoi assotsiatsii sodeistviya pravosudiyu = Bulletin of the International Association for the Assistance to Justice*, 2009, no. 2 (2), pp. 35–40. (In Russ.).
22. Kolmakov P.A. Ethical view of the forms of criminal proceedings. *Chelovek. Kul'tura. Obrazovanie = Man. Culture. Education*, 2018, no. 2 (28), pp. 97–102. (In Russ.).
23. Komarov I.M. On judicial ethics and moral principles of judicial interrogation. *Priroda. Chelovek. Kul'tura*, Proceedings of the First International Scientific and Educational Forum, Kislovodsk, 2018, pp. 189–192. (In Russ.).
24. Serkov P.P. *Legal relationship. Morality of modern legal regulation*. Moscow, Norma Publ., 2020. 688 p. (In Russ.).
25. Safin F.Yu. Correlation of the principles of legality and justice in law enforcement practice. *Zakon. Pravo. Gosudarstvo = Lex. Jus. Civitas*, 2021, no. 4 (32), pp. 161–164. (In Russ.).
26. Aleynikov B.N., Aleynikova A.B. Legal relations and morality: the modern understanding and new approaches. *Pravoprimenenie = Law Enforcement Review*, 2022, vol. 6, no. 1, pp. 18–32. DOI: 10.52468/2542-1514.2022.6(1).18-32.
27. Khvostova A.V. The problem of the relationship between legality and the categories of justice, expediency and legality in law enforcement practice. *Vestnik Kazanskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii = Bulletin of the Kazan Legal Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2021, vol. 6, no. 3 (45), pp. 408–414. DOI: 10.37973/KUI.2021.54.12.020. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Воронин Борис Александрович – доктор юридических наук, профессор, Заслуженный работник Высшей школы Российской Федерации, директор Научно-исследовательского института аграрно-правовых проблем и управления сельским хозяйством
Уральский государственный аграрный университет
620075, Россия, г. Екатеринбург, ул. Карла Либкнехта, 42
E-mail: voroninba@yandex.ru
ORCID: 0000-0002-0912-7839
SPIN-код РИНЦ: 6561-7961; AuthorID: 574258

Стожко Константин Петрович – доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник Научно-исследовательского института аг-

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Boris A. Voronin – Doctor of Law, Professor, Honored Worker of the Higher School of the Russian Federation; Director, Research Institute of Agrarian Legal Problems and Agricultural Management
Ural State Agrarian University
42, Karla Libknekhta ul., Yekaterinburg, 620075, Russia
E-mail: voroninba@yandex.ru
ORCID: 0000-0002-0912-7839
RSCI SPIN-code: 6561-7961; AuthorID: 574258

Konstantin P. Stozhko – Doctor of Historical Sciences, Professor; Chief Researcher, Research Institute of Agrarian Legal Problems and Agricultural Management

парно-правовых проблем и управления сельским хозяйством
Уральский государственный аграрный университет
620075, Россия, г. Екатеринбург, ул. Карла Либкнехта, 42
E-mail: kostskp@mail.ru
ORCID: 0000-0001-6139-8030
SPIN-код РИНЦ: 7978-7586; AuthorID: 443558

Стожко Дмитрий Константинович – кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры креативного управления и гуманитарных наук
Уральский государственный экономический университет
620144, Россия, г. Екатеринбург, ул. 8 Марта, 62
E-mail: d.k.stozhko@mail.ru
ORCID: 0000-0003-3186-877X
SPIN-код РИНЦ: 1466-0210; AuthorID: 709934

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Воронин Б.А. О соотношении законности и социальной справедливости в правоприменительной практике (к 180-летию со дня рождения А.Ф. Кони) / Б.А. Воронин, К.П. Стожко, Д.К. Стожко // Правоприменение. – 2024. – Т. 8, № 3. – С. 25–33. – DOI: 10.52468/2542-1514.2024.8(3).25-33.

Ural State Agrarian University
42, Karla Libknekhta ul., Yekaterinburg, 620075, Russia
E-mail: kostskp@mail.ru
ORCID: 0000-0001-6139-8030
RSCI SPIN-code: 7978-7586; AuthorID: 443558

Dmitriy K. Stozhko – PhD in Philosophy, Associate Professor; Associate Professor, Department of Creative Management and Humanities
Ural State University of Economics
62, 8 Marta ul., Yekaterinburg, 620144, Russia
E-mail: d.k.stozhko@mail.ru
ORCID: 0000-0003-3186-877X
RSCI SPIN-code: 1466-0210; AuthorID: 709934

BIBLIOGRAPHIC DESCRIPTION

Voronin B.A., Stozhko K.P., Stozhko D.K. On the relationship of legality and social justice in law enforcement practice (to the 180th anniversary of the birth of A.F. Koni). *Pravoprimenenie = Law Enforcement Review*, 2024, vol. 8, no. 3, pp. 25–33. DOI: 10.52468/2542-1514.2024.8(3).25-33. (In Russ.).

ШВЕЦИЯ: МУЛЬТИКУЛЬТУРАЛИЗМ И ОСОБЕННОСТИ РЕАЛИЗАЦИИ СВОБОДЫ ВЕРОИСПОВЕДАНИЯ В СЕКУЛЯРНОМ ГОСУДАРСТВЕ

Н.И. Шумакова

Южно-Уральский государственный университет (Национальный исследовательский университет), г. Челябинск, Россия

Информация о статье

Дата поступления –
27 августа 2023 г.
Дата принятия в печать –
20 июня 2024 г.
Дата онлайн-размещения –
20 сентября 2024 г.

Ключевые слова

Швеция, свобода
вероисповедания, права
человека, дискриминация,
светское государство, права
меньшинств, конституционное
право

Доказывается наличие искажения шведским правоприменителем конституционно-правового смысла законоположений о свободе вероисповедания под влиянием исторических особенностей развития шведского права. Обращается внимание на отсутствие единообразия в правоприменительной практике по реализации этого фундаментального права человека. Проведенный посредством применения комбинации общенаучных и специальных методов анализ позволил выявить, что шведская правоприменительная практика в сфере реализации религиозной свободы не единообразна вследствие предоставленной правоприменителю возможности широкого толкования конституционных норм, ведущей к искажению их смысла.

SWEDEN: MULTICULTURALISM AND SPECIFICS OF RELIGIOUS FREEDOM'S REALIZATION IN SECULAR STATE

Natalia I. Shumakova

South Ural State University (national research university), Chelyabinsk, Russia

Article info

Received –
2023 August 27
Accepted –
2024 June 20
Available online –
2024 September 20

Keywords

Sweden, religious freedom,
human rights, discrimination,
secular state, minorities rights,
constitutional law

Sweden has a long history of being a monoconfessional state. However, in the 20th – 21st centuries the composition of Swedish society has changed, leading the country into a crisis caused by the policy of ignoring the needs of ethnic and religious minorities. In recent years, multidisciplinary research works have been focused on finding a ground of the current social and political destabilization in this country caused by on-going religion- and ethic-based conflicts between its nationals. Some of them suggest that Sweden is not a secular but a clerical state, others – that there is a gap in its legislation.

The author of the article offers another point of view, according to which, the Swedish law enforcer distorts the constitutional and legal meaning of the provisions on religious freedom that occurs under the influence of historical specifics of the development of Swedish law, hence the lack of uniformity in law enforcement practice for the implementation of this fundamental human right.

The subject of the study is the norms of the legislation of Sweden, including historical legal acts and documents, as well as relevant court cases and key findings of domestic and foreign research works.

Objective: to prove the influence of historical specifics of the development of Swedish law on the current legal enforcement practice under which the distortion of the constitutional and legal meaning by the Swedish law enforcement takes place.

Methods: the author employs a combination of general (content-analysis, case-study, formal logical method, generalization etc.) and private scientific methods (formal judicial methods, concrete sociological method of studying state and legal phenomena etc).

Results: The obtained results demonstrate that Swedish law enforcement has been given an opportunity for a broad interpretation of constitutional norms. The author identifies the distortion of the constitutional and legal meaning in provisions that provide a special status

to followers of the evangelical faith, on the one hand, and a partial ban on religious and ethnic minorities from expressing their confessional affiliation, on the other. The analysis of specifics of the development of Swedish law demonstrates the possible ground of the existing constitutional inequality is the historically discriminatory nature of the legislation in relation to followers of other religious cults. These results can be used as a foundation for future research in the field of realization of religious liberty in multicultural states.

1. Введение

Для конца XX – начала XXI в. характерно усиление влияния религии в светских государствах, протекающее совместно с процессом глобализации [1, с. 95]. Пока одни страны, признавая существование сложившейся тенденции, стремятся взять ее под контроль либо посредством установления сотрудничества между государством и религиозными организациями [1, с. 98], либо при помощи ввода ограничений религиозной свободы [2, с. 547], другие – игнорируют происходящие изменения, не отступая от курса «слепоты», свойственного политическим идеалам прошлого столетия [3, р. 24–27]. Но преобразование конституционных и государственно-правовых отношений происходит во всех трех озвученных случаях. Среди последних интересен опыт Швеции, где последствиями национальной политики, частью которой является так называемый «идеологический дальтонизм» по отношению к нуждам этнических и религиозных меньшинств [4, р. 287], стали поляризация общества¹ и утрата государством своего авторитета [5, р. 24]. Принимаемые же меры противодействия сформировали противоречивую правоприменительную практику в сфере реализации религиозной свободы, способствующую дальнейшей эскалации конфликтов.

1.1. Теоретическая основа исследования

Современная российская юридическая наука обращается к изучению различных аспектов реализации фундаментального права человека на свободу вероисповедания в Швеции в попытке установить причины происходящих в государстве процессов, последствия которых негативно влияют на мировую безопасность, о чем предупреждает ООН². Р.Н. Лункин, отмечая существование социалистических ценностей в основе идеалов Церкви Швеции, говорит о распространении идей новой духовности и росте консервативного протестантизма на фоне смены

конфессионального состава и форсированной секуляризации шведского общества, видя в них причину его дестабилизации [6]. Л.А. Морозова, исследуя реализацию прав человека в поликонфессиональных странах, заявляет, что королевство сохранило элементы клерикализма, несмотря на то, что с 2000 г. в нем упразднена государственная церковь, ввиду чего законодательное закрепление равноправия религий не соответствует действительности – Церковь Швеции имеет большое влияние и обладает рядом привилегий [7, с. 196]. Не остались без внимания отечественных правоведов и вызвавшие международный скандал акции по сожжению Корана в странах Скандинавии. Д.О. Усанов, анализируя публично-правовой аспект обеспечения свободы совести и вероисповедания шведскими правоохранительными органами, выявляет наличие пробелов в законодательстве и делает выводы об актуальности изучения негативного опыта Швеции в условиях реализации внесенных в 2020 г. поправок в Конституцию РФ [8, с. 86–89].

Зарубежные ученые указывают на особый статус Церкви Швеции и особое положение христианства, которое используется в риторике ультраправых партий страны [9]. Целый пласт среди непосредственно шведских исследований составляют научные работы по этнической и расовой нетерпимости. Т. Йоханссон, Й. Андреассон и Р. Миллингс демонстрируют, что некогда моноконфессиональная Швеция не справляется с неонацизмом в школах: учащиеся иных вероисповеданий сталкиваются с оскорблениями, подвергаются социальной изоляции и физическому насилию со стороны коренных шведов, в том числе из-за ношения религиозной одежды [10]. М. Бароуди, И. Гойсолеа и А.-К. Хуртиг выявили наличие предвзятости по отношению к арабоязычающим мужчинам в области здравоохранения [11]. М. Сагер и Д. Мулинари рассматривают намеренную марги-

¹ Henley J. Sweden's failed integration creates 'parallel societies', says PM after riots // The Guardian. 28 Apr 2022. URL: <https://www.theguardian.com/world/2022/apr/28/swedens-failed-integration-creates-parallel-societies-says-pm-after-riots>.

² Резолюция Совета безопасности ООН 2686 (2023). URL: <https://documents.un.org/doc/undoc/gen/n23/170/25/pdf/n2317025.pdf?token=2vfMRsA9lFK8gx5Kzv&fe=true>.

нализацию мусульманского населения как основу продвижения идей неонацизма, несущих угрозу ценностям гражданского общества [12]. И. Оденбринг и Т. Йохансон устанавливают взаимосвязь с притоком мигрантов из мусульманских стран в провинциальную часть Швеции и ростом поддержки в этих регионах аффилированных с ультраправыми группировками партий [13, р. 86]. Х. Андерссон, Х. Берг и М. Дальберг исследуют «эффект бегства» местного населения из районов, где увеличивается популяция беженцев и мигрантов [14]. В рамках комплексных исследований, посвященных исторической дискриминации саами, также встречаются указания на рост преступлений на почве нетерпимости [15]. Занимается исследованиями в данной области и Шведский национальный совет по предупреждению преступности, опубликовавший отчеты «Антисемитские преступления на почве ненависти»³, «Нетерпимость»⁴, «Преступления на почве ненависти в цифровой среде»⁵, «Афрофобские преступления на почве ненависти»⁶, «Преступления на почве ненависти, зарегистрированные полицией в 2022 году»⁷, «Исламофобские преступления»⁸, доказывающие регулярность совершения преступлений на почве нетерпимости.

1.2. Актуальность исследования

В данной статье доказывается, что правоприменительная практика по реализации свободы вероисповедания в Швеции не единообразна вследствие искажения конституционно-правового смысла законоположений под влиянием исторических особенностей развития шведского права. Актуальность выбранной темы обусловлена ее малой разработанностью, а также возможностью на примере отдельно взятого государства проанализировать последствия возведения светскости и защиты либеральных ценностей в статус новой национальной идеи⁹ без учета

особенностей этнического и конфессионального состава общества.

2. Религиозная свобода в истории шведского права

Первым этапом развития религиозной свободы в Швеции стал Эдикт о терпимости 1781 г.¹⁰ Принимая его вопреки неодобрению шведского духовенства, Карл III охарактеризовал свои действия как «смелый шаг на пути к счастливому объединению разьединенных умов и прогрессу в эпоху просвещения» [16, р. 83]. Как следует из преамбулы решения Риксдага «О свободе вероисповедания» 1779 г., пункты которого сформировали положения эдикта, необходимость его принятия была продиктована «пользой для королевства», а именно необходимостью привлечения иностранных специалистов для дальнейшего развития государства¹¹. Ссылаясь на то, что «свободное исповедание религии для иностранцев, желающих иммигрировать в королевство, согласуется со свободой совести, введенной почти во всех благополучных и уважающих человечество государствах», Риксдаг вводил следующие основные ограничения предоставляемой религиозной свободы: 1) запрет представителям «иностранный религии» занимать государственные должности и посты; 2) запрет на учреждение публичных образовательных учреждений, целью которых служит распространение религиозных убеждений; 3) запрет миссионерской деятельности; 4) запрет на учреждение монастырей; 5) запрет на въезд в страну монахов; 6) ограничение количества синагог и передача их под контроль полиции; 7) запрет на публичные шествия и церемонии; 8) «предельно осторожное обращение» с теми, кто по своей воле отступает от «правильной евангелистской веры»; 9) запрет на смену членами Риксдага религиозной принадлежности. В то же время Эдикт о терпимости наделял мигрантов правом строить куль-

³ Antisemitiska hatbrott. URL: <https://bra.se/publikationer/arkiv/publikationer/2019-05-29-antisemitiska-hatbrott.html>.

⁴ Intolerance. URL: <https://bra.se/bra-in-english/home/publications/archive/publications/2005-06-23-intolerance.html>.

⁵ Hatbrott i digitala miljöer. URL: <https://bra.se/publikationer/arkiv/publikationer/2022-12-14-hatbrott-i-digitala-miljoer.html>.

⁶ Afrofobiska hatbrott. URL: <https://bra.se/publikationer/arkiv/publikationer/2022-11-24-afrofobiska-hatbrott.html>.

⁷ Polisanmälda hatbrott 2022. URL: <https://bra.se/publikationer/arkiv/publikationer/2023-12-07-polisanmalda-hatbrott-2022.html>.

⁸ Islamofobiska hatbrott. URL: <https://bra.se/publikationer/arkiv/publikationer/2021-03-31-islamofobiska-hatbrott.html>.

⁹ Rudenstrand J. Den svenska religionsfriheten är inte så stark som vi tror // Liberal Debatt. 25 April 2022. URL: <https://www.liberaldebatt.se/2022/04/den-svenska-religionsfriheten-ar-inte-sa-stark-som-vi-tror/>.

¹⁰ Toleransedikt & Judeplakatet. URL: <https://time.graphics/event/836399>.

¹¹ Riksdagsbeslut om religionsfrihet. URL: <https://stockholmskallan.stockholm.se/post/28432>.

товые учреждения, свободно отправлять религиозные службы и ритуалы, а также воспитывать детей в религии родителей. Вмешательство в отправление религиозных служб и ритуалов мигрантов, как и оскорбление их верований и традиций, каралось штрафом. Положения о свободе вероисповедания не распространялись на шведских граждан.

Годом позднее, в 1782-м, был принят ордонанс – Правила для евреев¹², – наделивший не принявших лютеранскую веру представителей этой нации свободой вероисповедания с рядом ограничений, таких как запрет на свободную торговлю, запрет на свободное передвижение, запрет на браки с представителями иных конфессий, запрет свободного выбора профессии, запрет на строительство синагог вне отведенных мест и т. д.

Иными словами, первые нормативные правовые акты Швеции, наделявшие религиозной свободой представителей чуждых королевству конфессий, не только устанавливали строгие пределы, но и узаконивали дискриминацию по религиозному признаку.

Еще одним этапом, ограничивающим свободу вероисповедания, стал Закон о молитвенных собраниях, действовавший с 1726 по 1858 г.¹³ Согласно ему в королевстве запрещалось отправление церковных служб и ритуалов за пределами лютеранских церквей, как и распространение новых учений и смена конфессии. Наиболее известным судебным решением того периода является дело Анны Шютце, которая вместе с другими женщинами, принявшими католическую веру, в 1858 г. была приговорена к лишению гражданства и высылке из страны¹⁴.

На смену Эдикту о терпимости и Правилам для евреев пришли Эдикт об исповедующих иностранные религии и отправлении ими религиозных обрядов (1860) и Королевский эдикт об исповедующих иностранные религии и их религиозных практиках (1873), тоже содержащие ряд ограничений свободы вероисповедания, но отменившие такие наказания, как лишение гражданства в случае перехода в другую веру. Более того, шведским гражданам было официально разрешено сочетаться браком с представителями иных христианских конфессий¹⁵. Ключевую

роль здесь сыграла речь короля Оскара I перед началом заседаний Риксдага 1856–1858 гг., ставшая ответом на отправку в ссылку шведских граждан за переход в другую религию и сводившаяся к необходимости обеспечения в королевстве религиозной свободы [17, р. 33–34]. В результате в стране была установлена свобода вероисповедания для лиц, исповедующих признаваемые в королевстве конфессии, но религиозные ритуалы представителям неевангельской веры не разрешалось отправлять публично, запрещалось призывать других «отступить от чистого евангельского учения», а переход в не признанные в стране конфессии оставался невозможным.

В 1951 г. был принят Закон о свободе вероисповедания¹⁶, в число положений которого вошли: 1) право исповедовать любую религию, если это не вызывает общественного возмущения; 2) запрет на принуждение к принадлежности к какой-либо религиозной организации; 3) запрет на воспрепятствование публичным богослужениям; 4) обязательная регистрация религиозных организаций. В 2000 г. его сменил Закон о религиозных организациях¹⁷.

2.1. Конституционно-правовые основы свободы вероисповедания в Швеции XX–XXI вв.

Действующая Конституция Швеции¹⁸ состоит из четырех законов: 1) Акт о престолонаследовании; 2) Акт о свободе печати; 3) Акт о форме правления; 4) Акт о свободе выражения взглядов. Пункт 6 ст. 1 гл. 2 Акта о форме правления гарантирует каждому свободу исповедовать религию индивидуально или коллективно, в то время как ст. 2 гл. 1 устанавливает, что государственная власть должна осуществляться с уважением к равноценности всех людей, а также свободы и достоинства личности, и обязывает к проведению в королевстве государственной политики по предотвращению всех форм дискриминации, а ст. 12 гл. 2 запрещает принятие нормативных правовых актов, ущемляющих права меньшинств. К дополнительным гарантиям относятся положения ст. 23 гл. 2, которая запрещает принятие нормативных правовых актов, противоречащих положениям Европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод¹⁹ (далее – ЕКПЧ). Ограничения предусмотрены

¹² Judereglementet. URL: <https://sv.wikisource.org/wiki/Judereglementet> (дата обращения: 17.01.2024).

¹³ Konventikelplakatet. URL: <https://riksarkivet.se/konventikelplakatet>.

¹⁴ En katolik upptäcks i Adolfs Fredriks församling. URL: <https://stockholmskallan.stockholm.se/post/30276>.

¹⁵ Statens Offentliga Utredningar. URL: <https://lagen.nu/sou/1964:13?attachment=index.pdf&repo=soukb&dir=downloaded>.

¹⁶ Religionsfrihetslag. URL: <https://lagen.nu/1951:680>.

¹⁷ Lag (1998:1593). URL: <https://lagen.nu/1998:1593>.

¹⁸ Grundlag. URL: <https://lagen.nu/begrepp/Grundlag>.

¹⁹ URL: <https://www.coe.int/ru/web/compass/the-european-convention-on-human-rights-and-its-protocols>.

только для королевской семьи – согласно ст. 4 Акта о престолонаследовании в случае смены конфессии или отказа от вероисповедания она будет лишена права на престол (поправка внесена законом 1979:935²⁰).

2.2. Особенности реализации права на религиозную свободу

Для граждан, как следует из разъяснения шведских правоведов, свобода вероисповедания является абсолютной, но только в том узком смысле, в котором ее определяет Акт о форме правления²¹, суды же при вынесении решений, как правило, руководствуются положениями ст. 9 ЕКПЧ, которая такие ограничения предусматривает. Заместитель генерального секретаря Шведского евангелического альянса Я. Руденстранд, частично разделяя эту точку зрения, считает, что толерантность, мультикультурализм и абсолютная религиозная свобода, с учетом существующей в королевстве правоприменительной практики, номинальны, доказательством чему служит ограничение свободы вероисповедания в образовательной, трудовой, здравоохранительной и иных сферах²². С озвученным коррелирует доклад Специального докладчика ООН по вопросам свободы религии и убеждений Н. Ганеа, упоминающий возросшую роль религии в традиционно моноконфессиональном шведском обществе, недооцениваемую правительством, что создает риск для реализации права на свободу вероисповедания, способствует эскалации конфликтов на почве религиозной нетерпимости и повышает уровень публичного недоверия²³. Докладчик сообщает о сокрытии данных расследования об эффективности применения Закона о дискриминации, который можно было рассматривать как направленный на охрану свободы вероисповедания – вкупе с ничтожным количеством судебных решений по данным вопросам, это не позволяет оценить масштабы кризиса. Н. Ганеа также добавляет, что каждый муниципалитет толкует и применяет конституционные нормы по-своему. На

неоднородность правоприменительной практики указывает и Христианский совет Швеции на примере ограничений массовых собраний в пандемию COVID-19, степень строгости которых также варьировалась в зависимости от муниципалитета²⁴.

Разночтение в толковании конституционных норм наблюдается и среди шведских парламентариев, что следует из докладов Конституционного комитета 2021/22:КУ29²⁵ и 2022/23:КУ26²⁶. В 2021 г. Риксдаг поддержал предложение 2021/22:2485 полного запрета ношения хиджаба и никаба в детских дошкольных учреждениях и начальной школе. Но годом ранее были аннулированы как противоречащие Конституции и ЕКПЧ постановления Муниципального совета Стаффорпа (29 мая 2019 г.) и Скурупа (16 декабря 2019 г.) о запрете ношения покрывающей религиозной одежды – соответствующие решения вынес Муниципальный суд Мальмё от 17 ноября 2020 г. (дела #6754-19 и #113-20). Попытки муниципалитетов обжаловать указанные решения не увенчались успехом, и Апелляционный суд Гётеборга в двух решениях от 23 июня 2021 г. оставил их в силе (дела #7172-20 и #7171-20). Не соответствующим нормам Конституции признано и внесенное в Риксдаг упомянутое в отчетах предложение 2021/22:2526, целью которого являлся запрет молитвенных призывов, а в качестве мотивировки указывалось, что только христианство имеет большое значение для шведской культуры, в то время как ислам исторически никогда не обладал таким статусом, поэтому призывы к молитве являются насильственной пропагандой, а не проявлением свободы вероисповедания. Еще ранее горожане пытались воспрепятствовать молитвенным призывам в Векшё, разрешенным полицией муниципалитета 8 мая 2018 г. Административный суд Мальмё (дела #5953-18, #6390-18, #6400-18, #6407-18, #6568-18) и Апелляционный суд Гётеборга (дела #5873-18 и #5907-18) признали молитвенные призывы не противоречащими положениям Конституции о свободе вероисповедания.

²⁰ Successionsordning (1810:0926). URL: <https://lagen.nu/1810:0926#P4S1>.

²¹ Wahlberg S. "Abortvägran, religiös klädsel och obligatorisk skolundervisning – så fungerar religionsfriheten" // Dagens Juridisk. 2017-02-21. URL: <https://www.dagensjuridik.se/nyheter/abortvagr-an-religios-kladsel-och-obligatorisk-skolundervisning-sa-fungerar-religionsfriheten/>.

²² Rudenstrand J. Op. cit.

²³ URL: <https://www.ohchr.org/sites/default/files/documents/issues/religion/2023-10-19-EOM-sr-religion.docx>.

²⁴ Yttrande över promemorian Covid-19-lag. URL: <https://www.regeringen.se/contentassets/da9302cef68945cf8e9e1a72f33f97e7/sveriges-kristna-rad.pdf>.

²⁵ 2021/22:КУ29. URL: https://www.riksdagen.se/sv/dokument-och-lagar/dokument/betankande/fri-och-rattigheter-m.m_h901ku29/html.

²⁶ 2022/23:КУ26. URL: https://www.riksdagen.se/sv/dokument-och-lagar/dokument/betankande/fri-och-rattigheter-m.m_ha01ku26.

Однако Риксдаг вынес положительные решения по предложениям 2020/21:254, 2021/22:216, 2022/23:2271, направленным на защиту интересов христианского населения и установление сотрудничества в определенных областях между государством и христианскими религиозными организациями. На этом фоне продолжались акции по сожжению Корана и дебаты об их законности. В частности, в запросе к министру юстиции Г. Стрёммеру 2022/23:314 указывается на спровоцированные ими противоречия между полицией, прокуратурой и судом²⁷. Такие противоречия действительно были: согласно постановлению Административного суда Стокгольма по делу #2741-23 от 4 апреля 2023 г., в феврале 2023 г. полиция Стокгольма отказала в разрешении на проведение очередной акции по сожжению Корана (у посольств Турции и Ирака в Стокгольме), мотивировав решение угрозой безопасности граждан и нарушения общественного порядка, вероятностью нанесения ущерба интересам страны и национальной безопасности. Отказ полиции признан незаконным, попытка же Управлением полиции обжаловать это решение в Апелляционном суде Стокгольма (дела #2079-23 и #2080-23) не увенчалась успехом – 12 июня 2023 г. суд оставил в силе решение предыдущей инстанции, посчитав, что перечисленные Управлением полиции основания не были достаточными для отказа в проведении акций и не отвечают ст. 10 гл. 2 Закона о порядке (1993:1617)²⁸. Заслуживающим отдельного внимания прецедентом является назначение уголовного наказания за очередную акцию, связанную с уничтожением Корана, когда распространенное в сети «Интернет» видео акции сопровождалось связанной с террористической атакой на мечети в Крайстчёрч музыкой – решение вынес окружной суд Лидчэпинга 12 октября 2023 г., посчитав, что данная акция не была направлена на критику ислама как религии, но выступала как угроза исповедующим ислам (дело #B-1406-21). Следует вспомнить, что до 1970 г. в Швеции существовала уголовная ответственность за проведение подобных акций как публичное осквернение религиозной организации – ст. 9 гл. 16 Уголовного кодекса. Обвинительный приговор по делу #B-1406-21, вероятно, был вы-

несен на основании поправки ст. 8 гл. 16 Уголовного кодекса Швеции, которая предусматривает уголовное наказание в виде штрафа или лишения свободы для лиц, признанных виновными в распространении при помощи заявлений или других видов коммуникации угроз или выражения неуважения к группе населения на основании их расы, цвета кожи, национального или этнического происхождения, пола, религиозных и иных убеждений, при этомотягчающим обстоятельством является распространение оскорбления среди большого числа людей таким образом, что оно могло бы привлечь к себе значительное внимание²⁹. Очевидно, суд не посчитал публикацию записи в сети «Интернет» отягчающим обстоятельством, а потому приговорил обвиняемого к условному лишению свободы, несмотря на то, что в целях провокации реакции большого количества людей в последние годы используются именно Интернет и социальные сети [18, с. 254]. Необходимо указать, что на официальном портале шведского судопроизводства не раскрывается имя обвиняемого и статья, по которой вынесен приговор³⁰, поэтому можно лишь предполагать, что в данном случае была применена ст. 8 гл. 16 Уголовного кодекса Швеции. Н. Ганеа в упомянутом ранее докладе характеризует такую практику как намеренное сокрытие статистики – «нет данных, нет проблем».

3. Выводы

Полученные результаты демонстрируют, что шведская правоприменительная практика в сфере реализации религиозной свободы не единообразна, что вызвано предоставленной правоприменителю возможностью широкого толкования конституционных норм, которое зачастую является субъективным взглядом на их смысловое значение и не учитывает новых социальных и политико-правовых реалий [19, с. 10], таких как смена конфессионального и этнического состава общества. Искажение конституционно-правового смысла наблюдается в законоположениях, наделяющих особым статусом последователей евангелической веры с одной стороны и частичном запрете религиозным и этническим меньшинствам на проявление своей конфессиональной принадлежности – с другой. Исходя из анализа особен-

²⁷ INTERPELLATION TILL STATSRAÅD. URL: <https://data.riksdagen.se/fil/2C975A73-91A7-4D47-8AB0-650AA8341445>.

²⁸ Ordningsslag. URL: https://www.riksdagen.se/sv/dokument-och-lagar/dokument/svensk-forfattningssamling/ordningslag-19931617_sfs-1993-1617/#K2.

²⁹ Brottsbalk. URL: https://www.riksdagen.se/sv/dokument-och-lagar/dokument/svensk-forfattningssamling/brottsbalk-1962700_sfs-1962-700/.

³⁰ Dom i mål om hets mot folkgrupp. URL: <https://www.domstol.se/en/nyheter/2023/10/dom-i-mal-om-hets-mot-folkgrupp/>.

ностей развития шведского права, в основе сложившегося конституционного неравноправия лежит исторически дискриминационный характер законодательства по отношению к последователям иных, не традиционных для королевства религиозных культов. Подтверждением этому служат как регулярные попытки внести в Риксдаг предложения, содержащие нормы об ограничении прав мусульманского населения, так и уже принятые парламентариями проекты по дополнительной защите христианского культурного наследия и интересов христиан. Более того, достаточно вольное толкование свободы слова присутствует и среди влиятельных шведских религиозных деятелей, утверждающих, что оскорбление чувств верующих есть часть ее реализации³¹. Можно утверждать, что созданный ранее Швецией образ одного из самых секуляризированных государств [20, р. 57] не соответствует действительности и поддерживается за счет нарушения конституционных прав и свобод отдельных групп населения, последствием чего стали дестабилизация общества, массовые нарушения общественного порядка, рост числа преступлений на почве нетерпимости, конфликт

между прокуратурой и полицией, а также снижение доверия к государственным институтам. Для дополнительного подтверждения полученных выводов стоит вновь обратиться как к отечественным исследованиям, подчеркивающим центральное место защиты прав и свобод личности в конституционных актах Швеции и стремление законодателя максимально полно их гарантировать [21, с. 241–243], так и к научным трудам ведущих шведских правоведов, доказывающих, что рассматриваемые некогда как абсолютная победа демократических ценностей декриминализация богохульства [22] и секуляризация общества, направленные на развитие новой мультикультурной и мультирелигиозной реальности [23, р. 86–87], в XXI в. привели королевство к кризису, нуждающемуся в оперативном разрешении [24, р. 55]. Кроме того, отдельные исследователи также напоминают, что для Швеции не является новинкой смешение идеологии с религией для формирования национальной идентичности [25, р. 173], на наличие которого указывают регулярно вносимые в Риксдаг предложения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Шумакова Н. И. Бразилия: конституционно-правовые основы постсекуляризма / Н. И. Шумакова // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Право. – 2023. – Т. 23, № 2. – С. 95–100. – DOI: 10.1016/j.wsif.2017.12.002.
2. Шумакова Н. И. Искусственный интеллект как вспомогательный инструмент ограничения религиозной свободы в Китае / Н. И. Шумакова, Е. В. Титова // Journal of Digital Technologies and Law. – 2023. – Т. 1, № 2. – С. 540–563. – DOI: 10.21202/jdtl.2023.23.
3. McDougall W. A. The Myth of the Secular: Religion, War, and Politics in the Twentieth Century / W. A. McDougall // Orbis. – 2020. – Vol. 64, iss. 1. – P. 24–42. – DOI: 10.1016/j.orbis.2019.12.003.
4. Coenen A. C. Ethnic diversity and extremist attitudes in soccer teams: A multi-level investigation / A. C. Coenen, J. R. Kunst // International Journal of Intercultural Relations. – 2021. – Vol. 80. – P. 285–306. – DOI: 10.1016/j.ijintrel.2020.07.003.
5. Åberg J. H. S. Is There a State Crisis in Sweden? / J. H. S. Åberg // Society. – 2019. – Vol. 56. – P. 23–30. – DOI: 10.1007/s12115-018-00320-x.
6. Лункин Р. Н. Церковь и общество в Швеции: современный шведский либерализм и консерватизм / Р. Н. Лункин // Современная Европа. – 2011. – № 2 (46). – С. 125–137.
7. Морозова Л. А. Реализация прав человека в поликонфессиональном обществе / Л. А. Морозова // Социально-экономические явления и процессы. – 2017. – Т. 12, № 2. – С. 195–201.
8. Усанов Д. О. Проблема обеспечения свободы совести и вероисповедания правоохранительными органами скандинавских стран в современных условиях: публичноправовой аспект / Д. О. Усанов // Юридические исследования. – 2023. – № 9. – С. 85–93. – DOI: 10.25136/2409-7136.2023.9.43960.

³¹ Rudenstrand J. 70 Years of Religious Freedom in Sweden: Prospects and Challenges // Religious Freedom Institute. December 9, 2022. (Cornerstone Forum; No. 331).

URL: <https://religiousfreedominstitute.org/freedom-in-sweden/>.

9. Serdar A. A typology of right-wing populism in Europe: Intersections of gender, religion and secularity / A. Serdar, E. Öztürk, K. G. Nygren // *Women's Studies International Forum*. – 2023. – Vol. 97. – Art. 102680. – DOI: 10.1016/j.wsif.2023.102680.
10. Johansson T. "When I think about Shortfield, I think about mosquitos, and neo-Nazis": Students' narratives of racism, sexism, and intolerance in rural Swedish schools / T. Johansson, J. Andreasson, R. Millings // *Journal of Rural Studies*. – 2024. – Vol. 105. – Art. 103184. – DOI: 10.1016/j.jrurstud.2023.103184.
11. Baroudi M. The good, the bad, and the why: How do Arabic-speaking migrant men perceive and experience information and services related to sexual and reproductive health in Sweden? / M. Baroudi, I. Goicolea, A.-K. Hurtig // *Journal of Migration and Health*. – 2023. – Vol. 7. – Art. 100153. – DOI: 10.1016/j.jmh.2023.100153.
12. Sager M. Safety for whom? Exploring femonationalism and care-racism in Sweden / M. Sager, D. Mullinari // *Women's Studies International Forum*. – 2018. – Vol. 68. – P. 149–156. – DOI: 10.1016/j.wsif.2017.12.002.
13. Odenbring Y. "If they're allowed to wear a veil, we should be allowed to wear caps": Cultural diversity and everyday racism in a rural school in Sweden / Y. Odenbring, T. Johansson // *Journal of Rural Studies*. – 2019. – Vol. 72. – P. 85–91. – DOI: 10.1016/j.jrurstud.2019.10.033.
14. Andersson H. Migrating natives and foreign immigration: Is there a preference for ethnic residential homogeneity? / H. Andersson, H. Berg, M. Dahlberg // *Journal of Urban Economics*. – 2021. – Vol. 121. – Art. 103296. – DOI: 10.1016/j.jue.2020.103296.
15. Hansen K. L. The History and Current Situation of Discrimination Against the Sámi / K. L. Hansen // *The Sámi World* / ed. by S. Valkonen, Á. Aikio, S. Alakorva, S.-M. Magga. – 1st ed. – Routledge, 2022. – P. 328–347. – DOI: 10.4324/9781003025511-23.
16. Grimberg C. Svenska folkets underbara öden / C. Grimberg. – 1st ed. – Stockholm : P. A. Norstedt & Söners Förlag, 1921. – Vol. 7 : Gustav III:s och Gustav IV Adolfs tid. – 742 p.
17. Dahlman P. Kyrka och stat i 1860 års svenska religionslagstiftning / P. Dahlman. – 1st ed. – Skellefteå : Artos & Norma Bokförlag, 2009. – 458 p.
18. Антонова Е. Ю. Преступления террористической направленности в эпоху цифровизации: формы деятельности и меры по противодействию/ Е. Ю. Антонова // *Journal of Digital Technologies and Law*. – 2023. – Т. 1, вып. 1. – С. 251–269. – DOI: 10.21202/jdtl.2023.10.
19. Минникес И. А. Историческое толкование в праве: содержание и виды / И. А. Минникес, И. В. Минникес // *Правоприменение*. – 2022. – Т. 6, № 2. – С. 5–18. – DOI: 10.52468/2542-1514.2022.6(2).5-18.
20. Wimelius M. Religionsfrihet och demokrati i Sverige // *Nordic Journal of Human Rights*. – 2002. – Vol. 20, iss. 1. – P. 57–69.
21. Усанов Д. О. Конституционно-правовое регулирование прав и свобод человека и гражданина в законодательстве Швеции / Д. О. Усанов, Ш. М. Нурадинов, С. Л. Нечай // *Вестник экономической безопасности*. – 2022. – № 3. – С. 240–245. – DOI: 10.24412/2414-3995-2022-3-240-245.
22. Nordin J. Från tro till tvivel: Religionsundantaget i äldre tryckfrihetsdebatt // *Opinionsfrihet och religion*. – 2018. – Vol. 98. – P. 11–27.
23. Bieniek B. J. Religion in modern Sweden. The Swedish Church's (Svenska Kyrkan) role and position in secularised Swedish reality in the 21st century / B. J. Bieniek // *Politology of Religion : III Bi-Annual conference 2021 : Proceedings*. – Belgrade : Center for Study of Religion and Religious Tolerance University of Belgrade – Faculty of Political Sciences, 2021. – P. 81–99.
24. Hirschfeldt J. Freedom of Speech, Expression and Information in Sweden A Legacy from 1766 / J. Hirschfeldt // *The Legacy of Peter Forsskål 250 Years of Freedom of Expression*. – Göteborg : Nordicom University of Gothenburg, 2017. – P. 53–71.
25. Forsell G. "I tro på släktets framtid": klerikal fascism, Sveriges Religiösa Reformförbund och den svenska kulturens förfall / G. Forsell // *Chaos: skandinavisk tidsskrift for religionshistoriske studier*. – 2017. – Vol. 68, no. 2. – P. 171–199.

REFERENCES

1. Shumakova N.I. Brazil: constitutional and legal basis of post-secularism. *Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pravo = Bulletin of the South Ural State University. Series "Law"*, 2023, vol. 23, no. 2, pp. 95–100. DOI: 10.14529/law230214. (In Russ.).

2. Shumakova N.I., Titova E.V. Artificial Intelligence as an Auxiliary Tool for Limiting Religious Freedom in China. *Journal of Digital Technologies and Law*, 2023, vol. 1, iss. 2, pp. 540–563. DOI: 10.21202/jdtl.2023.23.
3. McDougall W.A. The Myth of the Secular: Religion, War, and Politics in the Twentieth Century. *Orbis*, 2020, vol. 64, iss. 1, pp. 24–42. DOI: 10.1016/j.orbis.2019.12.003.
4. Coenen A.C., Kunst J.R. Ethnic diversity and extremist attitudes in soccer teams: A multi-level investigation. *International Journal of Intercultural Relations*, 2021, vol. 80, pp. 285–306. DOI: 10.1016/j.ijintrel.2020.07.003.
5. Åberg J.H.S. Is There a State Crisis in Sweden?. *Society*, 2019, vol. 56, pp. 23–30. DOI: 10.1007/s12115-018-00320-x.
6. Lunkin R.N. Church and society in Sweden: modern Swedish liberalism and conservatism. *Sovremennaya Evropa*, 2011, no. 2 (46), pp. 125–137. (In Russ.).
7. Morozova L.A. Realization of human rights in polyconfessional society. *Sotsial'no-ekonomicheskie yavleniya i protsessy = Social economic phenomena and processes*, 2017, vol. 12, iss. 2, pp. 195–201. (In Russ.).
8. Usanov D.O. The problem of ensuring freedom of conscience and religion by law enforcement agencies of Scandinavian countries in modern conditions: public law aspect. *Yuridicheskie issledovaniya = Legal Studies*, 2023, no. 9, pp. 85–93. DOI: 10.25136/2409-7136.2023.9.43960. (In Russ.).
9. Serdar A., Öztürk E., Nygren K.G. A typology of right-wing populism in Europe: Intersections of gender, religion and secularity. *Women's Studies International Forum*, 2023, vol. 97, art. 102680. DOI: 10.1016/j.wsif.2023.102680.
10. Johansson T., Andreasson J., Millings R. “When I think about Shortfield, I think about mosquitos, and neo-Nazis”: Students’ narratives of racism, sexism, and intolerance in rural Swedish schools. *Journal of Rural Studies*, 2024, vol. 105, art. 103184. DOI: 10.1016/j.jrurstud.2023.103184.
11. Baroudi M., Goicolea I., Hurtig A.K. The good, the bad, and the why: How do Arabic-speaking migrant men perceive and experience information and services related to sexual and reproductive health in Sweden?. *Journal of Migration and Health*, 2023, vol. 7, art. 100153. DOI: 10.1016/j.jmh.2023.100153.
12. Sager M., Mullinari D. Safety for whom? Exploring femonationalism and care-racism in Sweden. *Women's Studies International Forum*, 2018, vol. 68, pp. 149–156. DOI: 10.1016/j.wsif.2017.12.002.
13. Odenbring Y., Johansson T. “If they're allowed to wear a veil, we should be allowed to wear caps”: Cultural diversity and everyday racism in a rural school in Sweden. *Journal of Rural Studies*, 2019, vol. 72, pp. 85–91. DOI: 10.1016/j.jrurstud.2019.10.033.
14. Andersson H., Berg H., Dahlbeg M. Migrating natives and foreign immigration: Is there a preference for ethnic residential homogeneity?. *Journal of Urban Economics*, 2021, vol. 121, art. 103296. DOI: 10.1016/j.jue.2020.103296.
15. Hansen K.L. The History and Current Situation of Discrimination Against the Sámi, in: Valkonen S., Aikio Á., Alakorva S., Magga S.-M. (eds.). *The Sámi World*, 1st ed., Routledge Publ., 2022, pp. 328–347. DOI: 10.4324/9781003025511-23.
16. Grimberg C. *Svenska folkets underbara öden*, 1st ed. Stockholm, P.A. Norstedt & Söners Publ., 1921. Vol. 7: Gustav III:s och Gustav IV Adolfs tid. 742 p. (In Swedish).
17. Dahlman P. *Kyrka och stat i 1860 års svenska religionslagstiftning*, 1st ed. Skellefteå, Artos & Norma Publ., 2009. 458 p. (In Swedish).
18. Antonova E.Yu. Terrorist Crimes in the Era of Digitalization: Forms of Activity and Measures for Counteraction. *Journal of Digital Technologies and Law*, 2023, vol. 1, iss. 1, pp. 251–269. DOI: 10.21202/jdtl.2023.10.
19. Minnikes I.A., Minnikes I.V. Historical interpretation in law: content and types. *Pravoprimenenie = Law Enforcement Review*, 2022, vol. 6, iss. 2, pp. 5–18. DOI: 10.52468/2542-1514.2022.6(2).5-18.
20. Wimelius M. Religionsfrihet och demokrati i Sverige. *Nordic Journal of Human Rights*, 2002, vol. 20, iss. 1, pp. 57–69. (In Swedish).
21. Usanov D.O., Nuradinov Sh.M., Nechaj S.L. Constitutional and legal regulation of the rights and freedoms of man and citizen in the legislation of Sweden. *Vestnik ekonomicheskoi bezopasnosti = Bulletin of economic security*, 2022, no. 3, pp. 240–245. DOI: 10.24412/2414-3995-2022-3-240-245. (In Russ.).
22. Nordin J. Från tro till tvivel: Religionsundantaget i äldre tryckfrihetsdebatt. *Opinionsfrihet och religion*, 2018, vol. 98, pp. 11–27. (In Swedish).

23. Bieniek B.J. Religion in modern Sweden. The Swedish Church's (Svenska Kyrkan) role and position in secularised Swedish reality in the 21st century, in: *Politology of Religion*, III Bi-Aannual conference 2021, Proceedings, Belgrade, Center for Study of Religion and Religious Tolerance University of Belgrade – Faculty of Political Sciences Publ., 2021, pp. 81–99.

24. Hirschfeldt J. Freedom of Speech, Expression and Information in Sweden A Legacy from 1766, in: *The Legacy of Peter Forsskål 250 Years of Freedom of Expression*, Göteborg, Nordicom University of Gothenburg Publ., 2017, pp. 53–71.

25. Forsell G. "I tro på släktets framtid": klerikal fascism, Sveriges Religiösa Reformförbund och den svenska kulturens förfall. *Chaos: skandinavisk tidsskrift för religionshistoriske studier*, 2017, vol. 68, no. 2, pp. 171–199. (In Swedish).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Шумакова Наталья Игоревна – преподаватель кафедры конституционного и административного права
Южно-Уральский государственный университет
(Национальный исследовательский университет)
454080, Россия, г. Челябинск, пр. Ленина, 76
E-mail: shumakovani@susu.ru
ORCID: 0009-0004-6063-0650
SPIN-код РИНЦ: 8084-7625; AuthorID: 1211522

INFORMATION ABOUT AUTHOR

Natalia I. Shumakova – lecturer, Department of Constitutional and Administrative Law
South Ural State University (national research university)
76, Lenina pr., Chelyabinsk, 454080, Russia
E-mail: shumakovani@susu.ru
ORCID: 0009-0004-6063-0650
RSCI SPIN-code: 8084-7625; AuthorID: 1211522

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Шумакова Н.И. Швеция: мультикультурализм и особенности реализации свободы вероисповедания в секулярном государстве / Н.И. Шумакова // *Правоприменение*. – 2024. – Т. 8, № 3. – С. 34–43. – DOI: 10.52468/2542-1514.2024.8(3).34-43.

BIBLIOGRAPHIC DESCRIPTION

Shumakova N.I. Sweden: multiculturalism and specifics of religious freedom's realization in secular state. *Pravoprimerenie = Law Enforcement Review*, 2024, vol. 8, no. 3, pp. 34–43. DOI: 10.52468/2542-1514.2024.8(3).34-43. (In Russ.).

ПРИМЕНЕНИЕ НОРМ ПРАВА ОРГАНАМИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ

THE LAW ENFORCEMENT BY PUBLIC AUTHORITIES

УДК 349.2

DOI 10.52468/2542-1514.2024.8(3).44-52

ЗАНЯТОСТЬ, ТРУД И СОЦИАЛЬНАЯ ЗАЩИТА В РЕЖИМЕ ГИБРИДНОГО ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ

С.Ю. Чуча

Институт государства и права Российской академии наук, г. Москва, Россия

Информация о статье

Дата поступления –

19 февраля 2024 г.

Дата принятия в печать –

20 июня 2024 г.

Дата онлайн-размещения –

20 сентября 2024 г.

Ключевые слова

Гибридный правовой режим, самоизоляция, специальная военная операция, COVID-19, частичная мобилизация, законодательная техника, полномочия Правительства, региональное нормотворчество

Избежание использования традиционных правовых режимов – отличительная черта современного отечественного правоприменения, состоящая в ускорении создания правил поведения посредством повышения роли Правительства РФ, убыстрении процесса законотворчества, расширении регионального нормотворчества, придании большей легитимности указаниям должностных лиц. Сформированные таким образом правовые режимы: направленный на противодействие распространению новой коронавирусной инфекции, сопровождающий проведение специальной военной операции на территории Украины и др. – можно назвать гибридными, т. е. собранными из элементов разных правовых режимов, причем для такой конструкции используются элементы ординарного и нормативно закрепленных особых правовых режимов, подвергшиеся, однако, существенной трансформации – режим самоизоляции вместо императивных карантинных мероприятий, специальные меры в сфере экономики вместо специальных экономических мер, устанавливаемых указом Президента РФ.

EMPLOYMENT, LABOR AND SOCIAL PROTECTION IN A HYBRID ENFORCEMENT REGIME

Sergey Yu. Chucha

Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Article info

Received –

2024 February 19

Accepted –

2024 June 20

Available online –

2024 September 20

Keywords

Hybrid legal regime, self-isolation, special military operation, COVID-19, partial mobilization, legislative technique, powers of the Government, regional lawmaking

The features of the hybrid law enforcement regime in the field of employment, labor and social protection are considered. Russia and the whole world have entered an era of turbulence, when customary and even emergency legal regimes that have been developed over decades do not allow us to respond effectively to challenges, regulate public relations and protect the rights and freedoms of legal entities in response to changes in the current situation. The traditional systematic approach to legal regulation using blocks of legislation formed in advance as a reaction to the situation changing in one direction or another often does not justify itself and each time requires a creative and individual, rather than template, approach from the law enforcement officer to the selection of used tools and norms of different legal regimes, which requires active rule-making to fill emerging gaps. Avoiding complex legal regulation adds originality to rulemaking and law enforcement in the early 2020s, the general direction of which is to accelerate the creation of rules of conduct in the field of labor, employment and social protection by increasing the role of the Government, speeding up the lawmaking process, expanding regional rulemaking, and giving greater legitimacy to the instructions of officials in comparison with documented acts. The legislator has consistently optimized the legal technique of preparing and adopting laws that meet the needs of operational support of a special military operation with labor legal means. The growth of regional rule-making in the field of social protection requires the elimination of shortcomings and unification at the federal level. A noticeable phenomenon was in a number of cases the replacement of written administrative acts with instructions from a senior official. The legal regimes formed in this way - aimed at countering the spread of the coro-

navirus COVID-19, accompanying the conduct of a special military operation, etc., can be called hybrid or constructed – assembled from various legal elements and do not form systems sufficient to achieve an integration-entropy balance. Moreover, for this design, elements of normatively established special legal regimes are used, which, however, have undergone significant transformation – a self-isolation regime instead of mandatory quarantine measures, special measures in the economic sphere instead of special economic measures established by presidential decree; mobilization – but partial. All this points to the 2020s as a period of hybrid law enforcement, when elements of other emergency regimes are used to construct the current law enforcement regime, but not in combination, while avoiding measures that entail a radical and total violation of civil rights and freedoms. At the same time, accelerated law-making clearly indicates that the array of norms that have been created over decades is insufficient to regulate the current agenda.

1. Введение

Характерным для отечественной юридической и политической практики на протяжении уже более трех лет является игнорирование применения особых правовых режимов, довольно подробно и комплексно проработанных законодательно – чрезвычайного положения¹, военного положения² и др. Применяемые же меры в не меньшей степени влияют на права и свободы граждан, однако носят точечный характер и далеко не всегда отвечают принципу системности. Именно избежание комплексного правового регулирования добавляет своеобразия нормотворчеству и правоприменению начала 2020-х гг. [1], генеральным направлением которых является ускорение создания правил поведения в сфере труда, занятости и социальной защиты посредством повышения роли Правительства РФ, ускорения процесса законотворчества, расширения регионального нормотворчества, придания большей легитимности указаниям должностных лиц в сравнении с документально оформленными актами. Сформированные таким образом правовые режимы: направленный на противодействие распространению коронавируса COVID-19 [2], сопровождающий проведение специальной военной операции на территории Украины (далее – СВО) и др. [3; 4] – можно назвать гибридными, или сконструированными, – собранными из различных правовых элементов и не образующими систем, достаточных для достижения интеграционно-энтропийного баланса. Причем для такой конструкции могут использоваться

элементы нормативно закрепленных особых правовых режимов, подвергшиеся, однако, существенной трансформации: режим самоизоляции вместо императивных карантинных мероприятий [5; 6], специальные меры в сфере экономики вместо специальных экономических мер, устанавливаемых указом Президента РФ³; мобилизация – но частичная. Всё это указывает на 2020-е гг. как на период гибридного правоприменения (по аналогии с известными явлениями в мировой политике), когда для конструирования текущего режима правоприменения используются элементы иных чрезвычайных режимов, но не в комплексе, избегая при этом мер, влекущих радикальное и тотальное нарушение гражданских прав и свобод [7]. Ускоренное правотворчество при этом очевидно свидетельствует о недостаточности для регулирования актуальной повестки создававшегося десятилетиями массива норм.

Рассмотрим подробно некоторые особенности режима гибридного правоприменения в сфере занятости, труда и социальной защиты.

2. Ускорение правотворчества в сфере труда, занятости и социальной защиты с повышением роли Правительства РФ

Соответствующая тенденция наметилась в связи с мероприятиями по противодействию распространения новой коронавирусной инфекции [8–10]. Особенности регулирования трудовых отношений в 2020–2022 г. [11; 12] были установлены Постановлением Правительства РФ от 19 июня 2020 г. № 887⁴, с

¹ Федеральный конституционный закон от 30 мая 2001 г. № 3-ФКЗ «О чрезвычайном положении» (ред. от 3 июля 2016) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2011. № 23. Ст. 2277.

² Федеральный конституционный закон от 30 января 2002 г. № 1-ФКЗ «О военном положении» (ред. от 1 июля 2017) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 5. Ст. 375.

³ Федеральный закон от 30 декабря 2006 г. № 281-ФЗ «О специальных экономических мерах и принудительных мерах» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2007. № 1 (ч. 1). Ст. 44.

⁴ Постановление Правительства РФ от 19 июня 2020 г. № 887 «Об особенностях правового регулирования трудовых отношений и иных непосредственно связанных с ними отношений в 2020–2022 годах» // Собрание законодатель-

изменениями и дополнениями, действовавшими до конца 2022 г., т. е. и в период проведения СВО, хотя и не были связаны с последней.

Далее Федеральный закон от 31 мая 1996 г. № 61-ФЗ «Об обороне»⁵ был дополнен ст. 26¹, согласно которой Правительством РФ могут вводиться специальные меры в сфере экономики. Мы уже отмечали [13, с. 71], что эти меры могут в том числе предусматривать установление особенностей правового регулирования трудовых отношений в конкретных организациях, их структурных подразделениях и на отдельных производственных объектах⁶. Часть 2 соответствующего содержания и еще более широкой сферы действия в перспективе – при введении специальных мер в сфере экономики – внесена в ст. 252 Трудового кодекса (далее – ТК) РФ⁷.

Законодатель прямо называет ряд вопросов, по которым Правительством РФ могут устанавливаться особенности правового регулирования. Это привлечение к сверхурочной работе, ночью, в выходные и нерабочие праздничные дни, а также предоставление отпусков. Перечень очевидно не исчерпывающий, поскольку законодателем перечисление предварено словом «включая».

Следует подчеркнуть, что содержание Федерального закона от 14 июля 2022 г. № 273-ФЗ давало нам лишь намек на то, какие изменения законодательства о труде следует ожидать в связи с введением специальных мер в сфере экономики. Формулировка ч. 2 ст. 152 ТК РФ допускает и иные меры, влияющие на трудовые отношения.

Конкретизирующим документом стало Постановление Правительства РФ от 1 августа 2022 г. № 1365 «Об особенностях правового регулирования трудовых отношений в отдельных организациях, их структурных подразделениях и на отдельных производственных объектах»⁸, которым утверждены Особенности правового регулирования трудовых отношений в отдельных организациях оборонно-промышленного комплекса, их структурных подразделе-

ниях и на отдельных производственных объектах (далее – Особенности) [14].

В процессе применения Постановления Правительства РФ от 1 августа 2022 г. № 1365 реально складывающиеся общественные отношения возможно потребуют корректировки перечня особенностей как в сторону расширения, так и сужения, если потребность в ряде из них на практике будет невелика. Во всяком случае, внесенные в ТК РФ изменения позволяют Правительству РФ в полной мере воспользоваться предоставленными законом полномочиями [15], а правовой институт особенностей правового регулирования труда работников при введении специальных мер в сфере экономики может получить дальнейшее развитие [16].

3. Ускорение процесса законотворчества

Законодатель последовательно оптимизировал юридическую технику подготовки и принятия законов, отвечающих потребностям оперативного обеспечения СВО трудовыми ресурсами.

Например, впечатляет срок прохождения законопроекта, ставшего по итогам рассмотрения палатами Федерального Собрания РФ и подписания Президентом РФ Федеральным законом от 14 июля 2022 г. № 272-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»⁹ и предоставившего Правительству РФ право устанавливать особенности правового регулирования трудовых отношений при введении специальных мер в сфере экономики, через Государственную Думу, Совет Федерации и Администрацию Президента РФ. Пакет документов из Правительства РФ поступил в Государственную Думу вечером 30 июня 2022 г. Уже 1 июля 2022 г. законопроект был предварительно рассмотрен профильным комитетом – по обороне – Государственной Думы, а 4 июля 2022 г. им было принято решение о предоставлении законопроекта в Совет Государственной Думы с предложением 5 июля 2007 г. принять законопроект в первом чтении. 5 июля 2007 г. законопроект был принят

ства Российской Федерации. 2020. № 26. Ст. 4115; 2021. № 2 (ч. II). Ст. 450; 2021. № 48. Ст. 8085.

⁵ Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 23. Ст. 2750.

⁶ Федеральный закон от 14 июля 2022 г. № 272-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Российская газета. 2022. 19 июля.

⁷ Федеральный закон от 14 июля 2022 г. № 273-ФЗ «О внесении изменений в Трудовой кодекс Российской Федерации» // Официальное опубликование правовых актов. № 0001202207140052.

⁸ Официальное опубликование правовых актов. № 0001202208050033.

⁹ Представленный в Государственную Думу правительственный законопроект носил иное название – «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам обеспечения Вооруженных Сил Российской Федерации, других войск, воинских формирований и органов при проведении контртеррористических и иных операций за пределами территории Российской Федерации», – которое было изменено в ходе его думского рассмотрения.

Государственной Думой в первом, а на следующий день – 6 июля 2022 г. – во втором и третьем чтениях. В тот же день, 6 июля 2022 г., законопроект поступил в Совет Федерации, 7 июля 2022 г. был предварительно рассмотрен Правовым управлением и пятью комитетами, а 8 июля 2022 г. – одобрен Советом Федерации и направлен Президенту РФ. 14 июля 2022 г. закон был подписан Президентом РФ и в тот же день опубликован¹⁰. Сказанное в полной мере относится и к одновременно представленному в законодательный орган законопроект № 155718-8 «О внесении изменений в Трудовой кодекс Российской Федерации»¹¹.

Таковыми же особенностями отличалась юридическая техника, примененная при обеспечении трудовых прав мобилизованных работников. Для максимального ускорения процесса, поправки были внесены в назначенный ко второму чтению законопроект № 112293-8 (изначально регулирующий вопросы охраны труда), который уже 27 сентября 2022 г. был принят во втором и третьем чтениях, а 28 сентября 2022 г. – направлен в Совет Федерации. 3 октября 2022 г. три комитета Совета Федерации (по социальной политике, по конституционному законодательству и государственному строительству и по обороне и безопасности) рекомендовали Совету Федерации одобрить этот федеральный закон, что и было им сделано постановлением от 4 октября 2022 г. Закон, ряд положений которого распространяется на правоотношения, возникшие 21 сентября 2022 г., был подписан Президентом РФ 7 октября 2022 г., в этом же день официально опубликован¹² и вступил в законную силу.

Представляется, что отработавшаяся в течение года законотворческая технология [13] приобрела законченный вид, когда представительному органу хватило нескольких часов для изучения, обсуждения и принятия в двух чтениях обширных поправок,

внесенных ко второму чтению законопроекта № 361804-7 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»¹³, ставшему после голосования в Совете Федерации и подписания Президентом РФ одноименным Федеральным законом от 14 апреля 2023 г. № 127-ФЗ¹⁴.

4. Активизация регионального нормотворчества

Конституция РФ в п. «ж» ч. 1 ст. 76¹⁵ относит трудовое законодательство к сфере совместного ведения Российской Федерации и ее субъектов [17; 18]. В период гибридного правоприменения 2020-х гг. следует констатировать расширение практики правового регулирования трудовых и социально-защитных отношений на уровне субъектов Российской Федерации в порядке предоставления дополнительных гарантий гражданам с опорой на положения ст. 5–6 ТК РФ. Этот вопрос довольно подробно рассматривался нами ранее [13, с. 73–76], повторим основные положения, имеющие значение и в данном случае.

Например, п. 2 постановления правительства Хабаровского края от 22 сентября 2022 г. № 465-пр «О дополнительных гарантиях в сфере трудовых отношений»¹⁶ для работников организаций и предпринимателей Хабаровского края, призванных на военную службу по мобилизации, предусмотрены дополнительные гарантии трудовых прав по сохранению места работы на срок прохождения военной службы и возвращению к своим работодателям на должности, не ниже занимаемых, в течение трех месяцев после увольнения с военной службы. На Официальном интернет-портале правовой информации это постановление было опубликовано 23 сентября 2022 г. – в тот же день, что и Постановление Правительства РФ от 22 сентября 2022 г. № 1677¹⁷, дополнившее Особенности п. 10, предусматривающим уже приостановление действия трудовых договоров

¹⁰ Законопроект № 155680-8 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Система обеспечения законодательной деятельности. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/155680-8> (дата обращения: 01.08.2022).

¹¹ URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/155718-8> (дата обращения: 01.08.2022).

¹² Федеральный закон от 7 октября 2022 г. № 376-ФЗ «О внесении изменений в Трудовой кодекс Российской Федерации» // Официальное опубликование правовых актов. № 0001202210070004.

¹³ URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/361804-7> (дата обращения: 13.04.2023).

¹⁴ Федеральный закон от 14 апреля 2023 г. № 127-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Официальное опубликование правовых актов. № 0001202304140051.

¹⁵ Официальное опубликование правовых актов. № 0001202210060013.

¹⁶ Официальное опубликование правовых актов. № 2700202209230002.

¹⁷ Постановление Правительства РФ от 22 сентября 2022 г. № 1677 «О внесении изменений в особенности правового регулирования трудовых отношений и иных непосредственно связанных с ними отношений в 2022 и 2023 годах»

с мобилизованными работниками и запрет прекращения трудовых договоров с ними по п. 1 ч. 1 ст. 83 ТК РФ и п. 1 ч. 1 ст. 39 Федерального закона «О государственной гражданской службе Российской Федерации»¹⁸.

Какое-то время на территории Хабаровского края фактически применялся нормативный акт субъекта федерации, о принятии которого работодатели и население региона было оперативно проинформированы через СМИ и посредством рассылки копий в организации, затем стали применяться измененные Постановлением Правительства РФ от 22 сентября 2022 г. № 1677. Особенности, а впоследствии – и собственно нормы измененного Федеральным законом от 7 октября 2022 г. № 376-ФЗ ТК РФ.

Второй аспект усиления регионализации правового регулирования трудовых отношений [19] связан преимущественно с установлением социальных выплат и льгот мобилизованным регионами России, но опять же связанных так или иначе с утратой заработка ввиду приостановления действия трудовых

договоров. Здесь отмечается заметная дифференциация в зависимости от субъекта. Так, в Хабаровском крае мобилизованным производится единовременная выплата в размере 150 тыс. руб.¹⁹, в Тульской области – 100 тыс. руб.²⁰, в Республике Крым – 200 тыс. руб.²¹, а в Москве – уже ежемесячная выплата в размере 50 тыс. руб.²²

Глава Республики Башкортостан пошел еще дальше и установил дифференциацию размера выплат уже внутри субъекта в зависимости от вида воинского формирования. Единовременная денежная выплата гражданам Российской Федерации из Республики Башкортостан, призванным на военную службу по мобилизации в Вооруженные Силы РФ, и членам их семей в размере 20 тыс. руб. была предусмотрена указом Главы Республики Башкортостан от 5 декабря 2022 г. № УГ-918²³. Однако в январе 2023 г. дополнительная единовременная выплата в размере 200 тыс. руб. устанавливается для лиц, проходящих военную службу не менее 180 дней только в трех подразделениях, сформированных в Республике Башкортостан²⁴. Такая дифференциация может

// Официальное опубликование правовых актов. № 0001202209230041.

¹⁸ Собрание законодательства Российской Федерации. 2004. № 31. Ст. 3215.

¹⁹ Постановление Правительства Хабаровского края от 21 октября 2022 г. № 534-пр «Об утверждении Порядка предоставления единовременной денежной выплаты гражданам Российской Федерации, призванным на военную службу по мобилизации в Вооруженные Силы Российской Федерации в соответствии с Указом Президента Российской Федерации от 21 сентября 2022 г. № 647 “Об объявлении частичной мобилизации в Российской Федерации”, а также гражданам, принимающим на добровольной основе участие в специальной военной операции» // Официальное опубликование правовых актов. № 2700202210260001.

²⁰ Указ губернатора Тульской области от 22 сентября 2022 г. № 94 «О внесении дополнений и изменений в указ Губернатора Тульской области от 19 июля 2022 года № 63 “Об осуществлении в 2022 году единовременной денежной выплаты отдельным категориям граждан”» // Официальное опубликование правовых актов. № 7100202207220009.

²¹ Указ Главы Республики Крым от 5 декабря 2022 г. № 322-У «Об установлении в Республике Крым единовременной денежной выплаты гражданам Российской Федерации, призванным на военную службу по мобилизации, а также гражданам, заключившим контракт о прохождении военной службы, и признании утратившими силу некоторых указов Главы Республики Крым» // Крымская газета. 2022. 12 дек.

²² Указ Мэра Москвы от 22 сентября 2022 г. № 52-УМ «О дополнительных социальных гарантиях лицам, призванным на военную службу по мобилизации» // Мэр Москвы: офиц. сайт. URL: <https://www.mos.ru/authority/documents/doc/49542220/> (дата обращения: 30.01.2023). К слову, это первый региональный нормативный акт, устанавливающий дополнительные меры поддержки мобилизованных и их семей.

²³ Указ Главы Республики Башкортостан от 5 декабря 2022 г. № УГ-918 «О единовременной денежной выплате гражданам Российской Федерации из Республики Башкортостан, призванным на военную службу по мобилизации в Вооруженные Силы Российской Федерации в соответствии с Указом Президента Российской Федерации от 21 сентября 2022 г. № 647 “Об объявлении частичной мобилизации в Российской Федерации”, и членам их семей» // Официальный интернет-портал правовой информации Республики Башкортостан. URL: <https://npa.bashkortostan.ru/37706/> (дата обращения: 30.01.2023).

²⁴ Указ Главы Республики Башкортостан от 23 января 2023 г. № УГ-20 «О дополнительных мерах социальной поддержки лиц, проходящих военную службу в Башкирском мотострелковом батальоне имени Минигали Шаймуратова, Башкирском мотострелковом батальоне имени Александра Доставалова, Башкирском батальоне оперативного назначения имени Салавата Юлаева» // Официальный интернет-портал правовой информации Республики Башкортостан. URL: <https://npa.bashkortostan.ru/38109/> (дата обращения: 30.01.2023).

негативно влиять на информационно-психологическую безопасность [20]. Не удивительно, что спустя короткое время возникла «случайная конкуренция» в военкоматах между штабами по сборам добровольческих батальонов, несмотря на «общую задачу поддержать земляков, которые готовы пойти в добровольческие батальоны, либо просто по контракту – разницы нет»²⁵.

5. Придание большей легитимности указаниям должностных лиц в сравнении с документально оформленными распорядительными актами

О начале проведения СВО было объявлено в обращении Президента РФ 24 февраля 2022 г.²⁶ Другим ярким примером лингвального изменения правоотношения стало заявление Президента о завершении частичной мобилизации осенью того же года²⁷. Исходя из наступивших правовых последствий, сложно спорить с утверждением А.А. Клишаса о том, что «с политической точки зрения, с точки зрения легитимности, большей силы, чем слова президента, у нас в стране нет»²⁸.

6. Заключение

Россия и весь мир вступили в эпоху турбулентности, когда прорабатывавшиеся десятилетиями привычные и даже чрезвычайные правовые режимы

не позволяют с должной эффективностью реагировать на вызовы, регулировать общественные отношения и защищать права и свободы субъектов права в ответ на изменение текущей ситуации. Традиционный системный подход к правовому регулированию с использованием сформированных заранее блоков законодательства как реакции на изменяющуюся в ту или иную сторону обстановку зачастую не оправдывает себя и всякий раз требует от правоприменителя творческого и индивидуального, а не шаблонного, подхода к выбору используемых инструментов и норм разных правовых режимов, который требует при этом активного нормотворчества для восполнения обнаруживающихся пробелов. Это гибридное правоприменение само по себе заслуживает внимательного комплексного исследования с целью его оптимизации. Настоящая статья, исследующая особенности гибридного правоприменения в России 2020-х гг. в сфере занятости, труда и социальной защиты открывает дискуссию в этом направлении. Ведь формируемых десятилетиями запасов правовой материи, призванной купировать возникающие проблемы, оказалось явно недостаточно, свидетельством чего стало активное и экстренное создание новых актуальных правил.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Макаров В. О. Экспериментальные правовые режимы мобилизационного вида как способ правового регулирования в условиях распространения COVID-19 / В. О. Макаров // Правоприменение. – 2021. – Т. 5, № 2. – С. 30–42. – DOI: 10.52468/2542-1514.2021.5(4).30-42.
2. Панкевич Н. В. Вакцинация от COVID-19 в системе национальной безопасности Российской Федерации: согласование частных и публичных интересов / Н. В. Панкевич, В. В. Руденко // Правоприменение. – 2021. – Т. 6, № 4. – С. 75–94. – DOI: 10.52468/2542-1514.2022.6(4).75-94.
3. Бутаков А. В. От социального противоречия к социальной конкуренции – базовому правовому режиму (способу) жизнедеятельности государства (Часть I) / А. В. Бутаков // Правоприменение. – 2023. – Т. 7, № 2. – С. 5–15. – DOI: 10.52468/2542-1514.2023.7(2).5-15.

²⁵ Андрей Назаров призвал прекратить конкуренцию между башкирскими батальонами // Коммерсант. 2023. 17 апр. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5939479> (дата обращения: 17.04.2023); Андрей Назаров заявил о недопустимости конкуренции между штабами по набору военнослужащих // Башинформ. 2023. 17 апр. URL: <https://www.bashinform.ru/news/social/2023-04-17/andrey-nazarov-zayavil-o-nedopustimosti-konkurentsii-mezhdu-shtabami-po-naboru-voennosluzhaschih-3223254> (дата обращения: 17.04.2023) и др.

²⁶ «В соответствии со ст. 51 части 7 Устава ООН, с санкции Совета Федерации России и во исполнение ратифицированных Федеральным Собранием 22 февраля сего года договоров о дружбе и взаимопомощи с Донецкой Народной

Республикой и Луганской Народной Республикой мною принято решение о проведении специальной военной операции» // Президент России: офиц. сайт. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/67843> (дата обращения: 29.01.2023).

²⁷ Ответы на вопросы журналистов 31 октября 2022 г. // Президент России: офиц. сайт. URL: <http://kremlin.ru/catalog/keywords/82/events/69730> (дата обращения: 19.04.2023).

²⁸ Слова президента сильнее указа: интервью Андрея Клишаса // Ведомости. 2022. 8 дек. <https://www.vedomosti.ru/politics/characters/2022/12/08/954257-slova-prezidenta-silnee-ukaza> (дата обращения: 19.04.2023).

4. Бутаков А. В. От социального противоречия к социальной конкуренции – базовому правовому режиму (способу) жизнедеятельности государства (Часть II) / А. В. Бутаков // Правоприменение. – 2023. – Т. 7, № 4. – С. 5–14. – DOI: 10.52468/2542-1514.2023.7(4).5-14.
5. Головкин В. В. Основные направления совершенствования законодательства о санитарно-эпидемиологическом благополучии населения Российской Федерации / В. В. Головкин, А. П. Сахно // Правоприменение. – 2023. – Т. 7, № 2. – С. 96–104. – DOI: 10.52468/2542-1514.2023.7(2).96-104.
6. Литовко К. С. Предотвращение распространения инфекционных заболеваний как гарантия конституционных прав на охрану здоровья и медицинскую помощь в Российской Федерации / К. С. Литовко // Правоприменение. – 2023. – Т. 7, № 2. – С. 105–115. – DOI: 10.52468/2542-1514.2023.7(2).105-115.
7. Аничкин Е. С. Конституционный статус человека и гражданина в условиях пандемии коронавирусной инфекции: векторы трансформации в России / Е. С. Аничкин // Правоприменение. – 2021. – Т. 5, № 3. – С. 101–111. – DOI: 10.52468/2542-1514.2021.5(3).101-111.
8. Летова Н. В. Социальные гарантии семьям с детьми: работа на «удаленке» как способ защиты трудовых прав женщин с детьми / Н. В. Летова // Труды Института государства и права РАН. – 2021. – Т. 16, № 2. – С. 136–144. – DOI: 10.35427/2073-4522-2021-16-2-letova.
9. Менегатти Э. Пандемия и трудовое право: реакция российских и итальянских властей / Э. Менегатти, Е. В. Сыченко // Ежегодник трудового права. – 2021. – № 11. – С. 56–71.
10. Соколова Т. В. Защита трудовых прав работников в условиях пандемии / Т. В. Соколова // Труды Института государства и права РАН. – 2021. – Т. 16, № 3. – С. 154–171. – DOI: 10.35427/2073-4522-2021-16-3-sokolova.
11. Филиппова М. В. О механизме принятия экстраординарных решений в чрезвычайных обстоятельствах / М. В. Филиппова, Е. Б. Хохлов // Применение законодательства в сфере труда и социального обеспечения: международный и национальный аспекты : сб. ст. / отв. ред. И. В. Шестерякова. – Саратов : Саратов. гос. юрид. акад., 2020. – С. 159–162.
12. Филиппова М. В. О механизме принятия решений в чрезвычайных ситуациях / М. В. Филиппова, Е. Б. Хохлов // Ежегодник трудового права. – 2021. – № 11. – С. 7–23.
13. Чуча С. Ю. Некоторые особенности юридической техники в условиях действия специальных мер в сфере экономики: трудовая и социально-защитный аспекты / С. Ю. Чуча // Актуальные проблемы правового регулирования труда и социальной защиты в условиях действия специальных мер в сфере экономики (Ивановские чтения) : сб. науч. тр. Междунар. науч.-практ. конф. / отв. ред. С. Ю. Чуча. – М. : Ин-т государства и права РАН, 2023. – С. 66–81.
14. Лаптев В. А. Директивная модель управления корпорациями с участием государства в сфере оборонно-промышленного комплекса / В. А. Лаптев // Правоприменение. – 2023. – Т. 7, № 4. – С. 136–145. – DOI: 10.52468/2542-1514.2023.7(4).136-145.
15. Виноградова Е. В. Исполнительная власть в конституционно-правовом дизайне современной России. Правительство: статус, полномочия, функции / Е. В. Виноградова, И. Л. Данилевская, Г. С. Патюлин // Труды Института государства и права РАН. – 2021. – Т. 16, № 5. – С. 35–54. – DOI: 10.35427/2073-4522-2021-16-5-vinogradova-danilevskaya-patiulin.
16. Чуча С. Ю. Особенности правового регулирования труда работников при введении специальных мер в сфере экономики / С. Ю. Чуча // Государство и право. – 2023. – № 9. – С. 197–202. – DOI: 10.31857/S102694520027739-3.
17. Савенков А. Н. Ценности конституции РФ в изменяющемся мире / А. Н. Савенков // Государство и право. – 2019. – № 3. – С. 5–16. – DOI: 10.31857/S013207690004422-6.
18. Чертков А. Н. Единство публичной власти и ее разделение «по вертикали»: конституционно-правовой аспект / А. Н. Чертков // Труды Института государства и права РАН. – 2022. – Т. 17, № 6. – С. 11–27. – DOI: 10.35427/2073-4522-2022-17-6-chertkov.
19. Бирюков С. В. Внутригосударственное право и правовой плюрализм / С. В. Бирюков // Правоприменение. – 2022. – Т. 6, № 4. – С. 5–14. – DOI: 10.52468/2542-1514.2022.6(4).5-14.
20. Чуча С. Ю. Нормативное обеспечение противодействия психологическому насилию в трудовых отношениях / С. Ю. Чуча // Государство и право. – 2023. – № 12. – С. 95–101. – DOI: 10.31857/S102694520029368-5.

REFERENCES

1. Makarov V.O. Experimental legal regimes of mobilization type as a method of legal regulation in the context of COVID-19 spread. *Pravoprimerenie = Law Enforcement Review*, 2021, vol. 5, no. 2, pp. 30–42. DOI: 10.52468/2542-1514.2021.5(4).30-42.
2. Pankevich N.V., Rudenko V.V. COVID-19 vaccination in the national security system of the Russian Federation: coordination of private and public interests. *Pravoprimerenie = Law Enforcement Review*, 2022, vol. 6, no. 4, pp. 75–94. DOI: 10.52468/2542-1514.2022.6(4).75-94.
3. Butakov A.V. From social contradiction to social competition as the basic legal regime (mode) of statehood (Part I). *Pravoprimerenie = Law Enforcement Review*, 2023, vol. 7, no. 2, pp. 5–15. DOI: 10.52468/2542-1514.2023.7(2).5-15.
4. Butakov A.V. From social contradiction to social competition as the basic legal regime (mode) of statehood (Part II). *Pravoprimerenie = Law Enforcement Review*, 2023, vol. 7, no. 4, pp. 5–14. DOI: 10.52468/2542-1514.2023.7(4).5-14.
5. Golovko V.V., Sakhno A.I. Main directions for improving public health legislation in Russia. *Pravoprimerenie = Law Enforcement Review*, 2023, vol. 7, no. 2, pp. 96–104. DOI: 10.52468/2542-1514.2023.7(2).96-104.
6. Litovko K.S. Prevention of the spread of infectious diseases as a guarantee of constitutional rights to health protection and medical care in Russia. *Pravoprimerenie = Law Enforcement Review*, 2023, vol. 7, no. 2, pp. 105–115. DOI: 10.52468/2542-1514.2023.7(2).105-115.
7. Anichkin E.S. Constitutional status of an individual in the context of coronavirus pandemic: vectors of transformation in Russia. *Pravoprimerenie = Law Enforcement Review*, 2021, vol. 5, no. 3, pp. 101–111. DOI: 10.52468/2542-1514.2021.5(3).101-111.
8. Letova N.V. Social guarantees for families with children: remote work as a way to protect the labor rights of women with children. *Trudy Instituta gosudarstva i prava RAN = Proceedings of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences*, 2021, vol. 16, no. 2, pp. 136–144. DOI: 10.35427/2073-4522-2021-16-2-letova. (In Russ.).
9. Menegatti E., Sychenko E.V. Pandemic and labor law: reaction of Russian and Italian authorities. *Ezhegodnik trudovogo prava = Yearbook of labor law*, 2021, no. 11, pp. 56–71. (In Russ.).
10. Sokolova T.V. Protection of labor rights of workers during a pandemic. *Trudy Instituta gosudarstva i prava RAN = Proceedings of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences*, 2021, vol. 16, no. 3, pp. 154–171. DOI: 10.35427/2073-4522-2021-16-3-sokolova. (In Russ.).
11. Filippova M.V., Khokhlov E.B. On the mechanism for making extraordinary decisions in emergency circumstances, in: Shesteryakov I.V. (ed.). *Primenenie zakonodatel'stva v sfere truda i sotsial'nogo obespecheniya: mezhdunarodny i natsional'nyi aspekty*, Collection of articles, Saratov, Saratov State Law Academy Publ., 2020, pp. 159–162. (In Russ.).
12. Filippova M.V., Khokhlov E.B. On the mechanism of decision-making in emergency situations. *Ezhegodnik trudovogo prava = Yearbook of labor law*, 2021, no. 11, pp. 7–23. (In Russ.).
13. Chucha S.Yu. Some features of legal technique under the conditions of special measures in the economic sphere: labor legal and social and protective aspects, in: Chucha S.Yu. (ed.). *Aktual'nye problemy pravovogo regulirovaniya truda i sotsial'noi zashchity v usloviyakh deistviya spetsial'nykh mer v sfere ekonomiki*, Ivanov Readings, Collection of scientific papers of the International scientific and practical conference, Moscow, Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences publ., 2023, pp. 66–81. (In Russ.).
14. Laptev V.A. Directive model of corporation management with the participation of the state in the sphere of the military-industry complex. *Pravoprimerenie = Law Enforcement Review*, 2023, vol. 7, no. 4, pp. 136–145. DOI: 10.52468/2542-1514.2023.7(4).136-145.
15. Vinogradova E.V., Danilevskaya I.L., Patyulin G.S. Executive power in the constitutional and legal design of modern Russia. Government: status, powers, functions. *Trudy Instituta gosudarstva i prava RAN = Proceedings of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences*, 2021, vol. 16, no. 5, pp. 35–54. DOI: 10.35427/2073-4522-2021-16-5-vinogradova-danilevskaya-patiulin. (In Russ.).

16. Chucha S.Yu. Features of legal regulation of workers' labor when introducing special measures in the economic sphere. *Gosudarstvo i pravo = State and law*, 2023, no. 9, pp. 197–202. DOI: 10.31857/S102694520027739-3. (In Russ.).

17. Savenkov A.N. Values of the Constitution of the Russian Federation in a changing world. *Gosudarstvo i pravo = State and law*, 2019, no. 3, pp. 5–16. DOI: 10.31857/S013207690004422-6. (In Russ.).

18. Chertkov A.N. Unity of public power and its division “vertically”: constitutional and legal aspect. *Trudy Instituta gosudarstva i prava RAN = Proceedings of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences*, 2022, vol. 17, no. 6, pp. 11–27. DOI: 10.35427/2073-4522-2022-17-6-chertkov. (In Russ.).

19. Biryukov S.V. National law and legal pluralism. *Pravoprimenenie = Law Enforcement Review*, 2022, vol. 6, no. 4, pp. 5–14. DOI: 10.52468/2542-1514.2022.6(4).5-14.

20. Chucha S.Yu. Regulatory support for counteracting psychological violence in labor relations. *Gosudarstvo i pravo = State and law*, 2023, no. 12, pp. 95–101. DOI: 10.31857/S102694520029368-5. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Чуча Сергей Юрьевич – доктор юридических наук, профессор, руководитель Междисциплинарного центра правовых исследований в области трудового права и права социального обеспечения, главный научный сотрудник сектора процессуального права

Институт государства и права Российской академии наук

119019, Россия, г. Москва, ул. Знаменка, 10

E-mail: chuchaigpan@gmail.com

ResearcherID: AAB-6526-2021

ORCID: 0000-0001-5771-6323

SPIN-код РИНЦ: 6043-1045; AuthorID: 475874

INFORMATION ABOUT AUTHOR

Sergey Yu. Chucha – Doctor of Law, Professor; Chief, Interdisciplinary Center for Legal Research of Labor Law and Social Security Law; Chief Research Scientist, Department of Trial Law
Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences

10, Znamenka ul., Moscow, 119019, Russia

E-mail: chuchaigpan@gmail.com

ResearcherID: AAB-6526-2021

ORCID: 0000-0001-5771-6323

RSCI SPIN-code: 6043-1045; AuthorID: 475874

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Чуча С.Ю. Занятость, труд и социальная защита в режиме гибридного правоприменения / С.Ю. Чуча // Правоприменение. – 2024. – Т. 8, № 3. – С. 44–52. – DOI: 10.52468/2542-1514.2024.8(3).44-52.

BIBLIOGRAPHIC DESCRIPTION

Chucha S.Yu. Employment, labor and social protection in a hybrid enforcement regime. *Pravoprimenenie = Law Enforcement Review*, 2024, vol. 8, no. 3, pp. 44–52. DOI: 10.52468/2542-1514.2024.8(3).44-52. (In Russ.).

О СОВЕРШЕНСТВОВАНИИ ПРОЦЕДУРЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ УПОЛНОМОЧЕННОГО ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА В РФ И ОРГАНОВ ПУБЛИЧНОЙ ВЛАСТИ

М.Ю. Дитятковский^{1,2}, А.М. Беляцкая³

¹ *Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА),*

г. Москва, Россия

² *Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского, г. Омск, Россия*

³ *Государственный институт экономики, финансов, права и технологий, г. Гатчина, Россия*

Информация о статье

Дата поступления –

14 декабря 2023 г.

Дата принятия в печать –

20 июня 2024 г.

Дата онлайн-размещения –

20 сентября 2024 г.

Дается анализ российского законодательства, регламентирующего конституционно-правовой статус Уполномоченного по правам человека в РФ. С учетом опыта нормативного регулирования конституционно-правового статуса омбудсмена за рубежом выдвигаются предложения по совершенствованию процедуры взаимодействия Уполномоченного по правам человека в РФ и органов публичной власти.

Ключевые слова

Уполномоченный по правам

человека в РФ, омбудсмен /

омбудсман, права и свободы

человека, правозащитная

деятельность, правовой статус,

компетенция, органы публичной

власти, должностные лица

ON IMPROVING THE PROCEDURE FOR INTERACTION OF THE HIGH COMMISSIONER FOR HUMAN RIGHTS IN THE RUSSIAN FEDERATION AND PUBLIC AUTHORITIES

Mikhail Yu. Dityatkovsky^{1,2}, Anna M. Belyatskaya³

¹ *Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russia*

² *Dostoevsky Omsk State University, Omsk, Russia*

³ *The State Institute of Economics, Finance, Law, and Technology, Gatchina, Russia*

Article info

Received –

2023 December 14

Accepted –

2024 June 20

Available online –

2024 September 20

An analysis of the experience of ombudsmen in foreign countries will identify the most effective methods and approaches in protecting the rights and freedoms of citizens, as well as the problems and difficulties faced by these institutions. It is important to note that the functions and powers of an ombudsman may vary significantly from country to country. The work provides an analysis of Russian legislation regulating the constitutional and legal status of The High Commissioner for Human Rights in the Russian Federation, and taking into account the experience of normative regulation of the constitutional and legal status of the Ombudsman abroad, the authors put forward proposals for improving the procedure for interaction between The High Commissioner for Human Rights in the Russian Federation and public authorities. The study and analysis of foreign experience will make it possible to develop recommendations for improving the work of The High Commissioner for Human Rights in the Russian Federation and take into account international standards in the field of protection of human rights and freedoms.

Keywords

The High Commissioner for

Human Rights in the Russian

Federation, ombudsman, human

rights and freedoms, human rights

activities, legal status,

competence, public authorities,

officials

The work provides an analysis of Russian legislation regulating the constitutional and legal status of The High Commissioner for Human Rights in the Russian Federation, and taking into account the experience of normative regulation of the constitutional and legal status of the Ombudsman abroad, the authors put forward proposals for improving the procedure

for interaction between The High Commissioner for Human Rights in the Russian Federation and public authorities.

We will consider these issues using general scientific methods, such as analysis, synthesis, deduction, induction, analogy, comparison, abstraction. In addition, the scientific article used specific historical, systemic-structural, functional, comparative legal, formal legal research methods, predetermined by the characteristics of the object and subject of scientific research, its purpose and objectives.

Until now, not enough attention has been paid to analyzing the possibility of giving a mandatory character to the institution of The High Commissioner for Human Rights in the Russian Federation. This means that its decisions and recommendations must be binding on other government bodies. This, in turn, can significantly increase the efficiency of this institution and improve the situation with the protection of human rights in the Russian Federation.

1. Введение

Исследование опыта работы омбудсманов¹ в зарубежных странах позволит выявить наиболее эффективные методы и подходы в защите прав и свобод граждан, а также проблемы и сложности, с которыми сталкиваются эти институты. Важно отметить, что функции и полномочия омбудсмана могут значительно отличаться в разных странах. В зависимости от конкретной модели омбудсман может быть независимым от органов власти или же входить в структуру исполнительных или законодательных органов власти. Опыт зарубежных стран показывает, что для успешной работы омбудсмана необходимо выполнение следующих условий:

- достаточный объем полномочий для проведения расследований и принятия мер воздействия;
- наличие достаточных ресурсов для выполнения своих функций;
- возможность для граждан направлять омбудсману жалобы и обращения;
- открытость и прозрачность деятельности омбудсмана.

Изучение и анализ зарубежного опыта позволит разработать рекомендации по совершенствованию работы Уполномоченного по правам человека в РФ, учесть международные стандарты в области защиты прав и свобод человека.

В работе дается анализ российского законодательства, регламентирующего конституционно-правовой статус Уполномоченного по правам человека в РФ, и с учетом опыта нормативного регулирования конституционно-правового статуса омбудсмана за рубежом авторы выдвигают предложения по совершенствованию процедуры взаимодействия Уполно-

моченного по правам человека в РФ и органов публичной власти.

Мы рассмотрим данные вопросы с применением общенаучных методов, таких как анализ, синтез, дедукция, индукция, аналогия, сравнение, абстрагирование. Кроме этого, в статье использовались конкретно-исторический, системно-структурный, функциональный, сравнительно-правовой, формально-юридический методы исследования, предопределенные особенностями объекта и предмета научного исследования, его целью и задачами.

В отечественной литературе можно отметить работы А.Н. Соколова [1], А.Ю. Сунгурова [2], Н.Ю. Хаманевой [3], Н.Ю. Заворотнюк [4], С.А. Князькина [5] и др., которые затрагивают вопросы функционирования института омбудсмана в России.

В зарубежной литературе наиболее значимыми исследованиями в этой области можно считать работы А. Legrand [6], Э. Бланкенбурга [7] и др.

Кроме того, большой интерес представляют исследования, посвященные сравнительному анализу функционирования института омбудсмана в разных странах. Так, в диссертационном исследовании М.Т. Тимофеева [8] проводится анализ деятельности института омбудсмана в Великобритании, а в исследовании Ю.Г. Спичак [9] рассматривается опыт функционирования данного института в странах Восточной Европы.

Таким образом, проблематика функционирования института омбудсмана достаточно широко представлена в научной литературе, однако остаются недостаточно исследованными вопросы, связанные с эффективностью его работы, спецификой деятельности в разных странах, а также возможно-

¹ Несмотря на устоявшуюся в современном русском языке форму «омбудсмен», авторы статьи придерживаются на-

писания «омбудсман» как более точно передающего оригинальный шведский термин.

стями его применения в условиях модернизации правовой системы.

Анализ деятельности Уполномоченного по правам человека в РФ является важной задачей, так как этот институт играет ключевую роль в защите прав и свобод граждан.

А.А. Бегаева в своих работах подробно исследовала структуру и функции Уполномоченного по правам человека в РФ, а также его взаимодействие с другими государственными органами [10]. А.П. Евдошенко акцентировал внимание на анализе правового статуса Уполномоченного по правам человека в РФ [11], а Н.В. Корнеева рассмотрела его роль в системе органов государственной власти [12].

А.Ю. Семенова исследовала вопросы ответственности Уполномоченного по правам человека в РФ [13], а И.П. Смирнов обращался к проблеме эффективности его деятельности [14]. Д.Е. Феоктистов [15] и О.А. Шеенков [16] в своих диссертационных исследованиях рассмотрели вопросы контроля за деятельностью Уполномоченного по правам человека в РФ.

Однако до сих пор не уделяется достаточного внимания анализу возможности придания императивного характера институту Уполномоченного по правам человека в РФ. Это означает, что его решения и рекомендации должны быть обязательными для исполнения со стороны других государственных органов. Это, в свою очередь, может значительно повысить эффективность работы данного института и улучшить ситуацию с защитой прав человека в Российской Федерации.

2. Особенности взаимодействия института омбудсмана в зарубежных странах с органами публичной власти и их должностными лицами

Сегодня институт омбудсмана присутствует в нескольких десятках стран. Например, он существует в таких странах Европы, как Австрия, Бельгия, Германия, Кипр, Нидерланды, Польша, Португалия, Франция, Швеция и др. Институт омбудсмана создан в 12 государствах, образованных на постсоветском пространстве: Азербайджане, Армении, Грузии, Казахстане, Кыргызстане, Латвии, Литве, Молдове, России, Узбекистане, Украине, Эстонии. Институт омбудсмана существует также и в непризнанных мировым сообществом государствах, например Абхазии, Южной Осетии, Приднестровской Молдавской Республике. Данный институт также представлен в некоторых латиноамериканских государствах: Аргентине, Венесуэле, Мексике и др. Относительно Азии, то до сих пор институт омбудсмана здесь не особо распространен, среди стран, в которых данный ин-

ститут представлен можно назвать Индию, Южную Корею. И для стран Африки данный институт не является особо популярным, он существует в Малави, Марокко, Нигерии и Руанде. Канада и США относятся к числу стран, где должность омбудсмана учреждена на уровне отдельных провинций и штатов.

Проанализировав законодательство зарубежных стран, можно констатировать, что институт омбудсмана практически во всех государствах закреплён в конституциях, также приняты специальные законы, закрепляющие его правовой статус.

Институт омбудсмана получил законодательное и общественное признание в государствах, где приняты самые разнообразные формы правления – конституционные монархии, президентские, парламентские и смешанные республики. Институт омбудсмана успешно функционирует в государствах, принадлежащих к различным правовым семьям (романо-германская, англосаксонская, религиозная, традиционная правовые семьи). Уникальная способность института омбудсмана к трансмиграции объясняется тем, что все без исключения страны сталкиваются с бюрократическими проблемами. Расширение административной функции государства, рост государственного регулирования приводят к уменьшению значимости остальных ветвей власти, упрочению позиций исполнительных органов власти. Именно общность проблемы (бюрократизация управления, нанесение ущерба правам человека, падение авторитета власти) обуславливают признание идеи омбудсмана в странах с разнообразными конституционными традициями и уровнем жизни [17].

Омбудсмены выполняют важную роль в защите прав граждан, обеспечивая независимый контроль над действиями государственных органов. Они могут принимать жалобы от граждан, проводить расследования и предлагать рекомендации для исправления несправедливых или неправильных действий.

Парламентский омбудсман обычно назначается парламентом и отвечает перед ним. Он имеет право расследовать жалобы на действия государственных органов и служащих, а также предлагать рекомендации для устранения выявленных нарушений [18; 19]. Независимый омбудсман, как правило, назначается специальной комиссией и не подотчетен ни одному из органов власти. Он может расследовать жалобы от граждан и предлагать рекомендации, а также обращаться в суд, если считает, что действия государственных органов или должностных лиц нарушают закон [7; 20]. Исполнительный омбудсман назначается исполнительной властью и

отвечает перед ней. Он может расследовать жалобы на действия государственных органов и служащих, а также предлагать рекомендации для устранения выявленных нарушений [21]. Все эти модели омбудсманов имеют свои преимущества и недостатки, и выбор конкретной модели зависит от исторических, культурных и политико-правовых особенностей каждого государства [5].

Процедура рассмотрения жалоб омбудсманами в различных странах примерно одинакова. Производство по жалобе заканчивается принятием заключения омбудсманом и иных мер реагирования на нарушения прав и свобод человека, и здесь объем полномочий у омбудсманов уже разнится. Практически во всех странах, где существует институт омбудсмана (Австрия, Бельгия, Дания, Венгрия, Великобритания, Мексика и др.), омбудсмены выносят заключения, которые носят рекомендательный характер. По сути, они могут дать только свое заключение, в котором будут рекомендации для органов власти и их должностных лиц по восстановлению нарушенных прав и свобод [22]. Однако в некоторых странах (например, в Швеции, Финляндии) омбудсмены обладают более широкими полномочиями и могут принимать решения, обязательные для исполнения.

В Бельгии, основываясь на выводах, полученных в ходе рассмотрения жалоб, федеральные омбудсмены формулируют рекомендации для оптимизации работы государственных структур. В случае обнаружения федеральным омбудсманом обстоятельств, которые могут указывать на совершение преступления или административного правонарушения, он обязан проинформировать об этом Государственного прокурора. Если же федеральный омбудсман выявляет ситуацию, которая может быть квалифицирована как дисциплинарное нарушение, он должен сообщить об этом руководству должностного лица, в отношении которого был выявлен данный факт. Защитник граждан в Сербии играет важную роль в контроле за соблюдением прав и свобод граждан со стороны государственных органов. Он не только ищет и обнаруживает нарушения, но и предлагает пути их устранения. После обнаружения нарушений защитник граждан составляет отчет, в котором подробно описывает обнаруженные проблемы и предлагает рекомендации по их устранению. Этот отчет затем направляется в соответствующие государственные органы для принятия мер. Например, если защитник граждан обнаружит, что некоторые государственные служащие злоупотребляют своими

полномочиями, он может предложить провести дополнительное обучение для этих служащих, изменить нормативные акты, регулирующие их деятельность, или принять другие меры, направленные на устранение нарушений.

В качестве итоговых рекомендаций Комиссар по вопросам административного управления в Великобритании может предложить государственному органу, который нарушил основные права и свободы граждан, следующие меры:

- официально извиниться и предоставить разъяснения по поводу допущенных нарушения;
- принять необходимые действия для исправления последствий некорректного управления и восстановления нарушенных прав граждан;
- пересмотреть текущую процедуру принятия административных решений;
- осуществить выплату материальной компенсации.

Рекомендации, предлагаемые Комиссаром по вопросам административного управления, не имеют обязательной силы. Стандартным механизмом воздействия становится подача специализированного отчета Парламенту в обстоятельствах, когда государственный орган не принимает действия, предложенные Комиссаром по вопросам административного управления. Парламент Великобритании имеет возможность пригласить министра или другого представителя административной структуры на заседание для разъяснения по этим вопросам. Таким образом, Парламент укрепляет позицию Комиссара по вопросам административного управления и авторитет его предложений.

После окончания процесса расследования жалобы Национальная комиссия по правам человека в Мексике формирует предложения с целью восстановления нарушенных прав заявителя. Государственные органы обязаны в течение 15 дней уведомить данную комиссию о принятии или непринятии мер, предложенных в ее рекомендациях для восстановления нарушенных прав.

Омбудсман в Швеции обладает наиболее значительными полномочиями. Стандартной реакцией шведского Омбудсмана на нарушение прав и свобод граждан является инициация дисциплинарного процесса против служащих, проявивших некомпетентность в исполнении своих служебных обязанностей. Омбудсман имеет возможность начать судебное разбирательство в отношении должностного лица, чьи решения или действия привели к нарушению

прав и свобод граждан [23]. Несмотря на то, что Омбудсман не обладает формальной властью аннулировать или корректировать обжалуемые решения, его вмешательство может косвенно привести к достижению желаемого результата в случае выявления очевидных ошибок и нарушений.

В большинстве стран мира предусмотрена административная ответственность за препятствование деятельности уполномоченного по правам человека. Исключением является Франция – в данной стране действует исполнительная модель омбудсмана, и тот не обладает полномочиями требовать предоставления документов или информации от органов исполнительной власти и их должностных лиц. Следовательно, последние не несут ответственности за отказ в предоставлении такой информации. Ситуация кардинально отличается в Аргентине. Здесь любое препятствие в подаче жалобы Уполномоченному по правам человека или помеха в проведении им расследования путем отказа в представлении отчетов или доступа к документам, необходимым для расследования, рассматривается как преступление, предусмотренное ст. 239 Уголовного кодекса страны.

3. Особенности взаимодействия Уполномоченного по права человека в РФ с органами публичной власти и их должностными лицами

В Конституции РФ после принятия в марте 2020 г. поправки, касающейся вопросов организации и функционирования публичной власти, появилось новое понятие – «публичная власть». Кроме того, в ч. 3 ст. 132 Конституции РФ содержится состав единой системы публичной власти, в которую входят органы местного самоуправления и органы государственной власти. В Конституции РФ и в Федеральном законе от 8 декабря 2020 г. № 394-ФЗ «О Государственном Совете Российской Федерации» раскрывается понятие и сущность единой публичной власти в России, которая включает следующие структурные элементы: федеральные органы государственной власти, органы государственной власти субъектов Российской Федерации, органы местного самоуправления и иные государственные органы.

В соответствии со ст. 15 Федерального конституционного закона от 26 февраля 1997 г. № 1-ФКЗ «Об Уполномоченном по правам человека в Российской Федерации» (далее – ФКЗ) граждане имеют право обратиться к Уполномоченному по правам человека в РФ в случае недовольства решениями или действиями (или их отсутствием) со стороны государственных органов, органов местного самоуправления, должностных лиц, государственных служащих.

Согласно ст. 34 ФКЗ должностные лица бесплатно и беспрепятственно обязаны предоставлять Уполномоченному по правам человека в РФ запрошенные материалы и документы, иную информацию, необходимую для осуществления его полномочий. Запрошенные материалы и документы и иная информация должны быть направлены Уполномоченному по правам человека в РФ не позднее 15 дней со дня получения запроса, если в самом запросе не установлен иной срок.

Воплощение в жизнь прав, предоставленных Уполномоченному по правам человека в РФ, сталкивается с некоторыми проблемами. В качестве иллюстрации можно привести ситуацию, которая сложилась после проведения президентских выборов в Российской Федерации в 2012 г. В тот период произошла серия инцидентов, в результате которых Уполномоченный по правам человека в РФ был вынужден обратиться к судебным органам для защиты интересов граждан в отношении оспаривания действий государственного органа, отказавшегося предоставить информацию (документацию) Уполномоченному по правам человека в РФ. Конкретно, различные территориальные избирательные комиссии не представляли Уполномоченному по правам человека в РФ письменные заявления избирателей, которые проголосовали вне помещения для голосования.

Органы судебной власти не удовлетворяли требования Уполномоченного по правам человека в РФ по данному вопросу. Они обосновывали свою позицию ссылкой на пп. «г» п. 23 ст. 29 Федерального закона от 12 июня 2002 г. № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации», в соответствии с которым право ознакомления с документами и материалами, которые имеют прямое отношение к выборам, предоставляется исключительно членам комиссии, обладающим правом решающего голоса, а также членам комиссии, обладающим правом совещательного голоса.

Попытки Уполномоченного по правам человека в РФ сослаться на нормы ФКЗ, согласно которым Уполномоченный по правам человека имеет право запрашивать и получать любую информацию и документацию, а также то, что нормы данного федерального конституционного закона имеют высшую юридическую силу, нежели нормы федеральных законов, на которые ссылались территориальные избирательные комиссии, не получили поддержки в судебных инстанциях.

Таким образом, право Уполномоченного по правам человека в РФ получать от государственных органов необходимую ему информацию и документацию, закрепленное в ФКЗ, в данном случае блокируется.

В ФКЗ закреплено не только право, но и обязанность Уполномоченного по правам человека в РФ обращаться к государственному органу, органу местного самоуправления или должностному лицу в случае выявления нарушений прав и свобод граждан в их решениях или действиях (или бездействии). Это обращение должно содержать его заключение, в котором приводятся рекомендации относительно возможных и необходимых мер по восстановлению нарушенных прав и свобод.

В ст. 35 ФКЗ установлены срок, обязанности и процедура реагирования органов публичной власти на рекомендации, полученные от Уполномоченного по правам человека в РФ. При получении заключения от Уполномоченного по правам человека в РФ государственный орган, орган местного самоуправления или должностное лицо обязаны в течение месяца рассмотреть рекомендации и уведомить Уполномоченного по правам человека в РФ о принятых мерах в письменной форме. Однако в ФКЗ не предусмотрена обязанность восстановления нарушенного права. Обязанностью государственных органов, органов местного самоуправления или должностных лиц являются коллективное обсуждение или индивидуальное рассмотрение (в зависимости от типа органа) заключительного мнения Уполномоченного по правам человека в РФ, но не обязательное его удовлетворение. Они имеют право не соглашаться с Уполномоченным по правам человека в РФ и сохранить прежнее решение или действие (или бездействие), считая его законным. В случае признания факта нарушения прав или свобод заявителя государственный орган, орган местного самоуправления или должностное лицо обязаны принять всеобъемлющие меры для устранения его последствий, уведомив об этом Уполномоченного по правам человека в РФ. При этом они не обязаны придерживаться предложенных мер по восстановлению нарушенных прав или свобод заявителя и имеют полномочия для реализации своего плана профилактических мер.

Было бы целесообразно предусмотреть нормативное обязательство исполнения заключений Уполномоченного по правам человека в РФ для государственных органов, органов местного самоуправления и должностных лиц. Это касается случаев, когда

Уполномоченный по правам человека в РФ выявляет нарушения прав и свобод граждан в решениях или действиях вышеуказанных субъектов. Такая норма способствовала бы укреплению положения Уполномоченного по правам человека в РФ в системе защиты прав человека. Государственный орган, орган местного самоуправления или должностное лицо, получившие соответствующее заключение, должны были бы принять меры, предусмотренные в этом заключении. В случае несогласия с заключением Уполномоченного по правам человека в РФ предлагается предоставить им право обжаловать данное заключение в судебном порядке.

В контексте этого обсуждения предлагается внести изменения в ст. 27 и 35 ФКЗ. Предполагается закрепить в них обязанность для государственного органа, органа местного самоуправления и должностного лица осуществлять действия по восстановлению нарушенных прав и свобод человека, которые были изложены в заключении Уполномоченного по правам человека в РФ [24].

4. Выводы

Исследование взаимодействия Уполномоченного по правам человека в РФ с разнообразными государственными институтами выявило, что в настоящее время присутствует заметная неопределенность в правовом статусе Уполномоченного по правам человека в РФ. Это проявляется, в частности, в отсутствии эффективных механизмов воздействия на различные органы государственной власти, что негативно отражается на продуктивности функционирования организации омбудсмана.

В контексте вышеизложенного обосновывается и становится целесообразной адаптация позитивного иностранного опыта функционирования института омбудсмана с целью принятия мер по расширению полномочий Уполномоченного по правам человека в РФ. Такой подход способствует превращению данного института в эффективный механизм защиты прав, свобод и законных интересов человека и гражданина. В частности, это может усилить авторитет Уполномоченного по правам человека по правам человека в РФ перед органами публичной власти при рассмотрении его заключений. Предлагается внести в законодательство Российской Федерации изменения, которые закрепят обязанность указанных органов публичной власти принимать меры, необходимые для восстановления нарушенных прав и свобод человека, предусмотренные в заключении Уполномоченного по правам человека в РФ.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Соколов А. Н. Парламентский омбудсмен: генезис, функционирование, тенденции развития / А. Н. Соколов, К. Б. Трумпель. – Калининград : Изд-во Балт. Ин-та экономики и финансов, 2000. – 94 с.
2. Сунгуров А. Ю. Участие власти в защите прав человека: комиссии и Уполномоченные / А. Ю. Сунгуров. – СПб. : Норма, 2001. – 215 с.
3. Хаманева Н. Ю. Защита прав и свобод граждан в сфере исполнительной власти в Российской Федерации : дис. ... д-ра юрид. наук / Н. Ю. Хаманева. – М., 1997. – 363 с.
4. Заворотнюк Н. Ю. Институт омбудсмана в системе гарантий защиты прав граждан: Теоретико-правовое исследование : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Н. Ю. Заворотнюк. – М., 2006. – 22 с.
5. Князькин С. А. Институт Уполномоченного по правам человека в международном и внутригосударственном механизме защиты прав человека : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / С. А. Князькин. – М., 2000. – 20 с.
6. Legrand A. L'Ombudsman Scandinave : Etudes comparées sur le contrôle de l'administration / A. Legrand. – Paris : Librairie générale de droit et de jurisprudence, 1970. – 550 p.
7. Правовая система Нидерландов / отв. ред. д-ра юрид. наук, проф. В. В. Бойцова, Л. В. Бойцова. – М. : Зерцало, 1998. – 421 с.
8. Тимофеев М. Т. Конституционно-правовой институт омбудсмана в странах англосаксонской правовой семьи: На примере Соединенного Королевства и Республики Ирландии : дис. ... канд. юрид. наук / М. Т. Тимофеев. – М., 2005. – 249 с.
9. Спичак Ю. Г. Институт омбудсмана в государствах Восточной Европы : дис. ... канд. юрид. наук / Ю. Г. Спичак. – М., 2006. – 178 с.
10. Бегаева А. А. Уполномоченный по правам человека в Российской Федерации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / А. А. Бегаева. – М., 2004. – 23 с.
11. Евдошенко А. П. Конституционно-правовой статус Уполномоченного по правам человека Российской Федерации: теория, практика, перспективы : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / А. П. Евдошенко. – М., 2002. – 31 с.
12. Корнеева Н. В. Конституционно-правовые основы деятельности уполномоченного по правам человека в Российской Федерации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Н. В. Корнеева. – М., 2002. – 26 с.
13. Семенова А. Ю. Уполномоченный по правам человека в механизме обеспечения прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / А. Ю. Семенова. – М., 2006. – 26 с.
14. Смирнов И. П. Уполномоченный по правам человека : моногр. / И. П. Смирнов. – М. : Лаборатория книги, 2011. – 205 с.
15. Феоктистов Д. Е. Конституционно-правовой статус Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации (сравнительно-правовое исследование) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Д. Е. Феоктистов. – М., 2010. – 23 с.
16. Шеенков О. А. Становление конституционного института уполномоченного по правам человека в Российской Федерации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / О. А. Шеенков. – М., 2001. – 27 с.
17. Галяутдинов Б. С. Конституционный институт Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации в системе государственного контроля Российской Федерации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Б. С. Галяутдинов. – М., 2014. – 19 с.
18. Бойцова В. В. Служба защиты прав человека и гражданина. Мировой опыт / В. В. Бойцова. – М. : Бек, 1996. – 408 с.
19. Майоров А. Г. Формирование правового института омбудсмана (Уполномоченного по правам человека) в России и за рубежом : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / А. Г. Майоров. – М., 2002. – 30 с.
20. Гаврилова О. А. Конституционно-правовой статус омбудсмана в иберо-американских странах : дис. ... канд. юрид. наук / О. А. Гаврилова. – М., 2018. – 249 с.
21. Цоллер Э. Защита прав человека во Франции / Э. Цоллер // Защита прав человека в современном мире. – М. : Изд-во ИГИП РАН, 1993. – С. 100–114.
22. Лохматов Е. А. Генезис и эволюция института омбудсмана в Швеции / Е. А. Лохматов // Юридическая наука. – 2017. – № 4. – С. 191–208.

23. Пахомов М. М. Предпосылки расширения полномочий Уполномоченного по правам человека / М. М. Пахомов // Юридическая наука. – 2021. – № 11. – С. 8–10.

24. Беляцкая А. М. Институт уполномоченного по правам человека в Российской Федерации и иностранных государствах: сравнительно-правовой анализ : дис. ... канд. юрид. наук / А. М. Беляцкая. – М., 2023. – 170 с.

REFERENCES

1. Sokolov A.N., Trumpel' K.B. *Parliamentary Ombudsman: genesis, functioning, development trends*, Kaliningrad, Baltic Institute of Economics and Finance Publ., 2000. 94 p. (In Russ.).
2. Sungurov A.Yu. *Participation of authorities in the protection of human rights: Commissions and Commissioners*. St. Petersburg, Norma Publ., 2001. 215 p. (In Russ.).
3. Khamaneva N.Yu. *Protection of the rights and freedoms of citizens in the sphere of executive power in the Russian Federation*, Doct. Diss. Moscow, 1997. 363 p. (In Russ.).
4. Zavorotnyuk N.Yu. *Institute of the Ombudsman in the system of guarantees for the protection of citizens' rights: Theoretical and legal research*, Cand. Diss. Thesis. Moscow, 2006. 22 p. (In Russ.).
5. Knyaz'kin S.A. *Institute of the Commissioner for Human Rights in the international and domestic mechanism for the protection of human rights*, Cand. Diss. Thesis. Moscow, 2000. 20 p. (In Russ.).
6. Legrand A. *L'Ombudsman Scandinave* [The Scandinavian Ombudsman], Comparative studies on the control of the administration. Paris, General library of law and jurisprudence Publ., 1970. 550 p. (In French).
7. Boitsova V.V., Boitsova L.V. (eds.). *Nederlands Rechts Systeem* [Dutch Legal System]. Moscow, Zertsalo Publ., 1998. 421 p. (In Russ.).
8. Timofeev M.T. *Constitutional and legal institution of the ombudsman in the countries of the Anglo-Saxon legal family: On the example of the United Kingdom and the Republic of Ireland*, Cand. Diss. Moscow, 2005. 249 p. (In Russ.).
9. Spichak Yu.G. *The Institute of Ombudsman in the States of Eastern Europe*, Cand. Diss. Moscow, 2006. 178 p. (In Russ.).
10. Begaeva A.A. *Commissioner for Human Rights in the Russian Federation*, Cand. Diss. Thesis. Moscow, 2004. 23 p. (In Russ.).
11. Evdoshenko A.P. *Constitutional and legal status of the Commissioner for Human Rights of the Russian Federation: theory, practice, prospects*, Cand. Diss. Thesis. Moscow, 2002. 31 p. (In Russ.).
12. Korneeva N.V. *Constitutional and legal foundations of the activities of the Commissioner for Human Rights in the Russian Federation*, Cand. Diss. Thesis. Moscow, 2002. 26 p. (In Russ.).
13. Semenova A.Yu. *Commissioner for Human Rights in the mechanism for ensuring the rights and freedoms of man and citizen in the Russian Federation*, Cand. Diss. Thesis. Moscow, 2006. 26 p. (In Russ.).
14. Smirnov I.P. *Commissioner for Human Rights*, Monograph. Moscow, Laboratoriya knigi Publ., 2011. 205 p. (In Russ.).
15. Feoktistov D.E. *Constitutional and legal status of the Commissioner for Human Rights in the Russian Federation (comparative legal research)*, Cand. Diss. Thesis. Moscow, 2010. 23 p. (In Russ.).
16. Sheenkov O.A. *Formation of the constitutional institution of the Commissioner for Human Rights in the Russian Federation*, Cand. Diss. Thesis. Moscow, 2001. 27 p. (In Russ.).
17. Galyautdinov B.S. *Constitutional Institute of the Commissioner for Human Rights in the Russian Federation in the system of state control of the Russian Federation*, Cand. Diss. Thesis. Moscow, 2014. 19 p. (In Russ.).
18. Boitsova V.V. *Service for the Protection of Human and Citizen Rights. World experience*. Moscow, Bek Publ., 1996. 408 p. (In Russ.).
19. Maiorov A.G. *Formation of the legal institution of the Ombudsman (Commissioner for Human Rights) in Russia and abroad*, Cand. Diss. Thesis. Moscow, 2002. 30 p. (In Russ.).
20. Gavrilova O.A. *Constitutional and legal status of the ombudsman in Viber-American countries*, Cand. Diss. Moscow, 2018. 249 p. (In Russ.).

21. Zoller E. Protection of human rights in France, in: *Zashchita prav cheloveka v sovremennom mire*, Moscow, Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences Publ., 1993, pp. 100–114. (In Russ.).

22. Lokhmatov E.A. Genesis and evolution of the institution of ombudsman in Sweden. *Yuridicheskaya nauka = Legal science*, 2017, no. 4, pp. 191–208. (In Russ.).

23. Pakhomov M.M. Prerequisites for expanding the powers of the Commissioner for Human Rights. *Yuridicheskaya nauka = Legal science*, 2021, no. 11, pp. 8–10. (In Russ.).

24. Belyatskaya A.M. *The Institution of the Human Rights Commissioner in the Russian Federation and Foreign Countries: Comparative Legal Analysis*, Cand. Diss. Moscow, 2023. 170 p. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Дитятковский Михаил Юрьевич – доктор юридических наук, доцент, ¹профессор кафедры конституционного и муниципального права; ² профессор кафедры государственного и муниципального права

¹ *Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)*

² *Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского*

¹ 125993, Россия, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, 9

² 644077, Россия, г. Омск, пр. Мира, 55а

E-mail: ditmihur@mail.ru

ResearcherID: W-2788-2019

ORCID: 0000-0002-7318-212X

SPIN-код РИНЦ: 3935-0431

Беляцкая Анна Михайловна – кандидат социальных наук, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры государственно-правовых дисциплин

Государственный институт экономики, финансов, права и технологий

188300, Россия, г. Гатчина, ул. Рощинская, 5

E-mail: sukhareva@mail.ru

ORCID: 0000-0002-7183-3937

SPIN-код РИНЦ: 6427-7226

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Mikhail Yu. Dityatkovsky – Doctor of Law, Associate Professor; ¹Professor, Department of Constitutional and Municipal Law; ²Professor, Department of State and Municipal Law

¹ *Kutafin Moscow State Law University (MSAL)*

² *Dostoevsky Omsk State University*

¹ 9, Sadovaya-Kudrinskaya ul., Moscow, 125993, Russia

² 55a, Mira pr., Omsk, 644077, Russia

E-mail: ditmihur@mail.ru

ResearcherID: W-2788-2019

ORCID: 0000-0002-7318-212X

RSCI SPIN-code: 3935-0431

Anna M. Belyatskaya – PhD in Sociology, PhD in Law, Associate Professor; Associate Professor, Department of State and Legal Disciplines

The State Institute of Economics, Finance, Law, and Technology

5, Roshchinskaya ul., Gatchina, 188300, Russia

E-mail: sukhareva@mail.ru

ORCID: 0000-0002-7183-3937

RSCI SPIN-code: 6427-7226

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Дитятковский М.Ю. О совершенствовании процедуры взаимодействия Уполномоченного по правам человека в РФ и органов публичной власти /

М.Ю. Дитятковский, А.М. Беляцкая // *Правоприменение*. – 2024. – Т. 8, № 3. – С. 53–61. – DOI:

10.52468/2542-1514.2024.8(3).53-61.

BIBLIOGRAPHIC DESCRIPTION

Dityatkovsky M.Yu., Belyatskaya A.M. On improving the procedure for interaction of the High Commissioner for Human Rights in the Russian Federation and public authorities. *Pravoprimenenie = Law Enforcement Review*, 2024, vol. 8, no. 3, pp. 53–61. DOI: 10.52468/2542-1514.2024.8(3).53-61. (In Russ.).

ПРАВОВОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ СОЦИАЛЬНЫХ ГАРАНТИЙ ДЛЯ ЛИЦ, ЗАНЯТЫХ В ГИГ-ЭКОНОМИКЕ: РОССИЙСКИЙ И ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ*

С.М. Миронова

Волгоградский институт управления – филиал РАНХиГС, г. Волгоград, Россия

Информация о статье

Дата поступления –

20 декабря 2023 г.

Дата принятия в печать –

20 июня 2024 г.

Дата онлайн-размещения –

20 сентября 2024 г.

Ключевые слова

Социальные гарантии,
гиг-работники, самозанятые,
платформенные работники,
социальное обеспечение,
пенсионное обеспечение,
страховые взносы, профсоюзы

Положение гиг-работников оказывается менее защищено с точки зрения их прав и предоставляемых им гарантий. В связи с этим возникает необходимость определения того, какие социальные гарантии и каким категориям гиг-работников должны быть предоставлены, а также возможных мер социальной защиты таких лиц. Рассматриваются особенности предоставления социальных гарантий гиг-работникам, а также защиты их прав через институт профсоюзов, дается определение понятий «гарантии гиг-работников» и «социальные гарантии гиг-работников».

Делается вывод, что уплата взносов на пенсионное и социальное страхование гиг-работниками зависит от ряда факторов: размер дохода (есть минимально не облагаемый доход), время работы (полный или неполный рабочий день). Зарубежный опыт показывает, что самозанятые могут обращаться за помощью как в специально создаваемые для них профсоюзы, так и в те, которые защищают права и других категорий работников. В Российской Федерации пошли по пути создания специализированного профсоюза для самозанятых и работников платформ.

LEGAL SUPPORT OF SOCIAL GUARANTEES FOR PERSONS EMPLOYED IN THE GIG ECONOMY: RUSSIAN AND FOREIGN EXPERIENCE**

Svetlana M. Mironova

Volgograd Institute of Management – branch of RANEPA, Volgograd, Russia

Article info

Received –

2023 December 20

Accepted –

2024 June 20

Available online –

2024 September 20

The subject. Legal support of social guarantees for persons employed in the gig economy: russian and foreign experience

The purpose of the article is to reveal the features of providing social guarantees to gig workers, as well as protecting their rights through the institution of trade unions, to give the concept of “guarantees of gig workers”, “social guarantees of gig workers”

The methodology includes systematic approach, comparative method, formal-logical method, formal-legal method, analysis, synthesis.

The main results of the research.

Keywords

Social guarantees, gig workers,
self-employed, platform workers,
social security, pension provision,
insurance premiums, unions

The situation of gig workers appears to be less protected in terms of their rights and the guarantees provided to them. In this regard, there is a need to determine what social guarantees should be provided to which categories of gig workers, as well as possible measures of social protection for such persons. There is a need to once again ensure the rights of workers employed in self-employment or platform employment. A definition of guarantees for gig workers is proposed: guarantees are the means, methods and conditions by which the implementation of the rights granted to gig workers in the field of employment and their social security is ensured. Social guarantees for gig workers can be defined as a set of social and legal obligations of the state to workers employed in the gig economy (self-employment, platform employment), aimed at creating the necessary conditions for them to perform their work and meet their social needs and professional interests.

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-28-00914, <https://rscf.ru/project/22-28-00914/>.

** The study was supported by the grant of the Russian Science Foundation No. 22-28-00914, <https://rscf.ru/project/22-28-00914/>.

In cases where a gig worker is, in some respects, close in his legal status to an employee under an employment contract (full-time work, etc.), his pension and social insurance should give him the maximum opportunity for social guarantees in case of temporary disability and in connection with retirement.

1. Введение

Одним из мировых явлений последнего времени является распространение гиг-экономики, в условиях которой меняется рынок труда и занятости: происходит замещение в некоторых случаях традиционной занятости по трудовому договору на фриланс, самозанятость, временную занятость, независимый подряд и другие формы, при которых права таких работников менее защищены с точки зрения социально-трудовых гарантий. Таких занятых называют также гиг-работниками или независимыми подрядчиками [1]. Появляется также термин «прекарная занятость», которая характеризует нестабильное социально-экономическое положение людей по сравнению с традиционной занятостью [2], а прекариат становится новым социальным классом с сокращенными гарантиями [3]. Особенно не защищенными оказываются отдельные категории работников, занятых в гиг-экономике, например мигранты [4].

По данным Федеральной налоговой службы России, на конец ноября 2023 г. зарегистрировано уже 9 млн плательщиков налога на профессиональный доход¹. За рубежом также наблюдается увеличение числа самозанятых. Как отмечается в литературе, «их численность растет более чем на четверть миллиона человек каждый год, и на их долю приходится более 50 % создаваемых новых рабочих мест» [5].

Растет также и число лиц, занятых в платформенной занятости, т. е. выполняющих работы или оказывающих услуги с использованием цифровых платформ. Занятость у таких людей может быть различной – и традиционная занятость посредством заключения трудового договора, и самозанятость, и даже оформление в качестве индивидуального предпринимателя. При этом и у индивидуальных предпринимателей, и у самозанятых в их взаимоотношениях с платформами могут иметься признаки

трудовых отношений, что приводит к повышенному вниманию со стороны налоговых органов к таким договорам и возможной переквалификации гражданско-правовых отношений в трудовые, что влечет доначисление страховых взносов. Именно последний факт часто является основополагающим для такой переквалификации, поскольку налоговые органы, администрируя страховые взносы, реализуют фискальный интерес государства по наполнению бюджета Социального фонда РФ.

По данным Высшей школы экономики, в России число лиц, занятых в платформенной экономике, составляет около 15,5 млн чел. [6], это сопоставимо с увеличивающимся числом зарегистрированных самозанятых лиц – с учетом того, что часть из них имеет другие формы занятости. В Европейском Союзе число лиц, занятых на платформах, также продолжает увеличиваться: более 28 млн чел. в Европе работают с использованием цифровых рабочих платформ, а к 2025 г. ожидается рост числа таких занятых до 43 млн чел.²

Таких самозанятых и платформенных занятых можно условно разделить на три группы:

1. Наиболее близко похожих на трудовые отношения, что в ряде случаев и приводит к подмене трудовых отношений гражданско-правовыми. В литературе можно встретить термин «ложные самозанятые», когда лицо фактически имеет работодателя [7], и экономически зависимые самозанятые, работающие, как правило, с одной компанией [8]³. К таким лицам относят, например, курьеров, сборщиков заказов и других граждан, полностью работающих с участием платформы.

2. Лица, совмещающие самозанятость / платформенную занятость с работой по трудовому договору либо рассматривающие такую занятость как временную подработку на небольшой период.

¹ Количество самозанятых достигло 9 млн человек // ФНС России: офиц. сайт. URL: https://www.nalog.gov.ru/rn77/news/activities_fts/14056407/ (дата обращения: 28.11.2023).

² Fragen und Antworten: Verbesserung der Arbeitsbedingungen in der Plattformarbeit / Europäische Kommission. Brüssel, 9. Dezember 2021. URL: <https://ec.europa.eu/commission/>

presscorner/detail/de/qanda_21_6606 (дата обращения: 10.10.2023).

³ Например, в Испании различают различные типы самозанятых, называя их «чистые самозанятые», «ложные самозанятые» и «подчиненные самозанятые», см.: Unionisation of the self-employed. URL: <https://www.eurofound.europa.eu/en/resources/article/2000/unionisation-self-employed> (дата обращения: 10.11.2023).

3. Занятость близка к осуществлению предпринимательской деятельности. Зачастую, начиная бизнес как самозанятый – регистрируясь как плательщик налога на профессиональный доход, гражданин, развивая свой бизнес, далее осуществляет регистрацию как индивидуальный предприниматель, переходя на другой налоговый режим. Таким образом, изначально такая занятость близка именно к предпринимательской деятельности, хотя лицо может и не иметь официально статус индивидуального предпринимателя.

Гибкость и удобство, предлагаемые работой свободного заработка, привлекают как работников, так и работодателей, что приводит к ее устойчивому росту [9]. По мере роста экономики свободного заработка всё больше внимания уделяется правам и защите работников свободного заработка. Прави-

тельства по всему миру изучают способы обеспечения справедливой компенсации, льгот и трудовых прав для работников свободного заработка [9].

При этом в целом наблюдается снижение социальных гарантий таких лиц по сравнению с гражданами, работающими по трудовому договору. Например, в Европейском Союзе около 55 % людей, работающих на платформах, зарабатывают меньше, чем минимальная почасовая оплата труда в соответствующей стране. При этом кроме выполнения самой работы люди также тратят время на выполнение неоплачиваемых задач (поиск работы, ожидание работы)⁴, в связи с чем общий уровень их оплаты труда уменьшается.

В США, как видно из представленных на рисунке данных, независимые подрядчики также менее защищены по сравнению с сотрудниками по трудовому договору.

Уровень рабочей силы	Сотрудник	Независимый подрядчик
Минимальная заработная плата	✓	X
Оплата сверхурочной работы	✓	X
Страхование по безработице	✓	X
Компенсация работникам	✓	X
Оплачиваемые больничные	✓	X
Оплачиваемый отпуск по семейным обстоятельствам	✓	X
Охрана труда и техника безопасности	✓	X
Право на профсоюз	✓	X
Защита от дискриминации и сексуальных домогательств	✓	X

Сравнение правовой защиты работников на рабочем месте и независимых подрядчиков в Соединенных Штатах (Zipperer B., McNicholas C., Poydock M., Schneider D., Harknett K. National survey of gig workers paints a picture of poor working conditions, low pay // Economic Policy Institute. June 1, 2022.
URL: <https://www.epi.org/publication/gig-worker-survey/> (дата обращения: 12.11.2023))

В литературе отмечают, что вопрос обеспечения социальных гарантий и правовой защиты независимых работников остается скорее в плоскости политической, нежели юридическим вопросом [10]. Суды начали рассматривать возможность внесения поправок в трудовое законодательство для защиты прав и интересов работников на условиях самозанятости. Так, в Нью-Йорке была введена минимальная

заработная плата для водителей на условиях самозанятости, несмотря на то, что им не удалось преобразовать статус самозанятости в статус постоянных сотрудников [11].

Очевидно, что три разные категории таких занятых лиц имеют разный статус и нуждаются в разных социальных гарантиях. Если вторая категория занятых может получить такие социальные гарантии

⁴ Fragen und Antworten: Verbesserung der Arbeitsbedingungen in der Plattformarbeit.

по месту работы, например больничный, и при выполнении подработки это будет не так актуально, то для первой категории занятых, которая максимально приближена к трудовым отношениям, такие социальные гарантии, с одной стороны, являются необходимым элементом их занятости, а с другой стороны, именно отсутствие таких гарантий для привлеченных работников дает экономический эффект для организаций и бизнеса, которые работают с такими лицами, снижает их издержки, что и определяет рост числа таких работников.

Многие научные исследования посвящены пределам распространения трудового права на такие категории работников и применения к ним социально-трудовых гарантий [12–15]. Можно встретить мнение о неизбежности включения самозанятых в сферу действия трудового законодательства, учитывая рост их доли среди общего числа занятых [16]. Распространить трудовые права на всех работников предлагают и в зарубежной литературе [15].

За рубежом разрабатывается европейская концепция работника, которая будет адаптирована к новым формам занятости, а именно к самозанятым, которые нуждаются в защите в той же степени, что и традиционные наемные работники [17].

В связи с этим возникает необходимость определения, какие социальные гарантии каким категориям гиг-работников должны быть предоставлены, а также возможных мер социальной защиты таких лиц, в том числе с использованием профсоюзов.

2. Понятие социальных гарантий и их применение к гиг-работникам

Термин «гарантии», «социальные гарантии» применяется к различным категориям лиц в разных обстоятельствах. Так, в российском законодательстве можно встретить:

- социальные гарантии сотрудникам органов внутренних дел (Федеральный закон от 19 июля 2011 г. № 247-ФЗ «О социальных гарантиях сотрудникам органов внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»);

- социальные гарантии гражданам, подвергшимся радиационному воздействию (Федеральный закон от 10 января 2002 г. № 2-ФЗ «О социальных гарантиях гражданам, подвергшимся радиационному воздействию вследствие ядерных испытаний на Семипалатинском полигоне»);

- социальные гарантии сотрудникам некоторых федеральных органов исполнительной власти (Федеральный закон от 30 декабря 2012 г. № 283-ФЗ «О социальных гарантиях сотрудникам некоторых федеральных органов исполнительной власти и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации») и др.

Как видно из представленного перечня, социальные гарантии могут быть предоставлены как отдельным категориям работников (например, военнослужащим), так и лицам, имеющим возможность социальной поддержки в связи с определенными обстоятельствами (например, герои труда).

Применительно к занятости гиг-работников в первую очередь речь должна идти о гарантиях социально-трудовых отношений в широком смысле этого слова. В соответствии со ст. 164 Трудового кодекса РФ гарантии – это «средства, способы и условия, с помощью которых обеспечивается осуществление предоставленных работникам прав в области социально-трудовых отношений».

Такие гарантии предусмотрены для работников по трудовому законодательству в связи с направлением в командировку, при переезде на работу в другую местность, при прекращении работы не по вине работника, при предоставлении отпуска, при временной нетрудоспособности, при несчастном случае на производстве, в ряде других случаев.

Помимо общих гарантий, предусмотренных для всех работников по трудовому договору, для отдельных категорий лиц, занятых в определенных сферах, могут приниматься специальные соглашения, определяющие условия работы и гарантии для них.

Так, утратившее в настоящее время силу Федеральное отраслевое соглашение по автомобильному и городскому наземному пассажирскому транспорту на 2008–2010 гг.⁵ регулировало социально-трудовые отношения, определяло условия оплаты, охраны труда, режимы труда и отдыха, другие гарантии и условия работников отрасли.

Таким образом, становится важной разработка системы социальных гарантий для лиц, занятых в гиг-экономике на системной основе и рассматривающих данную форму занятости как основную.

На основе изложенного можно предложить следующее определение гарантий для гиг-работников: **гарантии гиг-работников** – это средства, способы и условия, с помощью которых обеспечива-

⁵ Труд и страхование. 2008. № 5.

ется осуществление предоставленных гиг-работникам прав в области занятости и их социального обеспечения.

Социальные гарантии являются частью такого более широкого понятия, как государственные гарантии, которые по своей сути предназначены для того, чтобы человек чувствовал защищенность от различных внешних негативных проявлений. Закрепленные Конституцией РФ права на труд, социальное и пенсионное обеспечение, защиту своих профессиональных интересов через профессиональные союзы, социальные гарантии могут проявляться в различных формах – как социально-политические, социально-экономические, социально-культурные и другие социальные гарантии.

Применительно к гиг-работникам, правовое положение которых зачастую очень схоже с правовым положением работников, работающих по трудовому договору, в первую очередь следует говорить о социально-экономических гарантиях, которые призваны обеспечить гиг-работнику условия его труда и отдыха, право на охрану здоровья, медицинское обслуживание, защиту от несчастных случаев на месте работы, пенсионное обеспечение.

При рассмотрении судебных споров суды затрудняются охарактеризовать отношения с гиг-работником как трудовые, что предопределяется недостаточно развитой нормативной базой, и не в состоянии гарантировать основные социальные права работников [18]. Возникает необходимость нового подхода к таким работникам и платформам, с которыми они работают, с точки зрения определения зависимости таких отношений, влияющих на уровень социальных гарантий [19]. Например, вопрос о предоставлении водителям социально-трудовых прав и гарантий предлагается закрепить на уровне трудового законодательства [20].

В то же время гиг-работники, занятые на платформах, зачастую готовы отказываться от возможных социальных гарантий в обмен на более высокую «заработную плату» и более свободный график работы. Тем не менее государство должно обеспечивать своим гражданам, работающим не на условиях трудовых отношений, также минимальный набор социальных гарантий.

Таким образом, **социальные гарантии гиг-работников** можно определить как комплекс соци-

ально-правовых обязательств государства перед работниками, занятыми в гиг-экономике (на условиях самозанятости, платформенной занятости), направленных на создание для них необходимых условий в целях выполнения ими своей работы, удовлетворения своих социальных потребностей и профессиональных интересов.

3. Пенсионное и социальное обеспечение гиг-работников

В Российской Федерации самозанятые – плательщики налога на профессиональный доход освобождены от уплаты страховых взносов, а это значит, что из трех составляющих: пенсионное, социальное и медицинское страхование – они вправе рассчитывать только на последнее, поскольку часть налога на профессиональный доход (по нормативу 37 %) в соответствии с Бюджетным кодексом РФ поступает в Федеральный фонд обязательного медицинского страхования. Оплата пенсионного и социального страхования в Социальный фонд России является не обязательной и может производиться на основе договора добровольного страхования. Исходя из этого, можно предположить, что для государства большее значение приобретает оплата медицинского страхования гиг-работниками, в противном случае дополнительная нагрузка легла бы на бюджет, поскольку медицинская помощь гарантируется Конституцией РФ независимо от того факта, работает гражданин или нет. А вот выплата пенсии и оплата больничного листа является уже ответственностью самого гиг-работника. По статистике, самозанятые не так часто пользуются своим правом – по данным Министерства труда и социальной защиты РФ, только 3 % всех самозанятых делают добровольные взносы на пенсию, а с учетом тех самозанятых, для кого доходы по данному налоговому режиму являются основным источником дохода, их доля возрастает до 7 %⁶. С учетом того, что число самозанятых уже превысило 9 млн чел., это незначительная доля гиг-работников. А это значит, что большая их часть не сможет рассчитывать на пенсию в будущем.

Исходя из общего числа самозанятых лиц в России и того небольшого их процента, который делает добровольные пенсионные отчисления, следует разработать механизм пенсионного обеспечения тех самозанятых, для которых доход от такой деятельности является единственным источником дохода.

⁶ Жандарова И. Для 42 % самозанятых работа на себя является только подработкой // Российская газета. 2023. 9 нояб. URL: <https://rg.ru/2023/11/09/dlia-42-samozaniatyh->

[rabota-na-sebia-iavliaetsia-tolko-podrabotkoj.html](https://rg.ru/2023/11/09/dlia-42-samozaniatyh-rabota-na-sebia-iavliaetsia-tolko-podrabotkoj.html) (дата обращения: 30.11.2023).

Представляет интерес опыт Германии о социальном страховании для «самозанятых художников и публицистов», в отношении которых Закон о социальном страховании художников (*KSVG*) ввел процедуру, аналогичную той, которая применяется к наемным работникам⁷. Если такое лицо работает полный рабочий день в сфере публицистики или искусства, оно получает 50%-ю «долю работодателя» в базовых взносах на обязательное социальное обеспечение. Он оплачивается через Социальную кассу художников (*KSK*).

Социальное страхование художников работает следующим образом: застрахованные, как и обычные работники, платят 50 % от основного взноса, установленного законом: медицинская страховка, страхование на случай длительного ухода и пенсионное страхование в *KSK*. *KSK* частично получает соответствующую «долю работодателя» от «переработчиков», которые, согласно *KSVG*, должны отчислять определенный процент с выплачиваемых ими гонораров в качестве социального налога для артистов; 20 % поступают в качестве субсидии от федерального правительства.

Самозанятые лица, работающие не по найму, подлежащие обязательному пенсионному страхованию, которое применяется при доходе более 520 евро в месяц (или 325 евро при работе в *KSK*), а также при неполной занятости: те, кто занимается репетиторством в дополнение к основной работе и, таким образом, зарабатывает более 6240 евро (3900 евро в год) прибыли, – должны платить взносы в установленную законом систему пенсионного страхования⁸.

Ремесленники, ведущие лицензионный ремесленный бизнес (так называемый профсоюз А), могут выйти из системы обязательного страхования после 18 лет уплаты взносов, все остальные могут оставаться самозанятыми по указанным профессиям или получить страховку, как только они перейдут черту незначительности в этом процессе.

Таким образом, уплата взносов на пенсионное и социальное страхование зависит от ряда факторов: размер дохода (есть минимально не облагаемый доход), время работы (полный или неполный рабочий день). Очевидно, что в тех случаях, когда гиг-работ-

ник по некоторым признакам близок по своему правовому положению к работнику по трудовому договору (полная занятость и т. д.), его пенсионное и социальное страхование должно давать ему максимально возможные социальные гарантии на случай временной нетрудоспособности и в связи с выходом на пенсию.

4. Защита прав гиг-работников через институт профсоюзов

Поскольку самозанятые и другие гиг-работники составляют существенную долю занятых граждан, в разных странах возникает необходимость создания условий для защиты их прав, что может быть сделано посредством профсоюзов, которые играют важную социальную функцию в защите прав работников [21].

Одна из проблем, стоящих перед самозанятыми, заключается в том, как организовать защиту своих интересов и целей по отношению к государству, крупным компаниям и другим группам. В европейских странах в настоящее время уже сложился определенный опыт по защите профсоюзами прав самозанятых и платформенных работников.

В Германии статус самозанятого работника также приводит к юридически более уязвимому положению, что предопределило возможность самозанятых вступать в профсоюз. Профсоюз *Ver.di* (<https://selbststaendige.verdi.de/>), созданный в 2001 г. в результате слияния пяти отдельных профсоюзов, является крупнейшей в Европе членской организацией для индивидуальных самозанятых лиц, насчитывая более 30 тыс. последних [21].

В Испании два крупных объединения профсоюзов Испании – Всеобщий профсоюз трудящихся (*UGT*) и Профсоюз комиссий трудящихся *CC.OO* – содействовали объединению самозанятых работников. В январе 2000 г. в рамках *UGT* был создан профсоюз профессионалов и самозанятых работников (*UPTA*; <https://upta.es/>). Союз профессионалов и самозанятых работников Испании (*UPTA Spain*) представляет собой Конфедерацию национального масштаба и межсекторального характера, состоящую из территориальных организаций и отраслевых ассоциаций самозанятых лиц, зарегистрированных в рамках Особого режима самозанятых работников (*RETA*).

⁷ Gesetz über die Sozialversicherung der selbstständigen Künstler und Publizisten (Künstlersozialversicherungsgesetz – *KSVG*). URL: <https://www.gesetze-im-internet.de/ksvg/BjNR007050981.html> (дата обращения: 01.11.2023).

⁸ Подробное описание расчета и подтверждения дохода см.: Rentenversicherungspflichtige Selbstständige // Ratgeber Selbstständige. URL: <https://selbststaendigen.info/suche-im-ratgeber/?lnk=d40ec1ec38f912> (дата обращения: 13.11.2023).

В Великобритании самозанятые также принимают попытки защищать свои права через профсоюзы и вести коллективные переговоры с платформами с участием профсоюзов. Интерес представляет судебный процесс, который длился начиная с 2017 г., между Профсоюзом Великобритании (*IWGB*) и компанией *Deliveroo*. Центральный арбитражный комитет – квазисудебный орган Великобритании – постановил, что курьеры являются самозанятыми, не классифицируются как «работники» в соответствии с трудовым законодательством Великобритании, в связи с чем профсоюзы не могут представлять интересы курьеров⁹. 21 ноября 2023 г. Верховный суд Великобритании вынес решение, в котором суд заявил, что в законодательстве Великобритании нет ничего, что мешало бы водителям создавать профсоюзы или вступать в них, а также ничто не мешало бы *Deliveroo* вести с ним коллективные переговоры. Но в постановлении добавлено: «Вопрос заключается в том, требуется ли... принять закон, предоставляющий работникам согласно ст. 11 (Европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод. – С. М.) право требовать от своего сопротивляющегося работодателя признания профсоюза по их выбору и ведения переговоров с ним»¹⁰.

В России также поднимается вопрос о защите прав самозанятых лиц и работников платформ, в том числе через создание профсоюзов для граждан с такой формой занятости. Федерация независимых профсоюзов России (ФНПР) неоднократно включала в свою повестку вопросы по распространению социального партнерства на работающих в условиях нестандартных форм занятости, в том числе занятых через посредничество цифровых платформ и самозанятых [21], например, предложения об установлении трудо-правовых гарантий для платформенных занятых: вознаграждение не ниже минимального размера оплаты труда в случае отработки не менее 160 часов за календарный месяц; условия труда, отвечающие требованиям безопасности и гигиены; отдых, включая ограничение продолжительности рабочего времени, предоставление и оплату ежедневного и междусменного отдыха и др.¹¹

Поскольку закон о платформенной занятости находится пока в разработке, представляется необходимым предусмотреть в нем такие гарантии для платформенных работников.

Так же, как и в других странах, в России в 2023 г. создан профсоюз, защищающий права самозанятых работников, работников платформенной занятости и предпринимателей, не осуществляющих наем работников, – межрегиональный профсоюз работников платформенной экономики «Независимый Профсоюз Новый Труд» (<http://новый-труд.рф>).

Представленные данные показывают, что права самозанятых и платформенных работников могут защищаться через профсоюзы – как объединяющие разные категории работников, так и создаваемые специально для самозанятых. При этом вопрос о том, могут ли в целом самозанятые защищать свои права через профсоюзы, пока еще не до конца решен, что показывает судебная практика Великобритании. Поскольку самозанятые имеют разный правовой статус, то защита их прав профсоюзами может осуществляться в разной степени. Очевидно, что в большей степени в защите своих прав нуждается первая категория названных нами самозанятых, которые по своему статусу максимально приближаются к наемным работникам. Также защита прав через профсоюзы может осуществляться в тех случаях, когда такой статус занятого используется для временной подработки, в то же время права таких лиц должны быть защищены независимо от времени их работы.

6. Выводы

Положение гиг-работников оказывается менее защищено с точки зрения их прав и предоставляемых им гарантий. В связи с этим возникает необходимость определения того, какие социальные гарантии и каким категориям гиг-работников должны быть предоставлены, а также возможных мер социальной защиты таких лиц. Появляется необходимость вновь обеспечивать права работников, занятых на условиях самозанятости или платформенной занятости.

Предложено определение гарантий для гиг-работников: гарантии гиг-работников – это средства, способы и условия, с помощью которых обеспечива-

⁹ UK Supreme Court rules Deliveroo riders cannot collectively bargain as a union. URL: <https://www.jurist.org/news/2023/11/uk-supreme-court-rules-deliveroo-riders-cannot-collectively-bargain-as-a-union/> (дата обращения: 22.11.2023).

¹⁰ Independent Workers Union of Great Britain v Central Arbitration Committee and another. URL: <https://caselaw.nationalarchives.gov.uk/uksc/2023/43> (дата обращения: 22.11.2023).

¹¹ Постановление Генсовета ФНПР от 20 апреля 2022 г. № 11-5 О ходе выполнения Плана практических действий по реализации решений X, XI съездов ФНПР. URL: <https://fnpr.ru/documents/dokumenty-federatsii/postanovlenie-gensoveta-fnpr-ot-20-04-2022-11-5.html> (дата обращения: 12.11.2023).

ется осуществление предоставленных гиг-работникам прав в области занятости и их социального обеспечения.

Социальные гарантии гиг-работников можно определить как комплекс социально-правовых обязательств государства перед работниками, занятыми в гиг-экономике (на условиях самозанятости, платформенной занятости), направленных на создание для них необходимых условий в целях выполнения ими своей работы, удовлетворения своих социальных потребностей и профессиональных интересов.

Уплата взносов на пенсионное и социальное страхование зависит от ряда факторов: размер дохода (есть минимально не облагаемый доход), время работы (полный или неполный рабочий день). Очевидно, что в тех случаях, когда гиг-работник по некоторым признакам близок по своему правовому положению к работнику по трудовому договору (полная занятость и т. д.), его пенсионное и социальное страхование должно давать максимально возможные социальные гарантии на случай временной нетрудоспособности и в связи с выходом на пенсию.

Гиг-работникам так же, как и работникам по трудовому договору, может понадобиться защита их прав с участием профсоюзов: чем более слабой стороной являются работники, тем чаще они вынуждены соглашаться на навязываемые им условия труда, тем больше у них должно быть возможности защитить свои права. В настоящее время зарубежный опыт показывает, что самозанятые могут обращаться за помощью как в специально создаваемые для них профсоюзы, так и в те, которые защищают права и других категорий работников. В Российской Федерации пошли по пути создания специализированного профсоюза для самозанятых и работников платформ. В то же время опыт Великобритании показывает, что не все страны готовы пока предоставить таким работникам право вести переговоры с участием профсоюзов, что предопределяет дальнейшую дискуссию о такой возможности, а также необходимость закрепления такой возможности на законодательном уровне.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Bozzon R. Independent or Dependent? European Labour Statistics and Their (In)ability to Identify Forms of Dependency in Self-employment / R. Bozzon, A. Murgia // *Social Indicators Research*. – 2022. – Vol. 160. – P. 199–226. – DOI: 10.1007/s11205-021-02798-1.
2. Прекарная занятость: истоки, критерии, особенности / под ред. Ж. Т. Тощенко. – М. : Весь Мир, 2021. – 400 с.
3. Тощенко Ж. Т. Прекариат – новый социальный класс / Ж. Т. Тощенко // *Социологические исследования*. – 2015. – № 6. – С. 3–13.
4. Tang S. Socioeconomic differentiation among food delivery workers in China: The case of Nanjing / S. Tang, P. Hao // *Transactions in Planning and Urban Research*. – 2023. – Vol. 2, iss. 4. – P. 502–516. – DOI: 10.1177/27541223231216500.
5. Conaty P. Not Alone - trade union and co-operative solutions for self-employed workers / P. Conaty, A. Bird, Ph. Ross. – Co-operatives UK, 2016. – 92 p. – URL: <https://www.union-coops.uk/publications/not-alone> (дата обращения: 10.11.2023).
6. Синявская О. В., Бирюкова С. С., Горват Е. С., Карева Д. Е., Стужук Д. А., Чертенков К. О. Платформенная занятость в России: масштабы, мотивы и барьеры участия : аналит. докл. — М. : НИУ ВШЭ, 2022. – DOI: 10.17323/978-5-7598-2494-7.
7. Malfettes L. The Repression of Illegal Work Challenged by False Self-Employment / L. Malfettes. – French Gendarmerie Officers Academy Research Centre, December 2022. – 4 p. – (The CREOGN Research Notes; Iss. 80). – URL: https://www.gendarmerie.interieur.gouv.fr/crgn/content/download/33657/file/NOTE_CREOGN_80_repression-illegal_work_EN.pdf (дата обращения: 10.11.2023).
8. Koutsimpogiorgos N. Conceptualizing the Gig Economy and its Regulatory Problems / N. Koutsimpogiorgos, J. van Slageren, A. Herrmann, K. Frenken // *Policy & Internet*. – 2020. – Vol. 12, iss. 4. – P. 525–545. – DOI: 10.1002/poi3.237.
9. Tug M. A. Future of the gig economy / M. A. Tug, P. Basar // *PressAcademia Procedia*. – 2023. – Vol. 17. – P. 203–231. – DOI: 10.17261/Pressacademia.2023.1796.

10. Harris S. D. Workers, Protections, and Benefits in the U.S. Gig Economy / S. D. Harris. – September 2018. – 41 p. – URL: <https://ssrn.com/abstract=3198170> (дата обращения: 10.11.2023).
11. Qiao S. Who are the gig workers? Evidence from mapping the residential locations of ride-hailing drivers by a big data approach / S. Qiao, G. Huang, A. G.-O. Yeh // *Cities*. – 2023. – Vol. 132. – Art. 104112. – DOI: 10.1016/j.cities.2022.104112.
12. Лютов Н. Л. Влияние нетипичных форм занятости на социально-экономическое развитие / Н. Л. Лютов // *Уровень жизни населения регионов России*. – 2020. – Т. 16, № 1. – С. 43–50. – DOI: 10.19181/lsprr.2020.16.1.4.
13. Лютов Н. Л. Социальные и трудовые отношения в условиях экономического кризиса: соблюдение баланса интересов / Н. Л. Лютов // *Журнал российского права*. – 2016. – № 1. – С. 30–38. – DOI: 10.12737/17229.
14. Черных Н. В. Единство трудового права и развитие нетипичной занятости: проблемы взаимодействия / Н. В. Черных // *Lex russica*. – 2020. – Т. 73, № 9. – С. 21–29. – DOI: 10.17803/1729-5920.2020.166.9.021-029.
15. De Stefano V. The Rise of the 'Just-in-Time Workforce': On-Demand Work, Crowd Work and Labour Protection in the 'Gig-Economy' / V. De Stefano // *Comparative Labor Law & Policy Journal*. – 2016. – Vol. 37, iss. 3. – P. 471–504.
16. Филипова И. А. Влияние цифровых технологий на труд: ориентиры для трудового права : моногр. / И. А. Филипова. – Н. Новгород : Нижегород. гос. ун-т им. Н.И. Лобачевского, 2021. – 106 с.
17. Risak M. The Concept of 'Worker' in EU Law: Status Quo and Potential for Change : ETUI Report 140 / M. Risak, Th. Dullinger. – Brussels : European Trade Union Institute, 2018. – 66 p.
18. Defossez D. The employment status of food delivery riders in Europe and the UK: Self-employed or worker? / D. Defossez // *Maastricht Journal of European and Comparative Law*. – 2021. – Vol. 29, iss. 1. – P. 25–46. – DOI: 10.1177/1023263X211051833.
19. Schor J. Dependence and precarity in the platform economy / J. Schor, W. Attwood-Charles, M. Cansoy, I. Ladegaard, R. Wengronowitz // *Theory and Society*. – 2020. – Vol. 49, iss. 5–6. – P. 833–861. – DOI: 10.1007/s11186-020-09408-y.
20. Лютов Н. Л. Водители такси, выполняющие работу через онлайн-платформы: каковы правовые последствия «уберизации» труда? / Н. Л. Лютов, И. В. Войтковская // *Актуальные проблемы российского права*. – 2020. – Т. 15, № 6. – С. 149–159. – DOI: 10.17803/1994-1471.2020.115.6.149-159.
21. Миронова С. М. Профсоюзы для самозанятых и работников платформ: опыт России и зарубежных стран / С. М. Миронова, З. Г. Литвиненко // *Legal Bulletin*. – 2023. – Т. 8, № 4. – С. 10–19.

REFERENCES

1. Bozzon R., Murgia A. Independent or Dependent? European Labour Statistics and Their (In)ability to Identify Forms of Dependency in Self-employment. *Social Indicators Research*, 2022, vol. 160, pp. 199–226. DOI: 10.1007/s11205-021-02798-1
2. Toshchenko Zh.T. (ed.). *Precarious employment: origins, criteria, features*. Moscow, Ves' Mir Publ., 2021. 400 p. (In Russ.).
3. Toshchenko Zh.T. Precariat – a new social class. *Sotsiologicheskie issledovaniya = Sociological Studies*, 2015, no. 6, pp. 3–13. (In Russ.).
4. Tang S., Hao P. Socioeconomic differentiation among food delivery workers in China: The case of Nanjing. *Transactions in Planning and Urban Research*, 2023, vol. 2, iss. 4, pp. 502–516. DOI: 10.1177/27541223231216500.
5. Conaty P., Bird A., Ross Ph. *Not Alone - trade union and co-operative solutions for self-employed workers*. Co-operatives UK Publ., 2016. 92 p. Available at: <https://www.union-coops.uk/publications/not-alone> (accessed November 10, 2023).
6. Sinyavskaya O.V., Biryukova S.S., Gorvat Ye.S., Kareva D.Ye., Stuzhuk D.A., Chertenkov K.O. *Platform employment in Russia: scale, motives and barriers to participation*, Analytical report. Moscow, HSE Publ., 2022. DOI: 10.17323/978-5-7598-2494-7. (In Russ.).
7. Malfettes L. *The Repression of Illegal Work Challenged by False Self-Employment*, The CREOGN Research Notes; Iss. 80. French Gendarmerie Officers Academy Research Centre Publ., December 2022. 4 p. Available at:

https://www.gendarmerie.interieur.gouv.fr/crgn/content/download/33657/file/NOTE_CREOGN_80_repression-illegal_work_EN.pdf (accessed November 10, 2023).

8. Koutsimpogiorgos N., van Slageren J., Herrmann A., Frenken K. Conceptualizing the Gig Economy and its Regulatory Problems. *Policy & Internet*, 2020, vol. 12, iss. 4, pp. 525–545. DOI: 10.1002/poi3.237.

9. Tug M. A., Basar P. Future of the gig economy. *PressAcademia Procedia*, 2023, vol. 17, pp. 230–231. DOI: 10.17261/Pressacademia.2023.1796.

10. Harris S.D. *Workers, Protections, and Benefits in the U.S. Gig Economy*. September 2018. 41 p. Available at SSRN: <https://ssrn.com/abstract=3198170>.

11. Qiao S., Huang G., Yeh G.-O.A. Who are the gig workers? Evidence from mapping the residential locations of ride-hailing drivers by a big data approach. *Cities*, 2023, vol. 132, art. 104112. DOI: 10.1016/j.cities.2022.104112.

12. Lyutov N.L. The Influence of Atypical Employment on Socioeconomic Development. *Uroven' zhizni nasele-niya regionov Rossii = Living Standards of the Population in the Regions of Russia*, 2020, vol. 16, no. 1, pp. 43–50. DOI: 10.19181/Ispr.2020.16.1.4. (In Russ.).

13. Lyutov N.L. Social and Labour Relations During Economic Crisis: How to Balance the Interests. *Zhurnal rossiiskogo prava = Journal of Russian Law*, 2016, no. 1, pp. 30–38. DOI: 10.12737/17229. (In Russ.).

14. Chernykh N.V. The Unity of Labor Law and Development of Atypical Employment: Interaction Problems. *Lex Russica*, 2020, vol. 73, no. 9, pp. 21–29. DOI: 10.17803/1729-5920.2020.166.9.021-029. (In Russ.).

15. De Stefano V. The Rise of the 'Just-in-Time Workforce': On-Demand Work, Crowd Work and Labour Protection in the 'Gig-Economy'. *Comparative Labor Law & Policy Journal*, 2016, vol. 37, iss. 3, pp. 471–504.

16. Filipova I.A. *The Impact of Digital Technologies on Labor: Guidelines for Labor Law*, Monograph. Nizhny Novgorod, Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod Publ., 2021. 106 p. (In Russ.).

17. Risak M., Dullinger Th. *The Concept of 'Worker' in EU Law: Status Quo and Potential for Change*, ETUI Report 140. Brussels, European Trade Union Institute Publ., 2018. 66 p.

18. Defossez D. The employment status of food delivery riders in Europe and the UK: Self-employed or worker?. *Maastricht Journal of European and Comparative Law*, 2021, vol. 29, iss. 1, pp. 25–46. DOI: 10.1177/1023263X211051833.

19. Schor J., Attwood-Charles W., Cansoy M., Ladegaard I., Wengronowitz R. Dependence and precarity in the platform economy. *Theory and Society*, 2020, vol. 49, iss. 5–6, pp. 833–961. DOI: 10.1007/s11186-020-09408-y.

20. Lyutov N.L., Voytkovskaya I.V. Taxi Drivers Performing Work through Online Platforms: What Are the Legal Consequences of Labor "Uberization"? *Aktual'nye problemy rossiiskogo prava = Actual Problems of Russian Law*, 2020, vol. 15, no. 6, pp. 149–159. DOI: 10.17803/1994-1471.2020.115.6.149-159. (In Russ.).

21. Mironova S.M., Litvinenko Z.G. Trade unions for the self-employed and platform workers: experience of Russia and foreign countries. *Legal Bulletin*, 2023, vol. 8, no. 4, pp. 10–19. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Миронова Светлана Михайловна – доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры теории права и государственно-правовых дисциплин Волгоградский институт управления – филиал РАНХиГС
400066, Россия, г. Волгоград, ул. Гагарина, 8
E-mail: smironova2019@yandex.ru
ORCID: 0000-0001-5288-2568

INFORMATION ABOUT AUTHOR

Svetlana M. Mironova – Doctor of Law, Associate Professor, Professor of the Department of Theory of Law and State and Legal Disciplines
Volgograd Institute of Management – branch of RANEPA
8, Gagarina ul., Volgograd, 400066, Russia
E-mail: smironova2019@yandex.ru
ORCID: 0000-0001-5288-2568

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Миронова С.М. Правовое обеспечение социальных гарантий для лиц, занятых в гиг-экономике: российский и зарубежный опыт / С.М. Миронова // *Правоприменение*. – 2024. – Т. 8, № 3. – С. 62–71. – DOI: 10.52468/2542-1514.2024.8(3).62-71.

BIBLIOGRAPHIC DESCRIPTION

Mironova S.M. Legal support of social guarantees for persons employed in the gig economy: Russian and foreign experience. *Pravoprimenie = Law Enforcement Review*, 2024, vol. 8, no. 3, pp. 62–71. DOI: 10.52468/2542-1514.2024.8(3).62-71. (In Russ.).

НАЛОГООБЛОЖЕНИЕ В ПРОЦЕДУРАХ НЕСОСТОЯТЕЛЬНОСТИ (БАНКРОТСТВА) ЮРИДИЧЕСКИХ ЛИЦ

И.А. Цинделиани¹, Т.Д. Садовская¹, Е.Г. Васильева², Ж.Г. Попкова³

¹ *Российский государственный университет правосудия, г. Москва, Россия*

² *Северо-Кавказский филиал Российского государственного университета правосудия, г. Краснодар, Россия*

³ *Приволжский филиал Российского государственного университета правосудия, г. Нижний Новгород, Россия*

Информация о статье

Дата поступления –
10 апреля 2024 г.
Дата принятия в печать –
20 июня 2024 г.
Дата онлайн-размещения –
20 сентября 2024 г.

Анализируется комплекс норм, связанных с правовым регулированием как собственно обложения налогами на доходы физических лиц, прибыль организаций, добавочную стоимость и др., так и очередностью их взыскания (уплаты) с банкрота в зависимости от его организационно-правовой формы. Обозначен ряд правовых проблем. Авторы аргументируют собственную точку зрения о налогообложении организаций и физических лиц – банкротов с учетом практики высших судебных инстанций. Сделан вывод, что есть основания говорить о формировании нового правового института финансового права – публично-банкротного права.

Ключевые слова

Налоговые споры, банкротство, очередность списания денежных средств, текущие платежи, реестровые налоговые платежи, налогообложение

TAXATION IN INSOLVENCY (BANKRUPTCY) PROCEDURES OF LEGAL ENTITIES

Imeda A. Tsindeliани¹, Tatyana D. Sadovskaya¹, Evgeniya G. Vasilyeva², Zhanna G. Popkova³

¹ *Russian State University of Justice, Moscow, Russia*

² *North Caucasus Branch of the Russian State University of Justice, Krasnodar, Russia*

³ *Volga Branch of the Russian State University of Justice, Nizhny Novgorod, Russia*

Article info

Received –
2024 April 10
Accepted –
2024 June 20
Available online –
2024 September 20

Subject. The article analyzes a set of norms related to the legal regulation of personal income tax, corporate income tax, VAT, and other taxes, as well as the order of their collection (payment) from a bankrupt, depending on its organizational and legal form. The choice of the research object is due to the presence of problems related to ambiguous issues in taxation in bankruptcy proceedings.

The purpose of the study. The article attempts to comprehensively analyze the legal support of the current measures regulating the taxation of bankrupt organizations and individuals, current law enforcement practice, and the legal positions of the country's highest courts.

Keywords

Tax disputes, bankruptcy, the order of funds write-off, current payments, registered tax payments, taxation

Methodology. The leading research method is a formal legal one. Conclusions. The article reveals and concretizes a number of legal problems. The authors argue their own point of view on the taxation of bankrupt organizations and individuals, taking into account the practice of the highest judicial authorities, which, according to the authors.

It is concluded that there are grounds to talk about the formation of such a new legal institution of financial law as "public bankruptcy law".

1. Введение

Комплексный характер правового регулирования разрешения споров по вопросам налогообложе-

ния в процедурах банкротства организаций представляет научный и практический интерес. Есть основания полагать, что на сегодняшний день сформиро-

вались значимые блоки как норм права, так и правовых позиций высших судебных органов, отражающих особенности налогообложения подобных субъектов.

В России нет «трепетного» отношения (как со стороны контрагентов, так и со стороны государственных органов) к лицу, не оплачивающему свои долги, вследствие чего бурно развивается «банкротное право» [1, с. 17; 2, с. 44], являющееся комплексным межотраслевым институтом, объединяющим нормы частного и публичного права. К сфере финансово-правового регулирования «банкротного права» относятся регулятивные и охранительные правоотношения, связанные с исполнением финансово-налоговых обязательств перед бюджетами бюджетной системы. Эти отношения, возникающие в отдельных банкротных процедурах, в силу их публичной значимости регулируются нормами финансового права с помощью императивного метода и использования соответствующих мер принуждения, с помощью установления единых целей и принципов государственного регулирования в данной сфере. В качестве лица, представляющего публичные интересы в банкротных отношениях, определена Федеральная налоговая служба (далее – ФНС России). Нормативные положения рассматриваемого финансового правового института в своей совокупности характеризуются такими признаками системы, как объективность, единство, иерархичность, способность к развитию, что позволяет допустить формирование нового правового института финансового права – публично-банкротное право.

2. Спорные вопросы порядка и необходимости уплаты налогов организацией в банкротных процедурах

Задолженность по текущим платежам не включается в реестр требований кредиторов, а взыскивается вне рамок процедуры банкротства в обычном порядке. На основании положений п. 1 ст. 137 Федерального закона от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (далее – Закон о банкротстве) при определении размера требований кредиторов третьей очереди учитываются требования конкурсных кредиторов и уполномоченных органов.

Федеральным законом от 30 декабря 2008 г. № 296-ФЗ¹ внесены изменения в отношении специальной очередности удовлетворения требований кредиторов по текущим обязательствам должника (п. 2 ст. 134 Закона о банкротстве). Пленум Высшего Арбитражного Суда (далее – ВАС) РФ в Постановлении от 23 июля 2009 г. № 60² разъяснил, что п. 2 ст. 134 Закона о банкротстве установлена очередность удовлетворения требований кредиторов по текущим платежам в ходе конкурсного производства. Положения ст. 855 Гражданского кодекса РФ, определяющей очередность списания денежных средств со счета при их недостаточности для удовлетворения всех предъявленных к счету требований, к таким отношениям не применяются.

Возникновение обязанности по уплате налога определяется наличием объекта налогообложения и налоговой базы (п. 1. ст. 38, п. 1 ст. 44 Налогового кодекса (далее – НК) РФ), а не наступлением последнего дня срока, в течение которого соответствующий налог должен быть исчислен и уплачен на момент окончания налогового периода.

Датой возникновения обязанности по уплате налога является дата окончания налогового периода, а не день представления налоговой декларации или день окончания срока уплаты налога³.

В Постановлении Конституционного Суда (далее – КС) РФ от 9 апреля 2024 г. № 16-П (далее – Постановление № 16-П)⁴ указано, что не усматривается достаточных оснований утверждать о необходимости отнесения соответствующих пеней к какой-либо иной категории или очереди платежей, отличной от самих налогов, в связи с несвоевременной уплатой которых пени начисляются.

Требования кредиторов по текущим платежам погашаются преимущественно перед требованиями реестровых кредиторов (п. 1 ст. 134 Закона о банкротстве). Погашение текущих и реестровых платежей осуществляется с соблюдением очередностей, установленных п. 2 и 4 ст. 134 Закона о банкротстве. Расчеты по налогам, как правило, проводятся в составе пятой очереди текущих платежей и третьей очереди реестровых платежей.

¹ Собрание законодательства Российской Федерации. 2009. № 1. Ст. 4.

² Вестник Высшего Арбитражного Суда РФ. 2009. № 9.

³ Абзац 6 п. 6 Обзора судебной практики по вопросам, связанным с участием уполномоченных органов в делах о банкротстве и применяемых в этих делах процедурах

банкротства (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 20 декабря 2016 г.; ред. от 26 декабря 2018 г.) (Бюллетень Верховного Суда РФ. 2017. № 9).

⁴ Собрание законодательства Российской Федерации. 2024. № 17. Ст. 2392.

Долгое время отсутствовала единая позиция относительно правового режима обязательств должника в отношении налога на прибыль, возникающего после реализации активов с торгов. Правовая проблема заключалась в отсутствии надлежащего правового регулирования. В настоящее время ситуация изменилась, учитывая позицию КС РФ⁵.

Так, КС РФ в Постановлении № 28-П установил временный порядок относительно очередности исполнения налоговых обязательств при продаже активов должников в конкурсном производстве, согласно которому налог на прибыль отнесен к реестровым требованиям третьей очереди, а также обязал законодателя разрешить вопрос очередности налога на прибыль, возникающего при реализации конкурсной массы должников.

КС РФ согласился, что в отсутствие прямого указания об обратном положении действия НК РФ предполагают включение в налоговую базу по налогу на прибыль организации доходов от реализации имущества, составляющего конкурсную массу в деле о банкротстве. При этом КС РФ отметил, что текущее нормативное регулирование не позволяет с достаточной степенью определенности установить место требования об уплате налога на прибыль при реализации имущества, составляющего конкурсную массу, в деле о банкротстве при определении очередности требований кредиторов. В подобной ситуации усматриваются определенные основания для отнесения соответствующего обязательного платежа к текущим, а именно к пятой очереди, поскольку указанное требование формально возникает после даты принятия заявления о признании должника банкротом.

Такой подход не учитывает, что речь в рассматриваемом случае идет об обязательных платежах, которые возникают не в рамках допускаемого продолжения хозяйственной деятельности организации и не при совершении отдельных действий, обеспечивающих саму возможность завершения конкурсного производства, достижения целей этой процедуры, а при реализации всего массива (помимо денежных средств) имущества, составляющего конкурсную массу. Как определил КС РФ со ссылкой на правоприменительную практику, не все обязательные платежи, формально заявленные уполномоченным органом после даты принятия заявления о при-

знании должника банкротом, подлежат отнесению к текущим платежам.

В то же время в Постановлении № 28-П КС РФ указал о возможности учета требования об уплате налога на прибыль как подлежащего погашению после реестровых требований, поскольку при обычной недостаточности конкурсной массы для удовлетворения даже включенных в реестр требований это равнозначно освобождению в данном случае налогоплательщика от реального исполнения налоговой обязанности. КС РФ пришел к выводу, что до внесения соответствующих изменений в правовое регулирование, требования об уплате налога на прибыль организаций при реализации имущества, составляющего конкурсную массу в деле о банкротстве, подлежат удовлетворению в составе третьей очереди требований кредиторов, включенных в реестр.

Отдельно КС РФ обратил внимание на режим удовлетворения требования об уплате налога от продажи заложенного имущества в контексте положений п. 6 ст. 138 Закона о банкротстве.

Принимая во внимание обозначенные выше правовые позиции КС РФ, Судебная коллегия по экономическим спорам (далее – СКЭС) Верховного Суда (далее – ВС) РФ⁶ пришла к выводу, что расходы по уплате налога на прибыль с продажи имущества банкрота, как являющегося, так и не являющегося предметом залога, подлежат удовлетворению в составе третьей очереди реестра требований кредиторов. При этом ВС РФ посчитал необходимым определить порядок установления требования об уплате налога на прибыль при реализации конкурсной массы в реестре (фактически установлен специальный порядок включения налога в реестр). Таким образом, ВС РФ пришел к тому, что расходы по уплате налога на прибыль с продажи имущества банкрота, как являющегося, так и не являющегося предметом залога, подлежат удовлетворению в составе третьей очереди реестра требований кредиторов без какого-либо дифференцированного подхода.

Обратившись к действующему законодательству, отметим, что нормы налогового законодательства и законодательства о банкротстве не устанавливают специальный порядок исчисления налога на прибыль.

⁵ См.: Постановление № 16-П; Постановление КС РФ от 31 мая 2023 г. № 28-П (Собрание законодательства Российской Федерации. 2023. № 24. Ст. 4388; далее – Постановление № 28-П).

⁶ Определение СКЭС ВС РФ от 29 июня 2023 г. № 310-ЭС19-11382 (2) по делу № А09-15885/2017. URL: https://www.vsr.ru/stor_pdf_ec.php?id=2260868 (дата обращения: 04.04.2024).

Согласно НК РФ, от уплаты НДС освобождена как продажа активов должников-банкротов, так и вся производимая ими в ходе текущей деятельности продукция (работы, услуги). Соответствующие изменения внесены Федеральным законом от 15 октября 2020 г. № 320-ФЗ⁷. Сходная норма действует в отношении физических лиц (освобожден от налогообложения доход от продажи имущества, подлежащего реализации, в случае признания такого налогоплательщика банкротом и введения процедуры реализации имущества – п. 63 ст. 217 НК РФ). Ненадлежащее исполнение данной налоговой обязанности до принятия заявления о признании должника банкротом будет квалифицировано как требование, подлежащее включению в реестр кредиторов по правилам п. 4 ст. 134 Закона о банкротстве. Также необходимо учитывать положения ст. 24 и п. 1 и 2 ст. 226 НК РФ.

В отношении уплаты налога на имущество организация-банкрот будет исчислять и уплачивать налог до момента, пока имущество будет числиться и не будет реализовано.

О порядке уплаты банкротом налога на прибыль организаций или при упрощенной системе налогообложения (далее – УСН), возникающих после реализации активов должника с торгов, следует остановиться подробнее.

Весь период деятельности организации (включая процедуру банкротства) она признаётся плательщиком налога на прибыль. При этом доходы от продажи имущества в ходе банкротства в полной мере подпадают под определение выручки (дохода) от реализации (ст. 248, 249 НК РФ). При методе начисления такие доходы признаются на дату реализации независимо от фактического поступления оплаты (п. 3 ст. 271 НК РФ).

В зависимости от применяемого должником режима налогообложения прибыль (доход) от реализации имущества становится объектом налога на прибыль организаций (или УСН).

Согласно Постановлению КС РФ от 29 июня 2004 г. № 13-П⁸ независимо от времени принятия приоритетными признаются нормы того закона, который специально предназначен для регулирования соот-

ветствующих отношений – Закона о банкротстве, а не НК РФ. Практика определения очередности налога на прибыль организаций, образовавшегося в процедуре банкротства, за последние годы менялась несколько раз. До 2020 г. налог на прибыль уплачивался в составе пятой очереди текущих платежей⁹.

В последующем судебная практика складывалась о приоритетном погашении текущих обязательных платежей, связанных с залоговым имуществом должников, за счет выручки от реализации и (или) использования (сдачи в аренду) указанного залогового имущества в процедурах банкротства.

Так, ВС РФ уже выражал правовую позицию о приоритетном погашении налога на добавленную стоимость, начисленного при сдаче в аренду залогового имущества в ходе процедур банкротства, за счет сумм соответствующей арендной платы до ее распределения залоговому кредитору¹⁰. А в последующем сформировал аналогичную правовую позицию о приоритетном погашении за счет выручки от реализации залогового имущества имущественных налогов, начисленных на указанное залоговое имущество за период нахождения должника в процедурах банкротства¹¹.

Таким образом, за рассматриваемый период ВС РФ был сформирован единый правовой подход в вопросе применения к текущим обязательным платежам, связанным с залоговым имуществом должника (имущественные налоги, начисленные на залоговое имущество, налог на добавленную стоимость, начисленный при сдаче в аренду залогового имущества в ходе процедур банкротства), правового режима, установленного п. 6 ст. 138 Закона о банкротстве.

Проведя соответствующий анализ с 2020 г.¹², отметим, что стала формироваться *иная позиция* по вопросу очередности уплаты банкротом налога на прибыль организаций (или УСН), возникающих после реализации активов должника с торгов. Так, по указанному делу суды пришли к выводу, что уплата налога в связи с продажей на торгах имущества банкрота должна производиться за счет оставшегося имущества должника после удовлетворения требований кредиторов, включенных в реестр требова-

⁷ Собрание законодательства Российской Федерации. 2020. № 42 (ч. II). Ст. 6507.

⁸ Российская газета. 2004. 7 июля.

⁹ Постановление Конституционного Суда РФ от 23 декабря 1997 г. № 21-П // Российская газета. 1998. 6 янв.

¹⁰ См.: Определение СКЭС ВС РФ от 19 октября 2020 г. № 305-ЭС20-10152 по делу № А40-46117/2019 // СПС «Гарант».

¹¹ Определение СКЭС ВС РФ от 8 апреля 2021 г. № 305-ЭС20-20287 по делу № А40-48943/2015. URL: https://www.vsrfr.ru/stor_pdf_ec.php?id=1985270 (дата обращения: 04.04.2024).

¹² Определение Верховного Суда РФ от 11 февраля 2020 г. № 303-ЭС19-10320. URL: https://vsrfr.ru/lk/practice/stor_pdf_ec/1861624 (дата обращения: 04.04.2024).

ний. Суды указали, что обязательство по уплате налога на прибыль, возникающее в связи с реализацией имущества налогоплательщика-банкрота в рамках процедуры конкурсного производства, не может признаваться текущим требованием.

В течение 2021–2022 гг. сформулированный подход был поддержан судами в аналогичных спорах и нашел отражение в многочисленных судебных актах ВС РФ¹³.

Анализ судебной практики показал, что ВС РФ сформулировал позицию о применении к обязательствам должника по уплате имущественных налогов, начисленных на залоговое имущество за период нахождения должника в банкротных процедурах, правового режима, установленного п. 6 ст. 138 Закона о банкротстве¹⁴.

Таким образом, ВС РФ в отдельных актах придерживался позиции о том, что уплате за счет залоговой выручки подлежат только налоги, объектами налогообложения которых признаётся имущество, являющееся предметом залога, такие как налог на имущество организаций, налог на имущество физических лиц, земельный налог, транспортный налог¹⁵, в других – что уплате подлежат и иные налоги. ВС РФ определил, что налог на имущество организаций и земельный налог, начисленные на залоговое имущество должника-банкрота за период нахождения этого имущества в банкротных процедурах, подлежат погашению в первоочередном порядке за счет средств, поступивших от реализации предмета залога, т. е. до распределения денежных средств залоговому и иным кредиторам по правилам, установленным ст. 138 Закона о банкротстве. Обратный подход нарушает имущественные интересы незалоговых кредиторов, поскольку до формирования такого подхода указанные налоги уплачивались за счет иного находящегося в конкурсной массе имущества и уменьшали размер удовлетворения требований незалоговых кредиторов¹⁶.

Сбалансированный подход между интересами ФНС России и залоговых кредиторов установил КС

РФ¹⁷. Одним из важных решений стало описанное выше Постановление № 28-П.

Представляется, что КС РФ в Постановлении № 16-П однозначно высказался в отношении имущественных налогов, об отсутствии у налоговых обязательств (платежей), связанных с реализацией конкурсной массы, признаков текущих платежей. КС РФ отметил, что их уплата препятствует достижению целей конкурсного производства из системного и телеологического толкования п. 6 ст. 138 Закона о банкротстве.

Как указывал ранее Пленум ВАС РФ¹⁸, разграничение реестровых и текущих требований определяется не моментом его «созревания», а моментом совершения предоставления, влекущего возникновение встречного обязательства должника.

Обратим внимание, что до принятия Постановления № 16-П в отношении иных налогов (налог на имущество, земельный, транспортный; налог при УСН) единообразие в судебной практике отсутствовало. В случае с имущественными налогами ситуация ранее была непростая в сравнении с налогом на прибыль, поскольку его формальная налоговая база формируется только при продаже имущества должника в ходе конкурсного производства, а вот имущественные налоги начисляются в силу самого факта наличия имущества в собственности. Представляется, что Постановление № 28-П содержит правовую позицию, общую для всех налогов, связанных с продажей активов должника в конкурсном производстве, за исключением восстановленного НДС, учитывая его особенную правовую природу налоговых вычетов. В Постановлении № 28-П отмечено, что в целом налоговые обязательства, обусловленные реализацией имущества организации-должника и возникшие после возбуждения дела о банкротстве, не являются текущими.

На основании вышеизложенного, восстановленный НДС имеет ряд самостоятельных оснований для того, чтобы быть отнесенным к третьей очереди реестра, поскольку такое обязательство возникает до возбуждения дела о банкротстве. Его корректировка в связи с продажей в конкурсном производстве при-

¹³ Определения ВС РФ от 20 июня 2022 г. № 308-ЭС17-16991 по делу № А53-32017/2016, от 25 июля 2022 г. № 305-ЭС22-11487 по делу № А40-61908/2018 и др.

¹⁴ Обзор судебной практики Верховного Суда РФ № 3 за 2021 год (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 10 ноября 2021 г.) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2022. № 1–2.

¹⁵ См., напр.: Определение Верховного Суда РФ от 8 апреля 2021 г. № 305-ЭС20-20287. URL: https://www.vsr.ru/stor_pdf_ec.php?id=1985270 (дата обращения: 05.04.2024).

¹⁶ Там же.

¹⁷ Отметим, что с определенной периодичностью КС РФ неоднократно указывал на необходимость обеспечения баланса прав и законных интересов лиц, участвующих в деле о банкротстве, поскольку этот аспект коррелирует с публично-правовой целью института банкротства.

¹⁸ Пункт 3 Постановления Пленума ВАС РФ от 23 июля 2009 г. № 63 (Вестник Высшего Арбитражного Суда РФ. 2009. № 9).

обретенного до банкротства актива не может свидетельствовать о текущем характере данного платежа.

Выявленный в Постановлении № 16-П и сформулированный КС РФ в Постановлении № 28-П конституционно-правовой смысл п. 6 ст. 138 Закона о банкротстве является общеобязательным, что исключает любое иное истолкование этой нормы в правоприменительной практике, в том числе к востановленному НДС и единому налогу при УСН.

Важно, что с 1 января 2023 г. только текущая задолженность формирует отрицательное сальдо единого налогового счета (далее – ЕНС) у банкрота. При наличии отрицательного сальдо на ЕНС в соответствии со ст. 134 Закона о банкротстве сначала будут погашаться текущие платежи. При отсутствии отрицательного сальдо ЕНС и уведомления налогоплательщика об исчисленных суммах авансовых платежей, платеж будет зачтен в приостановленную задолженность – в реестровую. Представляется обоснованным внести соответствующие изменения в п. 8 ст. 45 НК РФ с учетом особенностей организаций-банкротов. Указанное обстоятельство, безусловно, отразится на принудительном порядке исполнения совокупной налоговой обязанности и исполнении обязательства должника при банкротстве в рамках установленной Законом о банкротстве очередности.

На основании сформировавшихся правовых позиций судов и нового п. 8 ст. 45 НК РФ возникнут вопросы в правоприменении, обусловленные очередностью исполнения налоговых обязательств по отдельным налогам в контексте императивной последовательности. Очередность и порядок, установленные п. 8 ст. 45 НК РФ, и положения Закона о банкротстве в части текущих и реестровых платежей представляют собой диссонанс в праве и свидетельствуют об отсутствии гармонизации, являясь основанием для обращения в КС РФ.

3. Спорные вопросы налогообложения доходов налогоплательщиков, находящихся в процедуре банкротства

Следует полагать, что вопросы очередности уплаты налогов важны, но приоритетными являются общие вопросы налогообложения банкротов, поскольку только после их корректного разрешения можно определять вопросы очередности. В этом

плане вышеупомянутое Постановление № 28-П представляет особый интерес.

На текущий момент, несмотря на выраженные КС РФ и ВС РФ правовые позиции, значительное число соответствующих концептуальных и практических вопросов продолжает активно обсуждаться в специализированной литературе [3, с. 46; 4, с. 4; 5, с. 76; 6, с. 4; 7, с. 172], хотя единого мнения по ним не прослеживается. Исходя из публикаций, указанное Постановление КС РФ ждали залоговые кредиторы: от КС РФ зависело, будут ли получать основную часть выручки от реализации заложенного имущества банкрота или с нее банкроты должны будут уплатить еще и налог на прибыль.

Из Постановления КС РФ следует, что нормы законодательства о банкротстве и налогового законодательства в силу их сложности и многоаспектности могут находиться в прямом либо косвенном противоречии, которое в итоге разрешается судом через применение принципов права посредством определения справедливого баланса интересов (ценностей) [8]. С одной стороны, специальная норма имеет приоритет над общей нормой, но один специальный закон не умоляет действия другого специального закона¹⁹. Соответственно, без перехода на уровень принципов права определить, какие специальные нормы в конкретной ситуации подлежат применению, являются «более специальными», может быть крайне затруднительно²⁰.

Именно через баланс интересов были даны известные разъяснения в п. 1 Постановления Пленума ВАС РФ от 25 января 2013 г. № 11²¹, где фактически был признан приоритет специальных норм Закона о банкротстве над специальными нормами НК РФ. Дискуссии по этой проблеме продолжаются [9; 10].

Теперь же в Постановлении № 28-П сопоставлялось законодательство о банкротстве, а также налоговое законодательство в части налога на прибыль организаций и, по существу, НДФЛ.

Можно сформулировать вопрос: должна ли деятельность организации-банкрота облагаться налогами с реализации товаров (работ, услуг)? Вопрос тривиальный, поскольку организация-банкрот, скорее всего, по итогам данных процедур будет ликвидирована, вследствие чего основная цель ее деятельно-

¹⁹ Латинские юридические изречения / сост. проф. Е.И. Темнов. М.: Экзамен, 2003. С. 357.

²⁰ В частности, еще в Постановлении Президиума ВАС РФ от 10 декабря 2013 г. № 10481/13 была отмечена конкуренция норм НК РФ и Закона о банкротстве.

²¹ Вестник Высшего Арбитражного Суда РФ. 2013. № 3.

сти – продажа оставшегося имущества и справедливое распределение средств между кредиторами. В то же время ответ в стиле «никаких налогов с банкрота» приведет к тому, что значимые сделки заинтересованные лица будут проводить через подконтрольных банкротов во избежание их налогообложения.

В Постановлении № 28-П содержится значимая информация относительно запроса в суд: в случае реализации имущества должника в рамках дела о банкротстве фактически не идет речь о деятельности налогоплательщика, направленной на получение прибыли, и, как следствие, должник не получает экономическую выгоду, подлежащую налогообложению. В этом случае он не ведет хозяйственную деятельность (в отличие от случаев реализации товаров, работ, услуг должником при продолжении хозяйственной деятельности в ходе конкурсного производства в интересах кредиторов), а его имущество реализуется помимо его воли по цене, установленной в целях максимального удовлетворения требований кредиторов. Такое обложение налогом на прибыль влечет необоснованное обложение дохода, а не прибыли, поскольку у налогоплательщика отсутствуют подлежащие учету расходы, связанные с ведением обычной предпринимательской деятельности. Создается угроза нарушения принципа равенства, так как в аналогичной ситуации законодатель, освобождая от налогообложения доходы физических лиц при реализации их имущества в рамках дела о банкротстве.

Таким образом, проблемой является то, что в силу п. 63 ст. 217 НК РФ не подлежат налогообложению НДФЛ доходы физического лица от продажи имущества, подлежащего реализации в случае признания его банкротом и введения необходимой процедуры в соответствии с законодательством о несостоятельности (банкротстве). *Аналогичного освобождения применительно к организациям гл. 25 НК РФ не предусматривает.*

Неоднократно КС РФ отмечал, что в налогообложении равенство понимается как равномерность, нейтральность и справедливость. Это означает, что одинаковые экономические результаты деятельности налогоплательщиков должны влечь одинаковое налоговое бремя и что принцип равенства налогового бремени нарушается тогда, когда определенная категория налогоплательщиков попадает в иные

по сравнению с другими налогоплательщиками условия, хотя между ними нет существенных различий, которые оправдывали бы неравное правовое регулирование²². При этом принцип равенства не исключает возможности установления различных правовых условий для многообразных хозяйствующих субъектов, однако такие различия не могут быть произвольными, они должны основываться на объективных характеристиках соответствующих категорий субъектов права²³.

По итогам банкротства физическое лицо продолжает физически жить, хотя и с определенными экономическими ограничениями. Банкроты, продолжающие осуществлять хозяйственную деятельность, являются редким явлением (факт признания организации банкротом в большинстве случаев является результатом ее предшествовавшей убыточной деятельности). При этом процедура банкротства, не исключая конкурсного производства с формированием конкурсной массы для продажи имущества должника, как указано в Постановлении КС РФ от 19 декабря 2019 г. № 41-П²⁴, сама по себе не прерывает его хозяйственной деятельности и оставляет за ним право продолжать по возможности производство товаров (выполнение работ, оказание услуг). Продолжение хозяйственной деятельности на общих условиях остается правомерным, во всяком случае, пока кредиторами не будет принято решение о ее прекращении на основании п. 6 ст. 129 Закона о банкротстве.

Соответственно, значимым является вопрос: можно ли уравнивать физических лиц и организации, к чьим доходам явно прослеживается в НК РФ различное отношение, если соответствующий субъект находится в процедуре банкротства?

В Постановлении № 28-П применительно к ответу на этот вопрос отмечается, что с учетом непрерывности предпринимательской деятельности и возможности получения отрицательного финансового результата реализация имущества (как добровольная, так и осуществленная в ходе конкурсного производства), будучи неразрывно связанной с предшествующей хозяйственной деятельностью (предполагающей ведение налогового учета и уплату налогов), не может без специального указания на то законодателя и помимо его воли выводиться из-под общих правил налогообложения прибыли.

²² Постановления КС РФ от 13 марта 2008 г. № 5-П, от 22 июня 2009 г. № 10-П, от 15 февраля 2019 г. № 10-П, от 31 марта 2022 г. № 13-П и др.

²³ Постановления КС РФ от 27 апреля 2001 г. № 7-П и от 31 марта 2022 г. № 13-П.

²⁴ Российская газета. 2019. 30 дек.

По всей видимости, здесь КС РФ в некотором смысле «встает» на путь теории юридического лица как фикции [11].

В литературе выделяется ряд категорий судебных дел, в которых отрицается правосубъектность организаций (в том числе дела о срывании «корпоративной вуали», о «дроблении» бизнеса, о взаимодействии с «однодневками» и др.) [12, с. 31]. Более того, в России уголовная ответственность должностных лиц организаций за неуплату налогов данными организациями²⁵ также является своеобразным прологом «корпоративной вуали».

Таким образом, различное обложение организации налогами в определенной ситуации, в сравнении с физическим лицом, практически всегда может быть объяснено с точки зрения дискреции законодателя. Во всяком случае, высказывается мнение, что от прямого ответа на вопрос о нарушении принципа равенства КС РФ ушел [4, с. 4].

Данная позиция КС РФ позволяет утверждать, что, поскольку различия между организациями и физическими лицами столь существенны, вполне возможно и «сверхдифференцированное» (в части налогообложения) отношение к данным категориям лиц.

4. Выводы

Можно утверждать, что высшие судебные органы занимают сбалансированную позицию, в рамках которой не принимаются идеи типа «никаких налогов с банкрота». Вопросы, в целом, сводятся к тому, что организация-банкрот, продолжающая свою деятельность (в том числе и с «банкротной» спецификой, в частности с продажей предметов за-

лога), облагается налогами, как и обычные организации, если иное прямо не следует из закона. «Банкротная» составляющая проблем, как правило, сводится к вопросу определения очередности погашения обязательных платежей и к взаимосвязанным проблемам (принудительное взыскание, восстановление НДС, пени, санкции и т. п.).

Выявленный в Постановлении № 28-П конституционно-правовой смысл п. 6 ст. 138 Закона о банкротстве, определивший, что налог на прибыль от продажи конкурсной массы относится не к текущим платежам, а к реестровым требованиям третьей очереди, а также запрет на его удовлетворение за счет предмета залога и дальнейшее толкование в Постановлении от № 16-П в отношении имущественных налогов, об отсутствии у налоговых обязательств (платежей), связанных с реализацией конкурсной массы, признаков текущих платежей, является общеобязательным, что исключает любое иное истолкование этой нормы в правоприменительной практике.

При этом правовые проблемы банкротства с точки зрения налогового права как были, так и остаются значимыми для бизнеса, поскольку обременение банкрота налогами, а также определение очередности их удовлетворения, по существу, позволяют планировать экономические последствия конкретных действий заинтересованных лиц в данной правовой процедуре. Относительная распространенность банкротства в отечественной юридической практике, а также более чем «спокойный» взгляд как обывателей, так и бизнесменов на банкротство в России требуют учета данных особенностей в коммерческой деятельности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Морхат П. М. К вопросу о концепции банкротного права в российской юрисдикции / П. М. Морхат // Предпринимательское право. – 2024. – № 1. – С. 10–17. – DOI: 10.18572/1999-4788-2024-1-10-17.
2. Фролов И. В. Современная доктрина банкротного права в российской юрисдикции: анализ теоретических основ / И. В. Фролов // Предпринимательское право. – 2022. – № 4. – С. 35–44. – DOI: 10.18572/1999-4788-2022-4-35-44.
3. Конституционный Суд РФ об очередности для налога на прибыль в делах о банкротстве // Налоговед. – 2023. – № 7. – С. 46–53.
4. Плешанова О. П. Налог на конкурсную массу: кто и когда заплатит / О. П. Плешанова // Юридическая работа в кредитной организации. – 2023. – № 3. – С. 4–24.
5. Плешанова О. П. Налог vs залог: Конституционный Суд расставил приоритеты / О. П. Плешанова // Закон. – 2023. – № 7. – С. 76–81. – DOI: 10.37239/0869-4400-2023-20-7-72-97.

²⁵ См. ст. 199 УК РФ, п. 7 Постановления Пленума ВС РФ от 26 ноября 2019 г. № 48 (Российская газета. 2019. 6 дек.).

6. Резанов Н. В. Требования по налогу на прибыль от реализации имущества должника / Н. В. Резанов // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. – 2023. – № 11. – С. 4–15. – DOI: 10.37239/2500-2643-2023-18-11-4-15.

7. Тай Ю. В. Пирров компромисс. Очередность требований по налогу на прибыль от реализации имущества в банкротстве / Ю. В. Тай, С. Л. Будылин // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. – 2023. – № 9. – С. 172–195. – DOI: 10.37239/2500-2643-2023-18-9-172-195.

8. Тютин Д. В. Налоговое право : курс лекций / Д. В. Тютин. – 9-е изд., перераб. и доп. – М. : Гарант-сервис-университет, 2021. – 1196 с.

9. Анищенко А. В. НДС от банкрота / А. В. Анищенко // Налоговый вестник – Консультации. Разъяснения. Мнения. – 2020. – № 4. – С. 67–71.

10. Попкова Ж. Г. Налоговые агенты и банкротство: проблемы конкуренции норм / Ж. Г. Попкова // Вестник арбитражной практики. – 2016. – № 5. – С. 19–24.

11. Сумской Д. А. Статус юридических лиц : учеб. пособие для вузов / Д. А. Сумской. – М., 2006. – 328 с.

12. Сосновский С. А. Принцип правовой определенности и налоговая правосубъектность организаций / С. А. Сосновский // Налоговед. – 2019. – № 7. – С. 31–39.

REFERENCES

1. Morkhat P.M. On the issue of the concept of bankruptcy law in the Russian jurisdiction. *Predprinimatel'skoe pravo = Entrepreneurial law*, 2024, no. 1, pp. 10–17. DOI: 10.18572/1999-4788-2024-1-10-17. (In Russ.).

2. Frolov I.V. Modern doctrine of bankruptcy law in the Russian jurisdiction: an analysis of the theoretical foundations. *Predprinimatel'skoe pravo = Entrepreneurial law*, 2022, no. 4, pp. 35–44. DOI: 10.18572/1999-4788-2022-4-35-44. (In Russ.).

3. The Constitutional Court of the Russian Federation on the priority for income tax in bankruptcy cases. *Nalogoved = Tax specialist*, 2023, no. 7, pp. 46–53. (In Russ.).

4. Pleshanova O.P. The tax on the bankruptcy estate: who will pay and when. *Yuridicheskaya rabota v kreditnoi organizatsii = Legal work in a credit institution*, 2023, no. 3, pp. 4–24. (In Russ.).

5. Pleshanova O.P. Tax vs pledge: The Constitutional Court has set priorities. *Zakon = Law*, 2023, no. 7, pp. 76–81. DOI: 10.37239/0869-4400-2023-20-7-72-97. (In Russ.).

6. Rezanov N. Profit tax claims from the realisation of debtor's property. *Vestnik ekonomicheskogo pravosudiya Rossiiskoi Federatsii = Herald of the economic justice*, 2023, no. 11, pp. 4–15. DOI: 10.37239/2500-2643-2023-18-11-4-15. (In Russ.).

7. Tay Yu., Budylin S. Pyrrhic compromise. Priority of income tax claims from the realisation of property in bankruptcy. *Vestnik ekonomicheskogo pravosudiya Rossiiskoi Federatsii = Herald of the economic justice*, 2023, no. 9, pp. 172–195. DOI: 10.37239/2500-2643-2023-18-9-172-195. (In Russ.).

8. Tyutin D.V. *Tax law*, Course of lectures, 9th ed. Moscow, Garant-service-university Publ., 2021. 1196 p. (In Russ.).

9. Anishchenko A.V. VAT from a bankrupt. *Nalogovyi vestnik – Konsul'tatsii. Rayzzyasneniya. Mneniya = Tax Bulletin – Consultations. Clarifications. Opinions*, 2020, no. 4, pp. 67–71. (In Russ.).

10. Popkova Zh.G. Tax agents and bankruptcy: problems of competition norms. *Vestnik arbitrazhnoi praktiki = Bulletin of Arbitration practice*, 2016, no. 5, pp. 19–24. (In Russ.).

11. Sumskoi D.A. *Status of legal entities*, Teaching aid for universities. Moscow, 2006. 328 p. (In Russ.).

12. Sosnovskii S.A. The principle of legal certainty and tax legal personality of organizations. *Nalogoved = Tax specialist*, 2019, no. 7, pp. 31–39. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Цинделиани Имеда Анатольевич – кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой финансового права
Российский государственный университет правосудия

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Imeda A. Tsindeliani – PhD in Law, Associate Professor; Head, Department of Financial Law
Russian State University of Justice
69, Novocheremushkinskaya ul., Moscow, 117418, Russia

117418, Россия, г. Москва, ул. Новочеремуш-
ская, 69

E-mail: imeda_pravo@mail.ru

ORCID: 0000-0003-3975-2958

SPIN-код РИНЦ: 1875-9506; AuthorID: 629680

Садовская Татьяна Дмитриевна – кандидат
юридических наук, доцент, доцент кафедры
финансового права

*Российский государственный университет
правосудия*

117418, Россия, г. Москва, ул. Новочеремуш-
ская, 69

E-mail: std-tsu@yandex.ru

ORCID: 0000-0001-6628-3101

SPIN-код РИНЦ: 7573-5986; AuthorID: 690037

Васильева Евгения Григорьевна – кандидат юри-
дических наук, доцент, доцент кафедры админи-
стративного и финансового права

*Северо-Кавказский филиал Российского государ-
ственного университета правосудия*

350020, Россия, г. Краснодар, ул. Красных парти-
зан, 234

E-mail: vasilyeva_e80@mail.ru

ORCID: 0000-0002-0461-921X

SPIN-код РИНЦ: 8697-0727; AuthorID: 225753

Попкова Жанна Георгиевна – кандидат юридиче-
ских наук, доцент, доцент кафедры государствен-
но-правовых дисциплин

*Приволжский филиал Российского государствен-
ного университета правосудия*

603022, Россия, г. Нижний Новгород, пр. Гагарина,
17А

E-mail: zhp75@mail.ru

ORCID: 0000-0003-2318-1126

SPIN-код РИНЦ: 7997-8460; AuthorID: 735312

E-mail: imeda_pravo@mail.ru

ORCID: 0000-0003-3975-2958

RSCI SPIN-code: 1875-9506; AuthorID: 629680

Tatyana D. Sadovskaya – PhD in Law, Associate
Professor; Associate Professor, Department
of Financial Law

Russian State University of Justice

69, Novocheremushkinskaya ul., Moscow, 117418,
Russia

E-mail: std-tsu@yandex.ru

ORCID: 0000-0001-6628-3101

RSCI SPIN-code: 7573-5986; AuthorID: 690037

Evgeniya G. Vasilyeva – PhD in Law, Associate
Professor; Associate Professor, Department
of Administrative and Financial Law

*North Caucasus Branch of the Russian State University
of Justice*

234, Krasnykh Partizan ul., Krasnodar, 350020, Russia

E-mail: vasilyeva_e80@mail.ru

ORCID: 0000-0002-0461-921X

RSCI SPIN-code: 8697-0727; AuthorID: 225753

Zhanna G. Popkova – PhD in Law, Associate Professor;
Associate Professor, Department of State and Legal
Disciplines

*Volga Branch of the Russian State University
of Justice*

17A, Gagarina pr., Nizhny Novgorod, 603022, Russia

E-mail: zhp75@mail.ru

ORCID: 0000-0003-2318-1126

RSCI SPIN-code: 7997-8460; AuthorID: 735312

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Цинделиани И.А. Налогообложение в процедурах
несостоятельности (банкротства) юридических лиц
/ И.А. Цинделиани, Т.Д. Садовская, Е.Г. Васильева,
Ж.Г. Попкова // Правоприменение. – 2024. – Т. 8,
№ 3. – С. 72–81. – DOI: 10.52468/2542-1514.2024.
8(3).72-81.

BIBLIOGRAPHIC DESCRIPTION

Tsindeliani I.A., Sadovskaya T.D., Vasilyeva E.G.,
Popkova Zh.G. Taxation in insolvency (bankruptcy)
procedures of legal entities. *Pravoprimeneniye = Law
Enforcement Review*, 2024, vol. 8, no. 3, pp. 72–81.
DOI: 10.52468/2542-1514.2024.8(3).72-81. (In Russ.).

РИСКИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ*

М.А. Липчанская^{1,3}, С.Е. Чаннов², А.Ю. Чурикова^{2,3}

¹ Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, г. Москва, Россия

² Саратовская государственная юридическая академия, г. Саратов, Россия

³ Государственный университет управления, г. Москва, Россия

Информация о статье

Дата поступления –

15 мая 2024 г.

Дата принятия в печать –

20 июня 2024 г.

Дата онлайн-размещения –

20 сентября 2024 г.

Начиная с мая 2024 г. цифровой трансформации муниципального управления уделяется особое внимание в связи с признанием ее в качестве национальной цели развития России. Авторами проанализированы особенности использования цифровых технологий в деятельности органов местного самоуправления, сформулировано понятие риска в данной коннотации, выявлены основные риски внедрения цифровых технологий в деятельность органов местного самоуправления и предложены меры по их минимизации.

Ключевые слова

Цифровая трансформация, местное самоуправление, риски цифровизации, управление рисками, информационные технологии

RISKS OF USING DIGITAL TECHNOLOGIES IN THE ACTIVITIES OF LOCAL GOVERNMENT BODIES**

Maria A. Lipchanskaya^{1,3}, Sergey E. Channov², Anna Yu. Churikova^{2,3}

¹ Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, Moscow, Russia

² Saratov State Law Academy, Saratov, Russia

³ State University of Management, Moscow, Russia

Article info

Received –

2024 May 15

Accepted –

2024 June 20

Available online –

2024 September 20

The subject. The article analyzes the existing practice of implementation and use of digital technologies at the municipal level. The choice of the research object is conditioned by the fact that currently most acts in the field of digitalization of public authority affect the federal or regional level, meanwhile, the digital transformation of local self-government has its own specificity, due to the peculiarities of this level of social management, which should be taken into account in the legal regulation.

The purpose of the study: identify the risks that have a negative impact on the process of digital transformation of local governance, and propose measures to minimize or eliminate the identified risks by legal means.

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-01252, <https://rscf.ru/project/23-28-01252/> «Трансформация института местного самоуправления в Российской Федерации в условиях развития современных цифровых технологий: правовые аспекты», финансирование осуществляется через организацию ФГБОУ ВО «Государственный университет управления».

** The research was carried out at the expense of the grant of the Russian Science Foundation No. 23-28-01252, <https://rscf.ru/project/23-28-01252/>, “Transformation of the institution of local self-government in the Russian Federation in the context of the development of modern digital technologies: legal aspects”, financing is carried out through the organization of State University of Management.

Keywords

Digital transformation, local self-government, digitalization risks, risk management, information technology

Methodology. The research utilized integrated and interdisciplinary approaches. The methodological basis of the study was formed by a set of methods of cognition, the main of which were: methods of formal and dialectical logic and analysis, comparative-legal and system-structural methods, as well as sociological methods of research.

Conclusions. The following conclusions were made based on the results of the research:

1. The main risks of introducing digital technologies in the activities of local government are: the risk of violating the security and confidentiality of personal data of citizens during their processing and storage in the digital systems of local government; the risk of cyberattacks, hacking or unauthorized access to information systems operated by municipal authorities; the risk of insufficient legal regulation of the introduction and use of digital technologies; the risk of using inappropriate or low-quality digital technology.

2. The following measures are proposed as measures to minimize the identified risks: systematic mandatory informing of both local government officials and the public on the correct procedure and liability measures for the implementation and operation of digital technologies, transmission, storage and processing of personal data, etc., which will contribute to the formation of the necessary level of legal literacy; revision of the system of penalties for deliberate violations in the field of operation of digital technologies by local government officials; organize control over the acts adopted by local government bodies with the involvement of the population and the use of digital technologies to receive feedback from the population on the acts adopted by local government bodies; develop and consolidate the principles and procedures for the introduction and use of end-to-end digital technologies in the activities of state and municipal authorities; provide for the possibility of revising any decision made in case of a technical failure that occurred in the course of the decision-making process; provide for the use of digital technologies in the activities of state and municipal authorities; and provide for the use of digital technologies in the activities of local government bodies.

1. Введение

В связи с постоянным развитием цифровых технологий (далее – ЦТ) становится неизбежным их внедрение в деятельность органов местного самоуправления. Цифровая трансформация муниципального управления определена в качестве национальной цели развития России вплоть до 2036 г., при этом одним из целевых показателей является автоматизация муниципального управления, основанная на ускоренном внедрении «технологий обработки больших объемов данных, машинного обучения и искусственного интеллекта»¹, что свидетельствует не только о теоретической, но и практической значимости исследования вопросов, связанных с внедрением и использованием ЦТ в муниципальном управлении.

Различные аспекты применения ЦТ местными органами власти, в том числе в сфере муниципальных услуг, являются предметом исследований многих российских и зарубежных ученых. Активно обсуждаются вопросы, связанные с развитием технологий «умного города» и их правовым регулированием [1, с. 70–73; 2; 3, с. 470–474], проблемы обес-

печения технологического суверенитета, в том числе при определении «наилучших доступных технологий» [4, с. 146–152], правовое регулирование использования конкретных ЦТ [5], анализируются причины цифрового неравенства и меры по его устранению [6; 7, с. 32–39; 8], а также проблемы правового регулирования использования информационных систем в деятельности органов местного самоуправления [9, с. 56–59]. Дискуссионными являются вопросы об особенностях и влиянии цифровизации и цифровой трансформации на деятельность органов местного самоуправления [10, с. 93–100; 11, с. 51; 12, р. 758–764], которые активно обсуждаются также и в зарубежной научной литературе [13, р. 133–136; 14]. Ученые и практики неизменно подчеркивают важность исследования вопросов внедрения и использования ЦТ местными органами власти [15, с. 1840].

Безусловно, использование современных ЦТ предоставляет колоссальные позитивные возможности, но оно несет и риски, обнаружение и анализ которых являются ключевым условием полноценной реализации процесса цифровой трансфор-

¹ Указ Президента РФ от 7 мая 2024 г. № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до

2030 года и на перспективу до 2036 года» // Российская газета. 2024. 11 мая.

мации местного самоуправления. Понимание данных рисков позволит сформировать не только сбалансированное правовое регулирование, но и практические рекомендации по наиболее эффективному использованию ЦТ должностными лицами муниципальных органов власти. Важной частью исследования данных вопросов является анализ мнения практических работников о проблемах, с которыми они сталкиваются при внедрении и эксплуатации ЦТ.

В связи с этим **цель** настоящего исследования – выявить риски, оказывающие негативное воздействие на процесс цифровой трансформации местного управления, а также предложить меры по минимизации или устранению выявленных рисков правовыми средствами. Для достижения цели исследования необходимо решить следующие **задачи**: определить, что следует понимать под риском внедрения ЦТ в деятельность органов местного самоуправления; выявить, с какими основными проблемами сталкиваются правоприменители в процессе их внедрения и эксплуатации; проанализировать основные риски внедрения таких ЦТ.

Решение обозначенных исследовательских задач имеет существенное значение для определения уровня готовности местных органов власти к внедрению ЦТ в их деятельность и выработки рекомендаций по минимизации или устранению рисков.

2. Методология исследования

При проведении исследования использовались комплексный и междисциплинарный подходы. На основе применения методов формальной и диалектической логики было сформулировано понятие «риски внедрения цифровых технологий в деятельность органов местного самоуправления». Метод анализа и сравнительно-правовой метод позволили авторам охарактеризовать внедрение и использование ЦТ в деятельность местных органов власти, а затем, используя также системно-структурный метод, выделить и рассмотреть основные риски внедрения ЦТ в деятельность местного самоуправления.

Использование социологических методов исследования позволило учесть мнение правоприменителей относительно исследуемых вопросов. Авторами в период с сентября по ноябрь 2023 г. было проведено анкетирование служащих органов местного самоуправления на территории Саратовской области. Было получено 48 анкет (по одной от всех 37 муниципальных районов Саратовской области, а также 11 анкет от городского округа «город Саратов»). В анкету были включены блоки вопросов, ответы на которые позволяют выявить проблемы, с ко-

торыми сталкиваются практические работники при применении информационных технологий и систем в своей деятельности; оценить мнение служащих органов местного самоуправления по поводу возможностей использования технологий искусственного интеллекта (далее – ИИ) в их работе; узнать, используются ли в муниципальном образовании «сквозные» ЦТ.

3. Понятие риска внедрения цифровых технологий в деятельность органов местного самоуправления

Риски цифровизации и цифровой трансформации государственного и муниципального управления нередко рассматриваются учеными в социальных, экономических, технологических и правовых аспектах [16–18]. Однако ни в законодательстве, ни в научной литературе, ни в правоприменительной практике нет устоявшегося определения термина «риск внедрения цифровых технологий в деятельность органов местного самоуправления».

Как правило, в научных трудах под риском понимается опасность либо вероятность наступления негативных событий. Например, Ю.А. Тихомиров определяет риск как «вероятное наступление события и совершение действий, влекущих негативные последствия для реализации правового решения и могущих причинить ущерб регулируемой им сфере» [19, с. 31]. С.А. Агагомедова под риском понимает «модель неблагоприятного сценария реализации права» [20, с. 462]. Н.А. Колоколов считает риском «действие в условиях потенциальной опасности» [21, с. 47]. В сфере регулирования информационных технологий и информационной безопасности выделяют риск информационной безопасности, под которым понимается «сочетание вероятности нанесения ущерба путем преодоления системы защиты с использованием уязвимостей и тяжести этого ущерба» [22, с. 83].

Однако, встречается и позитивное определение риска как некоего действия наудачу, в надежде на счастливый исход, либо вероятности наступления как позитивных, так и негативных событий [23, с. 8–9]. Безусловно, определение риска во многом зависит от того, какой риск, риск в сфере какого вида деятельности мы рассматриваем, но при этом риск всё же всегда выступает как вероятность чего-либо.

Чаще всего риск всё же связывают с наступлением негативных последствий. Так, категория «риск» встречается и в судебной практике, где упоминается именно как вероятность наступления негативных событий, например в 2022 г. Тербунским районным судом Липецкой области принято несколько решений,

связанных с неоказанием муниципальных услуг населению в электронном виде. Судом на администрацию сельского поселения «Тербунский сельсовет» Тербунского муниципального района Липецкой области возложена обязанность разместить на региональном портале государственных и муниципальных услуг информацию о предоставлении муниципальных услуг в электронном виде, при этом в самих решениях суда указывалось, что оказание таких услуг направлено на «снижение коррупционных рисков»².

Также в решении Александровского районного суда Оренбургской области от 28 января 2020 г. по делу № 2А-560/2019, в котором рассматривался административный иск прокурора Александровского района Оренбургской области к администрации муниципального образования «Яфаровский сельсовет» Александровского района Оренбургской области, было указано, что бездействие этой администрации, «выразившееся в неосуществлении мероприятий в сфере обеспечения работы с персональными данными, создает риск их неправомерного использования, нарушения конфиденциальности и причинения вреда субъектам персональных данных»³. В данном случае категория «риск» также используется в контексте вероятности наступления негативных событий.

Выделение так называемых рисков нарушения чего-либо (негативные риски) необходимо для выявления возможных нарушений и своевременного на них реагирования. В свою очередь, выделение рисков, имеющих позитивные последствия (позитивные риски), необходимо для поддержания и стимулирования положительного эффекта от каких-либо действий. При этом и позитивные, и негативные риски связаны с вероятностью наступления какого-либо события.

Таким образом, риск внедрения и использования ЦТ в деятельность органов местного самоуправления – это всегда вероятность наступления события, которое может иметь как положительные, так и отрицательные последствия. То, какие следствия мы заложим в определение риска, будет составлять его существенную характеристику, а следовательно, и определять характер работы по управлению рисками.

В настоящем исследовании акцент сделан на негативных рисках как наиболее значимых для правоприменения.

В связи с этим под **негативными рисками внедрения цифровых технологий в деятельность органов местного самоуправления** следует понимать *вероятность наступления событий, следствием которых могут стать прямые или косвенные нарушения законодательства, ограничения прав личности, а также ограничение или невозможность использования цифровых технологий, возникающие в процессе внедрения и эксплуатации цифровых технологий в деятельности органов местного самоуправления*.

4. Основные проблемы использования цифровых технологий в деятельности муниципальных органов власти по мнению правоприменителей

Муниципальным служащим органов местного самоуправления Саратовской области и г. Саратова было предложено выразить свое мнение по поводу проблем, с которыми они сталкиваются при применении цифровых технологий и систем, при этом отметить можно было несколько предложенных вариантов. Так, в качестве основных проблем опрошенными выделяются: отсутствие необходимого оборудования – 58,3 %, нехватка квалифицированных кадров для проведения цифровой трансформации – 60,4 %, дублирование работы (приходится вручную «забивать» информацию в различные базы и системы, параллельно использовать бумажные носители) – 62,5 %, недостаточность разъяснений по порядку работы с информационными технологиями и системами – 56,3 %, нехватка информации / знаний по использованию ЦТ – 52 %, отсутствие правового регулирования – 50 %. Значительно меньшее число респондентов в качестве основных проблем использования ЦТ отмечают постоянные сбои в работе используемых информационных технологий и систем (29,2 %) и проблемы финансирования (25 %). Полученные данные позволяют выделить ключевые риски ЦТ местного управления.

Кроме того, было предложено дать ответ на вопросы об использовании в муниципальном образовании «сквозных» ЦТ в 2020 и в 2023 гг. Согласно полученным ответам, 66,6 % респондентов отметили использование в 2020 г. в их муниципальных образованиях технологии обработки больших данных и 47,9 % – программ ИИ, в то время как только 25 % респондентов отметили использование в 2023 г. в их

² Решение по делу № 2-376/2022 от 21 октября 2022 г. URL: <https://судебныерешения.рф/70268344> (дата обращения: 15.02.2024); Решение по делу № 2-370/2022 от 21 октября

2022 г. URL: <https://судебныерешения.рф/70268446> (дата обращения: 15.02.2024).

³ URL: <https://sudact.ru/regular/doc/UxGQzow7Jk5t/> (дата обращения: 10.03.2024).

муниципальных образованиях технологии *big data* и 16,6 % – ИИ. Таким образом, по сравнению с 2020 г. данные показатели существенно снизились, что может свидетельствовать о замедлении процессов цифровой трансформации местных органов власти.

Полученные данные свидетельствуют о необходимости разработки мер правового стимулирования процесса цифровой трансформации муниципального управления. Такими мерами могут стать качественное правовое регулирование порядка применения «сквозных» ЦТ, в том числе и местными органами власти. В настоящее время действия в условиях недостаточного правового регулирования технологий ИИ, обработки больших данных, а также облачных решений приводят к различным претензиям со стороны населения, а также органов прокуратуры. В связи с этим органы местного самоуправления минимизируют применение данных технологий в своей деятельности.

5. Основные риски внедрения цифровых технологий в деятельность органов местного самоуправления и меры по их минимизации

Внедрение ЦТ в деятельность органов местного самоуправления сопряжено с возникновением новых, специфических рисков. Анализ правоприменительной практики и научной литературы позволил выделить следующие ключевые риски использования ЦТ в деятельности органов местного самоуправления:

- *Риск нарушения конфиденциальности персональных данных при их обработке и хранении в информационных системах органов местного самоуправления.* Дж. Сартор, анализируя соблюдение прав человека при использовании информационных технологий, обращает внимание на риски неправомерного использования персональных данных [24]. Такая проблема нередко встречается в правоприменительной практике. Так, в ранее упоминавшемся решении Александровского районного суда Оренбургской области от 28 января 2020 г. по делу № 2А-560/2019 административный иск был подан прокурором как раз в связи с нарушением администра-

цией муниципального образования требований законодательства по работе с персональными данными (неопубликование на официальном сайте в сети «Интернет» документов, предусмотренных пп. «б» п. 1 Перечня мер, направленных на обеспечение выполнения обязанностей, предусмотренных Федеральным законом «О персональных данных»⁴). Минимизации данного риска может способствовать осуществление комплекса мер правового, технического и организационного характера.

- *Риск кибератак, взлома или несанкционированного доступа к информационным системам, эксплуатируемым муниципальными органами власти.* Может привести к утечке данных, блокировке работы систем, нарушению целостности данных и в результате нанести ущерб гражданам и органам власти. Только в Санкт-Петербурге по итогам первого квартала 2024 г. зафиксировано свыше 6500 кибератак⁵, что свидетельствует о высоком уровне потенциальной опасности взлома информационных систем. Также имеется риск возможности манипулирования цифровыми данными, что может привести к искажению информации, а также к фальсификации результатов муниципальных услуг.

- *Риск недостаточного правового регулирования внедрения и использования ЦТ.* Может привести к неопределенности в процессе правоприменения. В настоящее время органы местного самоуправления активно внедряют и используют технологии ИИ и обработки больших данных в своей деятельности. Зачастую применение данных технологий сопряжено с ограничением прав личности. Например, технология распознавания лиц, используемая в «умном городе», ограничивает право на тайну частной жизни. Несмотря на то, что ст. 11 Федерального закона от 27 июля 2006 г. № 52-ФЗ «О персональных данных»⁶ ограничивает возможность применения биометрических персональных данных лица, эти сведения на практике повсеместно используются системами ИИ. Вопросы использования персональных данных лиц при эксплуатации систем ИИ и технологий обработки больших данных до настоящего времени не урегули-

⁴ Постановление Правительства РФ от 21 марта 2012 г. № 211 (ред. от 15 апреля 2019) «Об утверждении перечня мер, направленных на обеспечение выполнения обязанностей, предусмотренных Федеральным законом “О персональных данных” и принятыми в соответствии с ним нормативными правовыми актами, операторами, являющимися государственными или муниципальными органами» // Российская газета. 2012. 30 марта.

⁵ Гришков А. Свыше 6500 кибератак зафиксировали в Петербурге по итогам I квартала // Ведомости. Северо-Запад. 2024. 4 апр. URL: <https://spb.vedomosti.ru/technology/articles/2024/04/03/1029736-svishe-6500-kiberatak-zafiksirovali-v-peterburge-po-itogam-i-kvartala> (дата обращения: 07.04.2024).

⁶ Собрание законодательства Российской Федерации. 2006. № 17. Ст. 1781.

рованы, что способствует, с одной стороны, ограничению прав граждан, а с другой – неоднородной практике правоприменения.

- *Риск использования неподходящего или некачественного технического или программного обеспечения, что может привести к сбоям в работе систем или их непригодности к потребностям.* Как правило, такой риск возникает в связи с проблемой недостаточного финансирования органов местного самоуправления. Связанным с данным риском будет риск ограничения доступа граждан к цифровым услугам из-за технических проблем, отсутствия доступа к цифровым устройствам или недоступности высокоскоростного интернета. Кроме того, использование неподходящих ЦТ влечет за собой угрозу недобросовестного использования этих технологий некоторыми лицами. Данный риск должен учитываться при выстраивании механизма правового регулирования использования цифровых технологий при принятии решений. В частности, необходимо предусмотреть возможность пересмотра любого принятого решения при обнаружении технического сбоя, имевшего место в процессе его принятия.

- *Риск недостаточного уровня профессиональной компетентности по использованию цифровых технологий и правовым аспектам их применения.* Проблема отсутствия кадров, обладающих цифровыми компетенциями, как видно из представленных выше результатов социологического исследования, является довольно острой. В настоящее время уже приняты меры, в том числе правового характера, направленные на его устранение. Так, в Указе Президента РФ от 7 мая 2024 г. № 309 в рамках цифровой трансформации муниципального управления предусмотрено формирование системы подбора, развития и ротации кадров.

6. Заключение

Проведенное исследование позволяет сделать следующие основные выводы и предложения:

1. Риск внедрения и использования ЦТ в деятельность органов местного самоуправления – это всегда вероятность наступления события, которое может иметь как положительные, так и отрицательные последствия. То, какие следствия заложены в определение риска, будет составлять его сущностную характеристику, а следовательно, и определять характер работы по управлению рисками. Под негативными рисками внедрения ЦТ в деятельность ор-

ганов местного самоуправления следует понимать вероятность наступления событий, следствием которых могут стать прямые или косвенные нарушения законодательства, ограничения прав личности, а также ограничение или невозможность использования ЦТ. Предлагаем нормативно закрепить данное определение в Федеральном законе от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»⁷, что будет способствовать формированию в дальнейшем риск-ориентированного подхода к применению ЦТ органами местного самоуправления.

2. Выявлено замедление процессов цифровой трансформации местных органов власти, снижение темпов внедрения технологий ИИ и обработки больших данных в деятельность органов местного самоуправления. Применение в условиях недостаточного правового регулирования технологий ИИ и больших данных приводит к возможным претензиям со стороны населения и органов прокуратуры. В связи с этим органы местного самоуправления минимизируют применение данных технологий в своей деятельности. Требуется принятие мер правового стимулирования цифровой трансформации муниципального управления. Требуется разработка правового регулирования порядка применения «сквозных» ЦТ, в том числе на муниципальном уровне, что будет способствовать большей правовой определенности в этой сфере. Закрепление базовых принципов использования «сквозных» ЦТ органами власти в настоящее время можно осуществить в процессе приведения актов правового регулирования в соответствие с Указом Президента РФ от 7 мая 2024 г. № 309, которое должно быть завершено в 2024 г.

3. В качестве основных рисков внедрения ЦТ в деятельность органов местного самоуправления выделены риск нарушения безопасности и конфиденциальности персональных данных граждан при их обработке и хранении в цифровых системах местного самоуправления; риск кибератак, взлома или несанкционированного доступа к информационным системам, эксплуатируемым муниципальными органами власти; риск недостаточного правового регулирования внедрения и использования ЦТ; риск использования неподходящих или некачественных ЦТ, риск ограничения доступа граждан к цифровым услугам из-за технических проблем, отсутствия доступа к цифровым устройствам или недоступности

⁷ Собрание законодательства Российской Федерации. 2006. № 31 (ч. 1). Ст. 3448.

высокоскоростного интернета, ошибки в работе информационных систем; риск недостаточного уровня профессиональной компетентности по использованию ЦТ и правовым аспектам их применения.

4. В качестве мер по минимизации выявленных рисков предлагается: систематическое обязательное информирование как служащих органов местного самоуправления, так и населения о правильном порядке действий и мерах ответственности по внедрению и эксплуатации ЦТ, передаче, хране-

нию и обработке персональных данных и т. д.; пересмотр системы наказаний за допускаемые умышленные нарушения в сфере эксплуатации служащими органов местного самоуправления ЦТ; разработка и закрепление принципов и порядка внедрения и использования сквозных ЦТ в деятельность государственных и муниципальных органов власти; нормативное закрепление возможности пересмотра любого принятого решения при обнаружении технического сбоя, имевшего место в процессе его принятия.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ларичев А. А. Правовое регулирование технологий «умного города» в контексте решения вопросов местного значения на городских территориях / А. А. Ларичев, О. А. Кожевников, К. И. Корсун // *Право. Журнал Высшей школы экономики*. – 2023. – № 3. – С. 56–77. – DOI: 10.17323/2072-8166.2023.3.56.77.
2. «Умный город» XXI века: возможности и риски smart-технологий в городском ребрендинге / под ред. проф. И. А. Василенко. – М. : Международные отношения, 2018. – 256 с.
3. Костина Е. А. Барьеры использования сервисов обратной связи на муниципальном уровне / Е. А. Костина, А. В. Костин // *Журнал Сибирского федерального университета. Гуманитарные науки*. – 2023. – Т. 16, № 3. – С. 468–480.
4. Минбалеев А. В. Наилучшие доступные технологии и их использование для технологического развития / А. В. Минбалеев, М. А. Берестнев, К. С. Евсиков // *Известия Тульского государственного университета. Науки о Земле*. – 2024. – № 1. – С. 144–161.
5. Ali O. The role of government regulations in the adoption of cloud computing: A case study of local government / O. Ali, V. Osmanaj // *Computer Law & Security Review*. – 2020. – Vol. 36. – Art. 105396. – DOI: 10.1016/j.clsr.2020.105396.
6. Сафиуллин Н. А. Анализ причин цифрового разрыва между городским и сельским населением России / Н. А. Сафиуллин, С. В. Куksин // *Вестник Воронежского государственного аграрного университета*. – 2022. – Т. 15, № 3. – С. 163–172. – DOI: 10.53914/issn2071-2243_2022_3_163.
7. Курило А. Е. Цифровизация муниципального управления в регионах европейского севера России / А. Е. Курило, Е. А. Прокопьев, Г. Т. Шкиперова // *Север и рынок: формирование экономического порядка*. – 2019. – № 3 (65). – С. 30–42. – DOI: 10.25702/KSC.2220-802X.2019.65.3.30-42.
8. Липчанская М. А. Цифровое неравенство в системе местного самоуправления: понятие, критерии, пути преодоления / М. А. Липчанская // *Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Экономика. Управление. Право*. – 2024. – № 1. – С. 52–58. – DOI: 10.18500/1994-2540-2024-24-1-52-58.
9. Чаннов С. Е. Муниципальные информационные системы: разграничение полномочий по правовому регулированию / С. Е. Чаннов // *Конституционное и муниципальное право*. – 2024. – № 1. – С. 54–60. – DOI: 10.18572/1812-3767-2024-1-54-60.
10. Черкасов А. И. Цифровизация местного управления и ее особенности в европейских странах / А. И. Черкасов // *Сравнительное конституционное обозрение*. – 2024. – Т. 33, № 1. – С. 90–109.
11. Морозова О. Ю. Цифровые технологии: практика региона / О. Ю. Морозова // *Стандарты и качество*. – 2020. – № 10. – С. 51–53.
12. Amelin R. The digital transformation of local government: notion and peculiarities / R. Amelin, S. Channov, A. Churikova, M. Lipchanskaya, A. Shindia, A. Sinitsa // *Revista Juridica: Journal of Law Studies*. – 2023. – Vol. 2, no. 74. – P. 751–766.
13. Bousdekis A. Digital transformation of local government: A case study from Greece / A. Bousdekis, D. Kardaras // *2020 IEEE 22nd Conference on Business Informatics (CBI)*. – IEEE, 2020. – Vol. 2. – P. 131–140. – DOI: 10.1109/CBI49978.2020.10070.

14. Palos-Sánchez P. R. Digital Transformation and Local Government Response to the COVID-19 Pandemic: An Assessment of Its Impact on the Sustainable Development Goals / P. R. Palos-Sánchez, P. Baena-Luna, M. García-Ordaz, F. J. Martínez-López // *Sage Open*. – 2023. – Vol. 13, iss. 2. – DOI: 10.1177/21582440231167343.
15. Солопова Н. А. Анализ применения цифровых технологий в государственном и муниципальном управлении / Н. А. Солопова, Ж. В. Селезнева // *Вестник МГСУ*. – 2023. – Т. 18, № 11. – С. 1836–1845. – DOI: 10.22227/1997-0935.2023.11.1836-1845.
16. Зубарев С. М. Правовые риски цифровизации государственного управления / С. М. Зубарев // *Актуальные проблемы российского права*. – 2020. – № 6 (115). – С. 23–32. – DOI: 10.17803/1994-1471.2020.115.6.023-032.
17. Кипервар Е. А. Цифровое государственное управление: вероятные риски и новые возможности / Е. А. Кипервар, Е. В. Мамай, М. С. Мизя // *Креативная экономика*. – 2020. – Т. 14, № 10. – С. 2223–2242. – DOI: 10.18334/ce.14.10.110882.
18. Симонова С. В. Кто управляет умными городами, или Муниципально-правовые риски цифровизации городского хозяйства / С. В. Симонова // *Муниципальное имущество: экономика, право, управление*. – 2020. – № 4. – С. 3–8.
19. Тихомиров Ю. А. Право: прогнозы и риски : моногр. / Ю. А. Тихомиров. – М. : Ин-т законодательства и сравнит. правоведения при Правительстве Рос. Федерации : ИНФРА-М, 2015. – 240 с. – DOI: 10.22227/1997-0935.2023.11.1836-1845.
20. Агамагомедова С. А. Риск-ориентированный подход при осуществлении контрольно-надзорной деятельности: теоретическое обоснование и проблемы применения / С. А. Агамагомедова // *Сибирское юридическое обозрение*. – 2021. – Т. 18, № 4. – С. 460–470. – DOI: 10.19073/2658-7602-2021-18-4-460-470.
21. Колоколов Н. А. Риск в принятии процессуального решения в уголовном судопроизводстве / Н. А. Колоколов // *Юридическая техника*. – 2019. – № 13. – С. 47–58.
22. Мазов Н. А. Классификация рисков информационной безопасности / Н. А. Мазов, А. В. Ревнивых, А. М. Федотов // *Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Информационные технологии*. – 2011. – Т. 9, № 2. – С. 80–89.
23. Панягина А. Е. Подходы к пониманию и классификации рисков / А. Е. Панягина // *Современная экономика: проблемы, тенденции, перспективы*. – 2012. – № 6. – Ст. 6.
24. Sartor G. Human Rights and Information Technologies / G. Sartor // *The Oxford Handbook of Law, Regulation and Technology* / eds. R. Brownsword, E. Scotford, K. Yeung. – Oxford University Press, 2016. – P. 424–450. – DOI: 10.1093/oxfordhb/9780199680832.013.79.

REFERENCES

1. Larichev A., Kozhevnikov O., Korsun K. Legal Regulation of Smart City Technologies in Solving Local Issues in Urban Areas. *Pravo. Zhurnal Vysshei shkoly ekonomiki = Law Journal of the Higher School of Economics*, 2023, no. 3, pp. 56–77. DOI: 10.17323/2072-8166.2023.3.56.77. (In Russ.).
2. Vasilenko I.A. (ed.). *“Smart city” of the 21st century: opportunities and risks of smart technologies in urban rebranding*. Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniya Publ., 2018. 256 p. (In Russ.).
3. Kostina E.A., Kostin A.V. The Barriers of Using the City Government Feedback Platforms. *Zhurnal Sibirskogo federal'nogo universiteta. Gumanitarnye nauki = Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences*, 2023, vol. 16, no. 3, pp. 468–480. (In Russ.).
4. Minbaleev A.V., Berestnev M.A., Evsikov K.S. The best available technologies and their use for technological development. *Izvestiya Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Nauki o Zemle = News of the Tula State University. Sciences of Earth*, 2024, no. 1, pp. 144–161. (In Russ.).
5. Ali O., Osmanaj V. The role of government regulations in the adoption of cloud computing: A case study of local government. *Computer Law & Security Review*, 2020, vol. 36, art. 105396. DOI: 10.1016/j.clsr.2020.105396.
6. Safiullin N.A., Kuksin S.V. Investigation into the causes of the digital divide between urban and rural population of Russia. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo agrarnogo universiteta = Vestnik of Voronezh State Agrarian University*, 2022, vol. 15, no. 3, pp. 163–172. DOI: 10.53914/issn2071-2243_2022_3_163. (In Russ.).

7. Kurilo A.E., Prokopiev E.A., Shkiperova G.T. Digitalization of municipal management in the regions of the Russian European North. *Sever i rynek: formirovanie ekonomicheskogo poryadka*, 2019, no. 3 (65), pp. 30–42. DOI: 10.25702/KSC.2220-802X.2019.65.3.30-42. (In Russ.).
8. Lipchanskaya M.A. Digital divide in the local government system: Concept, criteria, ways to overcome it. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya: Ekonomika. Upravlenie. Pravo = Izvestiya of Saratov University. Economics. Management. Law*, 2024, no. 1, pp. 52–58. DOI: 10.18500/1994-2540-2024-24-1-52-58. (In Russ.).
9. Channov S.E. Municipal information systems: demarcation of legal regulation powers. *Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo = Constitutional and Municipal Law*, 2024, no. 1, pp. 54–60. DOI: 10.18572/1812-3767-2024-1-54-60. (In Russ.).
10. Cherkasov A. Digitalization of local government and its features in European countries. *Sravnitel'noe konstitutsionnoe obozrenie = Comparative Constitutional Review*, 2024, vol. 33, no. 1, pp. 90–109. (In Russ.).
11. Morozova O. Digital technologies: the experience of a region. *Standarty i kachestvo = Standards and Quality*, 2020, no. 10, pp. 51–53. (In Russ.).
12. Amelin R., Channov S., Churikova A., Lipchanskaya M., Shindia A., Sinitsa A. The digital transformation of local government: notion and peculiarities. *Revista Juridica: Journal of Law Studies*, 2023, vol. 2, no. 74, pp. 751–766.
13. Bousdekis A., Kardaras D. Digital transformation of local government: A case study from Greece, in: *2020 IEEE 22nd Conference on Business Informatics (CBI)*, IEEE Publ., 2020, vol. 2, pp. 131–140. DOI: 10.1109/CBI49978.2020.10070.
14. Palos-Sánchez P.R., Baena-Luna P., García-Ordaz M., Martínez-López F.J. Digital Transformation and Local Government Response to the COVID-19 Pandemic: An Assessment of Its Impact on the Sustainable Development Goals. *Sage Open*, 2023, vol. 13, iss. 2. DOI: 10.1177/21582440231167343.
15. Solopova N.A., Selezneva Zh.V. Analysis of the use of digital technologies in state and municipal government. *Vestnik MGSU*, 2023, vol. 18, no. 11, pp. 1836–1845. DOI: 10.22227/1997-0935.2023.11.1836-1845. (In Russ.).
16. Zubarev S.M. Legal Risks of Digitalization of Public Administration. *Aktual'nye problemy rossiiskogo prava = Actual Problems of Russian Law*, 2020, vol. 15, no. 6, pp. 23–32. DOI: 10.17803/1994-1471.2020.115.6.023-032. (In Russ.).
17. Kipervar E.A., Mamay E.V., Mizya M.S. Digital public administration: potential risks and new opportunities. *Kreativnaya ekonomika = Journal of Creative Economy*, 2020, vol. 14, no. 10, pp. 2223–2242. DOI: 10.18334/ce.14.10.110882. (In Russ.).
18. Simonova S.V. Who governs smart cities or Municipal law risks of digitalization of urban infrastructure. *Munitsipal'noe imushchestvo: ekonomika, pravo, upravlenie = Municipal property: economics, law, management*, 2020, no. 4, pp. 3–8. (In Russ.).
19. Tikhomirov Yu.A. *Law: forecasts and risks*, Monograph. Moscow, Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation Publ., INFRA-M Publ., 2015. 240 p. DOI: 10.22227/1997-0935.2023.11.1836-1845. (In Russ.).
20. Agamagomedova S.A. Risk-Oriented Approach in the Implementation of Control and Supervision Activities: Theoretical Justification and Problems of Application. *Sibirskoe yuridicheskoe obozrenie = Siberian Law Review*, 2021, vol. 18, no. 4, pp. 460–470. DOI: 10.19073/2658-7602-2021-18-4-460-470. (In Russ.).
21. Kolokolov N.A. Risk in making a procedural decision in criminal proceedings. *Yuridicheskaya tekhnika*, 2019, no. 13, pp. 47–58. (In Russ.).
22. Mazov N.A., Revnivykh A.V., Fedotov A.M. Analysis of information security risks. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Informatsionnye tekhnologii = Vestnik Novosibirsk state university. Series: Information technologies*, 2011, vol. 9, no. 2, pp. 80–89. (In Russ.).
23. Panyagina A.E. Approaches to understanding and classification of risks. *Sovremennaya ekonomika: problemy, tendentsii, perspektivy*, 2012, no. 6, art. 6. (In Russ.).
24. Sartor G. Human Rights and Information Technologies, in: Brownsword R., Scotford E., Yeung K. (eds.). *The Oxford Handbook of Law, Regulation and Technology*, Oxford University Press, 2016, pp. 424–450. DOI: 10.1093/oxfordhb/9780199680832.013.79.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Липчанская Мария Александровна – доктор юридических наук, профессор, ¹профессор кафедры государственно-правовых дисциплин ИГСУ, ²и. о. заведующего кафедрой публичного права и правового обеспечения управления

¹ *Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации*

² *Государственный университет управления*

¹ 119602, Россия, г. Москва, пр. Вернадского, 82

² 109542, Россия, г. Москва, Рязанский пр., 99

E-mail: lipchan_maria@mail.ru

ORCID: 0000-0002-4410-0578

ResearcherID: ABC-6179-2020

Scopus AuthorID: 57218912583

SPIN-код РИНЦ: 9665-2557; AuthorID: 360796

Чаннов Сергей Евгеньевич – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой информационного права и цифровых технологий Саратовская государственная юридическая академия

410056, Россия, г. Саратов, ул. Вольская, 1

E-mail: sergeychannov@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-3342-7487

ResearcherID: V-6420-2018

Scopus AuthorID: 57192375633

SPIN-код РИНЦ: 2180-5861; AuthorID: 470788

Чурикова Анна Юрьевна – кандидат юридических наук, доцент, ¹доцент кафедры информационного права и цифровых технологий, ²ведущий научный сотрудник

¹ *Саратовская государственная юридическая академия*

² *Государственный университет управления*

¹ 410056, Россия, г. Саратов, ул. Вольская, 1

² 109542, Россия, г. Москва, Рязанский пр., 99

E-mail: a_tschurikova@bk.ru

ORCID: 0000-0003-0299-622X

ResearcherID: AAV-8381-2020

SPIN-код РИНЦ: 9809-3156; AuthorID: 713265

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Липчанская М.А. Риски использования цифровых технологий в деятельности органов местного самоуправления / М.А. Липчанская, С.Е. Чаннов, А.Ю. Чурикова // Правоприменение. – 2024. – Т. 8, № 3. – С. 82–91. – DOI: 10.52468/2542-1514.2024.8(3).82-91.

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Maria A. Lipchanskaya – Doctor of Law, Professor;

¹Professor, Department of State Legal Disciplines of Institute of Public Service and Management; ²Acting Head, Department of Public Law and Legal Support of Management

¹ *Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation*

² *State University of Management*

¹ 82, Vernadskogo pr., Moscow, 119602, Russia

² 99, Ryazanskii pr., Moscow, 109542, Russia

E-mail: lipchan_maria@mail.ru

ORCID: 0000-0002-4410-0578

ResearcherID: ABC-6179-2020

Scopus AuthorID: 57218912583

RSCI SPIN-code: 9665-2557; AuthorID: 360796

Sergey E. Channov – Doctor of Law, Professor; Head, Department of Information Law and Digital Technologies

Saratov State Law Academy

1, Vol'skaya ul., Saratov, 410056, Russia

E-mail: sergeychannov@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-3342-7487

ResearcherID: V-6420-2018

Scopus AuthorID: 57192375633

RSCI SPIN-code: 2180-5861; AuthorID: 470788

Anna Yu. Churikova – PhD in Law, Associate Professor; Associate Professor, Department of Information Law and Digital Technologies; ²leading researcher

¹ *Saratov State Law Academy*

² *State University of Management*

¹ 1, Vol'skaya ul., Saratov, 410056, Russia

² 99, Ryazanskii pr., Moscow, 109542, Russia

E-mail: a_tschurikova@bk.ru

ORCID: 0000-0003-0299-622X

ResearcherID: AAV-8381-2020

RSCI SPIN-code: 9809-3156; AuthorID: 713265

BIBLIOGRAPHIC DESCRIPTION

Lipchanskaya M.A., Channov S.E., Churikova A.Yu. Risks of using digital technologies in the activities of local government bodies. *Pravoprimeneniye = Law Enforcement Review*, 2024, vol. 8, no. 3, pp. 82–91. DOI: 10.52468/2542-1514.2024.8(3).82-91. (In Russ.).

ВЛИЯНИЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА О ГОСУДАРСТВЕННОМ КОНТРОЛЕ (НАДЗОРЕ) НА ПРАКТИКУ ПРИМЕНЕНИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ОБ АДМИНИСТРАТИВНЫХ ПРАВОНАРУШЕНИЯХ*

Е.А. Дмитрикова

Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, Россия

Информация о статье

Дата поступления –
17 апреля 2024 г.
Дата принятия в печать –
20 июня 2024 г.
Дата онлайн-размещения –
20 сентября 2024 г.

Исследуется влияние реформы контрольно-надзорной деятельности на развитие законодательства об административных правонарушениях и практику его применения. На основе анализа судебной практики выявлены различия, которые обусловлены сложной системой законодательства о контроле (надзоре). Применительно к выводам приводятся положения доктрины административного права, которые могут быть использованы для гармонизации рассматриваемых сфер законодательства и системного толкования.

Ключевые слова

Контроль, надзор,
«регуляторная гильотина»,
административная
ответственность,
обязательные требования

THE INFLUENCE OF LEGISLATION ON STATE CONTROL (SUPERVISION) ON THE PRACTICE OF APPLYING LEGISLATION ON ADMINISTRATIVE OFFENSES**

Ekaterina A. Dmitrikova

St. Petersburg University, St. Petersburg, Russia

Article info

Received –
2024 April 17
Accepted –
2024 June 20
Available online –
2024 September 20

Keywords

Control, supervision, “regulatory
guillotine”, administrative
responsibility, requirements

Subject. The article analyzes the current practice of applying legislation in the field of administrative responsibility, which is the result of changes in legislation in the field of state control (supervision). The choice of the research object is due to the need for systematic application of legislation in the areas of legal regulation under consideration, as well as the need to ensure uniformity in the practice of applying the Code of Administrative Offenses, which is due to the principle of equality before the law.

The purpose of the study. The article presents an analysis of current problems faced by courts. The results of the analysis of judicial practice and scientific approaches to solving the problems discussed in the article are presented.

Methodology. In the course of the work, the researcher was guided by a systematic way of interpreting current legal norms, as well as existing Russian scientific research in this area.

Conclusions. Based on the results of the study, norms were identified in the application of which uniformity was not ensured. In order to harmonize the legislation on state control (supervision) and the legislation on administrative offenses, it is proposed to take into account the scientific approaches that have emerged in the science of administrative law.

1. Введение

Принятие федеральных законов от 31 июля 2020 г. № 247-ФЗ «Об обязательных требованиях в Российской Федерации» (далее – Закон № 247-ФЗ) и

№ 248-ФЗ «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации» (далее – Закон № 248-ФЗ) связано с реализацией реформы государственного контроля и надзора в Рос-

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-01756, <https://rscf.ru/project/23-28-01756/>.

** The research was supported by RSF, project No. 23-28-01756.

сии. Следует отметить, что это не первый опыт изменения законодательства в сфере контрольной (надзорной) деятельности¹. Тем не менее современный этап реформы отличает ряд моментов, которые имеют значение для настоящего исследования. Во-первых, реализован новый подход к организации и осуществлению контрольной (надзорной) деятельности – достигнут приоритет профилактики нарушений обязательных требований по отношению к проведению контрольных (надзорных) мероприятий². Во-вторых, практика применения законодательства в сфере контрольно-надзорной деятельности³ формируется с учетом особенностей организации и осуществления государственного контроля (надзора), муниципального контроля, в том числе действия моратория. В-третьих, исходя из ориентиров реформы контрольно-надзорной деятельности, в законодательство об административных правонарушениях внесены изменения, которые скорректировали правила назначения административного наказания и порядок производства по делам об административных правонарушениях. Последнее актуализировало проблему гармонизации законодательства о контрольно-надзорной деятельности и законодательства об административных правонарушениях. Дискуссия о соотношении регулирования в указанных сферах не является новой проблематикой для научных исследований [2, с. 370–389; 3, с. 428; 4–7]. По большей части в качестве критериев соотношения выступают: классификация мер принуждения [8; 9, с. 324–329], анализ конституционных основ разграничения [10] и правоприменительной практики [11], последствия недействительности результатов проверки [12, с. 57–58].

Обращает на себя внимание дисбаланс в количестве норм, установленных за последние два года в Кодексе РФ об административных правонарушениях (далее – КоАП РФ, кодекс) и определивших необходимость учета законодательства о контрольно-надзорной деятельности при применении кодекса⁴, в соотношении с нормами Закона № 248-ФЗ. Последний содержит единичные упоминания законодательства об административных правонарушениях: применительно к оценке результативности и эффективности деятельности контрольных (надзорных) органов, последствиям выявления нарушения в рамках мониторинговой закупки, порядку проведения документарной проверки. Отдельно отметим две статьи Закона № 248-ФЗ, которые важны для правоприменения: ч. 3 ст. 1 исключает производство по делам об административных правонарушениях из сферы применения Закона № 248-ФЗ; ч. 3 и 4 ст. 90 регламентируют вопросы, связанные с принятием решений в случае выявления нарушений обязательных требований. Вопросы применения указанных норм в системе действующего законодательства актуальны так же, как и ранее аналогичные положения Федерального закона от 26 декабря 2008 г. № 294-ФЗ «О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля» (далее – Закон № 294-ФЗ) [12–14].

В свою очередь, анализ редакций КоАП РФ позволяет сделать вывод об усилении влияния законодательства в сфере контрольно-надзорной деятельности. Наряду с нормами кодекса, устанавливающими условия допустимости доказательств и составы правонарушений, квалификация которых предпола-

¹ Необходимость новых подходов в работе контрольных (надзорных) органов обозначена Президентом РФ в послании Федеральному Собранию РФ в 2014 г., см.: Российская газета. 2014. № 278. См. также: [1].

² В 2022 г. впервые количество профилактических визитов превысило число проверок, см.: Сводный доклад о государственном контроле (надзоре), муниципальном контроле в Российской Федерации. URL: https://www.economy.gov.ru/material/file/0b3a5879d3129306b03d3dc5a92f1b53/doklad_o_gosudarstvennom_kontrole_nadzore_municipalnom_kontrole_v_rossiyskoy_federacii_za_2022_god.pdf (дата обращения: 15.04.2024).

³ Закон № 248-ФЗ, Федеральный закон от 31 июля 2020 г. от 11 июня 2021 г. № 170-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в

связи с принятием Федерального закона “О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации”», федеральные законы о видах контроля, подзаконные акты, принятые в соответствии с указанными законами, а также нормативные правовые акты субъектов Российской Федерации.

⁴ Здесь имеются в виду изменения, которые были внесены в КоАП РФ федеральными законами от 14 июля 2022 г. № 290-ФЗ «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях и статью 1 Федерального закона “О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях”» (далее – Закон № 290-ФЗ) и от 26 марта 2022 г. № 70-ФЗ «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» (далее – Закон № 70-ФЗ).

гает учет положений контрольно-надзорного законодательства⁵, сформулированы условия назначения административного наказания, определен порядок уплаты административного штрафа и порядок возбуждения дела об административном правонарушении в зависимости от процессуальной формы выявления нарушений обязательных требований.

Практика применения указанных положений КоАП РФ далеко не всегда формируется единообразно, что определяет практическое значение темы исследования.

2. Административная ответственность за нарушение обязательных требований: реализация механизма «регуляторной гильотины»

Значимым достижением реформы контрольно-надзорной деятельности стала ревизия системы обязательных требований в рамках реализации механизма «регуляторной гильотины», результаты которой стали предметом экспертной оценки [15–18]. Для целей настоящего исследования интерес представляют те положения Закона № 247-ФЗ, которые выходят за рамки сферы применения закона и, по сути, определяют основания освобождения контролируемого лица от ответственности за нарушение обязательных требований.

Во-первых, ч. 7 ст. 3 Закона № 247-ФЗ устанавливает правила действия обязательных требований и предусматривает освобождение от ответственности в случае действия противоречащих друг другу обязательных требований в отношении одного и того же объекта и предмета регулирования, установленных нормативными правовыми актами равной юридической силы. В качестве условия освобождения от ответственности названо обеспечение контролируемым лицом соблюдения одного из таких обязательных требований. Несмотря на то, что законодатель презюмирует добросовестность контролируемого лица, полагаем, что указанный подход не гарантирует добросовестный выбор контролируемого лица в пользу наиболее значимых охраняемых законом ценностей с точки зрения интересов государства и общества. Наряду с риском злоупотреблений нельзя отрицать, что в случае конкуренции обя-

зательных требований сам по себе выбор охраняемых ценностей требует экспертной оценки, так как должен учитывать принцип правовой определенности и системности, а также асимметрию обязательных требований [19]. Отметим, что приоретизация обязательных требований признаётся экспертами как перспективный этап внедрения риск-ориентированного подхода. Вместе с тем определение приоритета обязательных требований эксперты оставляют за контрольными (надзорными) органами с тем, чтобы обеспечить настройку механизма контроля с учетом значимости охраняемых ценностей [20, с. 69–71]. Также необходимо обратить внимание на риски для самих контролируемых лиц. В научной литературе рассматриваемая норма Закона № 247-ФЗ, как правило, оценивается положительно, поскольку «данные правила защищают права хозяйствующих субъектов, добросовестно исполняющих обязательные требования в случаях ошибок и просчетов правотворческих и правоприменительных органов и уполномоченных организаций» [21, с. 15]. Вместе с тем практика применения ч. 7 ст. 3 Закона № 247-ФЗ наряду с решениями, принятыми в пользу контролируемого лица⁶, обнаруживает, что последние далеко не всегда верно оценивают наличие условий применения основания освобождения от ответственности⁷. Также имеет место практика, когда суды оставляют без оценки аргумент контролируемого лица о наличии конкурирующих обязательных требований, установленных нормативными правовыми актами с равной юридической силой⁸.

Второе основание освобождения от ответственности связано непосредственно с ревизией обязательных требований в рамках реализации механизма «регуляторной гильотины» (ч. 3 ст. 15 Закона № 247-ФЗ). Ожидалось, что с принятием закона контролируемые лица смогут активно использовать механизм судебного контроля в отношении как соблюдения порядка установления, так и содержания обязательного требования. Однако практика применения закона продемонстрировала, что потенциал оспаривания обязательных требований на предмет соответствия принципам, сформулированным в За-

⁵ Например, ч. 8 ст. 15.29, ст. 19.5, 19.6.1. КоАП РФ.

⁶ См., напр., постановление Арбитражного суда Московского округа от 23 декабря 2021 г. № Ф05-31347/2021 по делу № А40-39342/2021.

⁷ Например, Четвертый кассационный суд общей юрисдикции в кассационном определении от 18 июля 2023 г. № 88а-21152/2023 пришел к выводу о том, что, вопреки

доводам заявителя, ч. 7 ст. 3 Закона № 247-ФЗ не подлежит применению, поскольку никаких противоречий обязательных требований не усматривается.

⁸ См., напр., постановление Арбитражного суда Дальневосточного округа от 20 июня 2022 г. № Ф03-2627/2022 по делу № А73-9873/2021.

конец № 247-ФЗ⁹, оказался менее востребованным, чем оспаривание основания привлечения к административной ответственности в случаях «отсечения» обязательного требования «регуляторной гильотиной». Анализ практики применения судами ч. 3 ст. 15 Закона № 247-ФЗ показал, что суды подтверждали законность и обоснованность привлечения к административной ответственности в случае включения обязательного требования в «белый список»¹⁰ на дату совершения правонарушения и на дату возбуждения дела об административном правонарушении¹¹. В подавляющем большинстве дел судами проверен факт сохранения юридической силы документа, содержащего обязательное требование¹². Отдельно обратим внимание на категорию дел, в которых судьи проверяли не статус нормативного правового акта, устанавливающего обязательное требование, а актуальность самого требования. В таких случаях в судебных актах сопоставлены положения отмененного документа, содержащего обязательные требования, и того акта, который принят взамен, несмотря на то, что последствия реализации механизма «регуляторной гильотины» сформулированы в законе вполне определенно. Результаты такого сопоставления положены судами в обоснование выводов о том, что обязанность контролируемого лица осталась неизменной, а деяние сохранило признак

противоправности, несмотря на «смену реквизитов» нормативного акта¹³. В свою очередь, отсутствием аналогичных обязательных требований, установленных после 1 января 2021 г., аргументированы решения об отмене постановлений о привлечении к ответственности¹⁴. Представляется, что подобное сопоставление в рамках судебного контроля расходится с формулировкой ч. 3 ст. 15 Закона № 247-ФЗ, в которой прямо указано на несоблюдение требований, «содержащихся в указанных актах». Обстоятельство, установленное п. 5.1 ч. 1 ст. 24.5 КоАП РФ, является основанием прекращения производства по делу об административном правонарушении, что не предполагает проверку актуальности содержания обязательного требования в рамках производства по делу об административном правонарушении.

В заключение оценки названных оснований освобождения контролируемого лица от ответственности за нарушение обязательных требований отметим, что в первом случае основание установлено только в Законе № 247-ФЗ и не предусмотрено в КоАП РФ. Тогда как основание освобождения от ответственности, установленное ч. 3 ст. 15 Закона № 247-ФЗ в качестве обстоятельства, исключающего производство по делу об административном правонарушении, предусмотрено и ст. 24.5 КоАП РФ¹⁵. Полагаем, что ст. 1.3, п. 9 ч. 1 ст. 24.5 КоАП РФ требуют

⁹ См., напр.: Определение Верховного Суда РФ от 28 апреля 2021 г. № АКПИ21-110 // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁰ Постановление Правительства РФ от 31 декабря 2020 г. № 2467 «Об утверждении перечня нормативных правовых актов и групп нормативных правовых актов Правительства Российской Федерации, нормативных правовых актов, отдельных положений нормативных правовых актов и групп нормативных правовых актов федеральных органов исполнительной власти, правовых актов, отдельных положений правовых актов, групп правовых актов исполнительных и распорядительных органов государственной власти РСФСР и Союза ССР, решений Государственной комиссии по радиочастотам, содержащих обязательные требования, в отношении которых не применяются положения частей 1, 2 и 3 статьи 15 Федерального закона «Об обязательных требованиях в Российской Федерации»» // Официальное опубликование правовых актов. № 0001202101090025.

¹¹ См., напр., постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 5 июля 2021 г. № Ф07-7879/2021 по делу № А56-85371/2020, постановление Арбитражного суда Центрального округа от 28 апреля 2023 г. № Ф10-1198/2023 по делу № А84-1108/2022.

¹² См., напр., постановление Девятого кассационного суда общей юрисдикции от 3 марта 2022 г. № 16-508/2022, постановление Третьего кассационного суда общей юрисдикции

от 26 февраля 2024 г. № 16-71/2024. Как правило, судьями проверяется информация, размещенная на официальном сайте органа государственной власти. Соответствующее требование установлено ч. 5 ст. 8 Закона № 247-ФЗ.

¹³ См., напр., постановление Измайловского районного суда от 13 сентября 2021 г. по делу № 7-19355/2021, решение Приморского краевого суда от 21 декабря 2021 г. № 21-1311/2021, Решение Московского городского суда от 9 декабря 2021 г. по делу № 7-19355/2021, Решение Кемеровского областного суда от 26 ноября 2021 г. по делу № 21-813/2021.

¹⁴ См., напр., постановление Девятого кассационного суда общей юрисдикции от 3 марта 2022 г. № 16-508/2022, решение Камчатского краевого суда от 17 ноября 2021 г. по делу № 21-298/2021.

¹⁵ Важно отметить, что ст. 24.5 КоАП РФ была дополнена Федеральным законом от 24 февраля 2021 г. № 29-ФЗ «О внесении изменения в статью 24.5 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях», редакция вступила в силу 7 марта 2021 г., тогда как Закон № 247-ФЗ вступил в силу с 1 ноября 2020 г. Фактически до дополнения ст. 24.5 КоАП РФ обстоятельство, исключающее производство по делу об административном правонарушении, было установлено Законом № 247-ФЗ, что выходит за сферу действия закона и не соответствует ч. 1 ст. 1.3 КоАП РФ.

отражения основания освобождения от ответственности в КоАП РФ.

Еще одним значимым аспектом практики применения ч. 3 ст. 15 Закона № 247-ФЗ является оценка судами возможности применения ч. 2 ст. 1.7 КоАП РФ в случаях отмены обязательного требования в рамках реализации механизма «регуляторной гильотины». Дискуссионные вопросы распространения обратной силы закона, отменяющего административную ответственность за совершенное административное правонарушение, на бланкетные нормы законодательства всегда находятся в фокусе внимания доктрины административного права [22; 23], и отмена обязательных требований в рамках «регуляторной гильотины» дополнила их. Констатируя различающуюся практику применения ч. 2 ст. 1.7 КоАП РФ в рассматриваемых случаях¹⁶, разделяем тезис о том, что «речь идет не о содержательном изменении соответствующих обязательных правил и требований, а о применении особого механизма правового воздействия, направленного на оптимизацию контрольно-надзорной деятельности и упорядочивание законодательства об обязательных требованиях. При этом обязательность соответствующих требований... механизм “регуляторной гильотины” не отменяет и не может в этой связи рассматриваться как способ изложения более мягкого административно-деликтного закона, поэтому в рассматриваемом случае не идет речь именно об обратной силе соответствующих норм»¹⁷.

3. Влияние процессуальной формы выявления нарушений обязательных требований на применение правил назначения административных наказаний

Заметные изменения практики применения законодательства об административных правонарушениях связаны с принятием Закона № 70-ФЗ и Закона № 290-ФЗ. В качестве цели новой редакции административно-деликтного законодательства обозначена

либерализация административной ответственности за совершение административных правонарушений в области предпринимательской деятельности¹⁸.

Вместе с тем применительно к правилам назначения административного наказания и исполнению постановления о наложении административного штрафа либерализация административных санкций дополняется условиями их применения. В качестве одного из условий законодатель определил процессуальную форму выявления административного правонарушения – если административное правонарушение выявлено «в ходе осуществления государственного контроля (надзора), муниципального контроля». Учитывая сложную систему законодательства в сфере контрольно-надзорной деятельности [5, с. 44–46; 13, с. 791–792], такая формулировка ожидаемо вызвала вопросы, связанные с применением норм КоАП РФ, и актуализировала дискуссию об определении понятий «государственный контроль», «надзор» [5, с. 8–15]. В настоящий момент можно констатировать сложившийся подход к толкованию понятия «государственный контроль (надзор)» для целей применения правил назначения и исполнения административного наказания. Суды рассматривают указанное понятие в широком смысле, не ограничивая его рамками действия Закона № 294-ФЗ и Закона № 247-ФЗ¹⁹. Иное толкование, учитывая перечень видов контроля (надзора), к организации и осуществлению которых не применяются положения Закона № 248-ФЗ и Закона № 294-ФЗ, приведет к тому, что применение КоАП РФ будет зависеть не от условий, установленных кодексом, а от вида контрольного (надзорного) мероприятия, проверки и конкретного государственного (муниципального) органа, в чью компетенцию входит проведение таких контрольных (надзорных) мероприятий. Примечательно, что широкое толкование используется и при применении ч. 5 ст. 4.4 КоАП РФ²⁰, несмотря на

¹⁶ См., напр., постановление Восемнадцатого арбитражного апелляционного суда от 24 февраля 2022 г. по делу № А7261111/2021, постановление Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 14 марта 2022 г. по делу № 16-574/2022, постановление Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 26 апреля 2022 г. № Ф01-858/2022 по делу № А82-2209/2021, постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 13 августа 2021 г. № Ф06-5687/2021 по делу № А57-32469/2020, решение Приморского краевого суда от 21 декабря 2021 г. № 21-1311/2021.

¹⁷ Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 17 июня 2022 г. № Ф09-3207/22 по делу № А76-21111/2021.

¹⁸ Пояснительная записка к проекту федерального закона «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» // Система обеспечения законодательной деятельности. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/42172-8> (дата обращения: 10.04.2024).

¹⁹ См., напр., постановление Арбитражного суда Восточно-Сибирского округа от 29 декабря 2022 г. № Ф02-6304/2022 по делу № А33-9169/2022, постановление Арбитражного суда Уральского округа от 22 февраля 2024 г. № Ф09-9664/23 по делу № А76-18101/2023.

²⁰ См., напр., постановление Седьмого арбитражного апелляционного суда от 11 января 2024 г. по делу № А67-5768/2023, постановление Четырнадцатого арбитражного

то, что в самой норме условие сформулировано иначе – административное правонарушение выявлено «при проведении одного контрольного (надзорного) мероприятия в ходе осуществления государственного контроля (надзора), муниципального контроля», в свою очередь «контрольное (надзорное) мероприятие» – термин Закона № 248-ФЗ. Полагаем, что такой подход заслуживает поддержки. Определяя в целях применения положений КоАП РФ понятие «государственный контроль (надзор)» в широком смысле, суды тем самым обеспечивают соблюдение принципа равенства всех перед законом²¹.

Иначе складывается практика в случаях, когда административное правонарушение выявлено в ходе прокурорского надзора. Отличающийся подход обусловлен тем, что согласно Закону № 248-ФЗ к государственному контролю (надзору), муниципальному контролю не относится деятельность органов прокуратуры по осуществлению прокурорского надзора. Отказываясь толковать понятие «государственный контроль (надзор)» в широком смысле применительно к прокурорскому надзору, суды ссылаются на п. 7 ч. 3 ст. 1 Закона № 248-ФЗ²². Следует отметить, что в доктрине также обращается внимание на необходимость разграничения прокурорского надзора и контроля, осуществляемого административными органами [12, с. 21–22; 24; 25]. Представляется, что обособление прокурорского надзора имеет значение для применения законодательства в части организации и осуществления контрольно-надзорной деятельности. Что же касается применения положений КоАП РФ, то здесь определение понятия «государственный контроль (надзор)» в узком смысле приводит к отступлению от принципа равенства всех перед законом.

апелляционного суда от 20 декабря 2023 г. по делу № А05-8867/2023.

²¹ Схожую позицию обозначил Верховный Суд РФ до внесения изменений в КоАП РФ в 2022 г., указав в Определении от 2 августа 2019 г. № 307-ЭС19-12049 по делу № А56-154322/2018, что «процедура выявления факта совершения правонарушения или способ такого выявления не относится к обстоятельствам, которые учитываются при назначении наказания».

²² См., напр., постановление Первого кассационного суда общей юрисдикции от 12 сентября 2023 г. № 16-4766/2023, постановление Седьмого кассационного суда общей юрисдикции от 14 сентября 2023 г. № 16-4233/2023 и др.

²³ Изменения внесены Законом № 290-ФЗ.

4. Изменения порядка возбуждения дела об административном правонарушении

Еще одним значимым изменением положений КоАП РФ и соответствующей практики применения стало изменение порядка возбуждения дела об административном правонарушении²³. Научные дискуссии о критериях разграничения контрольно-надзорного производства и производства по делам об административных правонарушениях [13], как и определение последовательности реализации контрольно-надзорной и административно-юрисдикционной функций [26], не теряют актуальность. Законодатель не в первый раз предпринимает попытку исключить подмену контрольно-надзорной деятельности производством по делам об административных правонарушениях²⁴.

Для практики применения новой редакции ст. 28.1 КоАП РФ имеет значение следующее. Во-первых, законодателем определены две модели возбуждения дела: общий порядок и исключение, установленное ч. 3.1 ст. 28.1 КоАП РФ. В последнем случае условием возбуждения дела об административном правонарушении является, с некоторыми оговорками, проведение контрольного (надзорного) мероприятия во взаимодействии с контролируемым лицом, проверки, совершения контрольного (надзорного) действия. Исключение применяется в тех случаях, когда правонарушение выражается в несоблюдении обязательных требований, оценка соблюдения которых является предметом государственного контроля (надзора), муниципального контроля²⁵. Если обязательное требование не является предметом государственного контроля (надзора), применяется общий порядок возбуждения дела²⁶. Во-вторых, исключение применяется в системе с п. 1–3 ч. 1

²⁴ Первая редакция ст. 28.1 КоАП РФ связана с принятием Федерального закона от 14 октября 2014 г. № 307-ФЗ «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях и отдельные законодательные акты Российской Федерации и о признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации в связи с уточнением полномочий государственных органов и муниципальных органов в части осуществления государственного контроля (надзора) и муниципального контроля».

²⁵ См., напр., постановление Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 17 апреля 2023 г. № Ф01-1455/2023 по делу № А28-8894/2022.

²⁶ См., напр., постановление Арбитражного суда Уральского округа от 4 августа 2023 г. № Ф09-4653/23 по делу № А71-18747/202.

ст. 28.1 КоАП РФ, т. е. относится ко всем поводам, перечисленным в указанных пунктах. В этой связи суды исходят из того, что оценка достаточных данных для решения вопроса о привлечении к административной ответственности может быть осуществлена только по результатам проведения контрольного (надзорного) мероприятия во взаимодействии с контролируемым лицом²⁷. Тем не менее анализ практики применения нормы обнаруживает и иной подход применительно к одному из поводов – сообщениям и заявлениям физических и юридических лиц, указывающих на наличие административного правонарушения²⁸. Примечательно то, что в рамках различающихся подходов суды используют в аргументации позицию Верховного Суда РФ по одному делу²⁹.

Учитывая рост числа обжалований определенных об отказе в возбуждении дела об административном правонарушении³⁰, полагаем, что в целях

обеспечения единства практики применения судами указанных норм назрела необходимость в разъяснениях Верховного Суда РФ вопросов применения судами ст. 28.1 КоАП РФ в системе с законодательством о контрольно-надзорной деятельности.

5. Выводы

В заключение, констатируя влияние законодательства о государственном контроле (надзоре) на развитие законодательства об административных правонарушениях и практику его применения, можно отметить отсутствие единства практики применения ряда норм. Успешная гармонизация законодательства в рассматриваемых сферах, основанная на положениях доктрины административного права, будет способствовать единообразному и системному толкованию и применению нормативных положений.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Зырянов С. М. Государственный контроль (надзор) : моногр. / С. М. Зырянов. – М. : Контракт, 2023. – 232 с.
2. Кононов П. И. Основные категории административного права и процесса : моногр. / П. И. Кононов. – М. : Юрлитинформ, 2013. – 415 с.
3. Мартынов А. В. Проблемы правового регулирования административного надзора в России. Административно-процессуальное исследование : моногр. / А. В. Мартынов. – М. : Nota Bene, 2010. – 546 с.
4. Зырянов С. М. Процессуальная форма осуществления административного надзора / С. М. Зырянов // Журнал российского права. – 2010. – № 1. – С. 74–78.
5. Зырянов С. М. Административный надзор / С. М. Зырянов. – М. : Юриспруденция, 2010. – 208 с.
6. Стахов А. И. О проблемах и перспективах гармонизации законодательства об административных правонарушениях с законодательством в сфере государственного и муниципального контроля публичной администрации / А. И. Стахов // Вестник Омской юридической академии. – 2016. – № 3. – С. 85–90. – DOI: 10.19073/2306-1340-2016-3-85-90.
7. Кудилинский М. Н. Соотношение контрольного и юрисдикционного производств / М. Н. Кудилинский // Журнал Конституционного правосудия. – 2021. – № 2. – С. 4–9.
8. Еропкин М. И. О классификации мер административного принуждения / М. И. Еропкин // Вопросы советского административного права на современном этапе / под ред. Ю. М. Козлова. – М. : МГУ, Юрид. фак., 1963. – С. 60–68.
9. Кононов П. И. Проблемы административного права и процесса : моногр. / П. И. Кононов. – Киров : Аверс, 2013. – 391 с.

²⁷ См., напр., апелляционное определение Свердловского областного суда от 16 ноября 2023 г. по делу № 33а-17298/2023.

²⁸ См., напр., постановление Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 6 марта 2023 г. № Ф01-65/2023 по делу № А43-21226/2022, постановление Арбитражного суда Московского округа от 2 мая 2023 г. № Ф05-7883/2023 по делу № А40-99537/2022.

²⁹ См.: решение от 30 августа 2022 г. № АКПИ22-494, определение Апелляционной коллегии Верховного Суда РФ от 24 ноября 2022 г. № АПЛ22-503.

³⁰ Практика рассмотрения жалоб также не отличается единством. См., напр., постановление Арбитражного суда Московского округа от 6 февраля 2023 г. № Ф05-28219/2022 по делу № А40-98507/2022.

10. Дмитрикова Е. А. Конституционные основы разграничения контрольно-надзорного производства и производства по делам об административных правонарушениях / Е. А. Дмитрикова, А. А. Карицкая, А. А. Трофимов // Закон. – 2023. – № 5. – С. 187–196. – DOI: 10.37239/0869-4400-2023-20-5-185-194.
11. Алехнович А. О. Оценка и корректировка правоприменительной практики контрольных и надзорных органов: индекс административного давления / А. О. Алехнович, Л. Л. Анучин // Вопросы государственного и муниципального управления. – 2021. – № 1. – С. 7–29.
12. Мицкевич Л. А. Государственный контроль (надзор) и бизнес. Баланс прав и обязанностей : учеб. пособие / Л. А. Мицкевич, А. Ф. Васильева. – М. : Проспект, 2017. – 64 с.
13. Трофимов А. А. Поиск оптимальной модели контрольно-надзорной деятельности: опыт России и Китая / А. А. Трофимов, Е. А. Дмитрикова, А. А. Карицкая // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. – 2023. – Т. 14, вып. 3. – С. 786–803. – DOI: 10.21638/spbu14.2023.314.
14. Стахов А. И. Меры административно-правового принуждения, применяемые в России в порядке, урегулированном административно-процессуальным законодательством / А. И. Стахов // Российский юридический журнал. – 2021. – № 6. – С. 119–126. – DOI: 10.34076/20713797_2021_6_119.
15. Голодникова А. Е. Под знаком «регуляторной гильотины»: как разорвать замкнутый круг дерегулирования и ре-регулирования? / А. Е. Голодникова, А. А. Ефремов, Д. Б. Цыганков // Закон. – 2021. – № 2. – С. 105–117.
16. Южаков В. Н. Оценка результативности государственного контроля с позиции бизнеса: ключевые тенденции / В. Н. Южаков, Е. И. Добролюбова, А. Н. Покида, Н. В. Зыбуновская // Вопросы государственного и муниципального управления. – 2020. – № 2. – С. 32–53.
17. Кнутов В. А. «Регуляторная гильотина» в России и ее количественные результаты / В. А. Кнутов, С. М. Плаксин, Р. Х. Синятуллин, А. В. Чаплинский // Право. Журнал Высшей школы экономики. – 2022. – Т. 15, № 2. – С. 4–27.
18. Мартынов А. В. Перспективы применения механизма «регуляторной гильотины» при реформировании контрольно-надзорной деятельности / А. В. Мартынов // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. – 2019. – № 5. – С. 143–165.
19. Домченко А. С. Юридическая сила правового акта: свойство официального документа или элемент дискурсивной координации? / А. С. Домченко // Российский юридический журнал. – 2021. – № 2. – С. 152–163. – DOI: 10.34076/20713797_2021_2_152.
20. Контрольно-надзорная и разрешительная деятельность в Российской Федерации. Вектор развития до 2030 года : аналит. докл. – 2023 / рук. авт. кол. С. М. Плаксин. – М. : Изд. дом ВШЭ, 2024. – 102 с.
21. Ноздрачев А. Ф. Обязательные требования как новационный институт административного права: идеи, содержание, принципы и уровни правового регулирования / А. Ф. Ноздрачев // Административное право и процесс. – 2022. – № 5. – С. 8–15.
22. Князев С. Д. Обратная сила закона, отменяющего административную ответственность (норма, доктрина, практика) / С. Д. Князев // Административное право и процесс. – 2023. – № 11. – С. 3–7.
23. Бахрах Д. Н. Конституционные основы действия правовой нормы во времени / Д. Н. Бахрах // Журнал российского права. – 2003. – № 5. – С. 40–53.
24. Бондарь Н. С. Конституционализация прокурорского надзора в Российской Федерации: проблемы теории и практики / Н. С. Бондарь, А. А. Джагарян // Конституционное и муниципальное право. – 2015. – № 5. – С. 9–23.
25. Бывальцева С. Г. Прокурорская проверка: правовой и практический аспекты / С. Г. Бывальцева, Б. Б. Байрамов // Законность. – 2021. – № 9. – С. 33–36.
26. Мицкевич Л. А. Государственный контроль (надзор) в сфере предпринимательства и административная ответственность: критерии соотношения / Л. А. Мицкевич, А. Ф. Васильева // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2017. – № 6. – С. 39–43.

REFERENCES

1. Zyryanov S.M. *State control (supervision)*, Monograph. Moscow, Kontrakt Publ., 2023. 232 p. (In Russ.).

2. Kononov P.I. *Basic categories of administrative law and process*, Monograph. Moscow, Yurlitinform Publ., 2013. 415 p. (In Russ.).
3. Martynov A.V. *Problems of legal regulation of administrative supervision in Russia. Administrative procedural research*, Monograph. Moscow, Nota Bene Publ., 2010. 546 p. (In Russ.).
4. Zyryanov S.M. Procedural form of administrative supervision. *Zhurnal rossiiskogo prava = Journal of Russian Law*, 2010, no. 1, pp. 74–78. (In Russ.).
5. Zyryanov S.M. *Administrative supervision*. Moscow, Yurisprudentsiya Publ., 2010. 208 p. (In Russ.).
6. Stakhov A.I. On the Problems and Prospects of Harmonization of the Legislation on Administrative Offences and Legislation in the Sphere of State and Municipal Control of Public Administration. *Vestnik Omskoi yuridicheskoi akademii = Vestnik of the Omsk Law Academy*, 2016, no. 3, pp. 85–90. DOI: 10.19073/2306-1340-2016-3-85-90. (In Russ.).
7. Kudilinskiy M.N. Correlation of Supervisory and Jurisdictional Proceedings in the Activity of Public Administration Bodies. *Zhurnal Konstitutsionnogo pravosudiya = Journal of Constitutional Justice*, 2021, no. 2, pp. 4–9. (In Russ.).
8. Erokin M.I. On the classification of measures of administrative coercion, in: Kozlov Yu.M. (ed.). *Voprosy sovetskogo administrativnogo prava na sovremennom etape*, Moscow, Moscow State University, Faculty of Law Publ., 1963, pp. 60–68. (In Russ.).
9. Kononov P.I. *Problems of administrative law and process*, Monograph. Kirov, Avers Publ., 2013. 391 p. (In Russ.).
10. Dmitrikova E.A., Karitskaya A.A., Trofimov A.A. Constitutional foundations of the distinction between control and supervisory proceedings and proceedings in cases of administrative offenses. *Zakon*, 2023, no. 5, pp. 187–196. DOI: 10.37239/0869-4400-2023-20-5-185-194. (In Russ.).
11. Alekhovich A.O., Anuchin L.L. Evaluation and adjustment of the law enforcement practice of state control and supervision bodies: administrative pressure index. *Voprosy gosudarstvennogo i munitsipal'nogo upravleniya = Public Administration Issues*, 2021, no. 1, pp. 7–29. (In Russ.).
12. Mitskevich L.A., Vasil'eva A.F. *State control (supervision) and business. Balance of rights and responsibilities*, Teaching aid. Moscow, Prospekt Publ., 2017. 64 p. (In Russ.).
13. Trofimov A.A., Dmitrikova E.A., Karitskaya A.A. Search for the optimal model of control and supervisory activities: The experience of Russia and China. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Pravo = Vestnik of Saint Petersburg University. Law*, 2023, vol. 14, iss. 3, pp. 786–803. DOI: 10.21638/spbu14.2023.314. (In Russ.).
14. Stakhov A. Administrative coercion measures applied in Russia in accordance with the administrative procedural legislation. *Rossiiskii yuridicheskii zhurnal = Russian juridical journal*, 2021, no. 6, pp. 119–126. DOI: 10.34076/20713797_2021_6_119. (In Russ.).
15. Golodnikova A.Ye., Yefremov A.A., Tsygankov D.B. Under sign of “regulatory guillotine”: how to brake vicious circle of deregulation and reregulation?. *Zakon*, 2021, no. 2, pp. 105–117. (In Russ.).
16. Yuzhakov V.N., Dobrolyubova E.I., Pokida A.N., Zybunovskaya N.V. Evaluating performance of regulatory enforcement activities by businesses: key trends. *Voprosy gosudarstvennogo i munitsipal'nogo upravleniya = Public Administration Issues*, 2020, no. 2, pp. 32–53. (In Russ.).
17. Knutov A., Plaksin S., Sinyatullin R., Chaplinsky A. Regulatory Guillotine in Russia and its Quantitative Results. *Pravo. Zhurnal Vysshei shkoly ekonomiki = Law. Journal of the Higher School of Economics*, 2022, vol. 15, no. 2, pp. 4–27. DOI: 10.17323/2072-8166.2022.2.4.27. (In Russ.).
18. Martynov A.V. Prospects for application of the «regulatory guillotine» mechanism in the reform of control and supervision activity. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo = Vestnik of Lobachevsky state university of Nizhni Novgorod*, 2019, no. 5, pp. 143–165. (In Russ.).
19. Domchenko A. Legal force of a legal act: a property of an official document or an element of discursive coordination?. *Rossiiskii yuridicheskii zhurnal = Russian juridical journal*, 2021, no. 2, pp. 152–163. DOI: 10.34076/20713797_2021_2_152. (In Russ.).
20. Plaksin S.M. (ed.). *Control, supervision and licensing activities in the Russian Federation. Development vector until 2030*, Analytical report – 2023. Moscow, HSE University Publ., 2024. 102 p. (In Russ.).

21. Nozdrachev A.F. Mandatory requirements as an innovative institution of administrative law: ideas, content, principles and levels of legal regulation. *Administrativnoe pravo i protsess = Administrative Law and Procedure*, 2022, no. 5, pp. 8–15. (In Russ.).

22. Knyazev S.D. The retroactive force of law that cancels the administrative liability (the norm, doctrine, practice). *Administrativnoe pravo i protsess = Administrative Law and Procedure*, 2023, no. 11, pp. 3–7. (In Russ.).

23. Bakhrakh D.N. Constitutional foundations of the operation of a legal norm over time. *Zhurnal rossiiskogo prava = Journal of Russian Law*, 2003, no. 5, pp. 40–53. (In Russ.).

24. Bondar' N.S., Dzhagaryan A.A. Constitutionalization of prosecutor's supervision in the Russian Federation: problems of theory and practice. *Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo = Constitutional and Municipal Law*, 2015, no. 5, pp. 9–23. (In Russ.).

25. Byvaltseva S.G., Bayramov B.B. Prosecutor's check: legal and practical aspects. *Zakonnost'*, 2021, no. 9, pp. 33–36. (In Russ.).

26. Mitskevitch L.A., Vasilyeva A.F. State control (supervision) in the field of business activities and administrative responsibility: criteria of correlation. *Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika*, 2017, no. 6, pp. 39–43. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Дмитрикова Екатерина Александровна – кандидат юридических наук, доцент кафедры административного и финансового права
Санкт-Петербургский государственный университет
199034, Россия, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9
E-mail: e.dmitrikova@spbu.ru
ORCID: 0000-0002-0106-4917
ResearcherID: KHX-9988-2024
Scopus AuthorID: 57219344794
SPIN-код РИНЦ: 9651-7848

INFORMATION ABOUT AUTHOR

Ekaterina A. Dmitrikova – PhD in Law, Associate Professor, Department of the Administrative and Financial Law
St. Petersburg University
7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russia
E-mail: e.dmitrikova@spbu.ru
ORCID: 0000-0002-0106-4917
ResearcherID: KHX-9988-2024
Scopus AuthorID: 57219344794
RSCI SPIN-code: 9651-7848

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Дмитрикова Е.А. Влияние законодательства о государственном контроле (надзоре) на практику применения законодательства об административных правонарушениях / Е.А. Дмитрикова // Правоприменение. – 2024. – Т. 8, № 3. – С. 92–101. – DOI: 10.52468/2542-1514.2024.8(3).92-101.

BIBLIOGRAPHIC DESCRIPTION

Dmitrikova E.A. The influence of legislation on state control (supervision) on the practice of applying legislation on administrative offenses. *Pravoprimenenie = Law Enforcement Review*, 2024, vol. 8, no. 3, pp. 92–101. DOI: 10.52468/2542-1514.2024.8(3).92-101. (In Russ.).

РЕГУЛЯТИВНО-ОХРАНИТЕЛЬНЫЙ ХАРАКТЕР АДМИНИСТРАТИВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ ПРАВООТНОШЕНИЙ

П.Е. Спиридонов

Санкт-Петербургский университет ГПС МЧС России, г. Санкт-Петербург, Россия

Информация о статье

Дата поступления –
17 января 2024 г.
Дата принятия в печать –
20 июня 2024 г.
Дата онлайн-размещения –
20 сентября 2024 г.

Ключевые слова

Юридический процесс,
административный процесс,
правоотношения,
административно-
процессуальные
правоотношения, регулятивная
функция, охранительная
функция, регулятивные
правоотношения,
охранительные правоотношения

Делается попытка анализа административно-процессуальных правоотношений с точки зрения характеристики соотношения их регулятивного и охранительного характера. Ставится под сомнение возможность использования охранительного правоотношения как основания разграничения процессуальных и материальных правоотношений. Утверждается, что административно-процессуальное регулирование направлено не только на установление юридических фактов, всесторонность, полноту и объективность рассмотрения административного дела, но и на охрану прав участвующих в деле лиц и обеспечение ими своих обязанностей. Делается вывод, что административно-процессуальные правоотношения носят регулятивно-охранительный характер.

THE REGULATORY AND PROTECTIVE NATURE OF ADMINISTRATIVE AND PROCEDURAL LEGAL RELATIONS

Pavel E. Spiridonov

Saint-Petersburg University of State Fire Service of EMERCOM of Russia, St. Petersburg, Russia

Article info

Received –
2024 January 17
Accepted –
2024 June 20
Available online –
2024 September 20

Keywords

Legal process, administrative
process, legal relations,
administrative and procedural
legal relations, regulatory
function, protective function,
regulatory legal relations,
protective legal relations

The article attempts to analyze administrative and procedural legal relations from the point of view of characterizing the ratio of their regulatory and protective nature.

The methodological basis of the article is dialectical, formal-logical methods, formal-legal method and method of interpretation of law.

The paper calls into question the possibility of using the protective legal relationship as a basis for distinguishing procedural and material legal relations. The author argues that not all activities and actions that have a protective nature and are carried out in the process of public administration are procedural in nature. The assumption that the emergence of a legal process is connected not only with a protective legal relationship arising from non-compliance with obligations or the occurrence of other situations entailing the use of coercive measures, but also in order to ensure respect for the rights of participants in the process from abuse of power by persons making both interim and final procedural decisions is made. Ensuring the rights of participants in the administrative process is carried out by establishing specific administrative procedural actions, deadlines, administrative procedural decisions, procedural grounds for their adoption, etc. The legal process, including the administrative process, must be considered from the point of view of establishing the truth in the case, but at the same time guarantees must be provided that prevent the abuse of power by on the part of the ruling entity and the right on the part of all participants in the process. At the same time, administrative procedural regulation is aimed not only at establishing legal facts, comprehensiveness, completeness and objectivity of the consideration of an administrative case, but also at protecting the rights of persons involved in the case and ensuring their duties. Hence, the protective nature of administrative and procedural

legal relations does not follow from the main substantive legal relationship, but from the corresponding purpose of protecting and ensuring the legitimate procedural rights and obligations of participants in the administrative process.

Administrative and procedural legal relations, realizing the regulatory function of law, are formed on the basis of regulatory norms that provide for administrative and procedural rights and obligations of relevant subjects in the consideration and resolution of administrative cases. In addition to the fact that administrative and procedural legal relations are regulatory, they also have a law enforcement character. The regulatory function of administrative and procedural law is expressed in the establishment of not only administrative and procedural actions that should (can) be committed by the subjects of administrative and procedural legal relations when initiating, establishing circumstances, considering an administrative case, but also in their specific sequence, timing of commission, as well as types of administrative and procedural decisions, etc. The protective function of administrative and procedural law is to protect the administrative and procedural rights and interests of all participants in legal relations.

Based on the above, the author comes to the conclusion that administrative and procedural legal relations are of a regulatory and protective nature.

1. Введение

Среди ученых-административистов ведутся давние дискуссии о понятии, сущности, особенностях административного процесса. В последнее время этим вопросам посвящены работы А.А. Гришковца [1], К.В. Давыдова [2], А.Б. Зеленцова [3], А.И. Каплунова [4], М.Н. Кобзарь-Фроловой [5], П.И. Кононова [6], Е.Б. Лупарева [7; 8], Д.В. Осинцева [9], П.П. Серкова [10], Ю.П. Соловья [11; 12], В.Д. Сорокина [13], А.И. Стахова [14], Ю.Н. Старилова [15] и др. Одной из краеугольных проблем является сущностная характеристика административно-процессуальных правоотношений, которой уделяется внимание не только среди административистов, но и представителей таких наук, как теория государства и права и гражданский процесс. Часто обращается внимание на то, какой характер носят такие правоотношения – регулятивный или охранительный. Связано это с тем, что выделение процессуальных правоотношений обычно увязывают с видом материальных правоотношений, которые они обеспечивают, и реализуемой функцией права. Характеристике регулятивных и охранительных правоотношений как основе разграничения процессуальных (в том числе и административно-процессуальных) и материальных правоотношений уделяли и уделяют внимание в своих работах В.Н. Протасов [16–18], Т.Н. Радько [19], Н.А. Громова [20] и др. Однако все эти работы не снимают имеющиеся противоречия в характеристике административно-процессуальных правоотношений. В связи с этим данная статья будет посвящена анализу административно-процессуальных правоотношений с точки зрения характеристики соотношения их регулятивного и охранительного характера.

Методологической основой статьи явились диалектические, формально-логические методы, формально-юридический метод и метод толкования права.

2. Общая характеристика регулятивных и охранительных правоотношений

Напомним, что регулятивные правоотношения, как справедливо отмечает профессор Т.Н. Радько, возникают в соответствии с предписаниями правовых норм, на основе правомерных юридических фактов и направлены на урегулирование общественных отношений путем реализации установленной компетенции, правового статуса, субъективных прав и обязанностей [19, с. 170]. Правда, также Т.Н. Радько указывает, что наличие регулятивных правоотношений свидетельствует о наличии возможности для осуществления гражданами своих прав и обязанностей добровольно, без применения государственного принуждения, поскольку в таком случае правовая обязанность становится осознанной необходимостью поведения и стремлением удовлетворить законный интерес носителя субъективного права [19, с. 171]. Позволим себе не согласиться с этими утверждениями в части, касающейся исполнения правовой обязанности. Все-таки в подавляющем количестве случаев в административных, административно-процессуальных, административно-деликтных правоотношениях исполнение правовой обязанности обеспечивается государственным принуждением. Чаще всего оно выражается в установлении административной или административно-дисциплинарной ответственности либо посредством мер административного предупреждения и т. п. И это правильно, так как отсутствие такого обеспече-

ния с течением времени ведет к неисполнению своих обязанностей гражданами, государственными служащими, организациями и иными субъектами административных правоотношений.

По мнению В.Н. Протасова, юридический процесс есть разновидность юридической процедуры, направленной на выявление и реализацию материального охранительного правоотношения, что предопределяет своеобразие ее содержательных черт (обязательное наличие в составе властного субъекта; специфику опосредуемых мер; высокий, как правило, уровень нормативной регламентации и др.), а главное, особый механизм связи с материально-правовой регулятивной сферой. В.Н. Протасов использует охранительное правоотношение в качестве основания отграничения процессуальной процедуры – материальной и правотворческой. При этом отмечается, что ряд процессуальных правоотношений могут быть регулятивными (например, в случае, если процессуальные нормы и отношения защищаются процессуальными охранительными). В то же время В.Н. Протасов пытается объяснить, почему выбранный критерий имеет четкость:

1) в качестве основного отношения для юридического процесса выступает материальное охранительное правоотношение;

2) функциональную связь правоотношений в процессе следует трактовать как связь отношений, непосредственно действующих, и отношений, обеспечивающих действие первых, а не регулятивных и охранительных;

3) все эти отношения, несмотря на их различную функциональную направленность, уже принадлежат процессу, и проблемы разграничения материального и процессуального здесь нет [18, с. 16–17].

При этом В.Н. Протасов понимает защитные функции охранительных правоотношений достаточно широко и не сводит их только лишь к обеспечению реализации правовых норм. Отсюда он определяет целевое предназначение охранительных правоотношений следующим образом:

1) наличие защитных функций по отношению к социальной структуре;

2) обеспечение нормального функционирования правового механизма;

3) необходимость поставить государственное принуждение на правовую основу, заключить ее в правовые рамки [17, с. 65].

Представляется, что В.Н. Протасов положил в основу своих рассуждений достаточно удобную и простую теоретическую основу для разграничения

процессуальных и материальных правоотношений, но правильно ли это? В случае с административным процессом видится, что нет, потому что сложность материальных правоотношений административного типа будет определять и сложность соответствующих процессуальных правоотношений. Помимо этого, полагаем, что необходимо разграничивать административно-процессуальную деятельность, административно-процессуальные действия от просто деятельности и иных действий, урегулированных административно-правовыми нормами. Дело в том, что, как уже отмечалось, не вся деятельность и не все действия, которые возникают в процессе публичного управления, имеют процессуальный характер. Тогда надо полагать, что они урегулированы материальными нормами – административно-правовыми. Такие действия, деятельность могут иметь сугубо охранительный характер, но не быть процессуальными. Можно выделить следующие признаки таких непроцессуальных действий:

– отсутствие подробного предписания, как они выполняются или в каком порядке должны быть совершены;

– отсутствие сроков их выполнения;

– невозможность выделения стадий;

– отсутствие необходимости вынесения на каждом этапе их совершения отдельного административного решения.

Хорошим примером таких действий будут выступать применение и использование сотрудниками правоохранительных органов огнестрельного оружия, специальных средств и физической силы, разные виды управленческих действий, связанных с реализацией таких функций, как организация, координация. Всё публичное управление не может полностью быть «процессуализировано», так как это приведет не только к излишней бюрократизации, но и снижению его эффективности. Так, если придать порядку применения огнестрельного оружия сотрудником правоохранительного органа административно-процессуальный порядок, то вряд ли это приведет к решению задач охраны правопорядка, но повлечет за собой скорее обратный эффект, в том числе и смерть самого сотрудника.

Как полагает Т.Н. Радько, охранительная функция решается различными формами и методами, к которым будут относиться:

– установление санкций (государственно-правовых последствий) за посягательства на охраняемые общественные отношения;

- установление запретов совершать действия, противоречащие интересам общества, государства и личности;

- определение юридических фактов, которые наступают в результате противоправных действий субъектов права;

- установление конкретной правовой связи между субъектами права в целях реализации юридической ответственности (охранительное правоотношение);

- юридическая ответственность;

- меры правовой защиты соответствующих общественных отношений.

А к формам осуществления регулятивной функции Т.Н. Радько относит:

- определение посредством норм права правосубъектности граждан;

- закрепление и изменение правового статуса граждан;

- определение компетенции государственных органов, в том числе и компетенции (полномочий) должностных лиц;

- установление правовых основ деятельности негосударственных организаций;

- определение правового положения юридических лиц;

- определение юридических фактов, направленных на возникновение, изменение и прекращение правоотношений;

- установление конкретной правовой связи между субъектами права (конкретные регулятивные отношения) [19, с. 165, 184].

О.А. Кравченко соглашается с позицией Т.Н. Радько о том, что регулятивные правоотношения выступают проводником регулятивной функции права в ее статической и динамической формах, поэтому они направлены на регулирование общественных отношений путем установления субъективных прав и юридических обязанностей их участников. Охранительные же правоотношения реализуют охранительную функцию права. Это та форма, в которой декларативное заявление государства (запрет, угроза санкцией) получает конкретное воплощение в случае совершения субъектами противоправных действий, поэтому такие правоотношения возникают в форме реакции государства на противоправное поведение субъектов права и имеют своей целью вытеснение, исключение социально вредных отношений [21, с. 150–151]. В то же время О.А. Кравченко приходит к выводу, что в некоторых случаях процессуальные правоотношения имеют регулятивную направленность [21, с. 152].

Л.С. Явич в свое время попытался дать характеристику процессуальным правоотношениям, указывая на сложность их характера. Он отмечал охранительный характер данного вида правоотношений по своему целевому назначению и социальной роли процессуальной нормы. Обычно охранительные правоотношения возникают тогда, когда они опосредуют применение санкций закона, да и то не всегда. По мнению Л.С. Явича, правоотношения, которые являются формой применения диспозиций норм права, не являются охранительными, поскольку их возникновение не связано с совершением правонарушений. В то же время охранительные правоотношения возникают в случаях, когда нарушены сами нормы процессуального права. Как полагал Л.С. Явич, нарушение норм процессуального права влечет за собой применение санкций, которые предусматривают восстановление нарушенного права (отмена постановления по делу об административном правонарушении и т. п.) или привлечение виновного к юридической ответственности за нарушение правил юридического процесса. Правда, в качестве мер ответственности Л.С. Явич также рассматривал привод в судебное заседание лица, уклоняющегося от явки по вызову, или изменение меры пресечения, что явно было ошибкой. При этом ученым справедливо делался вывод, с одной стороны, об общей охранительной направленности всех правоотношений в области процессуального права, а с другой, о том, что собственно охранительными являются не все правовые отношения. Следует также заметить, что понимание процесса как формы жизни закона и трактовка процессуального права как формы, обслуживающей реализацию норм материального права, ни в какой мере не должны приводить к недооценке процесса применения норм как материального, так и процессуального права (административного, гражданского и уголовного) [22, с. 223].

О соотношении регулятивных и охранительных норм интересное мнение высказала С.И. Вершинина. Поскольку в соответствии с положениями теории государства и права основанием возникновения охранительных или регулятивных правоотношений являются соответствующие нормы, то вопросы соотношения регулятивных и охранительных норм вызывают определенный интерес. Итак, С.И. Вершинина отмечает, что регулятивные нормы формируют эталоны, модели поведения участников правоотношений, но не содержат элементов принуждения, так как предполагают добровольное и сознательное их исполнение. По своему характеру регулятивная норма – это правовое предписание, закрепляющее

модель должного поведения, соединяющее в себе материальные и процессуальные аспекты правового регулирования. В свою очередь охранительные нормы права вторичны по отношению к регулятивным и призваны обеспечить их соблюдение и исполнение посредством использования государственного принуждения различных видов. Задача охранительных норм, как утверждает С.И. Вершинина, заключается не в регулировании правоотношений между нарушителем и другими лицами, а в определении вида и объема государственного воздействия, направленного на недопущение и устранение противоправных действий. Далее делается вывод, что охранительные нормы – это правовые предписания материального характера, устанавливающие возможность применения меры государственного принуждения при наличии некоторой модели противоправного поведения, т. е. материальный характер охранительной нормы проявляется через установленную меру государственного воздействия. Однако реализация охранительных норм осуществляется специально уполномоченными лицами и предполагает принятие дополнительных норм процессуального характера. Помимо прочего, ученый отмечает, что реализация регулятивных норм может быть инициирована любым субъектом как для осуществления права, так и для исполнения обязанности. Тогда в первом случае гипотеза нормы связана с субъективным правом, соответственно, реализация нормы зависит от действий субъекта по использованию своего права, а это порождает возникновение обязанности другого субъекта совершить предусмотренные действия в пользу первого лица. Во втором случае гипотеза нормы требует первоначальных действий по реализации нормы от обязанного субъекта, а у управомоченного субъекта возникает право требовать исполнения этой обязанности. Также охранительная норма, в отличие от регулятивной, закрепляет модель противоправного поведения, а не модель должного правоотношения. Охранительные нормы имеют одностороннюю направленность, так как действуют в отношении обязанного субъекта и обеспечивают часть регулятивной нормы, связанную с исполнением юридической обязанности. Поэтому у обязанного субъекта есть выбор: исполнить свою часть диспозиции регулятивной нормы и на этом завершить правоотношение либо не исполнять юридическую обязанность, т. е. совершить противоправное деяние и запустить механизм правоохранительной деятельности. Исходя из этого, при взаимодействии материальных и процессуальных норм возникают

правоотношения, направленные на достижение конечной цели, – применение мер государственного принуждения, т. е. происходит «соединение» диспозиции нормы и ее санкции. В конце своей работы С.И. Вершинина делает следующие выводы: с одной стороны, охранительные нормы всегда связаны с противоправным поведением и мерой государственного принуждения, а регулятивные формируют модели поведения участников правоотношений, ориентируясь на добровольное исполнение субъектами правовых предписаний, но в то же время в системе регулятивных норм необходимо выделить группу правил, содержащих превентивные меры принуждения, которые направлены на ограничение прав и свобод законопослушных субъектов [23].

Интересно высказывался о связи материальных и процессуальных правоотношений, их характере П.Ф. Елисейкин. Он отмечал, что материально-правовые отношения, в отличие от гражданских процессуальных правоотношений, как правило, существуют помимо процесса. Гражданские процессуальные правоотношения без материальных теряют смысл и становятся беспредметными в той же мере, в какой сам процесс оказывается бесцельным вне защиты прав и интересов. Однако для возбуждения процессуальной деятельности вовсе не требуется, чтобы материально-правовые отношения, защиты которых требует заинтересованное лицо, были в наличии. Для возникновения гражданских процессуальных правоотношений, а затем для их движения достаточно предположения, что нуждающееся в защите материальное правоотношение есть, поэтому такое предположение оформляется в виде особого отношения, имеющего не регулятивный, а *охранительный* характер [24, с. 11].

В.Н. Протасов, исследуя охранительное правоотношение как основание юридического процесса, обращает внимание, с одной стороны, на то, что такие правоотношения возникают в связи с правонарушением. Правонарушением в данном случае будет являться виновная нереализация субъектом правоотношения своей юридической обязанности. Таким образом, неисполнение субъективной юридической обязанности ведет к нарушению субъективного права. С другой стороны, охранительные правоотношения могут быть вызваны поведением, не предусмотренным правом, или не являться поведением. В качестве такого примера В.Н. Протасов приводит заболевание человеком инфекцией, которая может привести к принудительной госпитализации (в настоящее время данный пример подтверждается случаями заболева-

ния COVID-19), которая осуществляется в процессуальном порядке [17, с. 68–69]. В целом следует согласиться с такой позицией В.Н. Протасова, но полагаем, что возникновение юридического процесса связано не только с охранительным правоотношением, вытекающим из несоблюдения обязанности или возникновения иных ситуаций, влекущих применение принудительных мер, но и для того, чтобы обеспечить соблюдение прав участников процесса от злоупотребления властью со стороны лиц, принимающих как промежуточные, так и итоговые процессуальные решения. В первую очередь, юридический процесс, в том числе и административный процесс, необходимо рассматривать, с одной стороны, с точки зрения необходимости установления истины по делу, а с другой – должны быть обеспечены гарантии, препятствующие злоупотреблению властью со стороны властвующего субъекта. В связи с этим следует уточнить, что в административном процессе субъекты, принимающие процессуальные решения, реализуют не свои субъективные права и обязанности, а публичные, поскольку действуют, принимают решения от имени государства. Это будет существенно отличать административный процесс, как и любой другой юридический процесс, от любых цивилистических правоотношений. Впрочем, дальше В.Н. Протасов отмечает, что охранительные правоотношения, связанные с реализацией административно-предупредительных мер, направленных на защиту общественной безопасности, могут возникать и вследствие стихийных бедствий, которые не являются поведением [17, с. 69]. Однако возникает вопрос: а есть ли в примере, приводимом профессором В.Н. Протасовым, процессуальные правоотношения? Представляется, что нет. Есть деятельность, но она может и не иметь процессуальную форму.

3. Характеристика регулятивных и охранительных правоотношений в административном процессе

Таким образом, если проанализировать все основные мнения о сути регулятивных и охранительных правоотношений, а также к какому из этих видов относятся административные процессуальные правоотношения, то можно сделать следующий вывод: основное отличие будет заключаться в том, что регулятивные правоотношения складываются на основе регулятивных правовых норм, которые устанавливают права и обязанности участников правоотношений, определяют основные «модели поведения». В свою очередь, охранительные правоотношения возникают на основе охранительных правовых норм, устанавливающих запреты и последствия за их нару-

шение, а также регулирующих процессуальные правоотношения, которые возникли при совершении правонарушений. Попытаемся разобраться, к какому типу правоотношений относятся административные процессуальные правоотношения, поскольку это не столь очевидно, как иногда представляется. Ранее уже отмечалось, что административные процессуальные правоотношения, с одной стороны, обеспечивают административные правоотношения, которые возникают в процессе осуществления публичного управления в отдельных отраслях и сферах, – это так называемая позитивная деятельность, а с другой – второй вид правоотношений административного типа – административно-деликтные, которые обеспечиваются административными процессуальными правоотношениями.

Если исходить из того, что административно-процессуальные правоотношения возникают не с момента совершения административного деликта или возникновения обязанности (права), а тогда, когда предприняты действия на фиксацию таких фактов или, например, применения мер административно-процессуального обеспечения, то следует предположить, что все административно-процессуальные правоотношения возникают из позитивных действий. Могут ли они иметь охранительный характер? Безусловно, да, поскольку административно-процессуальное регулирование направлено не только на установление юридических фактов, всесторонность, полноту и объективность рассмотрения административного дела, но и на охрану прав участвующих в деле лиц и обеспечение исполнения ими своих обязанностей. В связи с этим полагаем, что охранительный характер административно-процессуальных правоотношений вытекает не из основного материального правоотношения, а из соответствующей цели – охраны и обеспечения законных процессуальных прав и обязанностей участников административного процесса. Рассматривая административно-процессуальные правоотношения с точки зрения реализации охранительной или регулятивной функции права, нельзя не обратить внимание на юридическую цель как одну из основ реализации таких функций. Юридическую цель можно рассматривать как созданную государством или им санкционированную модель социального состояния, процесса или явления, к достижению которой при помощи юридических средств стремятся участники правоотношений [25]. Как справедливо отмечает М.А. Куликов, юридическая цель устанавливает ориентиры развития административно-процессуальных правоотношений, по-

этому он может выполнять роль как правового стимула, так и правового ограничения. При этом она может выступать важным критерием оценки правомерности действий участников административно-процессуальных правоотношений [25]. В связи с этим предположим, что административно-процессуальные правоотношения носят регулятивно-охранительный характер. Административно-процессуальные правоотношения, реализуя регулятивную функцию права, складываются на основе регулятивных норм, которые предусматривают административно-процессуальные права и обязанности соответствующих субъектов при рассмотрении и разрешении административных дел. Помимо того, что административно-процессуальные правоотношения являются регулятивными, они еще имеют правоприменительный характер. Регулятивная функция административно-процессуального права выражается в установлении не только административно-процессуальных действий, которые должны (могут) совершаться субъектами административно-процессуальных правоотношений при возбуждении, установлении обстоятельств, рассмотрении административного дела, но и в их определенной последовательности, сроках совершения, а также видов административно-процессуальных решений и др. Охранительная же функция административно-процессуального права заключается в защите административно-процессуальных прав и интересов всех участников правоотношений. Исходя из этого, можно констатировать, что административно-процессуальное правоотношение как разновидность правоотношения выполняет следующие функции:

- конкретизация участников, на которых распространяется действие административно-процессуальных норм;
- установление конкретных процессуальных прав и обязанностей, возникающих в связи с возбуждением, рассмотрением административного дела и исполнением решения по нему;
- возможность возникновения в рамках возникающих конкретных процессуальных правоотношений основы для применения как мер административно-процессуального принуждения, так и мер ответственности за невыполнение соответствующих административно-процессуальных обязанностей.

Попробуем с этой точки зрения проанализировать административно-процессуальные правоотношения. Начнем свой анализ с административных процессуальных правоотношений, обеспечивающих административные правоотношения. К данному виду процессуальных правоотношений, конечно, относятся

не все виды, связанные с публично-управленческой деятельностью. В настоящее время к ним можно отнести процессуальные правоотношения, связанные:

- с осуществлением публичного контроля;
- предоставлением государственных и муниципальных услуг;
- осуществлением лицензионно-разрешительной деятельности, не относящейся к предоставлению государственных услуг;
- совершением отдельных управленческих действий, имеющих процессуальный характер.

К административным процессуальным правоотношениям, возникающим в связи с применением административно-деликтных норм, будут относиться:

- производство по делам об административных правонарушениях;
- административно-дисциплинарные производства.

Что может объединять эти виды административно-процессуальных правоотношений? Полагаем, что одна из задач – защита административно-процессуальных прав и интересов участников административно-процессуальных правоотношений. Более того, в административно-процессуальных правоотношениях должна осуществляться охрана прав и интересов не только частных лиц, организаций, но и властвующих субъектов, принимающих соответствующие административно-процессуальные решения (например, от злоупотребления правом). Таким образом, полагаем, что, процессуально урегулировав соответствующие виды правоотношений, возникающие в процессе осуществления различных видов публичного управления, государство не просто упорядочило такие виды деятельности, но и гарантировало соблюдение административно-процессуальных прав и выполнение административно-процессуальных обязанностей их участниками.

4. Выводы

Исходя из вышеизложенного, можно сделать вывод о том, что административно-процессуальные правоотношения носят регулятивно-охранительный характер. Регулятивный характер административно-процессуальных правоотношений связан с административно-процессуальным регулированием порядка производства по административным делам, установлением прав и обязанностей участников административно-процессуальных правоотношений, административно-процессуальных сроков и решений. Охранительный характер таких правоотношений связан с обеспечением административно-процессуальных прав и обязанностей их участников.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гришковец А. А. Размышления об административном процессе в современной России / А. А. Гришковец // Сибирское юридическое обозрение. – 2021. – Т. 18, № 3. – С. 277–291. – DOI: 10.19073/2658-7602-2021-18-3-277-291.
2. Давыдов К. В. Административные процедуры: концепции правового регулирования : дис. ... д-ра юрид. наук / К. В. Давыдов. – Н. Новгород, 2020. – 655 с.
3. Зеленцов А. Б. Административный процесс как вид юридического процесса: современные проблемы понимания и нормативно-правовой регламентации / А. Б. Зеленцов, П. И. Кононов, А. И. Стахов // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. – 2018. – Т. 9, вып. 4. – С. 501–521. – DOI: 10.21638/spbu14.2018.404.
4. Каплунов А. И. Современные походы к пониманию административного процесса как результат и основа развития отечественного административно-процессуального законодательства / А. И. Каплунов // Сибирское юридическое обозрение. – 2021. – Т. 18, № 3. – С. 261–276. – DOI: 10.19073/2658-7602-2021-18-3-261-276.
5. Кобзарь-Фролова М. Н. Категории «процесс» и «процедуры» в трудах классиков российского административного права: понятие, актуальность и современность модели / М. Н. Кобзарь-Фролова // Сибирское юридическое обозрение. – 2021. – Т. 18, № 3. – С. 252–260. – DOI: 10.19073/2658-7602-2021-18-3-252-260.
6. Кононов П. И. Несколько тезисов в поддержку интегративного понимания административного процесса / П. И. Кононов // Сибирское юридическое обозрение. – 2021. – Т. 18, № 3. – С. 328–338. – DOI: 10.19073/2658-7602-2021-18-3-328-338.
7. Лупарев Е. Б. Объект и предмет административно-процессуального правоотношения / Е. Б. Лупарев // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: «Право». – 2021. – № 3. – С. 149–163. – DOI: 10.17308/vsu.proc.law.2021.3/3547.
8. Лупарев Е. Б. Общая теория публичных правоотношений / Е. Б. Лупарев, М. Б. Добробаба, Т. В. Мокина. – М. : Юрлитинформ, 2011. – 280 с.
9. Осинцев Д. В. Что изучает административно-процессуальное право? / Д. В. Осинцев // Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». – 2023. – № 2. – С. 55–71.
10. Серков П. П. Правоотношение (Теория и практика современного правового регулирования) : моногр. : в 3 ч. / П. П. Серков. – М. : Норма, 2018. – Ч. 2, 3. – 1088 с.
11. Соловей Ю. П. К завершению дискуссии о понимании административного процесса / Ю. П. Соловей // Сибирское юридическое обозрение. – 2021. – Т. 18, № 3. – С. 359–378. – DOI: 10.19073/2658-7602-2021-18-3-359-378.
12. Соловей Ю. П. Административное усмотрение: вопросы и ответы (часть 3) / Ю. П. Соловей, П. П. Серков // Сибирское юридическое обозрение. – 2023. – Т. 20, № 3. – С. 224–271. – DOI: 10.19073/2658-7602-2023-20-3-224-271.
13. Сорокин В. Д. Избр. тр. / В. Д. Сорокин. – СПб. : Юридический центр Пресс, 2005. – 1086 с.
14. Стахов А. И. Интегративная теория административного процесса – единственно верная основа построения модели административного процесса / А. И. Стахов // Сибирское юридическое обозрение. – 2021. – Т. 18, № 3. – С. 313–327. – DOI: 10.19073/2658-7602-2021-18-3-313-327.
15. Стариков Ю. Н. Консерватизм правовой политики как гарантия прогресса в сфере административных и иных публичных правоотношений / Ю. Н. Стариков // Административное право и процесс. – 2023. – № 6. – С. 15–33. – DOI: 10.18572/2071-1166-2023-6-15-33.
16. Протасов В. Н. Правоотношение как система / В. Н. Протасов. – М. : Юридическая литература, 1991. – 141 с.
17. Протасов В. Н. Основы общеправовой процессуальной теории / В. Н. Протасов. – М. : Юридическая литература, 1991. – 143 с.
18. Протасов В. Н. Юридическая процедура / В. Н. Протасов. – М. : Юридическая литература, 1991. – 79 с.
19. Радько Т. Н. Теория функций права / Т. Н. Радько. – М. : Проспект, 2014. – 272 с.

20. Громошина Н. А. О единстве процессе и месте административного судопроизводства в системе российского права: продолжение дискуссии / Н. А. Громошина // Административное право и процесс. – 2018. – № 3. – С. 42–46.
21. Кравченко О. А. Регулятивные и охранительные правоотношения как относительно самостоятельные типы / О. А. Кравченко // Вестник Владимирского юридического института. – 2008. – № 4. – С. 149–152.
22. Явич Л. С. Общая теория права / Л. С. Явич. – Л. : ЛГУ, 1976. – 287 с.
23. Вершинина С. И. О соотношении охранительных норм и норм принуждения / С. И. Вершинина // Российский юридический журнал. – 2011. – № 4 (79). – С. 52–62.
24. Елисейкин П. Ф. Гражданские процессуальные правоотношения : учеб. пособие / П. Ф. Елисейкин. – Ярославль : Яросл. гос. ун-т, 1975. – 93 с.
25. Куликов М. А. Манипулирование как инструмент манипулятивного воздействия: теоретико-правовой анализ / М. А. Куликов // Право. Журнал Высшей школы экономики. – 2023. – № 2. – С. 213–240. – DOI: 10.17323/2072-8166.2023.2.213.240.

REFERENCES

1. Grishkovets A.A. Reflections about the administrative process in modern Russia. *Sibirskoe yuridicheskoe obozrenie = Siberian Law Review*, 2021, vol. 18, no. 3, pp. 277–291. DOI: 10.19073/2658-7602-2021-18-3-277-291. (In Russ.).
2. Davydov K.V. *Administrative procedures: concepts of legal regulation*, Doct. Diss. Nizhny Novgorod, 2020. 655 p. (In Russ.).
3. Zelentsov A.B., Kononov P.I., Stahov A.I. Administrative process as a type of legal process: modern problems of understanding and regulatory regulation. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Pravo = Vestnik of Saint Petersburg University. Law*, 2018, vol. 9, iss. 4, pp. 501–521. DOI: 10.21638/spbu14.2018.404. (In Russ.).
4. Kaplunov A.I. Modern approaches to understanding the administrative process as a result and the basis for the development of domestic administrative procedural legislation. *Sibirskoe yuridicheskoe obozrenie = Siberian Law Review*, 2021, vol. 18, no. 3, pp. 261–276. DOI: 10.19073/2658-7602-2021-18-3-261-276. (In Russ.).
5. Kobzar-Frolova M.N. Categories “process” and “procedures” in the works of the classics of Russian administrative law: the concept, relevance and modernity of the model. *Sibirskoe yuridicheskoe obozrenie = Siberian Law Review*, 2021, vol. 18, no. 3, pp. 252–260. DOI: 10.19073/2658-7602-2021-18-3-252-260. (In Russ.).
6. Kononov P.I. Several theses in support of an integrative understanding of the administrative process. *Sibirskoe yuridicheskoe obozrenie = Siberian Law Review*, 2021, vol. 18, no. 3, pp. 328–338. DOI: 10.19073/2658-7602-2021-18-3-328-338. (In Russ.).
7. Luparev E.B. Object and subject of administrative procedural legal relationship. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: «Pravo» = Proceedings of Voronezh State University. Series: Law*, 2021, no. 3, pp. 149–163. DOI: 10.17308/vsu.proc.law.2021.3/3547. (In Russ.).
8. Luparev E.B., Dobrobaba M.B., Mokina T.V. *General theory of public relations*. Moscow, Yurlitinform Publ., 2011. 280 p. (In Russ.).
9. Osintsev D.V. What does administrative procedural law study?. *Elektronnoe prilozhenie k «Rossiiskomu yuridicheskomu zhurnalu» = Electronic supplement to the Russian Juridical journal*, 2023, no. 2, pp. 55–71. (In Russ.).
10. Serkov P.P. *Legal relationship (Theory and practice of modern legal regulation)*, Monograph, in 3 parts. Moscow, Norma Publ., 2018. Pt. 2, 3. 1088 p. (In Russ.).
11. Solovey Yu.P. Ending the discussion on understanding of the administrative process. *Sibirskoe yuridicheskoe obozrenie = Siberian Law Review*, 2021, vol. 18, no. 3, pp. 359–378. DOI: 10.19073/2658-7602-2021-18-3-359-378. (In Russ.).
12. Solovey Yu.P., Serkov P.P. Administrative Discretion: Questions and Answers (Part 3). *Sibirskoe yuridicheskoe obozrenie = Siberian Law Review*, 2023, vol. 20, no. 3, pp. 224–271. DOI: 10.19073/2658-7602-2023-20-3-224-271. (In Russ.).
13. Sorokin V.D. *Selected works*. St. Petersburg, Yuridicheskii tsentr Press Publ., 2005. 1086 p. (In Russ.).

14. Stahov A.I. The integrative theory of the administrative process is the only true basis for building a model of the administrative process. *Sibirskoe yuridicheskoe obozrenie = Siberian Law Review*, 2021, vol. 18, no. 3, pp. 313–327. DOI: 10.19073/2658-7602-2021-18-3-313-327. (In Russ.).
15. Starilov Yu.N. Conservation of the legal policy as a guarantee of progress in administrative and other public relations. *Administrativnoe pravo i protsess = Administrative law and procedure*, 2023, no. 6, pp. 15–33. DOI: 10.18572/2071-1166-2023-6-15-33. (In Russ.).
16. Protasov V.N. *Legal relationship as a system*. Moscow, Yuridicheskaya literatura Publ., 1991. 141 p. (In Russ.).
17. Protasov V.N. *Fundamentals of general legal procedural theory*. Moscow, Yuridicheskaya literatura Publ., 1991. 143 p. (In Russ.).
18. Protasov V.N. *Legal procedure*. Moscow, Yuridicheskaya literatura Publ., 1991. 79 p. (In Russ.).
19. Rad'ko T.N. *Theory of the functions of law*. Moscow, Prospekt Publ., 2014. 272 p. (In Russ.).
20. Gromoshina N.A. On the unity of the procedure and the role of administrative proceedings in the Russian law system: continuation of the discussion. *Administrativnoe pravo i protsess = Administrative law and procedure*, 2018, no. 3, pp. 42–46. (In Russ.).
21. Kravchenko O.A. Regulatory and protective legal relations as relatively independent types. *Vestnik Vladimirskogo yuridicheskogo instituta*, 2008, no. 4, pp. 149–152. (In Russ.).
22. Yavich L.S. *General Theory of Law*. Leningrad, Leningrad State University Publ., 1976. 287 p. (In Russ.).
23. Vershinina S. About interrelation of protective norms and norms of coercion. *Rossiiskii yuridicheskii zhurnal = Russian Juridical journal*, 2011, no. 4, pp. 52–62. (In Russ.).
24. Eliseikin P.F. *Civil procedural legal relations*, Teaching aid. Yaroslavl, Yaroslavl State University Publ., 1975. 93 p. (In Russ.).
25. Kulikov M.A. Manipulation by Means of Legal Goals: Concept and Characteristics. *Pravo. Zhurnal Vysheishskoly ekonomiki = Law. Journal of the Higher School of Economics*, 2023, no. 2, pp. 213–240. DOI: 10.17323/2072-8166.2023.2.213.240. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Спиридонов Павел Евгеньевич – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры теории и истории государства и права
Санкт-Петербургский университет ГПС МЧС России
196105, Россия, г. Санкт-Петербург, Московский пр., 149
E-mail: pavelspiridonov@rambler.ru
ORCID: 0000-0002-5257-5709
SPIN-код РИНЦ: 3494-9484

INFORMATION ABOUT AUTHOR

Pavel E. Spiridonov – PhD in Law, Associate Professor; Associate Professor, Department of Theory and History of State and Law
Saint-Petersburg University of State Fire Service of EMERCOM of Russia
149, Moskovskii pr., St. Petersburg, 196105, Russia
E-mail: pavelspiridonov@rambler.ru
ORCID: 0000-0002-5257-5709
RSCI SPIN-code: 3494-9484

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Спиридонов П.Е. Регулятивно-охранительный характер административно-процессуальных правоотношений / П.Е. Спиридонов // Правоприменение. – 2024. – Т. 8, № 3. – С. 102–111. – DOI: 10.52468/2542-1514.2024.8(3).102-111.

BIBLIOGRAPHIC DESCRIPTION

Spiridonov P.E. The regulatory and protective nature of administrative and procedural legal relations. *Pravoprimenenie = Law Enforcement Review*, 2024, vol. 8, no. 3, pp. 102–111. DOI: 10.52468/2542-1514.2024.8(3).102-111. (In Russ.).

ПРАВОВАЯ ПРИРОДА КРИПТОАКТИВОВ И ЕЕ ОТРАЖЕНИЕ В ГРАЖДАНСКОМ И НАЛОГОВОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ*

А.О. Симонов^{1,2}

¹ Научно-исследовательский финансовый институт Министерства финансов Российской Федерации, г. Москва, Россия

² Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», г. Москва, Россия

Информация о статье

Дата поступления –

10 февраля 2024 г.

Дата принятия в печать –

20 июня 2024 г.

Дата онлайн-размещения –

20 сентября 2024 г.

Ключевые слова

Налоговое право, налоговая
безопасность, гражданское право,
юридическая техника,
криптоактивы, цифровые
финансовые активы, цифровая
экономика, цифровая валюта,
утилитарные цифровые права,
цифровые активы, цифровые
права

Проведен анализ существующего в российском законодательстве терминологического аппарата в сфере цифровой экономики, а также актуальных проблем, с которыми сталкиваются как законодатель, так и ученые-исследователи. Констатируется, что в отсутствие четких определений и правовых рамок о порядке налогообложения доходов участники рынка сталкиваются с трудностями в понимании своих прав и обязанностей, а также в исполнении налоговых обязательств; неопределенность также не позволяет формировать правоприменительную практику и создает риски для стабильности финансового рынка и налоговой безопасности государства. Сделан вывод о том, что действующие подходы к разработке терминологического аппарата обладают пороками, так как допускают смешение понятий и не предполагают формирование ясной иерархии. Предложено определение понятия «цифровой актив» для целей восполнения существующих терминологических пробелов в действующем законодательстве.

THE LEGAL NATURE OF CRYPTO ASSETS AND ITS REFLECTION IN THE CIVIL AND TAX LEGISLATION OF THE RUSSIAN FEDERATION**

Andrey O. Simonov^{1, 2}

¹ Financial Research Institute of the Ministry of Finance of the Russian Federation, Moscow, Russia

² HSE University, Moscow, Russia

Article info

Received –

2024 February 10

Accepted –

2024 June 20

Available online –

2024 September 20

Keywords

Tax law, tax security, civil law, legal
technique, crypto asset, digital
financial asset, digital economy,
digital currency, utilitarian digital
rights, digital assets, digital rights

The article analyzes the legal nature of crypto assets in Russian legislation and the specifics of their taxation, focusing on the need to form a legal framework that promotes effective protection of the rights of participants in the turnover of crypto assets.

The methodological basis of the research is the dialectical method, the formal logical method, the formal legal method and the method of interpretation of law.

The lack of a unified terminology base in the field of digital economy in Russian legislation creates additional difficulties in creating comfortable conditions for the development of the crypto asset market. Currently used various terms such as “virtual assets”, “digital assets”, “crypto assets”, “cryptocurrency” are not fixed in the current legislation. At the same time, the terms existing in Russian legislation do not allow for effective regulation in the field of taxation and civil turnover, since they intentionally exclude the most common crypto assets from their scope. Without clear and unambiguous legal regulation, it is difficult to ensure proper control and taxation of transactions with crypto assets, which can lead to significant tax losses and a decrease in budget revenues.

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-78-10160, <https://rscf.ru/project/23-78-10160/>.

** The research was funded by the Russian Science Foundation, project No. 23-78-10160, <https://rscf.ru/project/23-78-10160/>.

Moreover, the concept of “digital currency” used in Russian legislation does not correspond to the generally accepted meaning in international practice and is mainly considered in an economic context, rather than in a legal one. Such a discrepancy in terminology creates additional difficulties for participants in the cryptocurrency market and creates obstacles to the formation of an effective legal framework for the regulation of the digital economy. According to the results of the study, it was concluded that the current approaches to the development of the terminological apparatus of the regulation of crypto assets have flaws, since they allow for a mixture of concepts and do not imply the formation of a clear hierarchy. The definition of “the digital asset” is proposed for the purpose of filling existing terminological gaps in the current legislation.

1. Введение

Развитие цифровых технологий и глобальная цифровизация экономики привели к появлению новых финансовых инструментов и активов, среди которых особое место занимают криптоактивы. В последние годы они привлекли внимание не только инвесторов и пользователей, но и законодателей, стремящихся интегрировать их использование в правовое поле. В Российской Федерации вопросы, связанные с правовой природой криптоактивов, становятся всё более актуальными с точки зрения как гражданско-правового, так и налогового регулирования.

В настоящее время в отечественном законодательстве отсутствует единый подход к определению криптоактивов, что порождает правовую неопределенность. Более того, процесс цифровизации за последние годы сформировал среду, благоприятную для возникновения таких новых явлений, как «виртуальный актив», «цифровой актив», «электронный актив» и т. д. В связи с этим в короткие сроки появилось множество новых смежных понятий, характеризующих эти явления. Многообразие этих понятий может вводить в заблуждение, что безусловно ставит под угрозу принцип стабильности правового регулирования, который, по замечанию П.В. Соловьева, является одним из основных принципов нормотворческой деятельности [1, с. 63].

В отсутствие четких определений и правовых рамок участники рынка сталкиваются с трудностями в понимании своих прав и обязанностей, а также в исполнении налоговых обязательств. Неопределенность также не позволяет формировать правоприменительную практику и создает риски для стабильности финансового рынка и налоговой безопасности государства: в отсутствие стабильности правоприменения невозможно планирование экономической деятельности частными субъектами, которые явля-

ются налогоплательщиками и формируют доходную часть бюджета страны.

В связи с этим изучение правовой природы криптоактивов необходимо для формирования правовой базы, способствующей эффективной защите прав участников оборота криптоактивов и справедливому налогообложению соответствующих операций. В данном контексте особое внимание уделяется анализу ключевых признаков криптоактивов, а также выявлению и устранению недостатков, связанных с определением различных видов цифровых активов в действующем российском законодательстве.

Таким образом, необходимо выработать комплексный подход к правовому регулированию криптоактивов, который будет учитывать особенности терминологии, а также специфику их применения в цифровой экономике.

Рассмотрим наиболее часто используемые в отношении криптоактивов термины.

2. Понятие цифрового финансового актива

Начать предлагаем с одного из ключевых терминов, используемых в российском законодательстве, – «цифровой». Производные от него термины «цифровой финансовый актив» (далее – ЦФА) и «цифровая валюта» находят свое отражение в ст. 1 Федерального закона от 31 июля 2020 г. № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»¹: под ЦФА законодатель понимает цифровые права, которые выпускаются в соответствии с требованиями законодательства Российской Федерации, а также обращение которых возможно путем внесения записи в информационную систему на основании распределенного реестра или иную информационную систему. При этом предложенное законодателем определение делает отсылку к ст. 141.1 части первой Гражданского ко-

¹ Собрание законодательства Российской Федерации. 2020. № 31 (ч. I). Ст. 5020.

декса² (далее – ГК) РФ, где закреплено определение цифровых прав. Данный термин законодатель также раскрывает концептуально, определяя такие права как некие обязательственные и иные права, содержание и условия распоряжения которых определяется информационной системой, в которой они существуют. Другими словами, законодатель в данном случае не столько раскрывает и закрепляет понятие цифрового права, сколько подчеркивает его главную особенность, которая заключается в способе фиксации права и указании на то, что такое право может существовать исключительно в диджитальном, а не реальном мире [2, с. 54].

При этом особое внимание следует обратить на то, что условно новый способ учета и записи прав стал ключевым основанием для выделения цифровых прав в самостоятельный объект гражданских прав, относящийся к имущественным правам, в соответствии с положениями ст. 128 ГК РФ. В данном случае интересный пример приводят С.И. Суслова и У.Б. Филатова, когда говорят о том, что цифровой способ фиксации прав не приводит к созданию нового вида имущественных прав, в частности, «при передаче машины путем передачи ключей от нее ни у кого не возникает сомнений, что объектом выступает сам автомобиль, а ключ – лишь способ» [3, с. 11]. Иными словами, учет или обращение прав, осуществляемое с помощью нового технологического решения, не подменяет его природу, но лишь изменяет пространство, в котором осуществляется запись о праве собственности.

Здесь важно отметить, что цифровое право не обязательно должно быть связано исключительно с виртуальными объектами, но может закреплять имущественные права в отношении реальных, существующих в материальном мире, предметов, что подтверждает существование «утилитарных цифровых прав», которые описаны в Федеральном законе от 2 августа 2019 г. № 259-ФЗ «О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»³. Утилитарные цифровые права (далее – УЦП) позволяют требовать передачи вещи, исключительных прав на результаты интеллектуальной деятельности или выполнения работ и оказания услуг.

Другими словами, цифровые права представляют собой выпущенное и существующее в информационной системе имущественное право, позволяющее требовать исполнения, взятого на себя должником по обязательству.

С учетом совокупности и комплексности понятия ЦФА, которое содержит отсылку к более фундаментальному понятию «цифровое право», в качестве квалифицирующих признаков ЦФА могут быть выделены следующие:

– ЦФА представляет собой диджитализированное отражение имущественных прав в отношении как материальных, так и нематериальных объектов;

– ЦФА создается и обращается исключительно в информационной системе (как основанной на технологии распределенных реестров, так и иных аналогичных технологиях);

– ЦФА создается и обращается в соответствии с требованиями российского законодательства, другими словами, цифровой актив, который не соответствует требованиям законодательства Российской Федерации, не является ЦФА;

– ЦФА не является законным платежным средством.

Продолжая анализировать понятие «цифровой», следует обратить внимание на то, что отечественное законодательство не содержит понятия «цифровой актив», несмотря на то, что данный термин за последние годы стал неотъемлемой частью лексикона как научного сообщества, так и законодателя. Само понятие «цифровой актив» является дискуссионным, так как в настоящее время отсутствует четкая дифференциация между термином «цифровой актив» и «криптоактив», что также подтверждает и Банк России⁴.

Например, Д.А. Кочергин и С.А. Андрюшин предлагают рассматривать цифровые активы как «активы, воплощающие ценность или символизирующие права, которые создаются, хранятся и передаются в цифровой форме» [4, с. 499]. И.А. и Р.Г. Астраханцевы предложили аналогичный подход к определению данного термина: «активы, которые существуют только в цифровом виде в эмитирующей их информационной системе» [5, с. 5]. Говоря о международной правоприменительной практике, следует отметить предложенное Советом по финансовой

² Собрание законодательства Российской Федерации. 1994. № 32. Ст. 3301.

³ Собрание законодательства Российской Федерации. 2019. № 31. Ст. 4418.

⁴ Криптовалюты: тренды, риски, меры: докл. для обществ. консультаций. М.: Банк России, 2022. 36 с. URL: https://cbr.ru/Content/Document/File/132241/Consultation_Paper_20012022.pdf (дата обращения: 07.02.2024).

стабильности определение цифрового актива (*digital asset*) как «цифрового отображения ценности в цифровом виде, которое может использоваться как в платежных, так и в инвестиционных целях»⁵.

Как можно заметить, каждое из предложенных определений содержит в себе схожие черты, которые выражаются в том, что определение цифрового актива дается через «порочный круг» [6, с. 324], а именно через использование термина «актив». Представляется, что подобная неточность учеными-исследователями была допущена намеренно для того, чтобы исключить создание ограничивающего объектный состав потенциальных объектов, право на которые закрепляется в цифровой форме, термина. Также следует отметить, что каждое из определений делает акцент на цифровой форме фиксации права собственности на цифровой актив, что абсолютно логично и последовательно в контексте соответствующей юридической природы актива.

Тем не менее ни одна из предложенных формулировок не позволяет выделить уникальные характеристики родового понятия цифрового актива. Предложенные определения априорно фиксируют доминирующий статус «цифрового актива» в терминологической иерархии диджитальных явлений в качестве родового.

В связи с этим в настоящей статье будет предложено определение цифрового актива, претендующее на устранение выявленных недостатков.

Цифровой актив – цифровое отражение ценности, существующее и обращающееся в рамках специально созданной информационной системы, которое может быть использовано в качестве платежного средства, правоподтверждающего и инвестиционного инструмента. Обращаем внимание на то, что предложенное определение позволяет:

1) отразить ключевые особенности цифровых активов, которые заключаются в цифровой форме закрепления права;

2) отразить, что цифровой актив может существовать исключительно в рамках специальной информационной системы;

3) отразить многообразие видов активов, которые включают в себя цифровые активы:

– виртуальные валюты в виде «платежных средств»;

– корпоративные, имущественные и иные права в виде «правоподтверждающего инструмента»;

– ценные бумаги и криптовалюты в виде «инвестиционного инструмента».

Предложенное понятие цифрового актива может восполнить существующий терминологический пробел в российском законодательстве для целей устранения терминологической неопределенности. Более того, единый агрегирующий термин для существующих и будущих цифровых активов позволит повысить гибкость российского законодательства как с точки зрения правил налогообложения, так и гражданского оборота.

3. Понятие цифровой валюты

Еще одним не менее значимым для отечественного законодательства термином является «цифровая валюта». Говоря о цифровых валютах, следует отметить, что под этим термином законодатель понимает совокупность электронных данных, которая может быть принята в качестве средства платежа, но не является таковой с точки зрения законодательства Российской Федерации или иностранного государства, или в качестве инвестиции, в которых отсутствует лицо, обязанное перед обладателем таких электронных данных. В контексте действующего российского законодательства под цифровыми валютами понимаются исключительно не обеспеченные Российской Федерацией или иным государством цифровые активы, которые могут восприниматься участниками гражданского оборота в качестве средства платежа. Эта особенность указывает на то, что российским законодательством цифровой валютой признаётся исключительно частная цифровая валюта, в то время как цифровая валюта, выпускаемая и обеспечиваемая каким-либо государством, не поименована в законодательстве и фактически исключена из гражданского оборота.

При этом в российской научной дискуссии под цифровой валютой понимается:

1) альтернативная форма валюты, обращающаяся, хранящаяся и создаваемая в онлайн-пространстве, но не имеющая физического воплощения [7, с. 6–7; 8, с. 69];

2) виртуальное средство обращения, которое потенциально может использоваться по аналогии с реальной валютой [9, с. 121];

⁵ Prudential Treatment of Cryptoassets Exposures. Basel Committee on Banking Supervision, December 2022. 32 p. URL: <https://www.bis.org/bcbs/publ/d545.pdf> (дата обращения: 07.02.2024); Assessment of Risks to Financial Stability from

Crypto-assets. Financial Stability Board, February 16, 2022. URL: <https://www.fsb.org/wp-content/uploads/P160222.pdf> (дата обращения: 07.02.2024).

3) тип валюты, которая выполняет основные функции денег, такие как мера стоимости, средство обращения, средство платежа, средство сохранения стоимости и средство сбережения (условно), но, в отличие от традиционных форм денег, существует только в электронном виде и используется в Интернете [10, с. 28].

Как можно заметить, в научной дискуссии при определении понятия «цифровая валюта» основной акцент делается на функциональный аспект данного вида актива, однако игнорируется его правовая сущность с точки зрения российского законодательства. Другими словами, цифровую валюту преимущественно позиционируют в качестве альтернативного средства платежа, хотя в действительности данный аспект не является столь существенным. Более значимо то, что в отношениях по обращению цифровой валюты нет лица, обеспечивающего ценность этой валюты. Ценность такой валюты определяется на основании общественного консенсуса, что концептуально приближает понятие цифровой валюты к криптовалюте.

Вместе с этим существующая научная дискуссия ведется не только вокруг терминологии, но и в отношении форм воплощения цифровых валют. В частности, А.А. Ситник выявил пять аспектов, в которых цифровые валюты могут найти свое отражение:

1) ЦФА – не имеющее вещественного выражения имущество, существующее в электронно-цифровой форме и создаваемое с использованием средств криптографии;

2) частные электронные деньги – неэмитуемые государством денежные средства, создаваемые и обращаемые по правилам децентрализованной (пиринговой) сети;

3) цифровой носитель (репрезентация) стоимости – выражение стоимости, которое может торговаться в цифровой форме и выполняет функции:

- средства обмена,
- и (или) меры стоимости,
- и (или) средства накопления,

– но не имеет статуса законного платежного средства;

4) запись в распределенном реестре – информация о транзакции, учтенная в указанном реестре;

5) финансовый инструмент – рыночный продукт, торгуемый на биржах криптовалют, посредством которого возможно оказание платежных и иных финансовых услуг [11, с. 182].

Данная классификация раскрывает различные аспекты цифровых валют, каждый из которых позволяет представлять цифровые валюты в качестве от-

дельного объекта гражданского оборота. Следует также отметить, что такая классификация имеет скорее теоретическую направленность, так как позволяет дифференцировать цифровые валюты на основании их функциональной направленности. При этом их ключевая характеристика, которая заключается в том, что цифровые валюты представляют собой совокупность данных, ценность которых определяет гражданский оборот, остается неизменной.

Однако следует обратить внимание на то, что представленная классификация предполагает нарушение терминологической иерархии, а также некоторое терминологическое смещение, которое выражается в следующем:

1. ЦФА предстает в качестве видового понятия по отношению к цифровым валютам. Однако в действительности, как было отмечено ранее, понятие ЦФА является более широким и включает в себя цифровые валюты.

2. Цифровая валюта представляет собой не только частные валюты, но и те, эмитентом которых выступает государство. В данном случае происходит излишнее сужение понятия.

3. Несмотря на то, что с технической точки зрения цифровая валюта действительно представляет собой запись в распределенном реестре, сама запись не представляет какой-либо ценности и является лишь способом отражения движения цифровой валюты внутри информационной системы. Сама же цифровая валюта представляет собой совокупность электронных данных (кода).

Таким образом, понятие цифровой валюты вызывает множественные вопросы не только в контексте определения ее сущности, но в контексте форм ее представления.

Выделим ключевые квалифицирующие признаки цифровой валюты:

– она представляет собой совокупность электронных данных;

– она представляет собой эквивалент стоимости товаров или услуг, который может быть использован в качестве альтернативы законному средству платежа;

– отсутствует лицо, ответственное за обеспечение, установление и поддержание ценности цифровой валюты.

В рамках данного контекста также необходимо обратить внимание и на цифровой рубль, который в соответствии со ст. 128 ГК РФ был приравнен к безналичным денежным средствам. При этом следует отметить, что законодателем не было предложено

нормативное определение цифрового рубля. Интересно, что в первой редакции Федерального закона от 24 июля 2023 г. № 340-ФЗ⁶, который ввел ряд изменений в различные нормативные правовые акты для целей внедрения цифрового рубля, было прямое указание на то, что цифровой рубль не является цифровой валютой. Впоследствии законодатель отказался от данного тезиса, так как такое разграничение могло повлечь за собой путаницу и привести к возникновению существенных сложностей в правоприменительной деятельности [12, с. 8].

Несмотря на то, что законодатель в итоге отказался от такого нормативного разграничения, фактически оно сохранилось, так как закрепленное понятие «цифровая валюта» содержит оговорку о том, что цифровая валюта не является денежной единицей Российской Федерации. Таким образом, цифровой рубль является не цифровой валютой, но цифровой формой национальной валюты Российской Федерации. Подобное законодательное решение представляется крайне интересным, так как, с одной стороны, Банк России не желает «монополизировать» понятие «цифровая валюта»: любая привязка цифровой валюты к государственной эмиссии фактически сузила бы разновидность цифровых валют до цифрового рубля. С другой стороны, возникают вопросы относительно необходимости внедрения данного понятия на законодательном уровне. Подобный вопрос возникает в связи с тем, что Банк России акцентирует внимание на том, что термин «цифровая форма денег» используется исключительно в экономическом, а не юридическом контексте, что делает цифровой рубль простой разновидностью безналичных денег [13, с. 5].

Из этого следует, что цифровой рубль не имеет какого-либо отношения к цифровым валютам и никак с ними не соотносится. Фактически цифровой рубль представляет даже не столько новую форму национальной валюты Российской Федерации, сколько новый формат и порядок ведения учета безналичной валюты. Другими словами, термин «цифровой рубль», который выбрал Банк России для внедрения нового способа фиксации информации о денежных транзакциях, создает лишь терминологическую путаницу в существующем хаосе «цифровых терминов». В данном случае имеется в виду, что для обозначения цифровых валют, эмитентом которых будет какое-либо государство, потребуется использовать новый термин,

которого в настоящее время еще не существует, но который будет предложен и будет идти вразрез с установившимися в международной практике терминами.

4. Налоговая безопасность государства в эпоху цифровой экономики

Значимость выявления правовой природы и нормативного терминологического определения цифровых активов и их видов обусловлена потребностью снижения правовой неопределенности в условиях донастройки налоговой системы. Существующая неопределенность ставит под угрозу экономическую и налоговую безопасность нашей страны, так как некоторые неурегулированные виды криптоактивов представляют собой существенную долю рынка криптоактивов [14, с. 41], доходы от которых могли бы пополнить бюджет Российской Федерации.

В частности, действующее налоговое законодательство регулирует исключительно порядок налогообложения операций с ЦФА и УЦП для целей налога на прибыль организаций, налога на доходы физических лиц и НДС. Однако рынок ЦФА и УЦП только начинает развиваться в России [15, с. 10], и в настоящее время эти активы занимают незначительную долю рынка, который при этом ограничен периметром Российской Федерации. Наиболее распространенные цифровые активы в виде криптовалют, цифровых токенов и смартконтрактов фактически исключены из гражданского оборота и, соответственно, находятся за пределами контура налогового администрирования. В связи с этим многие участники рынка цифровых и криптоактивов не раскрывают получаемые доходы в связи с тем, что лишены возможности прогнозирования своих налоговых обязательств. Безусловно, подобное поведение является делинквентным, так как такие налогоплательщики могли бы руководствоваться общими нормами налогообложения своих доходов.

Полагаем, что отсутствие нормативного определения криптоактивов связано с тем, что единого подхода к определению понятия «криптоактив» не сформулировано не только на законодательном уровне, но и в науке [16, с. 19]. Криптоактивы представляют собой разновидность цифровых активов, особенность которых заключается в обязательном использовании технологии распределенных реестров при их создании и обороте. При этом данный термин достаточно часто используется не совсем

⁶ Федеральный закон от 24 июля 2023 г. № 340-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Рос-

сийской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2023. № 30. Ст. 1234.

корректно. По нашему мнению, среди наиболее распространенных заблуждений могут быть выделены следующие:

- некоторые исследователи определяют криптоактивы как разновидность ЦФА [17, с. 115];
- некоторые исследователи отождествляют ЦФА, криптоактивы, криптовалюты и цифровые валюты [18, с. 167; 19, с. 200; 20, с. 668].

Как можно заметить, наиболее распространенным допущением является смешений понятий, что недопустимо в рамках налогообложения. В действующем законодательстве правила налогообложения операций с ЦФА и УЦП отличаются от правил налогообложения операций с криптоактивами настолько же сильно, как налогообложение дохода от операций с ценными бумагами от налогообложения недвижимого имущества.

Полагаем, что проблема терминологического закрепления видов цифровых активов, в том числе, связана с отсутствием единства в отношении данных явлений в научном дискурсе. Ведь в российской научной плоскости более часто используется термин ЦФА [21, с. 54], что, безусловно, в большей степени отвечает действующему законодательству. Однако понятие ЦФА не включает в себя криптоактивы, что и приводит к правовой неопределенности и невозможности предсказания налоговых обязательств налогоплательщиков.

Таким образом, существующие правовые лакуны в вопросах налогообложения операций с криптоактивами приводят к выпадению значительной базы для налогообложения [22, с. 27]. Безусловно, подобные недостатки должны быть устранены для целей повышения налоговой безопасности Россий-

ской Федерации и снижения доли «серых» неналогооблагаемых доходов.

5. Заключение

Полагаем, что предлагаемые законодателем инструменты существенно ограничивают возможности рынка с точки зрения оборота цифровых активов, так как наиболее распространенные цифровые активы (криптоактивы) исключены из-под предложенного регулирования ЦФА. Фактически они представляют собой «мерцающий объект» в гражданско-правовом обороте. С одной стороны, действующее регулирование не признаёт криптоактивы в качестве объекта в связи с тем, что формально они не подпадают ни под один из существующих объектов. С другой стороны, судебная практика, в частности в сфере банкротства, активно изымает у должников такие непризнанные объекты⁷.

При этом в налоговом праве порядок налогообложения операций с криптоактивами, а также терминологический аппарат цифровой экономики не закреплён. Данное обстоятельство не позволяет участникам цифрового рынка прогнозировать свои налоговые обязательства. В связи с этим многие из них не раскрывают доходы, полученные от операций с криптоактивами, что негативным образом отражается на эффективности налогового администрирования.

Подобная ситуация, безусловно, должна быть разрешена в ближайшем будущем в связи с объективной необходимостью развития оборота цифровых активов для целей расширения возможностей экономического роста, а также повышению уровня налоговой безопасности Российской Федерации в контексте появления новых и ясных правил налогообложения цифровой экономики.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Соловьев П. В. Обеспечение стабильности правового регулирования в современной динамике общественных отношений / П. В. Соловьев // Трансформация государственного управления и местного самоуправления в условиях развития информационного общества : сб. ст. Междунар. круглого стола. – Новополюцк, 2023. – С. 63–66.
2. Абрамова Е. Н. К вопросу о понятии цифрового права как объекта гражданских прав / Е. Н. Абрамова // Юрист. – 2023. – № 1. – С. 54–60. – DOI: 10.18572/1812-3929-2023-1-54-60.
3. Суслова С. И. Объекты гражданских прав в условиях формирования информационного пространства России / С. И. Суслова, У. Б. Филатова // Пролог: журнал о праве. – 2019. – № 2. – С. 8–15.

⁷ См., напр., постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 15 мая 2018 г. № 09АП-16416/18, постановление Арбитражного суда Московского округа от

15 августа 2019 г. по делу № А40-12639/2016, определение Арбитражного суда Пермского края от 24 декабря 2021 г. по делу № А50-6372/2018.

4. Кочергин Д. А. Цифровые активы, криптоактивы и цифровые валюты: экономическое содержание и потенциал конвергенции / Д. А. Кочергин, С. А. Андрюшин // Вестник Санкт-Петербургского университета. Экономика. – 2023. – Т. 39, вып. 4. – С. 496–533. – DOI: 10.21638/spbu05.2023.403.
5. Астраханцева И. А. Экономическая сущность и правовой статус криптовалют / И. А. Астраханцева, Р. Г. Астраханцев // Известия высших учебных заведений. Серия: Экономика, финансы и управление производством. – 2020. – № 4. – С. 3–13. – DOI: 10.6060/ivecofin.2020464.502.
6. Вольф О. А. Механизмы образования стилистических фигур алогизма с помощью намеренного нарушения закона достаточного основания / О. А. Вольф // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2018. – Вып. 4-2. – С. 323–327. – DOI: 10.30853/filnauki.2018-4-2.25.
7. Андрюшин С. А. Технология распределенных реестров в финансовой сфере России / С. А. Андрюшин // Банковское дело. – 2018. – № 2. – С. 4–15.
8. Мамитова Н. В. Регулирование казначейского сопровождения как защитная функция от незаконных посягательств на средства бюджета / Н. В. Мамитова, Д. А. Полищук // Конституционное и муниципальное право. – 2022. – № 12. – С. 68–71.
9. Соломяный А. В. Цифровая валюта в современном мире: понятие и сущность / А. В. Соломяный // Ученые труды Российской академии адвокатуры и нотариата. – 2023. – № 3. – С. 120–123.
10. Каранина Е. В. Теоретический аспект развития цифровых финансов / Е. В. Каранина, Д. И. Скопин // Экономика и управление: проблемы, решения. – 2023. – № 6. – С. 27–33. – DOI: 10.36871/ek.ur.p.r. 2023.06.04.001.
11. Ситник А. А. Цифровые валюты центральных банков / А. А. Ситник // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). – 2020. – № 9. – С. 180–186. – DOI: 10.17803/2311-5998.2020.73.9.180-186.
12. Морозова И. Г. Правовой режим цифрового рубля / И. Г. Морозова // Юрист. – 2023. – № 9. – С. 6–10.
13. Хаванова И. А. Цифровой рубль. Теперь и в Налоговом кодексе РФ? / И. А. Хаванова // ЭЖ-Бухгалтер. – 2023. – № 25. – С. 5.
14. Пономарева К. А. Налогообложение операций с цифровыми финансовыми активами в контексте классических правил налогообложения / К. А. Пономарева, А. О. Симонов // Правоприменение. – 2023. – Т. 7, № 4. – С. 35–44. – DOI: 10.52468/2542-1514.2023.7(4).35-44.
15. Аникина И. Д. Тенденции развития инвестиционных сделок с использованием цифровых финансовых активов в российской экономике / И. Д. Аникина // Фундаментальные исследования. – 2023. – № 12. – С. 8–12. – DOI: 10.17513/fr.43525.
16. Валова А. А. Налоговое регулирование операций с криптоактивами в России и за рубежом / А. А. Валова // Налоги и налогообложение. – 2022. – № 4. – С. 16–41. – DOI: 10.7256/2454-065X.2022.4.38285.
17. Кошелев К. А. Определение категории «цифровые финансовые активы»: экономический, правовой и учетный аспекты / К. А. Кошелев // Инновации и инвестиции. – 2021. – № 2. – С. 114–117.
18. Ивашечкина Л. Г. Перспективы развития криптоактивов на финансовом рынке России / Л. Г. Ивашечкина, А. М. Сысоева // Управленческий учет. – 2024. – № 4. – С. 167–173.
19. Кукин А. М. Цифровой рубль как новая реальность для частных лиц и организаций, ограничения, наложенные на оборот прочих цифровых валют / А. М. Кукин, Д. О. Новоселов // Вестник науки. – 2023. – № 8. – С. 199–203.
20. Захаркина А. В. Правовая политика РФ и место в ней цифровых финансовых активов / А. В. Захаркина // Вестник Пермского университета. Юридические науки. – 2023. – Вып. 4 (62). – С. 662–671.
21. Кочергин Д. А. Международный опыт налогообложения криптоактивов / Д. А. Кочергин, Н. В. Покровская // Экономический журнал ВШЭ. – 2020. – Т. 24, № 1. – С. 53–84. – DOI: 10.17323/1813-8691-2020-24-1-53-84.
22. Мачихин Д. С. Современные подходы к налогообложению криптовалюты / Д. С. Мачихин // Вестник современных цифровых технологий. – 2021. – № 8. – С. 23–29.

REFERENCES

1. Solov'ev P.V. Ensuring the stability of legal regulation in the modern dynamics of public relations, in: *Transformatsiya gosudarstvennogo upravleniya i mestnogo samoupravleniya v usloviyakh razvitiya informatsionnogo obshchestva*, Collection of the articles of International Round Table, Novopolotsk, 2023, pp. 63–66. (In Russ.).
2. Abramova E.N. On the concept of a digital right as an object of civil rights. *Yurist = Jurist*, 2023, no. 1, pp. 54–60. DOI: 10.18572/1812-3929-2023-1-54-60. (In Russ.).
3. Suslova S.I., Filatova U.B. Objects of civil rights in the conditions of formation of information space of Russia. *Prolog: zhurnal o prave = Prologue: Law Journal*, 2019, no. 2, pp. 8–15. (In Russ.).
4. Kochergin D., Andryushin S. Digital assets, crypto-assets and digital currencies: Economic content and potential of convergence. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Ekonomika = St Petersburg University Journal of Economic Studies*, 2024, vol. 39, iss. 4, pp. 496–533. DOI: 10.21638/spbu05.2023.403. (In Russ.).
5. Astrakhantseva I.A., Astrakhantsev R.G. Economic nature and legal status of cryptocurrency. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedenii. Seriya "Ekonomika, finansy i upravlenie proizvodstvom" = News of higher educational institutions. Series "Economy, finance and production management"*, 2020, no. 4, pp. 3–13. DOI: 10.6060/ivecofin.2020464.502. (In Russ.).
6. Vol'f O.A. Mechanisms to form stylistic figures of alogism by deliberate violation of the principle of sufficient reason. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki = Philology. Theory & Practice*, 2018, iss. 4-2, pp. 323-327. DOI: 10.30853/filnauki.2018-4-2.25. (In Russ.).
7. Andryushin S.A. Technology of distributed registries in the financial sector of Russia. *Bankovskoe delo = Banking*, 2018, no. 2, pp. 4–15. (In Russ.).
8. Mamitova N.V., Polischuk D.A. Regulation of treasury support as a protective function against illegal infringement on budgetary funds. *Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo = Constitutional and municipal law*, 2022, no. 12, pp. 68–71. (In Russ.).
9. Solomyany A.V. Digital currency in the modern world: the concept and essence. *Uchenye trudy Rossiiskoi akademii advokatury i notariata = Scientific Works of the Russian Academy of Advocacy and Notaries*, 2023, no. 3, pp. 120–123. (In Russ.).
10. Karanina E.V., Skopin D.I. Theoretical aspect of digital finance development. *Ekonomika i upravlenie: problemy, resheniya*, 2023, no. 6, pp. 27–33. DOI: 10.36871/ek.up.p.r.2023.06.04.001. (In Russ.).
11. Sitnik A.A. Digital currencies of central banks. *Vestnik Universiteta imeni O.E. Kutafina (MGYuA) = Courier of Kutafin Moscow State Law University (MSAL)*, 2020, no. 9, pp. 180–186. DOI: 10.17803/2311-5998.2020.73.9.180-186. (In Russ.).
12. Morozova I.G. The legal regime of the digital ruble. *Yurist = Jurist*, 2023, no. 9, pp. 6–10. (In Russ.).
13. Khavanova I. Digital ruble. Is it now in the Tax Code of the Russian Federation?. *EZh-Bukhgalter*, 2023, no. 25, p. 5. (In Russ.).
14. Ponomareva K.A., Simonov A.O. Taxation of digital financial assets in the context of classical rules of taxation. *Pravoprimenenie = Law Enforcement Review*, 2023, vol. 7, no. 4, pp. 35–44. DOI: 10.52468/2542-1514.2023.7(4).35-44.
15. Anikina I.D. Trends in the development of investment transactions using digital financial assets in the Russian economy. *Fundamental'nye issledovaniya = Fundamental research*, 2023, no. 12, pp. 8–12. DOI: 10.17513/fr.43525. (In Russ.).
16. Valova A.A. Tax regulation of transactions with crypto assets in Russia and abroad. *Nalogi i nalogooblozhenie = Taxes and Taxation*, 2022, no. 4, pp. 16–41. DOI: 10.7256/2454-065X.2022.4.38285. (In Russ.).
17. Koshelev K.A. Definition of the category of "digital financial assets": economic, legal and accounting aspects. *Innovatsii i investitsii = Innovation & Investment*, 2021, no. 2, pp. 114–117. (In Russ.).
18. Ivashechkina L.G., Sysoeva A.M. Prospects for the development of cryptoassets in the Russian financial market. *Upravlencheskii uchet = Management Accounting*, 2024, no. 4, pp. 167–173. (In Russ.).
19. Kukin A.M., Novoselov D.O. Digital ruble as a new reality for individuals and organizations, restrictions imposed on the turnover of other digital currencies. *Vestnik nauki*, 2023, no. 8, pp. 199–203. (In Russ.).
20. Zakharkina A.V. Legal Policy of the Russian Federation and the Place of Digital Financial Assets in It. *Vestnik Permskogo universiteta. Yuridicheskie nauki = Perm University Herald. Juridical Sciences*, 2023, iss. 4 (62), pp. 662–672. (In Russ.).

21. Kochergin D., Pokrovskaia N. International Experience of Taxation of Crypto-assets. *Ekonomicheskii zhurnal Vysshei shkoly ekonomiki = Higher Schools of Economics Economic Journal*, 2020, vol. 24, no. 1, pp. 53–84. DOI: 10.17323/1813-8691-2020-24-1-53-84. (In Russ.).

22. Machikhin D.S. International Approaches to Cryptocurrencies Taxation. *Vestnik sovremennykh tsifrovyykh tekhnologii*, 2021, no. 8, pp. 23–29. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Симонов Андрей Олегович – ¹эксперт Центра налоговой политики; ²аспирант факультета права

¹ Научно-исследовательский финансовый институт Министерства финансов Российской Федерации

² Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

¹ 127006, Россия, г. Москва, Настасьинский пер., 3/2

² 109028, Россия, г. Москва, Большой Трехсвятительский пер., 3

E-mail: aosimonov@hse.ru

ORCID: 0000-0001-6590-6856

ResearcherID: JFS-9280-2023

INFORMATION ABOUT AUTHOR

Andey O. Simonov – ¹Expert, Center of Tax Policy;

²PhD Student, Faculty of Law

¹ Financial Research Institute of the Ministry of Finance of the Russian Federation

² HSE University

¹ 3/2, Nastas'inskii per., Moscow, 127006, Russia

² 3, Bol'shoi Trekhsvyatitel'skii per., Moscow, 123022, Russia

E-mail: aosimonov@hse.ru

ORCID: 0000-0001-6590-6856

ResearcherID: JFS-9280-2023

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Симонов А.О. Правовая природа криптоактивов и ее отражение в гражданском и налоговом законодательстве Российской Федерации / А.О. Симонов // Правоприменение. – 2024. – Т. 8, № 3. – С. 112–121. – DOI: 10.52468/2542-1514.2024.8(3).112-121.

BIBLIOGRAPHIC DESCRIPTION

Simonov A.O. The legal nature of crypto assets and its reflection in the civil and tax legislation of the Russian Federation. *Pravoprimenenie = Law Enforcement Review*, 2024, vol. 8, no. 3, pp. 112–121. DOI: 10.52468/2542-1514.2024.8(3).112-121. (In Russ.).

ПРИМЕНЕНИЕ НОРМ ПРАВА СУДЕБНЫМИ ОРГАНАМИ

THE LAW ENFORCEMENT BY THE JUDGES

УДК 342

DOI 10.52468/2542-1514.2024.8(3).122-131

НЕВЕРНОЕ ТОЛКОВАНИЕ ЗАКОНА СУДОМ*

С.А. Белов, М.А. Ревазов

Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, Россия

Информация о статье

Дата поступления –

12 декабря 2023 г.

Дата принятия в печать –

20 июня 2024 г.

Дата онлайн-размещения –

20 сентября 2024 г.

Ключевые слова

Судебное толкование,
толкование закона, судебная
ошибка, пересмотр решения
суда

Представлены результаты анализа судебной практики, цель которого заключалась в выявлении основных тенденций, связанных с оценкой правильности толкования норм права судом. Рассмотрена практика применения положений процессуальных кодексов, предусматривающих последствия неверного толкования положений нормативных актов. В результате проведенного исследования были установлены основные проблемы, с которыми суды сталкиваются при оценке правильности толкования, которое дали их коллеги из нижестоящего суда. При проведении анализа отдельное внимание уделялось таким аспектам, как причины ошибочного толкования, способы обнаружения и устранения выявленной ошибки, последствия совершения ошибки.

INCORRECT INTERPRETATION OF THE LAW BY THE COURT**

Sergei A. Belov, Mikhail A. Revazov

St. Petersburg University, St. Petersburg, Russia

Article info

Received –

2023 December 12

Accepted –

2024 June 20

Available online –

2024 September 20

Keywords

Judicial interpretation,
interpretation of the law, judicial
error, review of the court decision

The subject of this study is the main trends that have developed in judicial practice related to the assessment of the correctness of the interpretation of the norms of law by the court. The purpose of the study was to identify the main approaches used by law enforcement agencies, primarily courts, in assessing the possible existence of an error in the interpretation of the applied law by a lower court.

General scientific and special methods of scientific cognition were used in the research. Among them are analysis, synthesis, deduction, induction, the systematic method, the hermeneutical method and the legal-dogmatic approach. In particular, published court decisions were analyzed, scientific literature and current legislation were studied, after which conclusions were drawn about the state of law enforcement practice and the prevailing trends when considering by higher courts the issue of a possible error in the interpretation of the law committed by a lower court.

The main content of the article is the results of the analysis of judicial practice, the purpose of which was to identify the main trends in judicial practice related to the assessment of the correctness of the interpretation of the norms of law by the court. The practice of applying the provisions of the procedural codes of the Russian Federation, providing for the consequences of a misinterpretation of the provisions of normative acts by the court, is considered. As a result of the conducted research, the main problems that courts face when assessing the correctness of the interpretation given by their colleagues from the lower court were identified. During the analysis, special attention was paid to such aspects as the

* Работа выполнена при поддержке НИР СПбГУ «Юрико-лингвистическая неопределенность в текстах правовых актов с учетом их коммуникативных особенностей и юридических функций» (шифр проекта 103923270).

** The article is a part of research supported by St. Petersburg University “Legal-linguistic vagueness in texts of legal acts in lights of their communicative specificity and legal functions” (project 103923270).

causes of erroneous interpretation, ways to detect and eliminate the identified error, and the consequences of making an error.

Based on the results obtained, conclusions were formulated, among which it is worth noting that judicial errors in the interpretation of normative acts are quite common. At the same time, procedural legislation regulates such situations in different ways in different types of legal proceedings. Having discovered a judicial error in interpretation, the higher court most often does not indicate specific norms that have been misinterpreted, but offers its own solution to the dispute. The errors of the courts in the qualification of those mistakes made by the lower courts were also noted.

1. Введение

Процесс толкования норм судом может быть достаточно сложным и многоаспектным. Толкование используется при правовой квалификации и при вынесении решения по делу [1, с. 39]. Толкование не изменяет правовую норму и не создает новую, оно направлено на анализ, изучение и разбор действующей нормы [2, с. 167].

В литературе представлены различные подходы и концепции судебного толкования [3–5]. В результате толкования нормы выявляется ее единственно возможный смысл, так как иначе возникла бы ситуация правовой неопределенности.

При применении норм права судья руководствуется процессуальным законодательством [6, с. 37]. Вынесение судом решения на основании неверного толкования норм права должно и оценивается как недопустимое, так как ведет к нарушению прав участников процесса. Процессуальные кодексы Российской Федерации содержат ряд положений, регламентирующих оценку правильности применения норм судами. Ошибочное толкование нормы часто прямо указано как одна из форм неправильного применения закона. Указание на неправильное истолкование закона содержится в п. 3 ч. 3 ст. 310 Кодекса административного производства (далее – КАС) РФ, в п. 3 ч. 2 ст. 330 Гражданского процессуального кодекса (далее – ГПК) РФ и п. 3 ч. 2 ст. 270 Арбитражного процессуального кодекса (далее – АПК) РФ. Есть основание говорить о неправильном толковании и в контексте применения ст. 389.15, 389.17 и 389.18 Уголовно-процессуального кодекса (далее – УПК) РФ.

В литературе авторы рассуждают о подходах к толкованию, об использованных методах, о характере возможных ошибок [7, с. 31; 8, с. 58–59; 9, р. 20]. Рассматриваются и особенности использованных законодателем терминов, например устанавливается разница между «неправильным» и «ошибочным» толкованием закона судом [10, с. 20]. Отмечаются проблемы регламентации судебного толкования в процессуальных кодексах [11, с. 46], особенности

процесса конкретизации и применения норм права [12, с. 37].

Цель данной работы – проверка на материалах судебной практики того, как сами суды рассматривают вопросы толкования норм права в решениях нижестоящих судов.

Проведенный анализ практики показал различия в подходах судов, зависящих от того, какое дело перед нами – гражданское, уголовное и т. д., которые связаны как с особенностями применяемых судами материальных норм, так и с толкованием процессуальных норм.

2. Неправильное истолкование закона в гражданском процессе

Основания для отмены или изменения решения суда в апелляционном порядке содержатся в ст. 330 ГПК РФ. Так, среди таких оснований в п. 4 ч. 1 указано нарушение или неправильное применение норм материального права или норм процессуального права. На самом деле это не одно основание, а сразу несколько, что раскрывается в других частях рассматриваемой нормы [13]. Поэтому стоит разделять случаи нарушения и случаи неправильного применения норм права. Кроме того, в соответствии с ч. 2 описываемой статьи под неправильным применением норм материального права может пониматься одно из следующих обстоятельств:

- 1) неприменение закона, подлежащего применению;
- 2) применение закона, не подлежащего применению;
- 3) неправильное истолкование закона.

Таким образом, неправильное истолкование закона является одним из возможных вариантов неправильного применения норм права судом, что может выступать основанием для отмены или изменения решения суда. Наличие такого основания не означает автоматическое наступление описанных последствий – неправильное истолкование должно привести к принятию неправильного решения судом или создать риск такового.

К положению о неправильном толковании закона неоднократно возникали вопросы, связанные с тем, что из буквального смысла этой нормы не следует обязанность при толковании закона учитывать высказанную позицию Конституционного Суда (далее – КС) РФ, если такая имеется [14; 15]. Эту проблему формулировок данной нормы поднимали даже перед КС РФ.

Сам КС РФ неоднократно отмечал, что сама эта норма имеет целью создание условий для исправления возможных ошибок в постановлениях судов нижестоящих инстанций, а отсутствие прямого указания на обязанность суда учитывать решения КС РФ не порождает неопределенности ни с точки зрения порядка применения, ни с точки зрения соответствия Конституции РФ, поскольку в силу ст. 6 и 79 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» решения КС РФ обязательны на всей территории Российской Федерации для всех органов публичной власти, организаций и граждан, действуют непосредственно и не требуют подтверждения, не предполагая применения нормативных правовых актов в истолковании, расходящемся с их конституционно-правовым смыслом, выявленным КС РФ¹.

Анализ применения положения о неверном истолковании закона на практике позволил определить несколько аспектов, заслуживающих внимания.

Сами суды не всегда правильно проводят разграничение между нарушением и неправильным применением норм материального права. Зачастую выводы суда, прямо противоречащие положениям нормативных правовых актов, обозначаются как неправильное применение нормы по причине ее неверного истолкования². Хотя есть и примеры того, как в схожих обстоятельствах суд усмотрел именно нарушение норм материального права³. В некоторых случаях даже можно увидеть последовательное указание на то, что нижестоящий суд вынес решение в нарушение норм права, что становится поводом

для отмены решения по причине неверного толкования норм права⁴. Это может свидетельствовать о том, что порой суды не придают значение тому, по какому из оснований будет отменено решение нижестоящего суда, если усматриваются сами основания для отмены.

Также в практике встречаются случаи, когда суды ошибочно ссылаются на п. 3 ч. 2 ст. 330 ГПК РФ. Так, сделав вывод о том, что норма не подлежала применению, вместо п. 2 суды иногда ссылаются на п. 3. Например, при проверке решений нижестоящих судов было отмечено: «в связи с чем указанная правовая норма, как не имеющая обратной силы, не может применяться к настоящему жилищному спору... суд первой инстанции правильно определил обстоятельства, имеющие значение для дела, однако дал неверное толкование нормам материального права, подлежащим применению к отношениям сторон, что привело к вынесению неправосудного решения»⁵ или «ссылку в решении суда на необходимость применения ФЗ от 28.12.2013 № 426-ФЗ “О специальной оценке условий труда” судебная коллегия находит несостоятельной. Обязанность проведения специальной оценки условий труда указанным ФЗ возлагается на работодателя. По настоящему делу истец в трудовых отношениях с предприятиями и организациями, указанными в решении суда, не состоял. ...Судебная коллегия находит решение суда в части удовлетворения исковых требований подлежащим отмене в силу... п. 3 ч. 2 ст. 330 ГПК РФ – неправильное истолкование закона»⁶. В некоторых делах вовсе отсутствует указание на конкретное основание отмены решения. Например, суд «отменяет решение суда первой инстанции как незаконное и необоснованное» со ссылкой в целом на ч. 1 ст. 330 ГПК РФ⁷.

Еще одной неточностью в контексте однозначного определения основания отмены решения выступает смешение этих оснований, например: «решение принято с нарушением и неправильным применением норм материального права»⁸.

¹ См., напр., определения КС РФ от 30 мая 2023 г. № 1177-О, от 25 октября 2016 г. № 2242-О/2016, от 27 сентября 2018 г. № 2439-О.

² См., напр., апелляционное определение (далее – АО) Орловского областного (далее – обл.) суда от 20 октября 2021 г. по делу № 33-2616/2021, АО Саратовского обл. суда от 14 февраля 2018 г. по делу № 33-952/2018.

³ См., напр., АО Московского городского (далее – гор.) суда от 6 сентября 2023 г. по делу № 33-38302/2023.

⁴ См., напр., АО Московского гор. суда от 16 декабря 2020 г. по делу № 2-1689/2020, № 33-420724/2020.

⁵ АО Верховного Суда (далее – ВС) Республики (далее – Респ.) Коми от 28 апреля 2022 г. № 33-2818/2022 по делу № 2-912/2022.

⁶ АО ВС Респ. Карелия от 1 марта 2021 г. № 33-492/2021 по делу № 2-540/2020.

⁷ АО Московского гор. суда от 24 августа 2023 г. по делу № 33-33545/2023.

⁸ АО Московского гор. суда по делу № 33-18865/2020, от 22 июня 2020 г. по делу № 33-13493/2020.

В большинстве решений суды не указывают на то, какая норма была истолкована неправильно. Чаще всего суд апелляционной инстанции повторяет аргументацию нижестоящего суда, затем делает оговорку о том, что «судом неправильно истолкованы подлежащие применению нормы права» или «суд неправильно истолковал закон, подлежащий применению»⁹. После чего дается верная с точки зрения суда оценка обстоятельств рассматриваемого дела¹⁰. Гораздо нагляднее было бы четко указывать на то, какая норма была неверно истолкована, в чем состояла ошибка и к каким последствиям она привела.

Суды на практике применяют норму о том, что правильное по существу решение суда первой инстанции не может быть отменено по одним только формальным соображениям¹¹. Однако здесь возникает вопрос об оценке этой правильности, о ее критериях. В проанализированных актах суды лишь отмечали наличие или отсутствие последствия ошибки толкования в виде правильного или ошибочного решения дела. Вопрос о том, что ошибка не привела, но могла привести к неправильному решению дела, в проанализированных решениях не ставился. При этом в части дел суды сами заменили критерий правильного решения на критерий законного решения. К примеру, суд отметил: «принимая во внимание, что допущенное судом нарушение привело к вынесению незаконного судебного акта... подлежит отмене»¹².

«Законность» – более понятная категория, чем «правильность», здесь можно опереться на ГПК РФ и его разъяснения. В научной литературе также подчеркивается обусловленность требования законности и обоснованности самой природой акта правосудия [16, с. 14]. Так, в соответствии со ст. 195 ГПК РФ решение суда должно быть законным и обоснованным. При этом решение является законным в том случае, когда оно принято при точном соблюдении норм процессуального права и в полном соответствии с нормами материального права, которые подлежат применению к данному правоотношению, или основано на применении в необходимых случаях аналогии за-

кона или аналогии права¹³. Тем не менее законность и правильность решения оказываются не синонимичными понятиями. Формально, ГПК РФ позволяет оставить в силе правильное, но незаконное решение. Суды сами вынуждены разъяснять то, что положение ч. 6 ст. 330 ГПК РФ, в соответствии с которым правильное по существу решение суда первой инстанции не может быть отменено по одним только формальным соображениям, «само по себе не может рассматриваться как нарушающее конституционные права... поскольку определение того, какие нарушения являются формальными и не влекут отмену проверяемого постановления нижестоящего суда, подлежит установлению судом в каждом конкретном деле исходя из фактических обстоятельств»¹⁴.

На практике применение данного положения вызывает еще одно различие в подходах судов. Большая часть решений отменяется вообще без анализа правильности вынесенного решения. Суд просто отмечает, что «в силу пункта 3 части 2 статьи 330 ГПК РФ, неправильное истолкование закона, является неправильным применением норм материального права, и это служит основанием к отмене состоявшегося по делу судебного решения»¹⁵. При этом встречаются и решения, где в подобной ситуации анализ правильности вынесенного решения проводится¹⁶, что является формально соответствующим ГПК РФ подходом.

Завершая рассмотрение группы гражданских споров, следует кратко отметить момент, связанный с тем, что суды в единичных случаях указывают на то, как методологически следовало подойти к толкованию. Иногда можно встретить указание на необходимость использования буквального толкования¹⁷.

3. Неправильное истолкование закона в арбитражном процессе

Статья 270 АПК РФ содержит аналогичные с ГПК РФ положения, устанавливающие основания для изменения или отмены решения арбитражного суда первой инстанции. Следствием этого является наличие в практике большинства указанных в прошлом

⁹ См., напр., АО Московского гор. суда от 22 мая 2023 г. по делу № 33-19570/2023, от 28 октября 2022 г. по делу № 33-38286/2022.

¹⁰ См., напр., АО Московского гор. суда от 30 сентября 2020 г. по делу № 33-32577/2020.

¹¹ См., напр., АО Саратовского обл. суда от 29 мая 2019 г. по делу № 33-3931/2019.

¹² АО ВС Респ. Коми от 9 ноября 2020 г. по делу № 33-5476/2020.

¹³ Постановление Пленума ВС РФ от 19 декабря 2003 г. № 23 (ред. от 23.06.2015) «О судебном решении».

¹⁴ Определение КС РФ от 29 января 2015 г. № 72-О/2015.

¹⁵ АО ВС Кабардино-Балкарской Респ. от 5 августа 2021 г. по делу № 33-1554/2021; АО ВС Респ. Татарстан от 14 сентября 2020 г. по делу № 33-13187/2020.

¹⁶ См., напр., АО ВС Респ. Башкортостан от 9 апреля 2019 г. по делу № 33-7255/2019.

¹⁷ См., напр., АО Московского гор. суда от 4 апреля 2021 г. по делу № 33-11652/2021.

разделе данной статьи особенностей правоприменения.

Вышестоящие суды чаще всего выявляют неправильное применение норм материального права и неправильную реализацию норм процессуального права [17, с. 147]. В решениях арбитражных судов также нередко суд дает собственную оценку обстоятельствам дела и затем делает вывод о том, что предшествующее решение основано на неверном толковании норм права, даже без указания на то, в отношении какой именно нормы была совершена ошибка¹⁸. Среди таких дел распространены случаи, когда суд не принял во внимание важные нормы при вынесении решения. Однако это указывается как основание, предусмотренное не п. 1, а п. 3 ч. 2 ст. 270 АПК РФ¹⁹. Здесь можно упомянуть и то, что суды порой расходятся в наименовании структурных элементов ст. 270 АПК РФ. В подавляющем большинстве случаев это деление статьи на части и пункты, но встречаются варианты выделения, соответственно, пунктов и подпунктов²⁰. Подобная мелочь может привести к неверному пониманию того, на какое именно положение ссылался суд.

Можно отметить и то, что суды иногда указывают одновременно на «неправильное толкование и применение норм материального и процессуального права к спорным правоотношениям сторон»²¹. Хотя формально неправильное толкование норм уже является частным случаем неправильного применения норм.

Одной из причин неверного толкования в проанализированных делах выступила необходимость выявить смысл оценочного понятия. При этом ошибиться суд может как в толковании положений закона, так и разъясняющих его актов. Например, в п. 2 Постановления Пленума ВС РФ от 25 декабря 2018 г. № 48 дано разъяснение по поводу применения п. 2 ст. 213.25 Федерального закона от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)». В нем есть указание на то, что в «исключительных случаях» можно дополнительно изъять имущество из

конкурсной массы должника. Вышестоящий суд не согласился с тем, что нижестоящий суд посчитал исключительным случаем²².

Редко встречается пояснение суда о том, как нужно было подойти к толкованию спорного положения. В одном из дел суд отметил, что «нижестоящий суд неправильно применил нормы материального права, что выразилось в неправильном истолковании положений... Правовая позиция суда апелляционной инстанции основана на грамматическом, логическом и формально-юридическом толковании норм этой статьи»²³.

4. Неправильное истолкование закона в административном процессе

Несмотря на то, что ст. 310 КАС РФ очень схожа с аналогичными нормами ГПК РФ и АПК РФ, в ней есть и внешние отличия. Так, в тексте закона прямо закреплено, что основанием отмены или изменения решения суда в апелляционном порядке является неправильное истолкование закона, в том числе без учета правовой позиции, содержащейся в постановлениях КС РФ, Пленума ВС РФ и Президиума ВС РФ [18, с. 12].

Те разъяснения, которые были даны применительно к аналогичным нормам ГПК РФ или АПК РФ, применимы и в данном случае, но законодатель счел необходимым включить данную оговорку в текст закона. В результате мы видим разницу в подходе законодателя к решению одинаковых задач. Интерес здесь представляет и то, что в рамках такого дополнения нормы «потерялись» определения КС РФ, в которых также может содержаться правовая позиция. Полагаем, что в данном случае нужно придерживаться той же логики, что и сам КС РФ, и признать это пробелом, который можно восполнить.

Текстуальная схожесть нормы опять выступает основой возникновения ситуаций, аналогичных тем, что отражены в статье ранее. Например, аналогичным образом суды некорректно заявляют о «неправильном применении и толковании норм материального права»²⁴, оценивают законность решения²⁵.

¹⁸ См., напр., постановления Тринадцатого арбитражного апелляционного суда (далее – ААС) от 8 ноября 2017 г. № 13АП-22751/2017 по делу № А56-35347/2017, от 5 мая 2011 г. по делу № А56-16999/2009.

¹⁹ См., напр., постановление 13 ААС от 10 июня 2016 г. № 13АП-8062/2016 по делу № А21-6740/2015.

²⁰ См., напр., АО Московского гор. суда от 24 июля 2020 г. по делу № 2-6311/2019, № 33-25837/2020.

²¹ АО Московского гор. суда по делу № 33-1069/2020 от 22 июля 2020 г.

²² Постановление 13 ААС от 5 июля 2023 г. № 13АП-14795/2023 по делу № А21-8023-4/2021.

²³ Постановление 13 ААС от 30 июня 2021 г. по делу № А56-103383/2017.

²⁴ АО Московского гор. суда от 31 августа 2022 г. по делу № 33а-5185/2022, от 1 марта 2022 г. по делу № 33а-949/2022.

²⁵ АО Пензенского обл. суда от 20 мая 2021 г. № 33а-1468/2021 по делу № 2а-469/2021.

В делах данной группы споров более детально подходят к описанию ошибки в толковании, описанию ее причин и способов устранения. Так, основными причинами ошибок в толковании названы игнорирование необходимости системного толкования нормы²⁶ и избирательное²⁷ или выборочное²⁸ толкование норм права. Избирательное толкование норм права зачастую связывается с тем, что не были должным образом учтены фактические обстоятельства дела²⁹. Суды в этом случае часто совершают ошибку – если не были учтены обстоятельства дела, что повлекло неприменение необходимых норм, которые и не были истолкованы, то речь должна идти не о неправильном истолковании закона, а о неприменении подлежащего применению закона или о неправильном определении обстоятельств дела.

В качестве причины ошибочного толкования иногда оказывается расширительное толкование положений, в отношении которых это было невозможно³⁰. Недопустимым является и такое толкование, которое носит дискриминационный характер³¹. Учитываются и цели реализации толкуемого положения³².

Из решений судов не удается выявить рекомендации по использованию способов толкования. Чаще всего суды прибегают к использованию буквального³³ или системного толкования³⁴. При этом есть случаи, когда вышестоящий суд указывает на причину ошибки, скрытую в использовании только буквального толкования³⁵ или, наоборот, в неиспользовании именно буквального толкования³⁶.

5. Неправильное истолкование закона в уголовном процессе

В соответствии со ст. 389.15 УПК РФ в качестве оснований отмены или изменения судебного решения в апелляционном порядке среди прочих указаны существенное нарушение уголовно-процессуального закона и неправильное применение уголовного за-

кона. При этом в ст. 389.18 УПК РФ указано, что неправильным применением уголовного закона являются:

1) нарушение требований Общей части Уголовного кодекса (далее – УК) РФ;

2) применение не той статьи или не тех пункта и (или) части статьи Особенной части УК РФ, которые подлежали применению;

3) назначение наказания более строгого, чем предусмотрено соответствующей статьей Особенной части УК РФ.

Формально неправильное толкование норм материального или процессуального права не отмечено в качестве основания отмены решения. Можно путем толкования установить, что нарушение требований Общей части УК РФ включает в себя неверное истолкование норм, которое к этому нарушению и привело. Но стоит отметить существенное отличие формулировок от уже рассмотренных положений иных процессуальных актов.

Очевидно, что вопрос толкования норм не стал менее актуальным в уголовном процессе в сравнении с прочими. Применение права без его толкования просто невозможно. В уголовном процессе возможные последствия неверного толкования скорее следует считать наиболее опасными.

В ходе рассмотрения дела судья оценивает доказательства по своему внутреннему убеждению, основанному на совокупности имеющихся в уголовном деле доказательств, руководствуясь при этом законом и совестью.

Указание на то, что судьей допущено нарушение, выразившееся в неправильном применении уголовного закона (применение не той статьи или не тех пункта и (или) части статьи Особенной части УК РФ, которые подлежали применению), встречается достаточно часто³⁷. Стоит сделать оговорку, что тут нет указания на неприменение нормы, подлежащей применению. Подобная ошибка обычно рассматривается в

²⁶ См., напр., АО Московского гор. суда от 3 июля 2023 г. по делу № 33а-3809/2023.

²⁷ См., напр., АО Московского гор. суда от 31 августа 2022 г. по делу № 33а-5175/2022, от 19 августа 2022 г. по делу № 33а-4812/2022.

²⁸ См., напр., АО Московского гор. суда от 23 ноября 2021 г. по делу № 33а-5589/2021.

²⁹ См., напр., АО Московского гор. суда от 11 марта 2022 г. по делу № 33а-1100/2022.

³⁰ См., напр., АО Московского гор. суда от 29 апреля 2022 г. по делу № 33а-2178/2022.

³¹ См., напр., АО Тверского обл. суда от 1 декабря 2021 г. № 33а-4576/2021.

³² См., напр., АО Камчатского краевого суда от 10 ноября 2022 г. по делу № 33а-2078/2022.

³³ См., напр., АО Севастопольского гор. суда от 19 июля 2022 г. № 33а-2121/2022 по делу № 2а-1266/2022.

³⁴ См., напр., АО Ставропольского краевого суда от 15 сентября 2022 г. № 33а-1584/2022 по делу № 2а-324/2022.

³⁵ См., напр., АО Московского гор. суда от 1 февраля 2022 г. по делу № 33а-420/2022

³⁶ См., напр., АО ВС Респ. Марий Эл от 20 июля 2021 г. № 33а-1386/2021 по делу № 2а-554/2021.

³⁷ См., напр., АО Московского гор. суда от 11 мая 2023 г. по делу № 10-7378/2023.

контексте или применения не той нормы, или нарушения требований УК РФ. Так, встречались случаи, когда суд мог не применить³⁸ или не учесть положения уголовного закона³⁹. Также можно обнаружить и случаи того, когда суд не просто применяет неправильную статью вместо правильной, а применяет норму, которая вообще не подлежала применению и какой-либо замены не требует⁴⁰. Часто подобные случаи были связаны с оценкой судами наличия или отсутствия в деле смягчающих обстоятельств⁴¹. Еще одной распространенной группой споров были случаи назначения наказания, не основанного на требованиях закона⁴². Само неправильное назначение наказания является существенным нарушением, что является основанием для изменения приговора⁴³. Встречаются и случаи ошибок, которые как раз существенным нарушением и не являются. Например, судья неправильно установил возраст участника процесса⁴⁴.

В рамках рассмотрения уголовных дел суды крайне редко обращают внимание именно на оценку верности или ошибочности толкования, данного нижестоящим судом. Сам процесс толкования порой именуется как «установление смысла»⁴⁵.

В уголовном процессе категория неправильного толкования обогащается свойственными именно этой группе споров особенностями. Например, при оценке правильности назначения наказания суд может вынести решение с соблюдением требований УК РФ, однако это решение может быть проверено и на то, не является ли назначенное наказание следствием чрезмерной мягкости или следствием чрезмерной суровости⁴⁶. Причина выявленной практики может быть обусловлена спецификой УПК РФ, в тексте которого встречаются нормы, как не подлежащие буквальному толкованию [19, с. 53], так и содержащие оценочные термины [20, с. 36, 39].

В большинстве проанализированных решений суды лишь фиксировали то, что нижестоящий суд допустил «существенное нарушение»⁴⁷ или допущенное нарушение «повлияло на исход дела»⁴⁸. Интересно то, что в ст. 189.17 УПК РФ «Существенные нарушения уголовно-процессуального закона» есть перечень нарушений, которые всегда признаются существенными, ни одного случая применения которого обнаружить не удалось. Существенным может быть признано и иное нарушение, которое «повлияло или могло повлиять на вынесение законного и обоснованного судебного решения». По своей конструкции данное положение очень схоже с рассмотренным выше указанием в ГПК РФ на такое последствие нарушения, которое «привело или могло привести к принятию неправильного решения». В практике по гражданским делам также не удалось выявить случаев, когда суд учел бы не факт вынесения незаконного или необоснованного решения, а лишь такую возможность.

Случаи, где суды прямо указывали, что нижестоящий суд неверно истолковал закон, достаточно редки⁴⁹. В этих делах чаще всего причиной ошибки становится расширительное толкование норм, не подлежащих такому толкованию⁵⁰.

Оценивая правильность толкования, суды иногда обращаются к указанию на то, верно или ошибочно было дано буквальное толкование⁵¹. Однако чаще суды использовали другой критерий – соответствие толкования «точному смыслу» закона. При этом механизм выявления этого точного смысла в решениях не раскрывался.

6. Заключение

В результате проведенного исследования судебной практики можно сделать ряд выводов:

1. Оценивая толкование, которое дал норме нижестоящий суд, суды не всегда указывают на саму

³⁸ См., напр., АО Нижегородского обл. суда от 22 ноября 2021 г. № 22-6794/2021.

³⁹ См., напр., АО Липецкого обл. суда от 25 ноября 2021 г. по делу № 22-1292/2021.

⁴⁰ См., напр., Апелляционное постановление (далее – АП) Пензенского обл. суда от 13 октября 2021 г. по делу № 22-1140/2021.

⁴¹ См., напр., АП Нижегородского областного суда от 1 ноября 2021 г. по делу № 22-6433/2021.

⁴² См., напр., АО Московского гор. суда от 11 июля 2023 г. по делу № 10-13189/2023.

⁴³ См., напр., АП Ростовского обл. суда от 23 ноября 2021 г. по делу № 22-6104/2021.

⁴⁴ АП Нижегородского обл. суда от 12 ноября 2021 г. по делу № 22-6630/2021.

⁴⁵ См., напр., АО Нижегородского обл. суда от 2 ноября 2021 г. по делу № 22-6432/2021.

⁴⁶ См., напр., АП Московского гор. суда от 26 апреля 2023 г. по делу № 10-7331/2023.

⁴⁷ См., напр., АО Московского гор. суда от 28 ноября 2022 г. по делу № 10-23679/2022.

⁴⁸ См., напр., АП Московского гор. суда от 10 октября 2022 г. по делу № 10-20473/2022.

⁴⁹ См., напр., АП Московского гор. суда от 22 июня 2023 г. по делу № 10-11448/2023.

⁵⁰ См., напр., АП Московского гор. суда № 10-8359/2021 от 29 апреля 2021 г., АО Санкт-Петербургского гор. суда от 29 марта 2021 г. № 22-1706/2021 по делу № 1-734/2020.

⁵¹ См., напр., АО ВС Респ. Татарстан от 7 декабря 2021 г. по делу № 22-10037/2021.

неверно истолкованную норму. Чаще всего суды в общем виде делают вывод о том, что суд принял решение, основанное на неверном толковании. В таком случае утрачивается однозначное понимание того, какую именно норму не смог верно истолковать суд и в чем состояла ошибка.

2. Судьи одинаково сталкиваются с необходимостью толкования норм права как при рассмотрении гражданских или арбитражных споров, так и уголовных или административных. Соответственно, они допускают однотипные ошибки. Однако оценка этих ошибок дается исходя из различающихся норм процессуального законодательства. Объективных оснований для существования этих различий нет. Следует рассмотреть возможность унификации соответствующих положений ГПК РФ, АПК РФ, КАС РФ и УПК РФ. Эта проблема наглядно демонстрируется на примере как указанных судебных, так и научных споров [21] о том, что в ст. 330 ГПК РФ и ст. 270 АПК РФ содержание, которое вкладывается в слова «неправильное толкование закона», не раскрывается, а в ст. 310 КАС РФ раскрывается. Анализ практики наглядно показал, что рассматриваемые положения этих кодексов должны толковаться идентично, несмотря на различия в их формулировках в законе.

3. Совершенствование процессуального законодательства должно быть направлено и на то, чтобы сократить «конкуренцию» между такими понятиями, как «законное решение» и «правильное

решение», конкретизировать категорию «существенные нарушения».

4. Наиболее часто суды используют на практике буквальное и системное толкование. В случаях, когда результат одного из них противоречит другому, суды не поясняют причину обращения в итоге к тому или иному толкованию. При этом в исследованных делах приоритет отдавался как системному, так и буквальному толкованию. Нередко суды вообще не указывают, как они толковали спорное положение, ограничиваясь указанием на «выявление смысла нормы».

5. Суды не всегда верно оценивают характер установленной ошибки. Наиболее часто суды ошибочно связывают с неверным толкованием нормы случаи применения к спорным правоотношениям тех норм, которые вообще не подлежали применению. Вероятно, они придерживаются логики, в соответствии с которой суд неверно истолковал норму, счел ее подходящей и применил в деле. Однако положения процессуальных законов о неверном толковании следует понимать применительно к нормам, которые должны быть применены в деле и были применены, но в соответствии с их неверным истолкованием.

6. Суды не рассматривают такие причины ошибок, как сложность языка закона, дефекты нормы, недостаток квалификации, неоднозначность формулировок и т. д. Можно даже сказать, что именно причину ошибки суды не комментируют и не оценивают, фиксируя лишь сам факт ошибки.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Беляева О. М. Толкование норм права / О. М. Беляева // Ученые записки Казанского университета. Серия Гуманитарные науки. – 2007. – № 6. – С. 39–47.
2. Матузов Н. И. Теория государства и права / Н. И. Матузов, А. В. Малько. – М., 2004. – 511 с.
3. Стратегии судебного толкования и принципы права : учеб. пособие / под ред. Е. В. Тимошиной. – СПб. : Изд-во С.-Петерб. гос. ун-та, 2022. – 362 с.
4. Easterbrook F. Legal Interpretation and the Power of the Judiciary / F. Easterbrook // Harvard Journal of Law and Public Policy. – 1984. – Vol. 87. – P. 87–99.
5. Gonzalez R. D. Fundamentals of Court Interpretation. Theory, Policy and Practice / R. D. Gonzalez, V. F. Vasquez, H. Mikkelsen. – 2nd ed. – Durham, North Carolina : Carolina Academic Press, 2012. – lxxii, 1531 p.
6. Гук П. А. Судебное толкование и применение норм законодательства / П. А. Гук // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. – 2016. – № 2 (38). – С. 35–47.
7. Амосов С. М. Судебное толкование норм права как процессуальная деятельность / С. М. Амосов // Российский юридический журнал. – 2003. – № 1 (37). – С. 29–32.
8. Ильин А. В. Пересмотр судебных актов на основании постановлений Конституционного Суда России / А. В. Ильин // Закон. – 2020. – № 12. – С. 40–60.
9. Ignatescu C. The Concept of Judicial Interpretation / C. Ignatescu // Postmodern Openings. – 2013. – Vol. 4, Iss. 4. – P. 17–23.

10. Желдыбина Т. А. Судебное толкование: неправильное или ошибочное? / Т. А. Желдыбина // Администратор суда. – 2019. – № 4. – С. 19–22.
11. Вандраков С. Ю. Вопросы толкования правовых норм в процессе судебного познания / С. Ю. Вандраков // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. – 2015. – № 8-2. – С. 44–46.
12. Рабинович П. М. Конкретизация правовых норм (общетеоретические проблемы) / П. М. Рабинович, Г. Г. Шмелева // Известия высших учебных заведений. Правоведение. – 1985. – № 6. – С. 31–39.
13. Постатейный комментарий к Гражданскому процессуальному кодексу Российской Федерации / под ред. П. В. Крашенинникова. – М. : Статут, 2012. – 640 с.
14. Лазарев Л. В. Правовые позиции Конституционного Суда России / Л. В. Лазарев. – М. : Городец : Формула права, 2003. – 528 с.
15. Белов С. А. Соблюдение судами правовых позиций Конституционного Суда РФ, связанных с толкованием действующего законодательства / С. А. Белов // Мониторинг правоприменения СПбГУ. – 2014. – 17 июня. – URL: <https://pravoprim.spbu.ru/yurisprudentsiya/zawita-chesti-dostoinstva-i-delovoj-reputacii/item/65-soblyudenie-sudami-pravovyh-pozicij-konstitucionnogo-suda-rf-svyazannyh-s-tolkovaniem-dejstvuyuwego-zakonodatelstva.html> (дата обращения: 12.02.2024).
16. Зейдер Н. Б. Судебное решение по гражданскому делу / Н. Б. Зейдер. – М., 1966. – 190 с.
17. Лебедь К. А. Основания для отмены незаконных судебных решений / К. А. Лебедь // Социально-политические науки. – 2020. – Т. 10, № 3. – С. 143–148. – DOI: 10.33693/2223-0092-2020-10-3-143-148.
18. Шепелин Е. А. Сравнительный анализ апелляционного судопроизводства в нормах ГПК РФ и КАС РФ / Е. А. Шепелин // Судья. – 2015. – № 11. – С. 9–13.
19. Соловьева У. Д. Уголовно-процессуальный закон и его толкование / У. Д. Соловьева // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия «Право». – 2011. – № 19 (236). – С. 53–56.
20. Зуев С. В. Способы и пределы толкования норм уголовно-процессуального права / С. В. Зуев, Е. С. Галыгина // Правопорядок: история, теория, практика. – 2013. – № 1 (1). – С. 36–41.
21. Поян Н. В. Решения Конституционного Суда Российской Федерации как источник гражданского права / Н. В. Поян // Администратор суда. – 2022. – № 3. – С. 24–28.

REFERENCES

1. Belyaeva O.M. Interpretation of the law. *Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta. Seriya Gumanitarnye Nauki*, 2007, no. 6, pp. 39–47. (In Russ.).
2. Matuzov N.I., Mal'ko A.V. *Theory of State and law*. Moscow, 2004. 511 p. (In Russ.).
3. Timoshina E.V. (ed.). *Strategies of judicial interpretation and principles of law*, Teaching aid. St. Petersburg, St. Petersburg University Publ., 2022. 362 p. (In Russ.).
4. Easterbrook F. Legal Interpretation and the Power of the Judiciary. *Harvard Journal of Law and Public Policy*, 1984, vol. 87, pp. 87–99.
5. Gonzalez R.D., Vasquez V.F., Mikkelsen H. *Fundamentals of Court Interpretation. Theory, Policy and Practice*, 2nd ed. Durham, North Carolina, Carolina Academic Press, 2012. lxxii + 1531 p.
6. Guk P.A. Judicial interpretation and application of legislation. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedenii. Povolzhskii region. Obshchestvennye nauki = University proceedings Volga region. Social sciences*, 2016, no. 2 (38), pp. 35–47. (In Russ.).
7. Amosov S.M. Judicial interpretation of the norms of law as a procedural activity. *Rossiiskii yuridicheskii zhurnal = Russian juridical journal*, 2003, no. 1 (37), pp. 29–32. (In Russ.).
8. Ilyin A.V. Revision of judicial acts on the basis of decisions of the Constitutional Court of Russia. *Zakon*, 2020, no. 12, pp. 40–60. (In Russ.).
9. Ignatescu C. The Concept of Judicial Interpretation. *Postmodern Openings*, 2013, vol. 4, iss. 4, pp. 17–23.
10. Zheldybyina T.A. Judicial interpretation: incorrect or erroneous?. *Administratorsuda = Court administrator*, 2019, no. 4, pp. 19–22. (In Russ.).
11. Vandrakov S.Y. Questions of interpretation of legal norms in the process of judicial cognition. *Aktual'nye problemy gumanitarnykh i estestvennykh nauk*, 2015, no. 8-2, pp. 44–46. (In Russ.).

12. Rabinovich P.M., Shmeleva G.G. Concretization of legal norms (general theoretical problems). *Izvestiya vysshih uchebnykh zavedenii. Pravovedenie*, 1985, no. 6, pp. 31–39. (In Russ.).
13. Krashennnikov P.V. (ed.). *Article-by-article commentary on the Civil Procedure Code of the Russian Federation*. Moscow, Statut Publ., 2012. 640 p. (In Russ.).
14. Lazarev L.V. *Legal positions of the Constitutional Court of Russia*. Moscow, Gorodets Publ., Formula prava Publ., 2003. 528 p. (In Russ.).
15. Belov S.A. Compliance by courts with the legal positions of the Constitutional Court of the Russian Federation related to the interpretation of current legislation. *Monitoring pravoprimeneniya SPbGU*, June 17, 2014, available at: <https://pravoprim.spbu.ru/yurisprudentsiya/zawita-chesti-dostoinstva-i-delovoj-reputacii/item/65-soblyudenie-sudami-pravovyh-pozicij-konstitucionnogo-suda-rf-svyazannyh-s-tolkovaniem-dejstvuyuwego-za-konodatelstva.html> (accessed February 12, 2024). (In Russ.).
16. Zeider N.B. *Judgment in a civil case*. Moscow, 1966. 190 p. (In Russ.).
17. Lebed K.A. Grounds for canceling illegal judicial decisions. *Sotsial'no-politicheskie nauki = Sociopolitical sciences*, 2020, vol. 10, no. 3, pp. 143–148. DOI: 10.33693/2223-0092-2020-10-3-143-148. (In Russ.).
18. Shepelin E.A. Comparative analysis of appellate proceedings in the norms of the CPC of the Russian Federation and the CAS of the Russian Federation. *Sud'ya*, 2015, no. 11, pp. 9–13. (In Russ.).
19. Solovyova U.D. Criminal procedure law and its interpretation. *Vestnik Yuzhno-Ural'skogo Gosudarstvennogo universiteta. Seriya "Pravo" = Bulletin of the South Ural State University. Series: Law*, 2011, no. 19, pp. 53–56. (In Russ.).
20. Zuev S.V., Galygina E.S. Methods and limits of interpretation of the norms of criminal procedure law. *Pravoporyadok: istoriya, teoriya, praktika = Legal Order: History, Theory, Practice*, 2013, no. 1 (1), pp. 36–41. (In Russ.).
21. Poyan N.V. Decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation as a source of civil law. *Administrator suda = Court administrator*, 2022, no. 3, pp. 24–28. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Белов Сергей Александрович – кандидат юридических наук, профессор, заведующий кафедрой конституционного права, декан юридического факультета
Санкт-Петербургский государственный университет
199034, Россия, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., 7/9
E-mail: s.a.belov@spbu.ru
SPIN-код РИНЦ: 7732-3500; AuthorID: 235928

Ревазов Михаил Аркадиевич – кандидат юридических наук, директор Центра экспертиз
Санкт-Петербургский государственный университет
199034, Россия, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., 7/9
E-mail: m.revazov@gmail.com
SPIN-код РИНЦ: 6493-9419; AuthorID: 940846

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Белов С.А. Неверное толкование закона судом / С.А. Белов, М.А. Ревазов // *Правоприменение*. – 2024. – Т. 8, № 3. – С. 122–131. – DOI: 10.52468/2542-1514.2024.8(3).122-131.

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Sergei A. Belov – PhD in Law, Professor; Head, Department of Constitutional Law; Dean, Law Faculty
St. Petersburg University
7/9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russia
E-mail: s.a.belov@spbu.ru
RSCI SPIN-code: 7732-3500; AuthorID: 235928

Mikhail A. Revazov – PhD in Law, Director, Expert Center
St. Petersburg State University
7/9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russia
E-mail: m.revazov@gmail.com
RSCI SPIN-code: 6493-9419; AuthorID: 940846

BIBLIOGRAPHIC DESCRIPTION

Belov S.A., Revazov M.A. Incorrect interpretation of the law by the court. *Pravoprimeneniye = Law Enforcement Review*, 2024, vol. 8, no. 3, pp. 122–131. DOI: 10.52468/2542-1514.2024.8(3).122-131. (In Russ.).

К ВОПРОСУ О СТАНДАРТАХ ДОКАЗЫВАНИЯ В ПРАКТИКЕ ВЕРХОВНОГО СУДА РФ ПО ДЕЛАМ О БАНКРОТСТВЕ*

Н.В. Платонова

Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, Россия

Информация о статье

Дата поступления –

21 марта 2024 г.

Дата принятия в печать –

20 июня 2024 г.

Дата онлайн-размещения –

20 сентября 2024 г.

Ключевые слова

Банкротство, установление
размера требований кредиторов,
признание недействительной
мнимой сделки, стандарт
доказывания, достоверность
доказательств, источник
доказательства, баланс
вероятностей, ясные и
убедительные доказательства

Рассматривается проблема стандартов доказывания по делам об установлении размера требований кредиторов должника. Анализируется абз. 3 п. 26 Постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 22 июня 2012 г. № 35 «О некоторых процессуальных вопросах, связанных с рассмотрением дел о банкротстве». Делается вывод, что данное разъяснение представляет собой конкретизацию применительно к делам о банкротстве универсального тезиса о связи достоверности доказательства и его источника, а подход Высшего Арбитражного Суда РФ не может быть воспринят как вводящий повышенные стандарты доказывания.

ON THE ISSUE OF STANDARDS OF PROOF IN THE PRACTICE OF THE SUPREME COURT OF THE RUSSIAN FEDERATION IN BANKRUPTCY CASES**

Natalia V. Platonova

St. Petersburg University, St. Petersburg, Russia

Article info

Received –

2024 March 21

Accepted –

2024 June 20

Available online –

2024 September 20

Keywords

Bankruptcy, establishing the size
of creditors' claims, recognition
of a fictitious transaction as invalid,
standard of proof, credibility in
evidence, source of evidence,
balance of probabilities, clear and
convincing evidence

The subject. Paragraph 3 of item 26 of the Resolution of the Plenum of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation (SAC) dated June, 22, 2012 No. 35 "On some procedural issues related to consideration of bankruptcy cases" has been interpreted by doctrine and judicial practice as establishing a higher standard of proof for certain disputes considered in bankruptcy cases. However, the SAC does not mention any standards; the court's explanations are dedicated to assessing the reliability of evidence coming from a person interested in the favorable case outcome. Therefore, before concluding that the SAC introduced standards of proof, its approach should be analyzed from the perspective of concepts long known to Russian procedural law, namely: "credibility in evidence", "source of evidence".

The purpose of the study. To determine whether paragraph 3 of item 26 of the Resolution of the Plenum of the SAC dated June, 22, 2012 No. 35 establishes any standard of proof.

Methodology. Methods of analysis and comparison based on practice of the SAC, of the Supreme Court of the Russian Federation, of scientific research in the field of civil procedural law.

The main results of research and the field of their application. The approach of the SAC represents a specification of the universal thesis that credibility in evidence is linked to its source, in relation to bankruptcy cases. The addressed explanation cannot be perceived as

* Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда, проект № 24-28-00565 «Стандарты доказывания в российской правовой системе», <https://rscf.ru/project/24-28-00565/>.

** The research was financially supported by the Russian Science Foundation, project No. 24-28-00565, "Standards of proof in the Russian legal system", <https://rscf.ru/project/24-28-00565/>.

introducing higher standards of proof for bankruptcy cases. Evidence is assessed based on properties of its source when resolving any civil law dispute.

Conclusion. The conclusion about existence of a fact cannot be made solely on the basis of evidence which source is a person interested in establishing this fact.

1. Введение

В последние годы тема стандартов доказывания привлекла к себе немалое внимание исследователей [1–11]. Как указывают А.Г. Карапетов и А.С. Косарев, понятие «стандарт доказывания» определяет минимальную степень субъективной уверенности судьи в истинности спорного факта, при которой суд готов признать бремя доказывания, возложенное на соответствующую сторону, выполненным, бремя опровержения (доказывания обратного) – перешедшим на оппонента, а соответствующее фактическое обстоятельство после исследования и оценки всех предъявленных этой стороной и оппонентом доказательств – доказанным [12]. По мнению И.В. Решетниковой, стандарт доказывания представляет собой определенную степень уверенности в том, что обстоятельства по делу установлены и суд может выносить решение по делу [13]. А.А. Смола предлагает следующее определение стандарта доказывания: это совокупность критериев оценки доказательств, подлежащих применению судами при рассмотрении дел определенной категории и позволяющих, в частности, определить достаточность доказательств необходимой степени достоверности (для того или иного правового вывода) [14]. С.Л. Будылин определяет стандарт доказывания как критерий, на основании которого для целей судебного процесса устанавливается, имел ли место определенный факт [15].

Предметом нашего рассмотрения станет подход Высшего Арбитражного Суда (далее – ВАС) РФ, выраженный им в абз. 3 п. 26 Постановления Пленума от 22 июня 2012 г. № 35 «О некоторых процессуальных вопросах, связанных с рассмотрением дел о банкротстве» (далее – Постановление № 35). Приведем его полностью: «При оценке достоверности факта наличия требования, основанного на передаче должнику наличных денежных средств, подтверждаемого только его распиской или квитанцией к приходному кассовому ордеру, суду надлежит учитывать среди прочего следующие обстоятельства:

позволяло ли финансовое положение кредитора (с учетом его доходов) предоставить должнику соответствующие денежные средства, имеются ли в деле удовлетворительные сведения о том, как полученные средства были истрачены должником, отражались ли получение этих средств в бухгалтерском и налоговом учете и отчетности и т. д. Также в таких случаях при наличии сомнений во времени изготовления документов суд может назначить соответствующую экспертизу, в том числе по своей инициативе (пункт 3 статьи 50 Закона о банкротстве)».

Данное положение стало основой серии правовых позиций Верховного Суда РФ, касающихся стандарта доказывания по делам о банкротстве. Так, в одном из определений суд отмечает: «В условиях банкротства должника и конкуренции его кредиторов для предотвращения необоснованных требований к должнику и нарушений тем самым прав его кредиторов к доказыванию обстоятельств, связанных с возникновением задолженности должника-банкрота, предъявляются повышенные требования»¹.

В Определении от 22 августа 2022 г. № 305-ЭС22-7163 Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда РФ, отменив акты судов нижестоящих инстанций, указала, что ими не был установлен факт осуществления кредитором оплаты с точки зрения стандарта, предусмотренного п. 26 Постановления № 35².

2. Введен ли повышенный стандарт доказывания по делам об установлении размера требований кредиторов?

Заключая, что подход ВАС РФ – не что иное, как стандарт доказывания, Верховный Суд РФ одновременно определяет и вид такого стандарта. Например, суд пишет: «Основанием к включению требования в реестр является представление кредитором доказательств, ясно и убедительно подтверждающих наличие и размер задолженности перед ним (пункт 26 постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 22.06.2012

¹ Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 25 сентября 2017 г. № 309-ЭС17-344(2) по делу № А47-9676/2015. Здесь и далее нормативные правовые и судебные акты приводятся по СПС «КонсультантПлюс».

² Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 22 августа 2022 г. № 305-ЭС22-7163 по делу № А41-34210/2020.

№ 35 “О некоторых процессуальных вопросах, связанных с рассмотрением дел о банкротстве”)»³. Слова «ясно и убедительно» вполне определенно отсылают к стандарту доказывания «ясные и убедительные доказательства» (*clear and convincing evidence*), применяемому судами США и исследованному в российской доктрине на предмет возможного заимствования. Как отмечает С.Л. Будылин, стандарт «ясные и убедительные доказательства» более жесткий, чем «перевес доказательств»⁴, и его суть в том, что сторона должна убедить присяжных (или судью), что достоверность рассматриваемого факта весьма вероятна, или породить у них твердую уверенность, что факт правдив. Вместе с тем устранять все разумные сомнения этот стандарт не требует [15].

По всей видимости, Верховный Суд РФ придерживается следующей логики. Если бы банкротства не было, и кредитор обратился к должнику с иском о взыскании денежных средств, полученных последним по договору займа, предъявление надлежащим образом составленной расписки позволило бы истцу успешно доказать факт передачи наличных денежных средств. Однако в ситуации банкротства правила изменяются – теперь для установления нужного кредитору факта расписки недостаточно. Значит, стандарт доказывания «повысился», и теперь это не «перевес доказательств», применяемый по мысли Верховного Суда РФ в ординарном искомом процессе, а «ясные и убедительные доказательства».

Надо признать, что дифференциация роли тех или иных доказательств для различных споров и процедур абсолютно оправданна, однако в основе своей она имеет вовсе не применение разных стандартов доказывания. Выдвинем следующее предположение: речь в п. 26 Постановления № 35 идет не о стандартах доказывания, а о связи достоверности доказательства и его источника.

Всякое доказательство должно иметь источник своего происхождения⁵, указание источника – это требование, выполнение которого позволяет считать доказательство судебным. Но раскрытый участником процесса источник подчас обладает своими особенностями, признаками, недостатками, важными для оценки представленных сторонами сведе-

ний. Потому возникает вопрос: возможно ли оценивать достоверность доказательства исходя из свойств его источника? И если да – в каких пределах?

В доктрине гражданского процесса рассуждения на эту тему строятся, главным образом, вокруг личных доказательств, что неудивительно: положение субъектов, дающих суду объяснения или показания, нередко может выступить поводом для сомнений в истинности представленных ими сведений.

Размышляя об оценке достоверности личных доказательств, К.С. Юдельсон отмечает, что «оценка личности субъекта, дающего суду сведения, а также его отношения со сторонами и заинтересованность в исходе дела не могут быть критерием достоверности доказательства» [16, с. 99]. При этом автор полагает, что это не исключает учета при оценке достоверности доказательств указанных обстоятельств в связи с другими данными дела [16, с. 100], и соглашается с невозможностью вынести решение в пользу истца на основе одних только показаний свидетелей, неприязненно относящихся к ответчику [16, с. 99]. Насколько мы можем судить, точка зрения К.С. Юдельсона состоит в том, что заинтересованность лица, выступающего источником доказательства, не является безусловным свидетельством его недостоверности (в противном случае объяснения сторон и третьих лиц следовало бы сразу исключить из числа доказательств по делу) [16, с. 99], однако такие доказательства могут быть признаны достоверными лишь при наличии иных свидетельств факта.

М.К. Треушников применительно к объяснениям сторон пишет: «Сложность оценки объяснения сторон определяется тем, что информация, подлежащая оценке, идет от лиц, заинтересованных в исходе дела... Это обстоятельство требует от суда особого внимания при решении вопроса о достоверности или ложности полученных от сторон сведений о фактах» [17, с. 193]. Ту же трудность автор констатирует и применительно к показаниям свидетелей, «когда свидетели той или другой стороны имеют определенную, хотя и неюридическую заинтересованность в исходе дела и излагают факты под углом зрения интересов какой-либо стороны» [17, с. 210].

³ Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 31 января 2024 г. № 303-ЭС23-17584 по делу № А73-6893/2021. См. также Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 13 июля 2018 г. № 308-ЭС18-2197 по делу № А32-43610/2015.

⁴ В английском варианте – «баланс вероятностей».

⁵ Данный вывод следует из положения ч. 2 ст. 50 Конституции РФ: «При осуществлении правосудия не допускается использование доказательств, полученных с нарушением федерального закона».

Надо заметить, что подтверждение связи достоверности доказательства и его источника обнаруживаются в нормах процессуального закона. Например, в силу ч. 2 ст. 177 Гражданского процессуального кодекса (далее – ГПК) РФ при допросе свидетеля председательствующий выясняет отношение свидетеля к лицам, участвующим в деле. Вполне очевидно, что данное правило нацелено на выявление предубеждений свидетеля против кого-либо из лиц, участвующих в деле, мотивов дать неточные, ложные показания. Информация, сообщенная свидетелем о своих взаимоотношениях со сторонами спора, может стать мотивом оценки доказательства как достоверного или, напротив, доверия не заслуживающего. М.А. Фокина по поводу правила ч. 2 ст. 177 ГПК РФ отмечает, что большинство свидетелей по гражданским делам состоят в дружеских, родственных, служебных отношениях со стороной, и знание характера взаимоотношений стороны и свидетеля важно для правильной оценки показаний свидетелей [18]. К схожему выводу приходит В.В. Молчанов [19].

Частью 1 ст. 68 ГПК РФ установлено, что объяснения сторон и третьих лиц об известных им обстоятельствах, имеющих значение для правильного рассмотрения дела, подлежат проверке и оценке наряду с другими доказательствами. Как указывает И.В. Решетникова, данное правило обусловлено спецификой объяснений сторон и третьих лиц и состоит в том, что объяснения в суде даются самими заинтересованными лицами, которые лучше всех осведомлены о сути рассматриваемого спора. При проверке достоверности сведений, сообщенных названными лицами, должна учитываться их заинтересованность в исходе дела [20].

Имея в виду, что достоверность доказательства в целом может оцениваться исходя из характеристик его источника, рассмотрим разъяснение, данное Пленумом ВАС РФ в п. 26 Постановления № 35. В процедуре установления обоснованности требований кредиторов судом разрешается спор о праве между кредитором и должником. Однако спор в деле о банкротстве имеет принципиальное различие с ординарным исковым производством: ввиду несостоятельности должника удовлетворение требований вступающего кредитора затронет интересы иных кредиторов. Во-первых, конкурирующие кредиторы претендуют на имущество должника, и так не достаточное для погашения всех долгов банкрота, а во-вторых, заинтересованы в сохранении своего влияния на управление процедурой банкротства. Интерес конкурирующих кредиторов (по крайней

мере, при первом взгляде на вопрос) определяет их право на предъявление возражений относительно требований кредиторов, вступающих в реестр (ч. 2 ст. 71 Федерального закона от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)»).

Одновременно с этим должник с момента появления признаков несостоятельности перестает действовать в интересах своих кредиторов [21, с. 353–354]. Как предполагается, им руководят иные цели: скрыть имущество, на которое может быть обращено взыскание, а также нарастить объем фиктивной контролируемой задолженности, чтобы не допустить распределение активов в пользу реальных кредиторов. В этом смысле интересы должника противостоят интересам кредитора, возражающего против вступления в реестр иных лиц.

Источником письменного доказательства, так же как и доказательства личного, является человек [16, с. 192]. ВАС РФ, формулируя свой подход, указывает на два доказательства передачи должнику наличных денежных средств – расписку и квитанцию к приходному кассовому ордеру. Источником обоих этих документов является должник – лицо, противостоящее кредитору, заявляющему возражения, лицо, правовое положение которого с необходимостью влечет предположение о наличии интереса во вступлении кредитора в реестр. Суд поэтому заключает, что невозможно обосновать выводы только доказательствами, полученными от должника (в смысле источника). В отсутствии иных подтверждений факта передачи средств расписка и квитанция не заслуживают доверия. Далее, в полном соответствии с предлагаемым нами толкованием, ВАС РФ отмечает, что требуются иные доказательства (либо установление доказательственных фактов – финансового положения кредитора, расходования средств должником и т. д. [17, с. 22]), лишь при их наличии суд может сделать вывод о существовании спорного факта.

Стандарт доказывания ВАС РФ не изменяет: он ровно такой же, что и в ординарном искомом процессе. Убедить суд нужно на уровне «баланса вероятностей», однако эта вероятность отсутствует вовсе, если представлены одни только доказательства из ненадежного источника.

Здесь надо оговориться. Как мы отметили выше, существует подход, которым стандарты доказывания определяются как критерии оценки доказательств [14]. Согласившись с ним, надо признать, что ВАС РФ формулировал стандарт доказывания, поскольку правило: «доказательство, источником которого является лицо, заинтересованное в исходе дела, не может

быть названо достоверным в отсутствие иных доказательств» – относится к оценке судом доказательств. Тогда вопрос о стандарте доказывания в рассматриваемом нами постановлении – это вопрос о новом (возможно корректном) термине для известного явления, вопрос, лишенный, казалось бы, практической значимости.

Вместе с тем, определив сформулированное ВАС РФ правило как повышенный стандарт «ясные и убедительные доказательства», надо прийти к выводу, что применяется это правило только в делах о банкротстве⁶. Такое заключение, однако, следует подвергнуть критике.

Приведем пример. Участник общества с ограниченной ответственностью обращается с требованием о взыскании убытков с директора (ст. 53.1 Гражданского кодекса РФ), указывая, что тот заключил с компанией договор подряда, работы по договору не выполнены, однако оплачены со счета общества. При этом в компании-подрядчике ответчик также является директором и одновременно – единственным участником. Возражая против удовлетворения требований, директор указывает, что работы в действительности были выполнены и представляет в подтверждение акты приемки выполненных работ, подписанные обеими сторонами договора подряда.

Надо ли заключить, что предъявление актов выполненных работ позволит ответчику выиграть дело? Или всё же – как в делах о банкротстве, так и здесь – подобное доказательство в отсутствие иных свидетельств факта должно быть оценено судом как недостоверное, поскольку его источник – заинтересованное лицо?

Рассуждая в контексте стандартов доказывания, мы неизбежно приходим к выводу, что повышенный стандарт к возражениям директора против иска участника из нарушения директором фидуциарных обязанностей применен быть не может, напротив, есть основания думать, что повышенный стандарт доказывания должен выполнить истец⁷. Результат очевиден – доказав на уровне «внебанкротного»

стандарта выполнение работ, ответчик выиграет спор. Однако с точки зрения постулата о связи источника и достоверности акты выполненных работ, подписанные ответчиком от имени обеих организаций, не будут признаны достоверными, и для обоснования возражений ответчика потребуются иные доказательства. Нетрудно заключить, что второе решение является много более справедливым.

Отметим, что п. 26 Постановления № 35 первоначально не был воспринят доктриной как устанавливающий стандарты доказывания [23; 24]. Например, по мнению Е.Д. Суворова, в данном разъяснении изложена презумпция отсутствия требования кредитора. При этом автор полагает, что распространение подобной логики на иные процессы, не являющиеся производствами по установлению требований кредиторов в деле о банкротстве, недопустимо: презумпция отсутствия долга должна применяться только при рассмотрении споров об установлении такого долга [23]. Такой подход, однако, неоспорен. Во-первых, доказать факты, положенные в основу притязания, должен кредитор, предъявивший свои требования к должнику (ст. 65 Арбитражного процессуального кодекса РФ), и потому презумпция отсутствия долга лишена всякого смысла. Во-вторых, конкурирующий кредитор не может быть поставлен перед необходимостью доказывать отрицательный факт «наличные деньги не передавались должнику», лежащий в основе его возражения. Для объяснения этого обстоятельства также не требуется какая-либо специальная презумпция. ВАС РФ не перераспределяет бремя доказывания, лежащее на участниках процесса в силу общих норм процессуального закона.

3. Установлен ли повышенный стандарт доказывания по делам о признании мнимой сделки недействительной?

Пункт 26 Постановления № 35 упоминается также в Обзоре судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 5 (2017) (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 27 декабря 2017 г.), где в п. 20 сформулирована следующая позиция: «Если

⁶ Данный тезис встречается в практике судов. См., напр., постановление Арбитражного суда Уральского округа от 18 марта 2022 г. № Ф09-3/22 по делу № А60-20544/2021, постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 28 марта 2022 г. № Ф04-4644/2021 по делу № А81-558/2020.

⁷ В Определении Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 30 сентября 2019 г. № 305-ЭС16-18600(5-8) выражена следующая позиция: «стандарт доказывания по искам (статья 53.1 Гражданского кодекса

Российской Федерации) о взыскании убытков с лиц, имеющих фактическую возможность определять действия юридического лица (ясные и убедительные доказательства), отличается от соответствующего стандарта по спорам о признании недействительными сделок по специальным основаниям законодательства о банкротстве (баланс вероятностей)». Вопрос о том, к доказыванию каких фактов в деле о взыскании убытков следует применять повышенный стандарт доказывания, – предмет отдельной дискуссии (см.: [22]).

конкурсный кредитор обосновал существенные сомнения, подтверждающие наличие признаков мнимости у сделки, совершенной должником и другим конкурсным кредитором, на последних возлагается бремя доказывания действительности сделки».

Это разъяснение допускает двоякое толкование. С одной стороны, указано, что конкурсному кредитору надо обосновать существенные сомнения в действительности сделки. Значит, существенных сомнений достаточно, чтобы отказать кредитору во вступлении в реестр. Именно так в праве Англии и США понимается стандарт «вне разумных сомнений», его выполнение означает, что в достоверности факта (виновности обвиняемого по уголовному делу) не должно остаться разумных сомнений. Такой стандарт и должен выполнить кредитор, на которого возложено бремя доказывания действительности сделки. С другой стороны, тезис Верховного Суда РФ можно понять в том смысле, что обоснование существенного сомнения (т. е. представление доказательства *prima facie*) влечет только переход бремени доказывания на конкурсному кредитору – сторону сделки, и далее это бремя должно быть им выполнено по ординарному для гражданских дел стандарту «баланс вероятностей».

Далее позиция Верховного Суда РФ, выраженная в п. 20 Обзора судебной практики № 5 2017 г., была воспроизведена в п. 1 Обзора судебной практики разрешения споров, связанных с установлением в процедурах банкротства требований контролирующего должника и аффилированных с ним лиц (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 29 января 2020 г.), но уже с некоторыми уточнениями: «на аффилированном с должником кредиторе лежит бремя опровержения разумных сомнений относительно мнимости договора, на котором основано его требование, заявленное в деле о банкротстве». Данный вывод простора для интерпретаций не оставляет. Коль скоро вступление в реестр требований кредиторов невозможно, когда сохранились сомнения в действительности сделки, кредитору необходимо выполнить стандарт доказывания «вне разумных сомнений».

Оставляя за скобками вопрос о том, допустим ли в принципе столь высокий стандарт доказывания вне уголовного судопроизводства, отметим: несмотря на формулировки итоговых разъяснений, аргументы суда и обстоятельства рассмотренных им дел свидетельствуют о том, что в действительности каких-либо повышенных стандартов доказывания данным актом введено не было.

В Обзоре судебной практики № 5 2017 г. Верховный Суд РФ приводит следующее объяснение: «Как правило, для установления обстоятельств, подтверждающих позицию истца или ответчика, достаточно совокупности доказательств (документов), обычной для хозяйственных операций, лежащих в основе спора. Однако в условиях банкротства ответчика и конкуренции его кредиторов интересы должника-банкрота и аффилированного с ним кредитора (далее также – “дружественный” кредитор) в судебном споре могут совпадать в ущерб интересам прочих кредиторов. Для создания видимости долга в суд могут быть представлены внешне безупречные доказательства исполнения по существу фиктивной сделки. Сокрытие действительного смысла сделки находится в интересах обеих ее сторон. Реальной целью сторон сделки может быть, например, искусственное создание задолженности должника-банкрота для последующего распределения конкурсной массы в пользу “дружественного” кредитора». Далее суд ссылается на п. 26 Постановления № 35 и заключает, что, проверяя заявление о дефектах сделки, судам надлежит устанавливать иные факты (имелось ли у фирмы имущество, указанное в договоре хранения, мог ли хранитель исполнять обязательство с учетом особенностей предмета хранения и т. д.). Аналогичные разъяснения приводятся в Обзоре судебной практики разрешения споров, связанных с установлением в процедурах банкротства требований контролирующего должника и аффилированных с ним лиц: «...при наличии в рамках дела о банкротстве возражений о мнимости договора суд не должен ограничиваться проверкой документов, представленных кредитором, на соответствие формальным требованиям, установленным законом. Суду необходимо выяснить, представлены ли достаточные доказательства существования фактических отношений по договору».

Вместе с тем для обоснования того, что сделка совершена с намерением создать соответствующие ей правовые последствия (и значит, не является мнимой), «совокупности доказательств (документов), обычной для хозяйственных операций, лежащих в основе спора», недостаточно никогда. Как справедливо отмечают исследователи, исходя из текста мнимой сделки, невозможно сделать вывод о ее мнимости, поскольку именно на восприятие своего волеизъявления «за чистую монету» и рассчитывают лица, совершающие такую сделку. Поэтому мнимость сделки обычно устанавливается на основании оценки фактических обстоятельств, связанных с заключением и исполнением сделки [25]. Внешне без-

упречные доказательства заключения и исполнения договора в принципе характерны для мнимой сделки, поскольку это основание недействительности предполагает создание видимости правоотношения без намерения приобрести, изменить или прекратить права и обязанности.

Тем более безупречные доказательства появятся там, где мнимая сделка противопоставляется третьему лицу – субъекту, не являющемуся стороной спорного правоотношения и не имевшему возможности повлиять на создание письменных доказательств. Интересы ответчиков – сторон мнимой сделки в споре против лица, субъектом договора не являвшегося, как правило, будут совпадать и заключаться в сохранении соглашения: это, вопреки выводам Верховного Суда РФ, вовсе не особенность производства по делу о банкротстве. Как в ординарном исковом процессе, так и в процедуре установления требований кредитора по делу о несостоятельности одни только письменные доказательства, исходящие от сторон соглашения, не могут быть положены в основу вывода суда о действительности сделки.

Данный тезис в сущности поддерживает и сам Верховный Суд РФ. Например, оценивая судебные акты, принятые по иску цессионария о взыскании задолженности по договору поставки, Верховный Суд РФ отметил, что «при рассмотрении вопроса о мнимости договора поставки и документов, подтверждающих передачу товара, суд не должен ограничиваться проверкой того, соответствуют ли представ-

ленные документы формальным требованиям, которые установлены законом. При проверке действительности сделки суду необходимо установить наличие или отсутствие фактических отношений по сделке». Как мы видим, суд полагает необходимым проверять довод о мнимости договора в исковом процессе так же, как и в банкротной процедуре – не ограничиваясь проверкой соответствия документов «формальным требованиям». При этом далее коллегия отметила: «Наличие или отсутствие фактических отношений по сделке является юридически значимым обстоятельством, подлежащим установлению по делу, и не может рассматриваться как повышенный стандарт доказывания, применимый только в делах о банкротстве»⁸.

Приведенный подход определенно верный, но верный он потому, что выяснение наличия или отсутствия фактических отношений не может рассматриваться как повышенный стандарт доказывания ни в делах о включении требований кредиторов реестра, ни в иных спорах.

4. Заключение

Постановление № 35, положенное Верховным Судом РФ в основу тезиса о повышенных стандартах доказывания по делам о банкротстве, в действительности стандартов не вводит и предпосылок к такому введению не содержит. ВАС РФ своим разъяснением лишь конкретизировал применительно к делам о банкротстве абсолютно универсальный тезис – достоверность доказательства оценивается в том числе исходя из его источника.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аргунов В. В. О так называемых стандартах доказывания применительно к отечественному судопроизводству / В. В. Аргунов, М. О. Долова // Вестник гражданского процесса. – 2019. – № 2. – С. 76–104. – DOI: 10.24031/2226-0781-2019-9-2-76-104.
2. Барышников П. С. Эмпирические методы в науке гражданского процессуального права / П. С. Барышников // Актуальные проблемы российского права. – 2015. – № 11. – С. 26–34.
3. Глащенко В. Д. К вопросу о соотношении категории стандарта доказывания со смежными институтами доказательственного права в гражданском процессе / В. Д. Глащенко // Арбитражный и гражданский процесс. – 2021. – № 10. – С. 34–39.
4. Глушков А. Н. Судебная практика применения стандартов доказывания в России / А. Н. Глушков // Арбитражный и гражданский процесс. – 2019. – № 5. – С. 38–43.
5. Карпова А. А. Принцип свободной оценки доказательств и стандарты доказывания: положения немецкой доктрины и правоприменительной практики и российская правовая действительность / А. А. Карпова // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. – 2023. – № 6. – С. 138–163.

⁸ Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 10 сентября 2019 г. № 46-КГ19-17 (п. 3 Обзора судебной практики Вер-

ховного Суда Российской Федерации № 1 (2020) (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 10 июня 2020 г.)).

6. Козлов М. А. Генезис стандартов доказывания в европейской правовой традиции: краткий исторический очерк / М. А. Козлов // Вестник гражданского процесса. – 2022. – № 3. – С. 105–118.
7. Сергеева С. Л. Стандарты доказывания в делах о несостоятельности (банкротстве) / С. Л. Сергеева // Арбитражный и гражданский процесс. – 2023. – № 2. – С. 26–30.
8. Сердитова Е. Н. Некоторые аспекты применения норм о доказывании при рассмотрении в деле о банкротстве обособленных споров о включении требования в реестр требований кредиторов должника / Е. Н. Сердитова // Вестник гражданского процесса. – 2019. – № 1. – С. 394–410.
9. Смольников Д. И. Мифы о стандартах доказывания / Д. И. Смольников // Закон. – 2015. – № 12. – С. 199–205.
10. Терещенко Т. А. Стандарты доказывания и осмотрительности в работе налоговых органов и деятельности предпринимателей (тенденции) / Т. А. Терещенко, В. А. Амелчук // Арбитражные споры. – 2023. – № 2. – С. 74–85.
11. Ярошенко Т. В. Стандарты доказывания в гражданском судопроизводстве: проблемы и перспективы правового регулирования / Т. В. Ярошенко, И. В. Дыханов // Арбитражный и гражданский процесс. – 2022. – № 3. – С. 32–34.
12. Карапетов А. Г. Стандарты доказывания: аналитическое и эмпирическое исследование / А. Г. Карапетов, А. С. Косарев. – М. : Закон, 2019. – 96 с. – (Вестник экономического правосудия Российской Федерации. Приложение к Ежемесячному журналу. 2019. № 5).
13. Решетникова И. В. Стандарт доказывания / И. В. Решетникова // Арбитражный и гражданский процесс. – 2021. – № 8. – С. 26–27.
14. Смола А. А. Стандарты, доказывание и Верховный Суд / А. А. Смола // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. – 2018. – № 8. – С. 129–165.
15. Будылин С. Л. Внутреннее убеждение или баланс вероятностей? Стандарты доказывания в России и за рубежом / С. Л. Будылин // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. – 2014. – № 3. – С. 25–57.
16. Юдельсон К. С. Судебные доказательства и практика их использования в советском гражданском процессе / К. С. Юдельсон. – М., 1956. – 251 с.
17. Треушников М. К. Судебные доказательства / М. К. Треушников. – М. : Городец, 2016. – 304 с.
18. Курс доказательственного права: Гражданский процесс. Арбитражный процесс. Административное судопроизводство / под ред. М. А. Фокиной. – М. : Статут, 2019. – 656 с.
19. Гражданский процесс : учеб. / под ред. М. К. Треушникова. – М. : Статут, 2014. – 960 с.
20. Справочник по доказыванию в гражданском судопроизводстве / под ред. И. В. Решетниковой. – М., 2021. – 472 с.
21. Шершеневич Г. Ф. Курс торгового права. Т. IV. Торговый процесс. Конкурсный процесс / Г. Ф. Шершеневич. – М., 1912. – 596 с.
22. Основные положения гражданского права : постатейн. коммент. к ст. 1–16.1 Гражд. кодекса Рос. Федерации / отв. ред. А. Г. Карапетов. – М. : М-Логос, 2020. – 1469 с.
23. Суворов Е. Д. Банкротство в практике Президиума ВАС РФ за 2014 г.: прецеденты и комментарии. – М. : Статут, 2015. – 400 с.
24. Алоян А. Э. Проблемы имплементации доктрины *recharacterization* в российскую правовую систему / А. Э. Алоян // Вестник гражданского права. – 2017. – Т. 17, № 6. – С. 221–240.
25. Сделки, представительство, исковая давность : постатейн. коммент. к ст. 153–208 Гражд. кодекса Рос. Федерации / отв. ред. А. Г. Карапетов. – М. : М-Логос, 2018. – 1264 с.

REFERENCES

1. Argunov V.V., Dolova M.O. On the So-Called Standards of Proof in the Context of the Domestic Judicial Procedure. *Vestnik grazhdanskogo protsesssa = Herald of Civil Procedure*, 2019, no. 2, pp. 76–104. DOI: 10.24031/2226-0781-2019-9-2-76-104. (In Russ.).
2. Barishnikov P.S. Empirical methods in the science of civil procedure. *Aktual'nye problemy rossiiskogo prava = Actual Problems of Russian Law*, 2015, no. 11, pp. 26–34. (In Russ.).

3. Glaschenko V.D. On the Correlation between the Category of the Standard of Proof and Related Institutions of the Law of Evidence in a Civil Procedure. *Arbitrazhnyi i grazhdanskii protsess = Arbitrazh and Civil Procedure*, 2021, no. 10, pp. 34–39. (In Russ.).
4. Glushkov A.N. Case Law of Application of Standards of Proving in Russia. *Arbitrazhnyi i grazhdanskii protsess = Arbitrazh and Civil Procedure*, 2019, no. 5, pp. 38–43. (In Russ.).
5. Karpova A. The Principle of Free Evidence Assessment and Standards of Proof: The Approaches in German Civil Procedural Law and Judicial Practice and Russian Legal Reality. *Vestnik ekonomicheskogo pravosudiya Rossiiskoi Federatsii*, 2023, no. 6, pp. 138–163. (In Russ.).
6. Kozlov M.A. The Genesis of Standards of Proof in European Legal Tradition: a Brief Historical Outline. *Vestnik grazhdanskogo protsesssa = Herald of Civil Procedure*, 2022, no. 3, pp. 105–118. (In Russ.).
7. Sergeeva S.L. Standards of Proving in Insolvency (Bankruptcy) Cases. *Arbitrazhnyi i grazhdanskii protsess = Arbitrazh and Civil Procedure*, 2023, no. 2, pp. 26–30. (In Russ.).
8. Serditova E.N. Some Aspects of the Application of the Rules on Evidence in the Consideration in the Bankruptcy Case of Completed Disputes on the Inclusion of Requirements in the List of Creditors of the Debtor. *Vestnik grazhdanskogo protsesssa = Herald of Civil Procedure*, 2019, no. 1, pp. 394–410. (In Russ.).
9. Smolnikov D.I. Myths about standards of proof. *Zakon*, 2015, no. 12, pp. 199–205. (In Russ.).
10. Tereshchenko T.A., Amelchuk V.A. Standards of evidence and diligence in the work of tax authorities and the activities of entrepreneurs (trends). *Arbitrazhnye spory*, 2023, no. 2, pp. 74–85. (In Russ.).
11. Yaroshenko T.V., Dykhanov I.V. Standards of Proving in Civil Proceedings: Legal Regulation Problems and Prospects. *Arbitrazhnyi i grazhdanskii protsess = Arbitrazh and Civil Procedure*, 2022, no. 3, pp. 32–34. (In Russ.).
12. Karapetov A., Kosarev A. *Standards of Proof: Analytical and Empirical Research*, Supplement to *Vestnik ekonomicheskogo pravosudiya Rossiiskoi Federatsii*, 2019, no. 5. Moscow, Zakon Publ., 2019. 96 p. (In Russ.).
13. Reshetnikova I.V. Standard of Proof. *Arbitrazhnyi i grazhdanskii protsess = Arbitrazh and Civil Procedure*, 2021, no. 8, pp. 26–27. (In Russ.).
14. Smola A. Standards, Evidence and the Supreme Court. *Vestnik ekonomicheskogo pravosudiya Rossiiskoi Federatsii*, 2018, no. 8, pp. 129–165. (In Russ.).
15. Budylin S.L. Internal Conviction or Balance of Probabilities? Standards of Proof in Russia and Abroad. *Vestnik Vysshego arbitrazhnogo suda Rossiiskoi Federatsii*, 2014, no. 3, pp. 25–57. (In Russ.).
16. Yudel'son K.S. *Judicial evidence and the practice of its use in Soviet civil proceeding*. Moscow, 1956. 251 p. (In Russ.).
17. Treushnikov M.K. *Judicial evidence*. Moscow, Gorodets Publ., 2016. 304 p. (In Russ.).
18. Fokina M.A. (ed.). *Course on Evidence Law: Civil Procedure. Arbitration Procedure. Administrative proceedings*. Moscow, Statut Publ., 2019. 656 p. (In Russ.).
19. Treushnikov M.K. (ed.). *Civil Procedure*, Textbook. Moscow, Statut Publ., 2014. 960 p. (In Russ.).
20. Reshetnikova I.V. (ed.). *Handbook of Evidence in Civil Proceedings*. Moscow, 2021. 472 p. (In Russ.).
21. Shershenevich G.F. *Course on Trade Law. Vol. IV. Trade Process. Competitive Process*. Moscow, 1912. 596 p. (In Russ.).
22. Karapetov A.G. (ed.). *Basic provisions of civil law*, Article-by-article commentary on articles 1 - 16.1 of the Civil Code of the Russian Federation. Moscow, M-Logos Publ., 2020. 1469 p. (In Russ.).
23. Suvorov E.D. *Bankruptcy in the Practice of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation for 2014: Acts and Comments*. Moscow, Statut Publ., 2015. 400 p. (In Russ.).
24. Aloyan A.E. Problems of Implementation of the Recharacterization Doctrine in the Russian Legal System. *Vestnik grazhdanskogo prava = Civil law review*, 2017, vol. 17, no. 6, pp. 221–240. (In Russ.).
25. Karapetov A.G. (ed.). *Transactions, Representation, Limitation of Action*, Article-by-Article Commentary on Articles 153 to 208 of the Civil Code of the Russian Federation. Moscow, M-Logos Publ., 2018. 1264 p. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Платонова Наталья Вячеславовна – старший преподаватель, младший научный сотрудник кафедры гражданского процесса

INFORMATION ABOUT AUTHOR

Natalia V. Platonova – senior lecturer, junior researcher, Department of Civil Procedure
St. Petersburg University

Санкт-Петербургский государственный университет
199034, Россия, г. Санкт-Петербург, Университет-
ская наб., 7/9
E-mail: n.v.platonova@spbu.ru

7/9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034,
Russia
E-mail: n.v.platonova@spbu.ru

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Платонова Н.В. К вопросу о стандартах доказы-
вания в практике Верховного Суда РФ по делам о
банкротстве / Н.В. Платонова // Правопримене-
ние. – 2024. – Т. 8, № 3. – С. 132–141. – DOI:
10.52468/2542-1514.2024.8(3).132-141.

BIBLIOGRAPHIC DESCRIPTION

Platonova N.V. On the issue of standards of proof in
the practice of the Supreme Court of the Russian
Federation in bankruptcy cases. *Pravoprimerenie =*
Law Enforcement Review, 2024, vol. 8, no. 3,
pp. 132–141. DOI: 10.52468/2542-1514.2024.8(3).
132-141. (In Russ.).

ПРИМЕНЕНИЕ НОРМ ПРАВА ОРГАНАМИ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО СЛЕДСТВИЯ И ДОЗНАНИЯ

THE LAW ENFORCEMENT BY THE BODIES OF PRELIMINARY INVESTIGATION AND INQUIRY

УДК 343.3/.7

DOI 10.52468/2542-1514.2024.8(3).142-151

УГОЛОВНЫЙ КОДЕКС МОНГОЛИИ. ОБЩАЯ ЧАСТЬ. ПРЕСТУПЛЕНИЕ

В.М. Степашин

Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского, г. Омск, Россия

Информация о статье

Дата поступления –

02 мая 2024 г.

Дата принятия в печать –

20 июня 2024 г.

Дата онлайн-размещения –

20 сентября 2024 г.

Ключевые слова

Уголовный кодекс Монголии,
зарубежное уголовное право,
сравнительное уголовное право,
постсоциалистическое право,
Общая часть уголовного права

Изучается Уголовный кодекс Монголии. В результате исследования выявлены следующие особенности уголовно-правового регулирования в Монголии: 1. Закреплены принципы законности, справедливости и вины. Не допускается привлечение к уголовной ответственности за мнения или убеждения. 2. Раскрываются понятия продолжаемого преступления и идеальной совокупности преступлений. 3. Закреплены только две категории преступлений: тяжкие и небольшой тяжести. 4. Умысел не имеет деления на виды. 5. Дается понятие ущерба и вреда, причиненных преступлением. 6. Форма вины при соучастии не оговорена. 7. Ответственность соучастников дифференцирована. 8. Выделено две формы соучастия: групповое совершение преступления и организованная преступная группа. 9. Предусмотрена ответственность юридических лиц. Делается вывод, что монгольское уголовное законодательство обладает качественным своеобразием.

THE CRIMINAL CODE OF MONGOLIA. THE GENERAL PART. CRIME

Vitaliy M. Stepashin

Dostoevsky Omsk State University, Omsk, Russia

Article info

Received –

2024 May 02

Accepted –

2024 June 20

Available online –

2024 September 20

Keywords

Criminal Code of Mongolia,
foreign criminal law, comparative
criminal law, post-socialist law,
General part of criminal law

Introduction. In a number of positions, the Criminal Code of Mongolia is recognized as more progressive than the Criminal Code of the Russian Federation. Therefore, it is no coincidence that there is a noticeable increase in the number of publications devoted to legislative decisions of the Criminal Code of Mongolia, which are of undoubted interest in scientific discussions on key criminal law issues.

General provisions. The Criminal Code opens with Chapter 1 "General provisions", which sets out the goals, principles of the criminal legislation of Mongolia, the rules of its operation in space and time. The Criminal Code of Mongolia enshrines only three principles: legality, justice and guilt. The law explicitly states that it is not allowed to bring a person to criminal responsibility for opinions or beliefs. The issue of the time of commission of ongoing and ongoing crimes has been resolved. The rules on the statute of limitations of a crime have been moved to this chapter.

Crime. The foresight of an act in the criminal law is called an indispensable condition for the recognition of an act and omission as criminal, and, in particular, a careless act. The concepts of a continuing crime and an ideal set of crimes are revealed. Only two categories of crimes are fixed: serious and minor. The form of guilt for the purposes of categorization of crimes in the Criminal Code of Mongolia is insignificant. The very forms of guilt (intent and negligence) are named in art. 2.3. At the same time, intent is not divided into types. The Criminal Code of Mongolia defines the concept of damage and harm caused by a crime. The chapter ends with the regulations on the unfinished crime.

Complicity. It is noteworthy that the form of guilt of the crime committed is not specified in the law. A mediocre performer is a person who has committed a crime by using not only a person who has not reached the age from which criminal responsibility begins, an insane

person, but also other persons who have not committed a crime in complicity with the perpetrator and do not realize that a crime is being committed, or livestock or other animals. The perpetrator of a crime is also recognized as a person who inclines another person to commit a crime under the influence of physical or mental coercion.

Circumstances precluding the criminality of the act. This institution has found regulation in Chapter 4 of the Criminal Code. It can distinguish significant differences from the Russian Criminal Code in regulating necessary defense, extreme necessity, coercion, reasonable risk, and execution of an order.

The procedure, grounds for criminal prosecution and exemption from criminal liability. Chapter 6 contains regulatory requirements that define: (1) signs of the subject of the crime – an individual; (2) general rules for bringing to criminal responsibility and (3) special rules for sentencing; (4) rules for exemption from criminal liability and punishment.

Liability of legal entities. Chapter 9, which closes the General Part, is devoted to their responsibility, which defines the grounds for bringing legal entities to criminal responsibility; types of criminal liability; guarantees of its inevitability. The basis for the imposition of punishment is the sole or joint decision of authorized officials representing a legal entity, or actions or omissions committed in the interests of a legal entity that contain signs of an appropriate *corpus delicti*.

Conclusions. Modern Mongolian criminal legislation, while maintaining continuity and honoring legal and cultural traditions, has a qualitative originality. The normative prescriptions proposed in it are of interest to Russian criminal law science and the legislator. Undoubtedly, the experience of Mongolian criminal law regulation can and should be taken into account by the domestic legislator.

1. Введение

Правовая культура и элементы юридической техники монгольского права схожи с правовой системой России, в первую очередь в силу соседства и исторически сложившихся дружеских отношений [1, с. 49; 2; 3, с. 38]. При этом национальные системы уголовно-правового принуждения во многом уникальны, поскольку формировались на фоне социально-политических потрясений, что дало простор для масштабного правового экспериментирования [4, с. 44]. В настоящее время заметны желания отдельных ученых и монгольских юридических школ выделить еще два вектора: западный (европейский) и азиатский (Япония, Корея) [5, с. 80].

В Монголии действует Уголовный кодекс (далее – УК), который был принят 3 декабря 2015 г. (вступил в законную силу с 1 июля 2017 г.) и характеризуется многими новациями. Омская академия МВД РФ и Университет внутренних дел Монголии впервые осуществили перевод полного текста УК Монголии (по состоянию на 1 августа 2020 г.)¹.

В доктрине УК Монголии получил оценку как выполненный на современном уровне объемный и сложный нормативный правовой акт, основанный на едином правовом подходе, стройной системе

принципов и системной юридической технике [6, с. 107–109]. По ряду позиций УК Монголии признают более прогрессивным в сравнении с УК РФ [7, с. 119]. Не случайным потому видится заметный рост числа публикаций [8–12] и монографических исследований [13], посвященных законодательным решениям УК Монголии.

УК Монголии состоит из Общей и Особенной частей, включающих 9 и 20 глав соответственно. Заключительная гл. 30 «Иное» содержит лишь одну статью, определяющую дату вступления в силу действующего монгольского УК – 1 июля 2017 г.

2. Результаты исследования

2.1. Общие положения (гл. 1 УК Монголии)

Открывается УК Монголии гл. 1 «Общие положения», в которой закреплены цели, принципы уголовного законодательства, правила его действия. Целями УК Монголии определены: охрана гарантированных Конституцией Монголии прав и свобод человека, общественных и национальных интересов, конституционного строя, обеспечение национальной безопасности и безопасности человечества от преступных посягательств, а также предупреждение преступлений (ст. 1.1 УК Монголии).

¹ Уголовный кодекс Монголии / пер. с монг. Батболд Галбадрах, Амарсанаа Вандан-Иш; науч. ред. пер. и пре-

дисл. М.В. Бавсуна, А.А. Нечепуренко. Омск: Ом. акад. МВД России, 2020. 144 с.

В УК Монголии закреплены всего три принципа: законности (ст. 1.2), справедливости (ст. 1.3) и вины (ст. 1.4). Но в ч. 2 ст. 1.3 устанавливается, что при признании деяния преступлением и назначении наказания не допускается дискриминация человека (ялгаварлан гадуурхахгүй) в зависимости от его национальности, языка, расы, возраста, пола, социального происхождения, состояния, имущественного и должностного положения, отношения к религии, убеждений, половой принадлежности, образования и наличия инвалидности. Таким образом, законодатель включает в принцип справедливости и принцип равенства граждан перед законом [14, с. 358].

Установление уголовной ответственности юридических лиц также нашло отражение в содержании принципов уголовного закона. Так, согласно ч. 1 ст. 1.3 уголовная ответственность, применяемая к конкретному физическому или юридическому лицу, совершившему преступление, должна соответствовать характеру и степени его общественной опасности, категории преступления, а также форме вины. При этом привлечение лица, совершившего преступление от имени или в интересах юридического лица, к уголовной ответственности не может стать основанием освобождения юридического лица от уголовной ответственности (ч. 4 ст. 1.3).

Примечательно, что, раскрывая содержание принципа вины, законодатель не только воспроизводит идею уголовной ответственности лишь за совершение преступлений, в отношении которых судом установлена вина лица (ч. 1 ст. 4), и запрета объективного вменения (ч. 2), но и формулирует в ч. 3 понятие невиновного причинения вреда (аналогично предписаниям ч. 1 ст. 28 УК РФ). Кроме того, в законе прямо указано, что не допускается привлечение человека к уголовной ответственности за мнение или убеждения (ч. 4).

Правила действия уголовного закона во времени, пространстве и по кругу лиц сформулированы традиционно [15]: с использованием принципов территориального, экстерриториальности, гражданства, реального, универсального, ультраактивности. Если новый закон смягчает наказание за деяние, за которое лицо отбывает наказание, то назначенное наказание подлежит судом сокращению *в пределах размера санкции* вновь принятой нормы (ч. 3 ст. 1.9).

Непосредственно в УК Монголии решен вопрос о времени совершения длящихся [16] и продолжаемых преступлений (ч. 3 ст. 1.8). В эту же главу перенесены правила о сроке давности преступления

(ст. 1.9) [17], в которых, помимо прочего, содержится специальная норма (ч. 5), устанавливающая пятилетний давностный срок к преступлениям, состоящим в уклонении от уплаты налогов.

2.2. Преступление (гл. 2 УК Монголии)

Преступлением признаётся виновно совершённое общественно опасное действие или бездействие, предусмотренное Особенной частью УК Монголии (ч. 1 ст. 2.1). Больше внимание уделяется признаку противоправности. В ч. 3 указанной статьи подчеркивается: не считается преступлением действие или бездействие, причинившее вред, ущерб, обладающее признаками вины, но не предусмотренное Особенной частью. В ст. 2.2 предусмотренность деяния в уголовном законе называется неперенным условием признания преступным действия и бездействия (ч. 1) и, в частности, неосторожного деяния (ч. 2). В этой же статье раскрываются понятия продолжаемого преступления (ч. 3) и идеальной совокупности преступлений (ч. 4).

УК Монголии отказался от понятия рецидива преступлений. Однако совершение умышленных преступлений, предусмотренных в одной главе УК Монголии, два или более раза, признаётся обстоятельством, отягчающим уголовную ответственность (ч. 1.2 ст. 6.6). При этом категория совершённого преступления и возраст преступника не имеют значения.

Категоризация же преступлений осуществлена в ст. 2.6 УК Монголии, в которой закреплены только две категории: тяжкие и небольшой тяжести. Преступлениями небольшой тяжести признаются деяния, за совершение которых максимальный размер наказания, предусмотренного УК Монголии, не превышает пяти лет лишения свободы либо установлен более мягкий вид наказания. Показателем же общественной опасности для тяжких преступлений выступает *строгость минимально возможного наказания*: таковыми признаются деяния, за совершение которых минимальное наказание составляет не менее двух лет лишения свободы. Форма вины для целей категоризации преступлений незначима.

Собственно сами формы вины (умысел и неосторожность) названы в ст. 2.3. При этом умысел не имеет деления на виды и характеризуется: 1) осознанием незаконности своих действий или бездействия; 2) желанием их совершения; 3) преднамеренным причинением вреда или ущерба. Неосторожность делится, в российской терминологии, на легкомыслие и небрежность, но в содержание их интеллектуального момента также включено осознание незаконности своих действий или бездействия. Сме-

шанной формой вины является причинение вреда и ущерба по неосторожности вследствие умышленных действий или бездействия (ч. 1 ст. 2.4).

В УК Монголии дается понятие ущерба и вреда, причиненных преступлением (ч. 1–3 ст. 2.5). В ч. 4 указанной статьи определены унифицированные размеры ущерба, предусмотренного УК Монголии: крупный (в размере не менее пятидесяти тысяч единиц); значительный (в размере не менее десяти тысяч единиц); небольшой (в размере не более трехсот единиц). Одна штрафная единица равна тысяче тугриков (ч. 3 ст. 5.3).

Завершают главу предписания о неоконченном преступлении (ст. 2.7, 2.8). Уголовная ответственность не наступает за действия или бездействие к приготовлению преступлений, за совершение которых предусмотрено наказание в виде лишения свободы до трех лет. Наказуемость приготовления ограничена одной третью максимального размера наказания, назначаемого за совершённое преступление, а покушения – двумя третями. Покушением на преступление в УК Монголии прямо признаются действия лица, отдавшего явно незаконные приказ или поручение, в случае их неисполнения (ч. 3 ст. 4.6).

В ч. 3, 4 ст. 2.8 изложены аналогичные отечественным предписания о добровольном отказе от совершения преступления и его уголовно-правовых последствиях.

2.3. Соучастие (гл. 3 УК Монголии)

Институт соучастия предлагает оригинальное решение проблем, дискутируемых и в отечественной науке [18; 19]. Соучастием в преступлении признаётся умышленное совместное участие двух или более лиц в совершении преступления (ч. 1 ст. 3). Форма вины совершаемого преступления в законе не оговорена. Соучастием в преступлении признаётся и предварительный сговор на совершение преступления либо умышленные совместные действия без предварительного сговора на совершение преступления (ч. 3 ст. 3.1).

Соучастниками признаются, как и в российском уголовном законодательстве, исполнитель, организатор, подстрекатель и пособник. Примечательно, что посредственным исполнителем признаётся лицо, совершившее преступление посредством использования не только лица, не достигшего возраста, с которого наступает уголовная ответственность, невменяемого, но и *других лиц, не совершавших преступление в соучастии с виновным и не осознающих, что совершается преступление, либо скота или других животных*. Исполнителем призна-

ётся и лицо, склоняющее другого человека к совершению преступления под влиянием физического или психического принуждения (ч. 2 ст. 4.4).

Поскольку монгольский законодатель предусмотрел уголовную ответственность и для юридических лиц, в УК Монголии особо оговорено, что исполнителем признаётся уполномоченное должностное лицо, которое вправе принять решение за юридическое лицо, принимавшее решение или давшее разрешение от имени или в интересах юридического лица на совершение преступления, посредством использования другого лица, в действиях или бездействии которого содержатся признаки состава преступления. При этом должностное лицо юридического лица, совершившее преступление совместно с руководителем юридического лица, если оно знало, что решение руководителя незаконно, признаётся соисполнителем.

Соисполнителем признаётся и организатор совершения преступления, т. е. лицо, инициировавшее, планировавшее совершение преступления или руководившее его исполнением, организовавшее распределение обязанностей или участие соисполнителей, а также лицо, создавшее организованное преступное сообщество (ч. 1, 2 ст. 3.3), а также лицо, создавшее организованную преступную группу либо руководящее ею (ч. 2 ст. 3.8). Последнее также подлежит наказанию за создание организованной группы и руководство ею.

В УК Монголии нашёл решение и вопрос о наказуемости деяний соучастников. Так, наказание подстрекателю должно быть назначено не мягче, а наказание пособнику – не строже наказания, которое назначается исполнителю преступления. Тем самым подстрекатель уравнивается по общественной опасности с исполнителем преступления, а наименее опасным видом соучастника признан пособник.

Закон называет две формы соучастия: групповое совершение преступления (независимо от наличия сговора) и организованная преступная группа. Несомненный интерес представляет понятие организованной группы. Во-первых, такая группа является собой устойчивое объединение, состоящее из заранее объединившихся лиц; во-вторых, таких лиц должно быть не менее трех; в-третьих, такая группа должна быть создана в целях получения выгоды; в-четвертых, способом извлечения прибыли является *постоянное* совершение преступлений (ч. 1 ст. 3.8).

Член организованной преступной группы несет уголовную ответственность не только за преступления, ею совершённые, но и за вступление в органи-

зованную группу. Таковым признаётся и лицо, присоединившееся к деятельности организованной преступной группы и совершившее преступление. Закон предусматривает возможность смягчения наказания или освобождения от наказания члена организованной преступной группы при условии: 1) признания им вины; 2) явки с повинной; 3) оказания содействия в раскрытии преступлений, совершённых организованной преступной группой, предоставления сведений или иного сотрудничества с правомочными органами (ч. 6 ст. 3.8).

2.4. Обстоятельства, исключающие преступность деяния (гл. 4 УК Монголии)

Таких обстоятельств, как и в УК РФ, шесть: необходимая оборона (ст. 4.1); посягательство, совершённое в целях задержания и пресечения (ст. 4.2); причинение вреда при крайней необходимости (ст. 4.3); принуждение и влияние (ст. 4.4); обоснованный риск (ст. 4.5); исполнение приказа или поручения (ст. 4.6). Но есть и существенные отличия, прежде всего в части определения критериев правомерности причиненного вреда [20–22].

Во-первых, УК Монголии отказался от понятия «превышение пределов необходимой обороны». Не являются преступлением действия, содержащие признаки состава преступления, направленные против нападения и иных незаконных действий против жизни или здоровья обороняющегося лица или других лиц. При этом не признаются необходимой обороной действия, сопряженные с сопротивлением законным действиям сотрудника правоохранительного органа, который имеет право на применение огнестрельного оружия, физической силы и специальных средств в соответствии с законом при исполнении служебной обязанности и расследовании дел, или работника службы охраны, который имеет право на применение огнестрельного оружия, физической силы и специальных средств в соответствии с законом при исполнении служебной обязанности. Под сотрудником правоохранительного органа в УК Монголии понимается служащий органа полиции, разведки, исполнения судебных решений, специальной службы государственной охраны, уполномоченное лицо, которому предоставлено специальное право законом, а также инспектор по охране природных ресурсов (примечание к ст. 4.2).

Во-вторых, превышением мер, необходимых для задержания лица или пресечения преступных действий, признаётся причинение неправомерного вреда *сотрудником правоохранительного органа*.

В-третьих, не признаётся преступлением деяния, совершённые под неизбежным влиянием других лиц, вследствие применения насилия или угрозы применением насилия либо причинением вреда или ущерба правам или законным интересам данного лица, *членов семьи или других лиц*, если при этом не была *явно превышена угрожающая опасность*.

В-четвертых, ограничена сфера применения такого обстоятельства, как обоснованный риск. Он допустим только при выполнении производственной или исследовательской работы для достижения общественно полезных результатов, а достаточные профилактические меры для предотвращения вреда должны быть предусмотрены в законе или стандарте.

И, наконец, в-пятых, действия лица, отдавшего явно незаконные приказ или поручение, признаются покушением на преступление в случае их неисполнения.

2.5. Порядок, основания привлечения к уголовной ответственности и освобождения от уголовной ответственности (гл. 6 УК Монголии)

Довольно необычна гл. 6 УК Монголии. В ней содержатся нормативные предписания, определяющие: 1) признаки субъекта преступления – физического лица; 2) общие правила привлечения к уголовной ответственности; 3) специальные правила назначения наказания; 4) правила освобождения от уголовной ответственности и наказания.

Физическое лицо как субъект преступления по УК Монголии должно достичь возраста уголовной ответственности и обладать вменяемостью.

Общий возраст уголовной ответственности в Монголии, как и в России, составляет 16 лет. Лица, достигшие ко времени совершения преступления четырнадцатилетнего возраста, подлежат уголовной ответственности за относительно простые в совершении преступления, общественная опасность которых достаточно очевидна (убийство, умышленное причинение тяжкого вреда здоровью, изнасилование, кража, разбой и др.). Исчерпывающий перечень таких преступлений представлен в ч. 2 ст. 6.2. Он значительно уже, нежели в ч. 2 ст. 20 УК РФ, но в него обоснованно включены и такие деяния, как нарушение общественного спокойствия (ст. 20.16), неправомерный доступ к компьютерной информации (ст. 26.1), изготовление или сбыт программ или технических средств, имеющих незаконный доступ к сети компьютерной информации (ст. 26.2), создание, использование и распространение вредоносного программного обеспечения (ст. 26.3). При этом совершившим указанные преступления подросткам,

которые в силу отставания в психическом развитии не способны в полной мере осознавать незаконность своих действий или бездействия либо причиняемый их деянием вред, допускается не назначать наказание.

Невменяемостью, как и в России, признаётся состояние лица, при котором оно не осознаёт фактического характера и общественной опасности своих действий либо не способно руководить ими вследствие психического расстройства или слабоумия. Законодатель отказался от выделения типов психических расстройств. При этом невменяемость не связывается со временем совершения общественно опасного деяния: согласно ч. 4 ст. 6.3 УК Монголии лицу, у которого *после совершения преступления* наступила невменяемость, судом назначаются принудительные меры медицинского характера. В случае выздоровления такое лицо подлежит наказанию.

Принудительные меры медицинского характера также могут быть назначены лицу, совершившему преступление в состоянии опьянения, если судом будет установлено состояние алкогольной или наркотической зависимости.

2.6. Ответственность юридических лиц (гл. 9 УК Монголии)

Ответственности юридических лиц, активно обсуждаемой в российской доктрине [23; 24], посвящена закрывающая Общую часть УК Монголии гл. 9, в которой определены основания привлечения юридических лиц к уголовной ответственности; виды уголовной ответственности; гарантии ее неотвратимости [25]. Кроме того, ч. 4 ст. 5.1 УК Монголии («Цели уголовной ответственности») устанавливает, что юридическое лицо несет уголовную ответственность в случае, если это предусмотрено Особенной частью.

Основанием назначения наказания юридическому лицу служат единоличное или совместное решение уполномоченных должностных лиц, представляющих юридическое лицо, либо действия или бездействие, совершённые в интересах юридического лица, которые содержат признаки соответствующего состава преступления. Часть 2 ст. 9.1 конкретизирует, что такое преступление может быть совершено: 1) должностным лицом, имеющим право принимать решение от имени юридического лица; 2) другим лицом по поручению этого должностного лица

путем принятия решения или дачи разрешения от имени или в интересах юридического лица; 3) действиями или бездействием, совершёнными путем неисполнения возложенных законом обязанностей.

Важно, что привлечение юридического лица к уголовной ответственности не является основанием для освобождения от наказания уполномоченного должностного лица, принимавшего решение или дающего разрешение от имени юридического лица.

Единственным видом наказания, установленным для юридических лиц, является штраф в размере от десяти тысяч до четырехсот тысяч единиц. К нему могут быть присоединены принудительные меры в виде: 1) лишения права (запрет осуществления одного или нескольких видов деятельности на срок от одного года до восьми лет либо меры в виде лишения права, предусмотренные Особенной частью УК Монголии); 2) ликвидации; 3) конфискации имущества или дохода юридического лица.

Монгольский законодатель создает существенные гарантии неотвратимости уголовной ответственности юридического лица (ст. 9.7) в случае преобразования юридического лица, которое должно было нести уголовную ответственность.

Кроме того, уголовной ответственности подлежат держатели акций, которым распределено имущество, или лицо, имеющее общие интересы, необоснованно получившее от юридического лица имущество, имущественные или неимущественные права любой формы и любым способом, а также другие лица, передающие имущество, имущественные или неимущественные права без обратной выплаты в случае, если совершена умышленная ликвидация юридического лица в целях уклонения от уголовной ответственности в ходе разбирательства дела.

3. Выводы

Современное монгольское уголовное законодательство, сохраняя преемственность и чтя правовые и культурные традиции, обладает качественным своеобразием. Предложенные в нем нормативные предписания представляют интерес для российской уголовно-правовой науки и законодателя. Несомненно, что опыт монгольского уголовно-правового регулирования должен быть учтен отечественным законодателем.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Наваан Г. Некоторые вопросы реформы Уголовного кодекса Монголии / Г. Наваан // Международный пенитенциарный журнал. – 2016. – № 4. – С. 49–51.

2. Ганбат Э. Уголовное право РФ и Монголии: некоторые проблемы сравнительного анализа / Э. Ганбат // Сравнительное правоведение в странах Азиатско-Тихоокеанского региона : материалы междунар. науч.-практ. конф. (г. Улан-Удэ, 15–16 июня 2007 г.). – Улан-Удэ : Изд-во Бурят. ун-та, 2007. – С. 134–137.
3. Наваан Г. Новые тенденции в развитии института наказания в Монголии / Г. Наваан // Преступление, наказание, исправление : III Междунар. пенитенциар. форум (Рязань, 21–23 нояб. 2017 г.) : сб. тез. выступлений и докл. участников : в 8 т. – Рязань : Акад. права и управления Федер. службы исполнения наказаний, 2017. – Т. 1. – С. 38–42.
4. Нечепуренко А. А. Совершенствование законодательного регулирования условно-досрочного освобождения в Монголии как разновидности уголовного испытания / А. А. Нечепуренко, Б. Чулуунбаатар // Научный вестник Омской академии МВД России. – 2018. – № 4 (71). – С. 44–49.
5. Хармаев Ю. В. О реформе уголовных наказаний в проекте нового Уголовного кодекса Монголии / Ю. В. Хармаев // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. – 2017. – № 3 (64). – С. 79–81. – DOI: 10.12737/article_593fc343bd0597.85858738.
6. Раднаева Э. Л. Генезис развития уголовного законодательства в Монголии / Э. Л. Раднаева, Д. Сүрэнжав // Экономика, политика, право: вчера, сегодня, завтра. Роль профсоюзов : сб. науч. ст. по материалам междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 25-летию образования ФНПР и 110-летию профсоюз. Движения (Улан-Удэ, 27 мая 2016 г.). – Улан-Удэ : Бурят. фил. Акад. труда и соц. отношений, 2016. – С. 105–109.
7. Ганмягмар Б. Э. Сравнительный анализ законодательства о профилактике преступлений в Монголии и России / Б. Э. Ганмягмар // Вестник Сибирского института бизнеса и информационных технологий. – 2017. – № 4 (24). – С. 118–123.
8. Дорж Э. Особенности легализации денежных средств или иного имущества, приобретенного преступным путем, по законодательству России и Монголии / Э. Дорж // Право и государство: теория и практика. – 2020. – № 12 (192). – С. 144–146. – DOI: 10.47643/1815-1337_2020_12_144.
9. Жутъяа Н. Безопасная окружающая среда и уголовно-правовая политика современной Монголии: актуальность проблемы / Н. Жутъяа // Мир политики и социологии. – 2018. – № 1. – С. 173–181.
10. Мяханова А. Н. Антикоррупционная политика в современной Монголии / А. Н. Мяханова, Ж. П. Гунзынов // Вестник. Государство и право. – 2022. – № 2 (33). – С. 11–15.
11. Семенова Н. А. Мошенничество в киберпространстве по уголовному законодательству России и Монголии / Н. А. Семенова, Т. И. Эрхитуева // Вестник Бурятского государственного университета. Юриспруденция. – 2021. – № 3. – С. 40–45. – DOI: 10.18101/2658-4409-2021-3-40-45.
12. Степанова Е. Е. Законодательство России и Монголии в сфере противодействия коррупции / Е. Е. Степанова // Философия права. – 2023. – № 1 (104). – С. 36–41.
13. Амарсанаа В. И. Уголовная ответственность за посягательство на жизнь и здоровье представителя власти по законодательству Российской Федерации и Монголии / В. И. Амарсанаа, М. В. Бавсун, К. Н. Карпов. – СПб. : С.-Петербург. ун-т МВД РФ, 2022. – 136 с.
14. Эрхитуева Т. И. Некоторые особенности системы видов наказания России и Монголии / Т. И. Эрхитуева // Уголовно-исполнительное право. – 2021. – Т. 16, № 3. – С. 357–362. – DOI: 10.33463/2687-122X.2021.16(1-4).3.358.
15. Голубцов В. Г. Типы действия норм права во времени / В. Г. Голубцов, О. А. Кузнецова // Вестник Пермского университета. Юридические науки. – 2022. – Вып. 3 (57). – С. 348–371. – DOI: 10.17072/1995-4190-2022-57-348-371.
16. Ображиев К. В. Юридическая природа и признаки длящегося преступления / К. В. Ображиев // Всероссийский криминологический журнал. – 2021. – Т. 15, № 4. – С. 442–455. – DOI: 10.17150/2500-4255.2021.15(4).442-455.
17. Чинбат Б. Некоторые проблемы срока давности в новом Уголовном кодексе Монголии / Б. Чинбат // Правоохранительные органы: теория и практика. – 2023. – № 1 (44). – С. 281–282.
18. Прокументов Л. М. Уголовно-правовые средства противодействия групповой преступности / Л. М. Прокументов, А. В. Шеслер // Вестник Томского государственного университета. Право. – 2022. – № 43. – С. 86–96. – DOI: 10.17223/22253513/43/7.
19. Шеслер А. В. Содержание совместности при соучастии в преступлении / А. В. Шеслер // Всероссийский криминологический журнал. – 2022. – Т. 16, № 3. – С. 342–354. – DOI: 10.17150/2500-4255.2022.16(3).342-354.

20. Лувсан Б. О. Некоторые проблемы реализации обстоятельств, исключающих преступность деяния / Б. О. Лувсан, А. Вандан-Иш // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2023. – № 4 (100). – С. 98–104. – DOI: 10.35750/2071-8284-2023-4-98-104.
21. Руденко А. С. Специфика законодательного закрепления права на необходимую оборону в уголовном законодательстве России и Монголии / А. С. Руденко, И. А. Тараканов // Вестник Пермского института ФСИН России. – 2022. – № 2 (45). – С. 66–74. – DOI: 10.34988/2226-2326.2022.45.2.010.
22. Смирнов А. М. Зарубежный опыт правовой регламентации внесудебных форм защиты прав и свобод личности, исключающих преступность деяния / А. М. Смирнов // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. – 2021. – Т. 12, вып. 1. – С. 144–154. – DOI: 10.21638/spbu14.2021.110.
23. Бытко Ю. И. Почему в России до сих пор не принят закон об уголовной ответственности юридических лиц? / Ю. И. Бытко // Вестник Пермского университета. Юридические науки. – 2019. – Вып. 2 (44). – С. 352–373. – DOI: 10.17072/1995-4190-2019-44-352-373.
24. Кузнецова Н. И. И снова об уголовной ответственности юридических лиц: два взгляда на проблему (на примере экологических преступлений) / Н. И. Кузнецова, М. Н. Урда // Всероссийский криминологический журнал. – 2023. – Т. 17, № 6. – С. 567–576. – DOI: 10.17150/2500-4255.2023.17(6).567-576.
25. Федоров А. В. Уголовная ответственность юридических лиц в Монголии / А. В. Федоров // Российский следователь. – 2022. – № 4. – С. 73–80. – DOI: 10.18572/1812-3783-2022-4-73-80.

REFERENCES

1. Navaan G. Some issues of reform of the criminal code of Mongolia. *Mezhdunarodnyi penitentsiarnyi zhurnal = International Penitentiary Journal*, 2016, no. 4, pp. 49–51. (In Russ.).
2. Ganbat E. Criminal law of the Russian Federation and Mongolia: some problems of comparative analysis, in: *Sravnitel'noe pravovedenie v stranakh Aziatsko-Tikhookeanskogo regiona*, Proceedings of the international scientific and practical conference (Ulan-Ude, June 15-16, 2007), Ulan-Ude, Buryat University Publ., 2007, pp. 134–137. (In Russ.).
3. Navaan G. New trends in the development of the institution of punishment in Mongolia, in: *Prestuplenie, nakazanie, ispravlenie*, III International penitentiary forum (Ryazan, November 21-23, 2017), abstracts of reports of participants, in 8 volumes, Ryazan, Academy of Law and Management of the Federal Penitentiary Service Publ., 2017, vol. 1, pp. 38–42. (In Russ.).
4. Nechepurenko A.A., Chuluunbaatar B. Improving the legislative regulation of parole in Mongolia as a type of criminal trial. *Nauchnyi vestnik Omskoi akademii MVD Rossii = Scientific Bulletin of the Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2018, no. 4 (71), pp. 44–49. (In Russ.).
5. Kharmaev Yu.V. On the reform of criminal penalties in the draft of the new Criminal Code of Mongolia. *Zhurnal zarubezhnogo zakonodatel'stva i sravnitel'nogo pravovedeniya = Journal of Foreign Legislation and Comparative Law*, 2017, no. 3 (64), pp. 79–81. DOI: 10.12737/article_593fc343bd0597.85858738. (In Russ.).
6. Radnaeva E.L., Surenzhav D. Genesis of the development of criminal legislation in Mongolia, in: *Ekonomika, politika, pravo: vchera, segodnya, zavtra. Rol' profsoyuzov*, collection of scientific articles based on materials from international scientific and practical conference, dedicated to the 25th anniversary of the formation of the Federation of Independent Trade Unions of Russia and the 110th anniversary of the trade union movement, Ulan-Ude, Buryat Branch of Academy of Labor and Social Relations Publ., 2016, pp. 105–109. (In Russ.).
7. Ganmyagmar B.E. Comparative analysis of crime prevention legislation in Mongolia and Russia. *Vestnik Sibirskogo instituta biznesa i informatsionnykh tekhnologiy = Bulletin of the Siberian Institute of Business and Information Technologies*, 2017, no. 4 (24), pp. 118–123. (In Russ.).
8. Dorzh E. Features of the legalization of funds or other property acquired by criminal means, according to the legislation of Russia and Mongolia. *Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika = Law and State: Theory and Practice*, 2020, no. 12 (192), pp. 144–146. DOI: 10.47643/1815-1337_2020_12_144. (In Russ.).
9. Zhutyaa N. Safe environment and criminal law policy of modern Mongolia: relevance of the problem. *Mir politiki i sotsiologii = World of politics and sociology*, 2018, no. 1, pp. 173–181. (In Russ.).
10. Myakhanova A.N., Gunzynov Zh.P. Anti-corruption policy in modern Mongolia. *Vestnik. Gosudarstvo i pravo = Bulletin. State and law*, 2022, no. 2 (33), pp. 11–15. (In Russ.).

11. Semenova N.A., Erkhitueva T.I. Fraud in cyberspace under the criminal legislation of Russia and Mongolia. *Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta. Yurisprudentsiya = Bulletin of the Buryat State University, Jurisprudence*, 2021, no. 3, pp. 40–45. DOI: 10.18101/2658-4409-2021-3-40-45. (In Russ.).
12. Stepanova E.E. Legislation of Russia and Mongolia in the field of combating corruption. *Filosofiya prava = Philosophy of Law*, 2023, no. 1 (104), pp. 36–41. (In Russ.).
13. Amarsanaa V.I., Bavsun M.V., Karpov K.N. *Criminal liability for an attack on the life and health of a government representative under the legislation of the Russian Federation and Mongolia*. St. Petersburg, St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation Publ., 2022. 136 p. (In Russ.).
14. Erkhitueva T.I. Some features of the system of types of punishment in Russia and Mongolia. *Ugolovno-ispolnitel'noe pravo = Criminal executive law*, 2021, vol. 16, no. 3, pp. 357–362. DOI: 10.33463/2687-122X.2021.16(1-4).3.358. (In Russ.).
15. Golubtsov V.G., Kuznetsova O.A. Types of legal norms operation in time. *Vestnik Permskogo universiteta. Yuridicheskie nauki = Perm University Herald. Juridical sciences*, 2022, iss. 3 (57), pp. 348–371. DOI: 10.17072/1995-4190-2022-57-348-371. (In Russ.).
16. Obrazhiev K.V. Legal nature and signs of a continuing crime. *Vserossiiskii kriminologicheskii zhurnal = All-Russian Criminological Journal*, 2021, vol. 15, no. 4, pp. 442–455. DOI: 10.17150/2500-4255.2021.15(4).442-455. (In Russ.).
17. Chinbat B. Some problems of the statute of limitations in the new Criminal Code of Mongolia. *Pravookhranitel'nye organy: teoriya i praktika = Law enforcement agencies: theory and practice*, 2023, no. 1 (44), pp. 281–282. (In Russ.).
18. Prozumentov L.M., Shesler A.V. Criminal legal means against combating group crime. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo = Tomsk State University Journal of Law*, 2022, no. 43, pp. 86–96. DOI: 10.17223/22253513/43/7. (In Russ.).
19. Shesler A.V. Content of jointness in complicity in a crime. *Vserossiiskii kriminologicheskii zhurnal = All-Russian Criminological Journal*, 2022, vol. 16, no. 3, pp. 342–354. DOI: 10.17150/2500-4255.2022.16(3).342-354. (In Russ.).
20. Luvsan B.O., Vandan-Ish A. Some problems of implementing circumstances that exclude the criminality of an act. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii = Bulletin of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2023, no. 4 (100), pp. 98–104. DOI: 10.35750/2071-8284-2023-4-98-104. (In Russ.).
21. Rudenko A.S., Tarakanov I.A. Specifics of legislative recognition of the right to necessary defense in the criminal legislation of Russia and Mongolia. *Vestnik Permskogo instituta FSIN Rossii = Bulletin of the Perm Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia*, 2022, no. 2 (45), pp. 66–74. DOI: 10.34988/2226-2326.2022.45.2.010. (In Russ.).
22. Smirnov A.M. Foreign experience in legal regulation of extrajudicial forms of protection of an individual rights and freedoms excluding the criminality of the act. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Pravo = Vestnik of Saint Petersburg University. Law*, 2021, vol. 12, iss. 1, pp. 144–154. DOI: 10.21638/spbu14.2021.110. (In Russ.).
23. Bytko Yu.I. Why has not Russia adopted the law on criminal liability of legal entities yet?. *Vestnik Permskogo universiteta. Yuridicheskie nauki = Perm University Herald. Juridical Sciences*, 2019, iss. 2 (44), pp. 352–373. DOI: 10.17072/1995-4190-2019-44-352-373.
24. Kuznetsova N.I., Urda M.N. And again about the criminal liability of legal entities: two views on the problem (using the example of environmental crimes). *Vserossiiskii kriminologicheskii zhurnal = All-Russian Journal of Criminology*, 2023, vol. 17, no. 6, pp. 567–576. DOI: 10.17150/2500-4255.2023.17(6).567-576. (In Russ.).
25. Fedorov A.V. Criminal liability of legal entities in Mongolia. *Rossiiskii sledovatel' = Russian investigator*, 2022, no. 4, pp. 73–80. DOI: 10.18572/1812-3783-2022-4-73-80. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Степашин Виталий Михайлович – доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного права и криминологии
Омский государственный университет
им. Ф.М. Достоевского

INFORMATION ABOUT AUTHOR

Vitaliy M. Stepashin – Doctor of Law, Professor,
Department of Criminal Law and Criminology
Dostoevsky Omsk State University
55a, Mira pr., Omsk, 644077, Russia
E-mail: stivomsk@rambler.ru

644077, Россия, г. Омск, пр. Мира, 55а
E-mail: stivomsk@rambler.ru
SPIN-код РИНЦ: 9569-9315

RSCI SPIN-code: 9569-9315

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Степашин В.М. Уголовный кодекс Монголии. Общая часть. Преступление / В.М. Степашин // Правоприменение. – 2024. – Т. 8, № 3. – С. 142–151. – DOI: 10.52468/2542-1514.2024.8(3).142-151.

BIBLIOGRAPHIC DESCRIPTION

Stepashin V.M. The Criminal Code of Mongolia. The General Part. Crime. *Pravoprimerenie = Law Enforcement Review*, 2024, vol. 8, no. 3, pp. 142–151. DOI: 10.52468/2542-1514.2024.8(3).142-151. (In Russ.).

ПРАВОПРИМЕНЕНИЕ В ЧАСТНОМ ПРАВЕ

THE LAW ENFORCEMENT IN PRIVATE LAW

УДК 347.26

DOI 10.52468/2542-1514.2024.8(3).152-161

СЕРВИТУТЫ: ПРАВОПРИМЕНЕНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

Л.В. Щенникова

Кубанский государственный университет, г. Краснодар, Россия

Информация о статье

Дата поступления –

27 августа 2023 г.

Дата принятия в печать –

20 июня 2024 г.

Дата онлайн-размещения –

20 сентября 2024 г.

Ключевые слова

Право собственности, вещное право, ограниченные вещные права, сервитуты, потребности граждан в рекреации

Анализируется судебная практика по делам о сервитутах в свете реализации социальной задачи гражданско-правового регулирования по удовлетворению рекреационных (восстановления здоровья и трудоспособности) потребностей граждан. Констатируется ее эффективность с позиций социальных задач правосудия. На основе изучения зарубежной цивилистической доктрины выявляются современные проблемы науки, в том числе экономический аспект сервитутного права, его взаимодействие с другими вещными правами, содержание учредительного акта, возможностей применения самозащиты и др. Аргументируется вывод о перспективности идеи внедрения в гражданское законодательство новой разновидности сервитутов, направленных на сохранение ландшафта, экосистем, биоразнообразия и удовлетворение рекреационных потребностей граждан.

EASEMENTS: LAW ENFORCEMENT AND PROSPECTS OF CIVIL LAW REGULATION

Larisa V. Schennikova

Kuban State University, Krasnodar, Russia

Article info

Received –

2023 August 27

Accepted –

2024 June 20

Available online –

2024 September 20

Keywords

Property right, real right, limited real rights, easements, needs of citizens in recreation

The subject of the study is easements as a special and ancient type of rights to other people's land plots.

The article presents a scientific analysis of certain aspects and properties of servitude law through the prism of modern judicial practice and on the basis of conclusions drawn in the research of modern foreign civilists.

The purpose of the article is to show the new possibilities of the well-known civil law structure (easements), including from the point of view of the implementation of the task of increasingly satisfying the needs of citizens, including recreational needs.

General scientific methods were used: analysis, synthesis, induction, deduction, comparison and description, as well as special methods of cognition of legal reality: historical-legal, formal-legal, comparative-legal, legal modeling.

Scientific results:

1. It is proved that the institutions of property law, including the institution of easements, cannot be indifferent to the social problems of our time, including a great role in meeting the diverse needs of citizens, including recreational.

2. It is established that modern judicial practice in cases of easements, proving the effectiveness of justice, actually protects public interests, preventing the formal legal use of the design of easements, detracting from the task of more and more fully satisfying the needs of people in active recreation and recovery.

3. It is emphasized that foreign civil law is actively searching for new models of property law regulation, offering their use taking into account the social tasks of civil law regulation. Attention is drawn to the fundamental conclusions of civilists related to the methodology of assessing real estate burdened with an easement, the separation of easements with other limited property rights, the improvement of forms of protection of this right.

4. The construction of an environmental easement aimed at preserving the landscape, biodiversity, ecosystems and new opportunities for public admission of citizens to private lands for recreation and active recreation is proposed as promising for the introduction into Russian civil legislation.

1. Введение

В классической системе ограниченных вещных прав сервитуты всегда занимали значимые позиции, представляя собой древнейшую разновидность прав на чужие земельные участки. Они по-разному могли называться, иногда даже исчезали из содержания вещно-правового регулирования кодифицированных законов, но неизменно возрождались как символ новой жизни в изменившихся экономических реалиях. Что касается цивилистической науки, то дореволюционные цивилисты оставили нам в наследство классическую теорию ограниченных вещных прав, включая теоретические положения о сервитутах [1–6]. При этом гражданское законодательство того периода не отличалось глубиной проработки данного гражданско-правового института, что с сожалением и констатировали ученые [7].

Советский период российской истории, ознаменовавшийся исчезновением права частной собственности, оказался неблагоприятным для развития сервитутного права. Да и возрождение именно сервитутов на уровне нового Гражданского кодекса (далее – ГК) РФ стало пробуксовывать. Мы помним, что гл. 17 ГК РФ, посвященная праву собственности и другим вещным правам на земельные участки, вступила в силу не сразу. Вот почему новая история судебного правоприменения норм о сервитутах в нашей стране не насчитывает и трех десятков лет. Суды столкнулись с многочисленными трудностями при рассмотрении и разрешении гражданских дел, связанных с установлением сервитутов, о чем ярко свидетельствует Обзор судебной практики об установлении сервитута на земельный участок, утвержденный Президиумом Верховного Суда РФ 26 апреля 2017 г.¹

Не осталась в стороне от проблем судебного применения норм института сервитутного права и современная цивилистическая наука. Здесь следует обратить внимание на посвященные вещно-правовой тематике труды таких ученых, как Е.А. Суханов [8], В.А. Белов [9], С.А. Сеницын [10], И.А. Емелькина [11], Т.П. Подшивалов [12]. Свой вклад в рассмотре-

ние темы был внесен и автором настоящей публикации [13–16].

Обратиться вновь к практике применения норм о сервитутах автора подтолкнуло решение, вынесенное Арбитражным судом Краснодарского края 26 мая 2023 г. по делу № А32-13784/2020². Оно имело резонанс и большую общественную значимость, поскольку затронуло интересы жителей не только Краснодарского края, но и всей России. Общественный интерес оказался в данном деле очевиден, поскольку притязание на установление сервитутов касалось земель всеми любимого в Краснодарском крае парка «Краснодар», построенного на средства предпринимателя Сергея Галицкого. Подчеркну, что сегодня Краснодарский край известен всей России не только своими курортами, но и этим уникальным местом отдыха.

Целью исследования является обозначение возможностей усовершенствования гражданско-правового регулирования сервитутов для удовлетворения потребностей людей в рекреации (восстановлении сил и укреплении здоровья), включая решение проблемы сохранения природных ресурсов, их преумножения и эффективного использования. Для реализации этой цели будет, во-первых, дан анализ вышеназванного ставшего резонансным решения Арбитражного суда Краснодарского края. Во-вторых, сделан обзор зарубежной цивилистической литературы на предмет перспектив развития сервитутного права, включая его возможности для решения задач рекреационно-экологического характера.

2. Как судебная практика по делам о сервитутах в России обеспечивает общественные потребности в рекреации?

Реализация социальных задач гражданско-правового регулирования невозможна без эффективного правосудия. Таким образом, одна из важных потребностей граждан, состоящая в восстановлении здоровья и трудоспособности (*recreatia*), не может быть удовлетворена без объединения усилий законодателя с судебной системой, осуществляющей правосудие в Российской Федерации.

¹ Бюллетень Верховного Суда РФ. 2017. № 11.

² URL: <https://kad.arbitr.ru/Card/08978386-aeef-4bae-b061-9116959c3a18> (дата обращения: 24.08.2023).

На создание условий, обеспечивающих рекреационные потребности, направлены также усилия практически всех государственных органов и общественных организаций. Немаловажная роль здесь отводится и российским предпринимателям, реализующим значимые социальные проекты посредством благотворительной деятельности. Одним из ярчайших примеров благотворительности в рекреационных целях является созданный на средства предпринимателя Сергея Галицкого парк в г. Краснодаре (парк «Краснодар»). На его создание было потрачено 4 млрд руб., и эта сумма постоянно растет с учетом значительных расходов на сохранение и развитие благоустроенных земель. В парке высажено около 2,5 тыс. вечнозеленых деревьев, включая их субтропические разновидности. На территории парка, посещение которого для граждан является бесплатным, построено множество фонтанов, водоемов с рыбами, озелененных террас, лабиринтов с зеркальными клумбами и цветущими камелиями. Созданный рекреационный объект невероятно популярен. Текущим обслуживанием и обеспечением жизнедеятельности парка занимается специально созданное ООО «Инвестстрой».

Перейдем непосредственно к судебному иску, который был подан в Арбитражный суд Краснодарского края об установлении сервитутов на земельные участки с расположенными на них уникальными и требующими особой охраны и ухода зелеными насаждениями. В исковом заявлении было обозначено порядка 70 земельных участков с конкретными координатами и определенной длиной линий в метрах. Истцом выступил Центральный банк РФ, являющийся не только организацией, призванной обеспечивать устойчивое развитие и укрепление банковской системы, но и собственником линейных сетей электроснабжения и дождевой канализации, находящихся на земельных участках, входящих в комплекс территории городского парка. Центральный банк РФ потребовал принудительного установления права ограниченного пользования указанными земельными участками посредством заключения с ответчиком (ООО «Инвестстрой») трех соглашений об установлении сервитута. Истец обосновал требование об установлении права беспрепятственного доступа к рекреационным объектам недвижимости необходимостью проведения работ по ремонту и обслуживанию принадлежащих ему линейных объектов.

К рассмотрению дела был привлечен эксперт ФБУ «Краснодарская лаборатория судебной экспер-

тизы Министерства Юстиции Российской Федерации» Е.В. Шаныгина. Она утвердительно ответила на самый главный вопрос суда, констатируя, что для обеспечения потребностей Банка России на земельные участки необходимо установление сервитутов в границах охранных зон линейных объектов.

Казалось бы, для истца в ходе процесса всё складывалось наилучшим образом. Есть формальный повод, вытекающий из буквы кодифицированного закона (ст. 274 ГК РФ), есть экспертные доказательства. Однако суд не ограничился формальными выводами проведенной экспертизы, указав, что они носят вероятностный характер, являются противоречивыми и необъективными. Суд указал, что эксперт сделал выводы исключительно на основании собственных предположений. Как было установлено в судебном заседании, определить фактическое местоположение сетей на земельных участках в ходе их осмотра не было возможности. Колодцев, требующих обслуживания, на участках также обнаружено не было. Все работы по линейным объектам на участках были завершены. Разрытие грунта до глубины пролегания не планировалось. И самое главное, ответчик никак не препятствовал обслуживанию сетей на участках.

Для вынесения обоснованного решения суд дал обстоятельный анализ действующего законодательства о сервитутах. Исследовав доводы истца, суд установил, что, во-первых, в представленных проектах соглашений об установлении сервитутов не содержится конкретный перечень работ и мероприятий, которые необходимо проводить истцу с целью обслуживания и ремонта линейных объектов. Во-вторых, сети истца расположены под землей (энергоснабжения на глубине более 1 м, канализации – на глубине более 1,5 м), поэтому не могут рассматриваться как наземный объект, требующий постоянного обслуживания. В-третьих, земельные участки не огорожены, являются территорией общего пользования (парковой зоной), где уложено мощение, газон, расположены древесно-кустарниковые насаждения, малые архитектурные формы, иные элементы благоустройства. С учетом данных аргументов все виды работ, указанные в исковом заявлении, могут быть свободно выполнены истцом без установления сервитутов на земельные участки. В итоге, Арбитражный суд Краснодарского края, исследовав всесторонне, полно и объективно все доказательства (ст. 71 Арбитражного процессуального кодекса РФ) и оценив их по своему внутреннему убеждению, в предъявленном иске Центральному банку РФ отка-

зал. В решении было подчеркнуто, что установление сервитутов на спорных земельных участках охранных зон не является единственным способом обеспечения основных потребностей истца как собственника линейных объектов недвижимости, так как существует иной порядок урегулирования спорных правоотношений без оформления сервитутов. Кроме того, было указано, что требования истца носят существенно обременительный для ответчика характер, поскольку нет необходимости предоставления ему постоянного доступа (присутствия) к спорным земельным участкам в охранных зонах.

Отказав собственнику линейных объектов в установлении сервитутов на земельные участки парковой зоны в городе, Арбитражный суд Краснодарского края, как представляется, защитил общественные интересы, связанные с удовлетворением потребностей в рекреации жителей Краснодарского края. Однако возникает вопрос: возможно ли обнаружить конструктивную роль конструкции сервитутов как гражданско-правового средства для сохранения природных ресурсов и обеспечения рекреационных потребностей населения? Ответ на этот вопрос попытаемся найти в обзоре зарубежной цивилистической литературы последних лет.

3. Зарубежная цивилистическая мысль о проблемах сервитутного права

Погружение в проблему закономерностей гражданско-правового регулирования сервитутов требует, с нашей точки зрения, анализа зарубежной цивилистической доктрины, исследующей такое ограниченное вещное право, как сервитут. С этой целью были отобраны десять публикаций, появившихся в последние годы.

Ученых из Чешской республики [17] и Республики Словения [18] интересует проблема оценки недвижимости, обремененной сервитутом. В своих публикациях авторы удачно объединяют юридический и экономический анализ проблемы. Они считают, что экономика сервитутов необходима для понимания юридической природы сервитутного права. В объектах недвижимости они призывают видеть не просто вещи (физические объекты), а интересы участников гражданского оборота, которые в них фокусируются. При оценке предлагается определять величину воздействия сервитута на конкретную недвижимость. Соответственно, делается вывод, что сервитут может как уменьшать ее стоимость, так и увеличивать или вовсе не оказывать никакого влияния. И здесь важно изучать конкретную ситуацию и давать ей оценку на индивидуальной основе. Инте-

ресно, что рыночную стоимость сервитута как объекта оценки определить сложно и даже невозможно, поскольку рынка сервитутов не существует. Поэтому здесь проводят имитацию обычной коммерческой торговли, при этом учитывая целую совокупность факторов, включая воздействие сервитутов на наиболее рациональное использование земли. Авторами была предложена матрица снижения стоимости земли, обремененной сервитутом, которую рекомендовано использовать как один из методов экономического анализа. Думается, что экономический аспект сервитутного права может быть интересен для российской цивилистической науки, поскольку познание правовой формы невозможно без видения экономических процессов, которые за ней скрываются.

Ученые из Турции также считают проблемы сервитутного права актуальными для современной цивилистики. Так, Гюлен Синет Тек в своей публикации, посвященной связи сервитутного права с обременениями недвижимости [19], подчеркивает особую роль сервитутов в турецком гражданском праве. Эти ограниченные вещные права, возникающие на основе учредительного договора, рассуждает автор, обеспечивают прямое господство над вещью и снабжены защитой от «всего мира». Статья 779 ГК Турции определяет сервитут как ограниченное вещное право, возлагающее на собственника обремененной недвижимой вещи бремя неиспользования некоторых полномочий, предусмотренных правом собственности, или несение бремени выгодоприобретателя по использованию обремененной недвижимой вещи определенным образом. Содержится в ГК Турции и определение обременения недвижимости. В соответствии со ст. 839 ГК Турции под ним понимается ограниченное вещное право, которое возлагает на собственника недвижимой вещи обязанность дать или сделать что-либо другому лицу, в отношении которого установлена такая обязанность. Проблематику соотношения различных видов ограниченных вещных прав цивилистика Турции считает особо значимой, в том числе имеет научное значение размежевание сервитутного права и обременения недвижимости. Для иллюстрации важности вопроса исследователь приводит конкретные примеры из судебной практики [19, р. 231–233]. Думается, что вопросы взаимодействия различных видов ограниченных вещных прав актуальны и для российской цивилистики, особенно в настоящее время, когда новая их система только складывается и должна получить адекватное закрепление в кодифициро-

ванном гражданском законодательстве Российской Федерации.

Исследовательский интерес представляет взгляд практикующих юристов из Нидерландов на сервитутное право в этой стране³. В своей публикации авторы обращают особое внимание на содержание учредительного акта об установлении сервитута. Именно в этом документе определяется содержание сервитута, а также способы осуществления вытекающих из него прав. Работа над этим документом считается особо значимой, поскольку создает важные правила взаимодействия собственников. Вариантов подходов к содержанию учредительного акта предлагается четыре: 1) собственник служебной земли должен признать, что собственник господствующей приобретает возможность ее использования определенным образом; 2) содержание сервитута связывается с обязанностью собственника служебной земли воздерживаться от совершения определенных действий; 3) собственник служебной земли выражает согласие на использование соседом своей земли не в соответствии с установленными нормативно общими правилами; 4) собственник служебной земли отказывается от прав, которыми мог бы воспользоваться на основании норм ГК. И хотя по общему правилу собственник служебной земли не может принуждаться к совершению действий в пользу собственника господствующей земли, в учредительном акте может быть предусмотрена дополнительная обязанность по размещению построек или проведению работ, необходимых для того, чтобы обладатель сервитутного права мог полноценно осуществлять свои правомочия. В действующем гражданском законодательстве Российской Федерации договор об установлении сервитута пока не получил надлежащего закрепления. Вот почему представляется плодотворным использование зарубежного опыта его регламентации.

Исследователи из Приштинского университета (Косово) Кастриоте Влана и Хайредин Кучи в своей публикации обращают внимание на проблемы защиты сервитутного права, в том числе на возможность его субъектов в спорных ситуациях прибегнуть к самозащите. Хотя возможность самозащиты сервитутов прямо в гражданском законодательстве Косова не предусмотрена, рассуждают авторы, ее допустимо применить по аналогии и не в очень сложных спорах. Для применения самозащиты сервитута

необходимо соблюдать по крайней мере три условия: 1) у обладателя права должен быть прямой риск, т. е. он будет защищать свое право непосредственно в момент нарушения; 2) самозащита должна быть необходимой, когда собственник служебного участка реально препятствует пользованию; 3) самозащита должна соответствовать обстоятельствам риска [20, р. 323]. Иначе говоря, применение силы должно быть соразмерно обстоятельствам, в которых произошло нарушение.

При защите сервитутного права в судебном порядке в Косове используются два вида исков [20, р. 324–325]. Первый – это иск о запрете нарушения пользования. Вторым возможным иском – это иск об установлении сервитута. Подводя итоги, авторы констатируют, что сервитут как вещное право требует к себе «уважения», а значит, должен быть эффективно защищен от всевозможных противоправных действий. Думается, что проблема защиты сервитутного права и его возможных форм является актуальной и для российского гражданского права и судебного правоприменения.

Мартин Диксон, представляющий юридический факультет Кембриджского университета, на примере конкретного судебного спора показал возможности распространения конструкции сервитута на отношения, казалось бы, совершенно иной природы [21]. Речь шла о сервитутах для рекреационных целей, когда весь смысл сервитута заключался в рекреации. Так, Верховный суд Великобритании в деле *Regence Villas Title Ltd* против *Diamond Resorts* признал серией сервитутов права, возникшие из договора об использовании развлекательных объектов: поля для гольфа, бассейна, сауны, теннисного корта, тренажерного зала, лужайки для крокета, садов и др. Установление этих сервитутов, по сути, лишало владельцев загородного клуба (комплекса для отдыха в Брумском лесу) смысла в наличии права собственности, поскольку использование находящихся на земле объектов было не сопутствующим обычному использованию, а основной целью обладания. Таким образом, признание судебной инстанцией имущественных прав в качестве сервитутных привело к утрате смысла в праве собственности. Вот почему обнаружили и противники такого подхода. Например, лорд Карнват заявил, что признанные сервитутом отношения «слишком далеки от основной природы сервитута». Думается, что не случайно

³ Limited real rights are property rights with real effect derived from a right of ownership of a movable or immovable thing //

Dutch Civil Law. URL: <http://www.dutchcivillaw.com/content/dutchcivillaw022.htm> (дата обращения: 26.08.2023).

Мартин Диксон назвал свою публикацию «Игрой с сервитутами». По его мнению, для признания в перспективе такого рода рекреационных сервитутов есть веские политические причины, состоящие в поддержке идеи центральной роли спорта и отдыха в жизни современных людей.

Исследованием вопросов сервитутного права занимаются и ученые из Демократической Республики Конго. Кристиан Баджима Вахельве, Стелла Яв Самб и Лукумвена Нсенда на примере г. Лубумбаши подняли проблему нарушения законодательства о сервитутах в этом центральноафриканском государстве [22]. Ее суть заключается в государственно-частном конфликте, связанном с вынужденной торговлей бедным населением за пределами официальных рынков. Развитие такого рода неофициальной торговли делает город непригодным для жизни. Городу важно возвращать социально ориентированный облик с зонами отдыха, творчества, игровыми и спортивными площадками. Одновременно неконтролируемый демографический рост и безработица вынуждают население всё активнее вести торговлю на улицах города. Преодоление конфликта – вопрос сложный, но требующий своего безотлагательного разрешения. Улицам и площадям города важно вернуть первоначальный облик, заявляют авторы публикации, а для этого необходимо добиваться неукоснительного соблюдения действующего законодательства о публичных сервитутах. И опять гражданско-правовая конструкция сервитутов находит непосредственный выход на социально важные проблемы благополучия населения, экологии, охраны окружающей среды и удовлетворения потребностей населения в рекреации.

Обращает на себя внимание анализ судебной практики по делам о сервитутах в западном штате США Колорадо, проведенный Натаном Осборном [23]. Помимо обычных или явных (ярко выраженных) сервитутов законодательство этого штата предусматривает возможность существования сервитутов подразумеваемых, которые не нужно оформлять письменно и фиксировать в публичных реестрах. Эти сервитуты основываются на поведении участников отношений, включая и предшествующих обладателей. Для признания сервитута подразумеваемым Верховный суд Колорадо исходит из трех необходимых условий: открытого и общеизвестного использования чужой земли (1) продолжительностью в 18 лет (2) в отсутствии очевидного разрешения (3). Иллюстрацией применения последнего

условия явилось дело Маралекса против Чемберлена. Маралекс был арендатором по договору аренды нефти и газа. Для доступа к скважинам арендатор использовал две дороги, расположенные на прилегающей территории. Когда между Маралексом и владельцем соседней недвижимости возникли разногласия, первый обратился с иском в суд о предоставлении сервитута. Апелляционный суд Колорадо постановил, что Маралекс не имеет права на подразумеваемый сервитут, поскольку использование недвижимости имело разрешительный характер. Владельцам соседнего участка были выданы ключи от ворот.

При всем своеобразии американской судебной практики, основанной на прецедентном праве, знакомство с ней представляет научный интерес. В частности, это касается построения более развернутой классификации сервитутов.

4. Перспективы конструкции сервитута для сохранения ландшафта, природы, экосистем и удовлетворения потребностей людей в отдыхе на свежем воздухе

Мы начали свой разговор о проблемах сервитутного права с анализа конкретного судебного дела, в рамках которого была предпринята попытка установления сервитута на землях, где созданы все условия для отдыха людей. На эти земли, предназначенные для отдыха и активного использования людьми, в благоустройство которых были вложены огромные деньги, собственник линейных объектов захотел установить право беспрепятственного прохода и проезда. Для данного конкретного случая сервитут оказался конструкцией, не подходящей и даже вредной для охраны природы и удовлетворения потребностей граждан в рекреации.

Однако возникает вопрос: а возможна ли позитивная роль сервитутов в сохранении природы, ландшафтов, экосистем, биоразнообразия и создания условий для отдыха людей на свежем воздухе?

Изучение зарубежной гражданско-правовой литературы и законодательства свидетельствует о том, что такие перспективные возможности у сервитутов есть, и они достаточно эффективно используются законодателями в странах мира.

Примером тому являются США, где Закон о едином сервитуте охраны (*UCEA*) был принят в 1981 г. Цель введения сервитутов охраны – улучшение управления объектами недвижимости с извлечением максимальной выгоды для сохранения природы и экосистем, в частности, сохранения живот-

ных в естественной среде обитания. Именно благодаря сервитутам в США не была потеряна из среды обитания восточная гремучая змея, черношапочный сурок, калифорнийская тигровая саламандра. В общей сложности в частных лесах было сохранено более 5600 видов животных, находящихся под угрозой исчезновения. Охранные сервитуты используются также для сохранения открытого пространства, предоставления возможностей для общественного образования и отдыха. По своей правовой сути данные сервитуты представляют собой юридические соглашения, подлежащие обязательной регистрации, по которым землевладельцы добровольно отказываются от определенных прав по использованию и развитию своей собственности и передают эти права владельцу сервитута [24]. Последний, как владелец траста, может быть квалифицированной некоммерческой организацией или правительствующим учреждением, на которое возложены полномочия поддерживать природоохранную ценность недвижимости, находящейся под этим сервитутом. Таким образом, на сегодняшний день природоохранные сервитуты нацелены главным образом на установление негативных ограничений для землевладельцев в общественных интересах. Однако в цивилистической литературе, в частности Сарой А. Браун, Робинотом М. Ротманом, Майклом А. Пауэллом, Соней Вильгельм Станис, аргументируется необходимость включения в содержание сервитутного права, помимо запретов и ограничений, позитивных оговорок [25]. Ученые доказывают, что чрезмерное использование негативных положений и ограничений хотя и упрощает правоприменение, но снижает эффективность управления ресурсами. На землевладельца, недвижимость которого обременена сервитутом, доказывают ученые, необходимо возлагать и позитивные обязательства, в частности, по применению определенных методов хозяйствования, которые важны для сохранения ценности заповедных земель. В качестве позитивной обязанности собственнику может быть вменено заниматься определенными видами деятельности, отсутствие которых представляет угрозу экологии объекта.

Поскольку заключение соглашений о сервитутах является добровольным, законодательное регулирование, считают авторы, должно стимулировать землевладельцев к установлению сервитутов. Причем не только сервитутов ограничительного характера, но и с включением позитивных обязательств.

Сервитуты, направленные на сохранение и восстановление природы на частных землях, их использование для публичного доступа и отдыха граждан рассматриваются сегодня в мире как одна из перспективнейших их разновидностей. Думается, что идея природоохранных сервитутов является плодотворной и для науки российского гражданского права, с тем чтобы увидеть их перспективные возможности для использования в модернизированном гражданском законодательстве нашей страны.

5. Выводы

Институты вещного права, включая институт сервитутов, не могут быть безразличны к социальным проблемам современности. Велика их роль в деле удовлетворения разнообразных потребностей граждан, включая рекреационные. Современная судебно-арбитражная практика по делам о сервитутах, доказывая эффективность правосудия, на деле защищает общественные интересы, не допуская формально-юридического использования конструкции сервитутов.

Зарубежная цивилистика также находится в активном поиске новых моделей вещно-правового регулирования с учетом социальной функции гражданского права. Ученые разрабатывают вопросы экономики сервитутного права, углубляясь в проблемы оценки недвижимости, обремененной сервитутом. В центре внимания многих публикаций находится вопрос размежевания сервитутов с иными видами ограниченных вещных прав. Идет активная разработка вопросов содержания учредительного акта об установлении сервитута, с тем чтобы был достигнут необходимый баланс интересов собственников служебной и господствующей недвижимости.

Однако из многих направлений научных разработок самым значимым, по мнению автора, является поиск возможностей гражданско-правового регулирования сервитутов для наиболее полного удовлетворения рекреационных потребностей людей, предполагающих сохранение ландшафтов, биоразнообразия, экосистем и публичный допуск граждан на частные территории с целью активного отдыха. Именно такие возможности открываются с помощью новой разновидности сервитутов, получивших название природоохранных или сервитутов сохранения. Опыт их регламентации и практики применения, считает автор, может быть плодотворно использован в России.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Анненков К. Н. Система русского гражданского права / К. Н. Анненков. – СПб. : Тип. М. М. Стасюлевича, 1899. – Т. 1 : Введение и Общая часть. – 672 с.
2. Васьковский Е. В. Учебник гражданского права / Е. В. Васьковский. – СПб. : Изд. юрид. кн. магазина Н. К. Мартынова, 1896. – Вып. II : Вещное право. – 190 с.
3. Мейер Д. И. Русское гражданское право : чтения Д. И. Мейера, изд. по зап. слушателей под ред. А. Вичина. – 3-е изд., испр. сообразно определениям новейшего законодательства. – СПб. : Н. Тиблен, 1864. – VI, 790 с.
4. Синайский В. И. Русское гражданское право / В. И. Синайский. – Киев, 1917. – Вып. 1 : Общая часть. Вещное право. Авторское право. – 568 с.
5. Победоносцев К. П. Курс гражданского права / К. П. Победоносцев. – М. : Статут, 2002. – Первая часть : Вотчинные права. – 800 с.
6. Шершеневич Г. Ф. Учебник русского гражданского права / Г. Ф. Шершеневич. – М. : Статут, 2005. – 461 с.
7. Горонович И. Исследование о сервитутах / И. Горонович. – СПб. : Тип. Правительствующего Сената, 1883. – 108 с.
8. Суханов Е. А. Вещное право : науч.-познават. очерк / Е. А. Суханов. – М. : Статут, 2017. – 560 с.
9. Белов В. А. Очерки вещного права : учеб. пособие для вузов / В. А. Белов. – М. : Юрайт, 2023. – 332 с.
10. Сеницын С. А. Общие положения о вещном праве : сравнит.-правовое исслед. / С. А. Сеницын. – М. : Инфотропик Медиа, 2019. – 276 с.
11. Емелькина И. А. Система ограниченных вещных прав на земельный участок : моногр. / И. А. Емелькина. – М. : Инфотропик Медиа, 2013. – 416 с.
12. Подшивалов Т. П. Иск о признании вещного права: трудные вопросы теории и практики : моногр. / Т. П. Подшивалов. – М. : Инфотропик Медиа, 2020. – 280 с.
13. Щенникова Л. В. Сервитуты в России: законодательство и судебная практика / Л. В. Щенникова // Законодательство. Право для бизнеса. – 2002. – № 4. – С. 34–40.
14. Щенникова Л. В. Готов ли институт сервитутного права к завершению своей модернизации? / Л. В. Щенникова // Законодательство. – 2019. – № 11. – С. 17–22.
15. Щенникова Л. В. Сервитуты: история и современная судебно-арбитражная практика / Л. В. Щенникова // Вестник Пермского университета. Юридические науки. – 2009. – № 2 (4). – С. 162–168.
16. Щенникова Л. В. Сервитутное право: особенности гражданско-правовой конструкции и практика арбитражного правосудия / Л. В. Щенникова // Арбитражное правосудие в России. – 2007. – № 2. – С. 64–72.
17. Šnajberg O. Valuation of Real Estate with Easement / O. Šnajberg // Procedia Economics and Finance. – 2015. – No. 25. – P. 420–427. – DOI: 10.1016/S2212-5671(15)00753-4.
18. Stopar I. Land valuation in case of easement: The case study in Slovenia / I. Stopar, M. Šubic Kovač // Geodetski Vestnik. – 2016. – Vol. 60, no.4. – P. 685–716. – DOI: 10.15292/geodetski-vestnik.2016.04.685-716.
19. Tek G. S. İrtifak Hakkına Bağlı Taşınmaz Yükü / G. S. Tek // İstanbul Hukuk Mecmuası. – 2019. – Vol. 77, no. 1. – P. 217–239. – DOI: 10.26650/mecmua.2019.77.1.0008.
20. Vlahna K. Protection of the right of real servitude according to local and international legislation and practice / K. Vlahna, H. Kuçi // Revista de Investigaciones Universidad del Quindío. – 2022. – Vol. 34, no. 1. – P. 319–329. – DOI: 10.33975/riuv.vol34n1.1011.
21. Dixon M. Playing A Round With Easements / M. Dixon // The Australian Law Journal. – 2019. – Vol. 93, no. 4. – P. 264–266.
22. Wahelwe C. B. Opportunities of Easement Areas in Lubumbashi, Resolving the Public-Private Conflict / C. B. Wahelwe, S. Yav N'Samb, L. Nsenda // Open Access Library Journal. – 2022. – Vol. 9. – Art. e9032. – DOI: 10.4236/oalib.1109032.
23. Osborn N. G. Implied Easements: The Complicated Cousin of the Express Easement / N. G. Osborn // The Colorado Lawyer. – 2014. – Vol. 43, no. 12 – P. 63–67.
24. Pidot J. Conservation Easement Reform: As Maine Goes Should The Nation Follow? / J. Pidot // Law and Contemporary Problems. – 2011. – Vol. 74, no. 4. – P. 1–27.

25. Brown S. A. Conservation Easements: A Tool for Preserving Wildlife Habitat on Private Lands / S. A. Brown, R. M. Rotman, M. A. Powell, S. A. Wilhelm Stanis // *Wildlife Society Bulletin*. – 2023. – Vol. 47, iss. 2. – Art. e1415. – DOI: 10.1002/wsb.1415.

REFERENCES

1. Annenkov K.N. *System of Russian civil law*. St. Petersburg, M.M. Stasyulevich's Publ., 1899. Vol. 1: Introduction and General part. 672 p. (In Russ.).
2. Vas'kovskii E.V. *Textbook of civil law*. St. Petersburg, N.K. Martynov's Legal Bookstore Publ., 1896. Iss. II: Property law. 190 p. (In Russ.).
3. Meier D.I. *Russian civil law*, Readings by D.I. Meier, published by the notes of listeners, ed. by A. Vitsin, 3rd ed., corrected according to the definitions of the latest legislation. St. Petersburg, N. Tiblen publ., 1864. VI + 790 p. (In Russ.).
4. Sinaiskii V.I. *Russian civil law*. Kyiv, 1917. Iss. 1: The general part. Property law. Copyright. 568 p. (In Russ.).
5. Pobedonostsev K.P. *Course of civil law*. Moscow, Statut Publ., 2002. The first part: Patrimonial rights. 800 p. (In Russ.).
6. Shershenevich G.F. *Textbook of Russian civil law*. Moscow, Statut Publ, 2005. 461 p. (In Russ.).
7. Goronovich I. *Research on easements*. St. Petersburg, Governing Senate Publ., 1883. 108 p. (In Russ.).
8. Sukhanov E.A. *Property law*, Scientific and educational essay. Moscow, Statut Publ., 2017. 560 p. (In Russ.).
9. Belov V. A. *Essays on property law*, Teaching aid for universities. Moscow, Yurait Publ., 2023. 332 p. (In Russ.).
10. Sinitsyn S.A. *General provisions on property law*, Comparative legal research. Moscow, Infotropik Media Publ., 2019. 276 p. (In Russ.).
11. Emel'kina I.A. *The system of limited property rights to a land plot*, Monograph. Moscow, Infotropik Media Publ., 2013. 416 p. (In Russ.).
12. Podshivalov T.P. *Claim for recognition of property rights: difficult questions of theory and practice*, Monograph. Moscow, Infotropik Media Publ., 2020. 280 p. (In Russ.).
13. Shchennikova L.V. Easements in Russia: legislation and judicial practice. *Zakonodatel'stvo. Pravo dlya biznesa*, 2002, no. 4, pp. 34–40. (In Russ.).
14. Shchennikova L.V. Easement and its modernization. *Zakonodatel'stvo*, 2019, no. 11, pp. 17–22. (In Russ.).
15. Schennikova L.V. Servitudes: the history and modern court and arbitration practice. *Vestnik Permskogo universiteta. Juridicheskie nauki = Perm University Herald. Juridical Sciences*, 2009, no. 2 (4), pp. 162–168. (In Russ.).
16. Shchennikova L.V. Servitude law: features of civil law construction and practice of arbitration justice. *Arbitrazhnoe pravosudie v Rossii*, 2007, no. 2, pp. 64–72. (In Russ.).
17. Šnajberg O. Valuation of Real Estate with Easement. *Procedia Economics and Finance*, 2015, no. 25, pp. 420–427. DOI: 10.1016/S2212-5671(15)00753-4.
18. Stopar I., Šubic Kovač M. Land valuation in case of easement: The case study in Slovenia. *Geodetski Vestnik*, 2016, vol. 60, no. 4, pp. 685–716. DOI: 10.15292/geodetski-vestnik.2016.04.685-716.
19. Tek G.S. Real Burden Linked with an Easement. *İstanbul Hukuk Mecmuası*, 2019, vol. 77, no. 1, pp. 217–239. DOI: 10.26650/mecmua.2019.77.1.0008. (In Turkish).
20. Vlahna K., Kuçi H. Protection of the right of real servitude according to local and international legislation and practice. *Revista de Investigaciones Universidad del Quindío*, 2022, vol. 34, no. 1, pp. 319–329. DOI: 10.33975/riuq.vol34n1.1011.
21. Dixon M. Playing A Round With Easements. *The Australian Law Journal*, 2019, vol. 93, no. 4, pp. 264–266.
22. Wahelwe C.B., Yav N'Samb S., Nsenda L. Opportunities of Easement Areas in Lubumbashi, Resolving the Public-Private Conflict. *Open Access Library Journal*, 2022, vol. 9, art. e9032. DOI: 10.4236/oalib.1109032.
23. Osborn N.G. Implied Easements: The Complicated Cousin of the Express Easement. *The Colorado Lawyer*, 2014, vol. 43, no. 12, pp. 63–67.
24. Pidot J. Conservation Easement Reform: As Maine Goes Should The Nation Follow?. *Law and Contemporary Problems*, 2011, vol. 74, no. 4, pp. 1–27.
25. Brown S.A., Rotman R.M., Powell M.A., Wilhelm Stanis S.A. Conservation Easements: A Tool for Preserving Wildlife Habitat on Private Lands. *Wildlife Society Bulletin*, 2023, vol. 47, iss. 2, art. e1415. DOI: 10.1002/wsb.1415.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Щенникова Лариса Владимировна – доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист Кубани, Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации, заведующий кафедрой гражданского права *Кубанский государственный университет* 350040, Россия, г. Краснодар, ул. Ставропольская, 149
E-mail: civil_law40277@mail.ru
ORCID: 0000-0002-1972-2287
ResearcherID: H-3447-2016

BIBLIOGRAPHIC DESCRIPTION

Щенникова Л.В. Сервитуты: правоприменение и перспективы гражданско-правового регулирования / Л.В. Щенникова // *Правоприменение*. – 2024. – Т. 8, № 3. – С. 152–161. – DOI: 10.52468/2542-1514.2024.8(3).152-161.

INFORMATION ABOUT AUTHOR

Larisa V. Schennikova – Doctor of Law, Professor, Honoured Lawyer of Kuban, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation; Head, Department of Civil Law *Kuban State University* 149, Stavropol'skaya ul., Krasnodar, 350040, Russia
E-mail: civil_law40277@mail.ru
ORCID: 0000-0002-1972-2287
ResearcherID: H-3447-2016

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Schennikova L.V. Easements: law enforcement and prospects of civil law regulation. *Pravoprimerenie = Law Enforcement Review*, 2024, vol. 8, no. 3, pp. 152–161. DOI: 10.52468/2542-1514.2024.8(3).152-161. (In Russ.).

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

AUTHOR GUIDELINES

1. Требования к содержанию публикации

Представляемые в журнал статьи должны излагать новые, еще не опубликованные результаты гуманитарных исследований по направлению «Юриспруденция», соответствующие тематике разделов журнала.

К публикации помимо оригинальных статей, отражающих результаты научных исследований, направленных на изучение закономерностей правоприменительной деятельности в различных сферах, принимаются также комментарии законодательства, лекции, рецензии, обзоры литературы, а также научных мероприятий, затрагивающие вопросы применения широкого спектра правовых норм.

Главная тема статьи не должна быть опубликована в других изданиях. В исключительных случаях по решению редакционной коллегии могут публиковаться ранее опубликованные результаты исследований, имеющих наибольшую значимость, с обязательным указанием источника первоначальной публикации.

В случае, если статья подготовлена коллективом авторов, то в его состав должны входить только те авторы, которые внесли значительный вклад в данное исследование. Авторы должны соблюдать правила цитирования, а также иные требования этики научных публикаций (COPE), гарантировать подлинность и корректность приводимых данных.

2. Требования к предоставляемым документам

Автор предоставляет:

1) Реферат статьи объемом около 3 тыс. знаков на английском языке, подготовленный носителем языка либо профессиональным переводчиком. Реферат должен включать предмет исследования, цель статьи (в виде подтверждения или опровержения научной гипотезы), описание методов и методологии исследования, информацию об основных научных результатах, выводы о достижении цели исследования. Реферат на русском языке не публикуется. Реферат предоставляется в том же файле, что и текст статьи.

2) Текст статьи. **Статья в обязательном порядке должна быть структурирована, каждый раздел статьи – поименован. В обязательном введении должна быть отражена постановка проблемы, ее актуальность, краткий обзор опубликованной по данной тематике научной литературы. В заключении – выводы о разрешении поставленной научной проблемы.** В оригинальной научной статье необходимо упоминание не менее 25 источников, имеющих автора, в научном обзоре – не менее 50–80. В том числе рекомендуется использовать не менее 5 источников, индексируемых в Web of Science или Scopus. Самоцитирование автора допускается не более 20 % от количества источников в списке. После извещения о принятии статьи к публикации автору предлагается предоставить ее перевод на английский язык, подготовленный носителем языка либо профессиональным переводчиком.

Объем статьи должен составлять не менее 30 тыс. и не более 40 тыс. знаков (подсчет с пробелами) с учетом сведений об авторе, аннотации, англоязычной версии реферата, сносок, таблиц и рисунков.

Объем информационных заметок и рецензий составляет не более 10 тыс. знаков.

Приоритетная форма представления статей: посредством заполнения формы на сайте журнала <https://enforcement.omsu.ru>. Статьи и другие материалы для публикации также могут быть направлены в электронном виде по e-mail: omsk.ler@gmail.com, либо направлены почтой по адресу редакции: 644065, Россия, Омская область, г. Омск, ул. 50 лет Профсоюзов, д. 100/1, каб. 311, А.Н. Костюкову.

3. Требования к оформлению статьи

Статья оформляется в соответствии со следующими требованиями:

1) Индекс УДК располагается в левом верхнем углу страницы, ниже по центру прописными буквами указывается название статьи, на следующей строке строчными буквами указываются инициалы и фамилия автора, а также организация, которую он представляет.

2) Со следующей строки с выравниванием по ширине страницы дается аннотация (не менее 800 знаков) и ключевые слова (8–10), выделенные курсивом. Ниже размещается текст на английском языке в том же оформлении, что и на русском: инициалы и фамилия автора, сведения о нем, название статьи, реферат около 2 тыс. знаков (на англ. яз.) и ключевые слова. Текст статьи начинается на этой же странице. Сведения о поддержке исследования грантом размещаются в сноске, привязанной к заголовку статьи. В статье в обязательном порядке выделяются разделы, каждый раздел должен быть поименован.

3) В конце статьи приводятся данные об авторе: фамилия, имя, отчество, ученая степень, ученое звание, почетные звания (при наличии), должность, место работы (полное и краткое название организации, адрес с

почтовым индексом), электронный адрес автора, контактные телефоны, SPIN-код в системе ScienceIndex, ORCID, ResearcherID (при наличии).

4) Таблицы располагаются после первого упоминания о них в тексте. Нумерация таблиц и рисунков сквозная по статье.

5) Рисунки располагаются после первого упоминания о них в тексте и могут выполняться следующим образом:

- во встроенном графическом редакторе MS Word;
- в графических редакторах (Adobe Photoshop, CorelDraw и т. п.);
- в векторном графическом редакторе Microsoft Visio и т. п.

4. Требования к оформлению ссылок

– В конце статьи должен помещаться список литературы (с целью определения рейтинга цитируемости). Публикации в нем оформляются в соответствии с ГОСТ 7.1-2003. **Список составляется в порядке упоминания работ в тексте статьи. Каждая работа имеет только один порядковый номер, в случае неоднократной ссылки на нее в тексте указывается каждый раз только этот номер.** В списке литературы название работы дается только один раз, в нем не допускаются указания «там же», «его же», «цит. по:» и т. п.

В случае, если источник имеет DOI, его указание обязательно.

– В тексте следует ссылаться следующим образом: в квадратных скобках ставится номер в порядке упоминания источника в тексте статьи с указанием страниц – [1, с. 34], (см., напр.: [2, с. 56]), (цит. по: [6, с. 88]), в случае ссылки на несколько номеров – [1, с. 55; 2, с. 346; 3, с. 78]. Если имеется в виду ссылка на работу в целом, то в тексте страницы допустимо не указывать. В списке литературы для статей обязательно приводятся первая и последняя страницы в журнале или в сборнике статей, для монографий указывается общее количество страниц.

– **Ссылки на нормативные акты** (включая законы, изданные отдельными брошюрами, конституции), архивные документы, рукописи, справочники, публикации из Интернета, газеты, иные источники, не имеющие авторства, на разного рода пояснения автора и т. п. оформляются в виде обычных постраничных сносок и **в список литературы не включаются.** При оформлении ссылок на газету необходимо указывать год, день и месяц ее выхода.

– Составленный по правилам список литературы должен иметь англоязычную версию, которая оформляется следующим образом: заголовки книг, статей, на которые дается ссылка, переводятся на английский язык, а названия журналов, сборников статей, на статьи из которых дается ссылка, – транслитерируются (стандарт BSI). Если журнал имеет официальное англоязычное название, оно указывается после транслитерированного через знак «=».

В качестве **образца** оформления списка рекомендуется использовать списки в статьях журнала, доступных по электронному адресу: enforcement.omsu.ru.

5. Процедура и условия публикации

Плата с авторов за публикацию не взимается. Гонорар за публикуемые материалы не выплачивается.

Статьи регистрируются редакцией. После регистрации поступившей рукописи определяется степень ее соответствия тематике журнала. Рукопись, не соответствующая тематике либо Правилам для авторов, отклоняется с извещением автора. Соответствующая тематике работа решением главного редактора или его заместителей направляется на анонимное рецензирование в соответствии с [Правилами рецензирования](#).

Датой принятия статьи в журнал считается день получения редакцией текста статьи (доработанного текста – в случае его доработки в соответствии с замечаниями рецензентов).

Отправляя рукопись в журнал, авторы принимают на себя обязательства отвечать на замечания рецензентов и вносить предлагаемые изменения, основанные на этих замечаниях. В спорных случаях, в том числе конфликта интересов, они могут обратиться в редакцию журнала с мотивированными возражениями или снять статью с публикации.

Автор статьи обязан соблюдать международные принципы научной публикационной этики (COPE). Редакция оставляет за собой право проверять текст статьи с помощью системы «Антиплагиат». В случае нарушения требований публикационной этики статьи, вышедшие в журнале, могут быть ретрагированы по инициативе редакции либо автора.

В издательской деятельности журнал руководствуется Гражданским кодексом Российской Федерации, гл. 70 «Авторское право», а также условиями лицензии [Creative Commons Attribution License](#).

Индексирование и присутствие журнала в базах данных

- Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук, утв. Минобрнауки России (<https://vak.minobrnauki.gov.ru/uploader/loader?type=19&name=91107547002&f=17883>).
Журнал имеет категорию K2 и согласно информационному письму Высшей аттестационной комиссии при Минобрнауки России от 6 декабря 2022 № 02-1198 приравнивается к изданиям категории K1
- Web of Science™ Core Collection: Emerging Sources Citation Index™ – международная база данных научных журналов (<https://mjl.clarivate.com/>)
- Международная база научных статей и их метаданных (<https://www.crossref.org/>)
- Российский индекс научного цитирования (РИНЦ):
Научная электронная библиотека eLIBRARY.RU (<http://elibrary.ru/>)
- AcademicKeys.com – межуниверситетская база поиска научных журналов в соответствии с профессиональной деятельностью (<http://www.academickeys.com/>)
- Open Archives – международная база данных (<http://www.openarchives.org/>)
- ResearchBib – международная мультидисциплинарная база данных научных журналов (<https://www.researchbib.com/>)
- Ulrich's Periodicals Directory – международная база данных периодических изданий (<http://ulrichsweb.serialssolutions.com/>)
- КиберЛенинка – научная электронная библиотека (<https://cyberleninka.ru/>)
- Google Scholar (Академия Google) – международная система поиска научных публикаций (<https://scholar.google.com/>)
- Bielefeld Academic Search Engine международная система поиска научной информации (<http://www.base-search.net>)